С32

Надежда Серебренникова

ДЕТИ НЕ ПОМЕХА

Реальный роман

«Дети не помеха» — вторая книга Надежды Серебренниковой. Автор продолжила основную сюжетную линию своего сказочного романа «Родиться вопреки».

Лера повзрослела, став матерью, но будет ли все гладко в ее жизни? Ведь покой — это не про нее. Остаться одной с детьми — так ли это страшно? Можно ли женщину с детьми назвать одинокой? Стоит ли упрямо верить в личное счастье, когда у тебя двое малышей? И можно ли найти счастье в себе самой и в том, что тебя окружает, невзирая ни на какие трудности?

Роман «Дети не помеха» отвечает на многие вопросы своей почти невыдуманной историей.

Это — уже не сказка, а реальная жизнь: с удачами и фиаско, крутыми поворотами судьбы и чудесами на ее виражах.

Посвящается самой лучшей в мире бабушке
и самому терпеливому в мире мужу

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Когда я родилась, была сильная гроза. Гром гремел так, что в окнах дрожали стекла.

— Говорят, в грозу рождаются гениальные люди, — сказал маме высокий доктор в голубой шапочке, когда меня положили ей на живот.

Ух ты, как здорово! Я почувствовала такое нестерпимое счастье, что оросила маму теплой водичкой.

— Ой, она что, писает на меня? — удивилась она.

— Именно это она и делает, — по-доброму засмеялся врач.

Мам, не сердись! Это я от радости! Просто, когда я была невидимой душой маленькой девочки, я всегда мечтала стать знаменитой певицей. А еще — танцевать на сцене. Значит, все получится? Ура!

Помню, мои подружки — такие же души, как я, — говорили, что для того, чтобы стать известной, мне непременно надо родиться красивой и с длинными ногами. И еще они рассказывали, что девочка должна быть счастливой, если будет похожей на отца. И я тогда загадала: найду себе именно такого.

Доктор с серебристыми волосами, которые торчали из-под шапочки, выглядел как старый добрый волшебник. Может быть, поэтому я так сразу поверила его словам про гениальную грозу? Подождите-подождите... А где же мой папа? Тот, кого я выбрала давным-давно и все ждала подходящего случая. Сначала у меня ничего не получалось, а потом меня опередила душа одного мальчишки. Хитрец оказался редкостный! Ну, теперь-то я ни в чем не уступлю своему братцу!

Пока мои мысли перескакивали с одной на другую, меня так туго закутали, что я стала похожей на кокон бабочки. Что за ерунда? Возмущению моему не было предела. Я, которая всегда любила попроказничать и пнуть свою маму ногой в живот так, что та ойкала от неожиданности, теперь не могу пошевелить и пальцем! Что за порядки тут у вас? Па-а-а-па-а-а-а-а! Па-а-ама-а-а-аги-и-и-и!

— Ничего себе голосочек... Не иначе мы с тобой оперную певицу родили, — произнесла мама.

Я, услышав это, продолжила свою громкую новорожденную арию:

— ПА-А-А-А-А-ПА-А-А-А!

И он пришел. Это был точно он! Наклонившись почти к самому моему лицу, папа смотрел на меня своими проницательными серыми глазами. Пап, я хочу точно такие же! И ноги, непременно длинные и стройные, как у тебя. Правда, теперь, лежа на спине, я уже их не вижу, потому что могу смотреть только наверх. Как же это невыносимо! И я снова разрыдалась.

— Ты гляди, какие она огромные пузыри умеет изо рта пускать! — восхитился мой папа, обращаясь к маме. — Научишь меня потом, доча? — спросил он у меня.

— А ты меня, пап, мыльные! Они мне всегда так нравились!

— Ну что, Олег, ты счастлив? Несмотря на то, что не сын, а дочка? — сказала папе мама.

— Спрашиваешь... — счастливо вздохнул он и легонько дотронулся до моего лица. Ощущение было такое родное и теплое, что я поняла, что сделала правильный выбор.

По нашим правилам, души девочек сначала выбирают папу, а потом уже маму. А мальчики — наоборот. У нас вообще много всяких правил, и лучше их не нарушать. Мы отправляемся искать мужчин и женщин, между которыми есть настоящие чувства, или пытаемся помочь им найти того, с кем они возникнут. Идеально, если зачатие произойдет в момент, когда они особенно сильные: именно тогда возникает энергетическая воронка, в которую попадает детская душа.

Нам нельзя ошибиться в выборе. Если мама примет решение не в пользу будущего ребенка, его душу на два года лишают возможности выбирать себе новых родителей и у него больше не будет шанса вернуться к той же маме. Но мой брат как-то умудрился нарушить все наши правила, и, пока я настраивалась на светлое будущее, с удивлением узнала, что мое место уже занято. Однако, пока мы еще души, у нас есть время ждать, а я не хотела для себя других родителей, осталась рядом с ними, улучила нужный момент, и вот я здесь!

Теперь у меня уже нет номера, который присваивается каждой душе. Нет его и у моего брата. Мы были знакомы с ним еще давно, когда я была Д-15012002 и только присматривалась к своей маме, — такой номер присвоили всем девочкам, отправившимся на поиски родителей 15 января 2002 года.

М-04041999 выбрал мамой ту же девушку, что и я. Ее звали Валерия. Лера. Я выбрала ее потому, что ее любил папа, а мой будущий брат любил ее сам по себе. Наверное, нам следовало договориться родиться двойней, но мы этого не сделали, и мне пришлось ждать ровно два года, прежде чем появиться на свет. Но что эти два года по сравнению с вечностью, которая дана душе?.. Вот с сегодняшнего дня пошел уже обратный отсчет, ведь я теперь человек. Обычный гениальный человек.

***

Когда я родилась, моя душа окончательно соединилась с телом, а до этого я была свободна как ветер и могла летать, куда хочу. Я всегда была непоседой, как моя мама, и у меня всегда была куча подружек, с которыми мы все время сплетничали, танцевали и веселились. Может быть, из-за такого своего характера я и упустила нужный момент...

Отлично помню свои чувства, когда узнала, что мама беременна и беременна не мной. Я так рассердилась, что даже расплакалась... Я никак не могла понять, как такое могло произойти, ведь я и только я должна была стать ее ребенком! Когда мы выбираем маму, мы отправляем информацию о ней в Небесную

канцелярию и, по нашим правилам, остальные души уже не могут встать на пути той, что сделала этот выбор. Сначала я не хотела ни с кем разговаривать, а потом полетела искать маминого ангела-хранителя, чтобы он мне объяснил, почему так вышло, что ничего не вышло.

Ангелом моей мамы оказалась удивительно похожая на нее девушка с рыжими волосами, только очень длинными. Аккуратно расчесанные, они спадали с плеч и выглядели, как волны. Она посадила меня на колени и одним крылом закрыла от ветра, который в тот день был особенно сильным. От нее очень нежно пахло какими-то цветами.

— А ты знаешь, что мы с твоей мамой — тезки? — вдруг сказала мне ангел, когда я ей поплакалась. — Когда ее мама — она тоже моя подопечная — была совсем немножко беременна, я пришла к ней во сне и попросила назвать дочку моим именем, пообещав взамен, что после рождения ребенка у нее проснется поэтический дар. И я сдержала свое обещание: дар проснулся так активно, что теперь никак не может заснуть, — засмеялась она. — Мне подумалось, что если у девочки будет имя ангела-хранителя, это оградит ее от многих ошибок. Я уже тогда знала, что ей это очень пригодится... Так расскажи мне, малышка, почему ты выбрала именно Леру? Что тебе в ней так понравилось? Может, лучше было помочь найти твоему папе другую девушку?

— Не знаю, мне кажется, мы с ней похожи по характеру, да и папа ее очень любит...

— Да, любит... — Валерия сделала паузу, — Но я, честно говоря, не вижу у них будущего. Лера так запуталась, что давно свернула со своего пути, и отчасти в этом виноват твой будущий брат. Мне остается только ограждать ее от новых ошибок, а дорогу она выбирает себе сама. Увы, Олег, которого ты так любишь, — не самая лучшая партия для нее, они слишком разные. Но я не могла допустить, чтобы Валерия снова испугалась родить ребенка, а раз Олег сам захотел стать ее опорой — прекрасно! Лере просто необходимо было стать матерью, ведь если она снова избежала бы этого, с ней в ближайшее вре-

мя мог бы произойти несчастный случай, ибо нельзя убегать от своей судьбы с такой регулярностью... Так значит, малышка, ты уверена, что хочешь быть ребенком именно этих родителей? Заранее понимая, что вероятность того, что они останутся вместе — очень мала?

— А они точно расстанутся? И, когда это произойдет, я больше не буду видеть своего папу?

— Это уже зависит не от меня, а от них.

Я не знала, что сказать. Искать другого папу? Попробовать, конечно, можно, но вдруг я уже не найду такого же красивого и доброго?.. Красивые далеко не всегда добрые и еще реже ответственные. Да и не хочется мне больше никого искать! И я ответила:

— Да, я готова рискнуть.

— Ты смелая девочка. Как и твой брат, который взял и пошел наперекор всему и вся.

— Он всех перехитрил, всех! — почти крикнула я, сама испугавшись звонкости своего голоса. — И я не знаю, что мне теперь делать... — эти слова я произнесла гораздо тише.

— Ничего не делать. Просто подождать. Всего каких-то девять месяцев. Это ведь не так долго по сравнению с вечностью, да? — она погладила меня по голове.

Мне очень сильно захотелось узнать, какой она меня видит, и она словно почувствовала мое желание:

— Я уже вижу тебя такой, какой ты станешь лет через семь: сероглазой, светловолосой и очень умной девочкой, похожей одновременно на всех: и на маму, и на папу, и даже на свою поэтическую бабушку, — улыбнулась она. — Знаешь, я ведь видела, как родилась твоя будущая мама. Ее мама тоже боялась рожать ребенка, и только тот мой сон помог ей решиться. Может быть, поэтому их отношения не всегда ладятся. Дети внутри мамы все чувствуют. А их души — еще и видят и слышат. Ну, да ты сама об этом прекрасно знаешь.

— Даже не верится, что вы старше Лериной мамы! — не сдержалась я. — Вы такая молодая!

Валерия снова рассмеялась. Она определенно была похожа на Леру, даже такая же хохотушка.

— О том, сколько мне лет, совершенно нельзя судить по моей внешности. Мы выбираем ее сами, — ответила она. — Был один ангел, с которым мы были дружны, его звали Элиас. Несколько лет назад его отстранили от дел и теперь он живет среди людей. Он менял себе внешность каждые сто лет, и первое время никто не мог его узнать, — Валерия будто о чем-то вспомнила и в разговоре возникла пауза. — Очень рассеянный был ангел... Удивительно, что его не отстранили раньше. Продержался так долго исключительно за счет своих помощников. Ими как раз становились души детей, от которых отказались их мамы. Кстати, самым последним его помощником был твой будущий брат.

— Что, от него когда-то отказалась его мама?

— А... Так ты ничего не знаешь... Лера могла стать его мамой еще несколько лет назад, но не решилась, и с тех пор стать ее сыном стало его навязчивой идеей, — мечтой, за упрямое стремление к которой его нельзя не уважать. На всех заданиях, что давал ему Элиас, он почему-то встречал Леру. Сейчас я думаю, было ли это случайностью или судьбой?.. Это уникальный случай — чтобы душа нерожденного ребенка вернулась к своей матери! Я узнала об этом совсем недавно. И теперь ни в коем случае нельзя допустить, чтобы этот мальчик снова страдал. Единственное «но», которое я вижу в том, что он попрал все правила, это то, что Лере будет очень непросто. Ведь Олег — ему не отец.

— Не отец? То есть как? — я была в шоке. — А кто тогда? Кто его отец?

— Другой человек, который уже никогда не будет с ней рядом. Твой брат решил родиться слишком поздно, когда они уже разрушили все, что было между ними. Но, к сожалению, Лера будет еще долго биться головой в эту закрытую дверь...

— И мой папа теперь станет его?

— Не переживай, он станет и твоим. А для него он станет ИО папы. Это значит — исполняющим обязанности. Но насколько долго — будет зависеть от всех вас, в том числе и от тебя.

— Валерия, если вам будет нужна помощь — можете обращаться ко мне, ведь, получается, в ближайший год мне будет совершенно нечем заняться, — мне не хотелось так быстро расставаться с ней. Я никогда не была помощником ангела. Наверное, это ужасно интересно!

— Да ты моя хорошая, — растрогалась она. — Спасибо за предложение, но я справляюсь сама. А что касается Леры... может, даже хорошо, если ты станешь именно ее дочкой. С такой неуемной натурой, ей, конечно, будет непросто с двумя детьми, но это сделает ее ответственнее и мудрее. Так что, как говорится, держи руку на пульсе. А я позабочусь о том, чтобы тебя больше никто опередил.

— Спасибо! — и как ей удалось так быстро и легко меня утешить? Узнать о том, что совместное будущее папы и мамы под большим вопросом, мне было очень грустно, но я решила надеяться на лучшее. И если что-то правда будет зависеть от меня, я сделаю все возможное, чтобы они были вместе. Раз мой брат смог столько преодолеть, смогу и я.

***

С того дня я решила больше времени проводить с моей будущей семьей. Я видела, как рос мамин живот, иногда летала вместе с ней к врачу, представляя, что внутри живота — уже я. Душа моего брата не знала о том, что я рядом, потому что я всегда включала «режим невидимки» — это когда становишься невидимой даже для таких, как ты. Я была очень обижена на него и не хотела общаться.

Когда мой папа узнал, что у мамы родится мальчик, он был очень расстроен, потому что хотел собственного сына и даже придумал для него имя — Григорий. Теперь, когда я знала правду, я понимала, отчего он стал таким мрачным и целую неделю почти не разговаривал с мамой. Возвращаясь темным зимним вечером домой с работы, он всегда покупал себе темно-зеленую стеклянную бутылку и пил из нее, сидя на лавочке в парке и о чем-то напряженно думая. Он как будто не хотел идти домой. Я

не могла слышать его мысли — это происходит лишь тогда, когда мы обретаем плоть внутри мамы, — но чувствовала, что ему очень плохо. Однако моему будущему отцу удалось справиться с эмоциями, не зря же он целых пять лет учился на психолога! Правда, потом он решил сменить профессию и пошел учиться на программиста, но из-за этого я еще больше им гордилась.

Я подумала, что, наверное, отнюдь не каждый мужчина способен на такой поступок — принять чужого ребенка, как своего. Значит, чувства его к Лере — настоящие, и я не ошиблась, выбрав их своими родителями.

Моего брата назвали Георгием. Так решил мой папа: это имя напоминало ему то, что он выбрал для своего сына. Прости, пап, что из-за меня у тебя не получится воплотить свою мечту в жизнь. Для меня вам с мамой придется подобрать какое-нибудь женское имя.

Во время родов Лере было очень тяжело. Мой будущий братец получился весьма упитанным, да еще и ленивым, и никак не хотел появляться на свет самостоятельно. Лере уже хотели делать кесарево сечение, но я решила вмешаться и помогла ему родиться. Помогла, потому что знала, что вскоре маме снова придется оказаться здесь, и я не хотела, чтобы у нее были проблемы. В общем, я заботилась и о себе тоже. Тогда я впервые заговорила с его душой и решила больше не дуться на него. Если подумать, роль младшей сестры меня вполне устраивала. Пусть защищает!

На следующий день Лера жаловалась по телефону своей бабушке, что жила в другом городе:

— Бабуль, мне так нравится имя Федя, а Олег хочет назвать Георгием.

— Ребенка должен назвать отец, — отрезала та. — Георгий — отличное имя, а Федя... это же... Федор! Когда я была маленькой, у нас так конюха звали, а я его не любила.

И мама послушалась. Она понимала, что Олегу важно хотя бы дать ребенку имя, раз уж не удалось поучаствовать в его создании, и она не стала настаивать на своем варианте. Да и к тому же Лера всегда прислушивалась к мнению бабушки.

Вскоре я узнала, какую огромную помощь оказала не только своему брату, подтолкнув его к заветному свету в конце тоннеля, но и родителям. Появившись на свет ровно в ноль часов ноль минут 27 мая 2003 года, он стал первым ребенком, родившимся в день трехсотлетия Санкт-Петербурга, и, благодаря этому, наша семья получила двухкомнатную квартиру. Вот это да! Ай да я! Ну, попробуй теперь мне потом сказать, что это только твоя комната. Поделим по-братски!

Так я начала наблюдать, как Георгий, которого наши родители чаще называли Гошей, из младенца превращался в упитанного крепыша. Он был довольно спокойным ребенком и первое время после возвращения из родильного дома очень много спал. Моя мама, привыкшая к мобильной жизни, с трудом адаптировалась к новой ситуации, когда большую часть времени ей приходилось проводить дома. Через две недели она купила в магазине детских товаров сумку-переноску, положила в нее моего брата и пошла навестить своих коллег в редакции, по дороге купив бутылку шампанского, чтобы символически отметить случившееся с ней событие.

Главный редактор тут же позвал несколько человек в свой кабинет и открыл бутылку.

— Поздравляем молодую маму! — чокнулись бокалами коллеги. — Ну, как ребенок? Какой он? На кого похож? — любопытная журналистская братия требовала подробностей.

— Да вот же он лежит, смотрите сами, — Лера, смеясь, показала на сумку, лежащую на редакторском столе, где мой братец продолжал мирно спать. — Куда я теперь без него!..

***

Еще будучи беременной, мама начала вести дневник, куда записывала, что чувствовала, когда малыш начал шевелиться, как они с папой придумывали ему имя, описывала свои сны о нем... Теперь, когда мой брат оказался снаружи, информации значительно прибавилось. Например, мама записала, как он чихал. Это в самом деле было очень смешно. Чихнув, Георгий изда-

вал младенческий вздох такого счастливого облегчения, что мама всегда хохотала, тут же хватая видеокамеру. Но во второй раз Гоша чихать упорно отказывался, поэтому увековечить этот забавный звук маме так и не удалось.

Она обводила его пальчики на руках и ногах, а рядом писала дату и комментарий, например: «10.02.2004. Обводила одна, никто не помогал. Гошка ныл и отбирал руку». Или — «Началась вторая весна в твоей жизни. Первую ты жил на свете всего пять дней и был новорожденным крохой. А недавно родились еще две крошки у моих подруг Нади и Наташи — у каждой по девочке. Может, и у тебя когда-нибудь будет сестренка, хотя папа твой хочет еще одного мальчика». Прочтя это, я довольно хмыкнула. Ну, мало ли, что он хочет, мамы, они всегда лучше чувствуют...

Иногда в дневнике внезапно встречались записи Лериной мамы: «Гошеньке девять месяцев. Он сегодня впервые поцеловал меня в щеку — в церкви, после причастия. Потом мы пошли в православную школу отметить Масленицу. Сосал блин. Понравилось». Моя будущая бабушка часто ходила причащать его после крещения. О том, что ребенка надо непременно крестить, она говорила с самого начала. Именно крестины и стали причиной первого серьезного раздора между Олегом и Лерой.

— Я против того, чтобы крестить ребенка. Парень должен решить это сам, когда вырастет, — заявил Олег.

— Раньше детей крестили, как только они появились на свет. Нашему уже полгода, и он до сих пор некрещеный! — поддержала Лера свою маму.

— Пусть остается некрещеным и дальше, — категорично сказал мой папа.

— Я с тобой не согласна. Мне будет спокойнее, если у него будет ангел-хранитель и крестик на шее.

— Не боишься, что крестик может его задушить?

— Сделаем веревочку нормальной длины, и все будет в порядке.

— Лера, я тебе свое мнение сказал.

— А я тебе — свое.

— Ну, конечно, ребенок ведь твой... Что тебе мое мнение.

Я видела, как Лере стало обидно от его слов.

— Значит, мой... Ну, ладно.

Я знала, что моя мама очень упрямая и если что задумала — обязательно сделает. Я видела, что ей тяжело и она понимает, что должна пойти на компромисс, но от обиды решила пойти на принцип.

Крестины состоялись. Мой отец на них не пришел. Я видела, как он бродил по району с бутылкой в руке. Мне очень хотелось его утешить, хоть мне и казалось, что он не прав. Пап, а я тоже хочу, чтобы меня крестили в церкви. Там так красиво, тепло, горят свечи и все так красиво поют!

Крестильным именем младенца Георгия стало Федор. Теперь у Георгия-Федора появились крестный отец — Владимир и крестная мать — Надежда, и у него стало сразу целых четверо родителей, а если учесть того, кого я никогда не видела, получается даже пять! А у меня пока только два, и то... чисто гипотетических. И они продолжали ссориться.

Поводом для новой ссоры явилось то, что Олег отвлекся, держа Георгия на коленях, и ребенок упал и ударился. Мама была возмущена тем, что, по ее мнению, моего папу этот факт совсем не расстроил. Она очень испугалась и не могла контролировать свои эмоции:

— Олег, черт побери, он кричит, а тебе как будто все равно! Нет, я, конечно, понимаю, что, может быть, так оно и есть, но ты хотя бы вид бы сделал...

— А почему я должен делать вид? Я же его поднял, разве этого недостаточно?

— По идее, достаточно, но... от тебя тепла нет. Ты делаешь все будто механически. Ребенок не может этого не чувствовать, вот и продолжает кричать.

Олег молча надел куртку и вышел на улицу.

— Гошка, ну зачем я ему это сказала? Кто меня тянул за мой длинный язык?.. Ему ведь и так непросто. Если бы ты знал, как мне иной раз тяжело! Меня уже буквально замучили вопросами:

на кого ребенок похож? На тебя — нет, на мужа — тоже. Ну почему ты родился настолько на него похожим? Как специально...

Георгий молча смотрел на нее и как будто отвечал что-то взглядом.

— Ага, понятно, значит, так и есть, — грустно усмехнулась она. — Продумал, жук, все заранее. И что мне теперь делать?..

Ребенок в ответ захныкал, будто говорил, что делать. Не умея переводить с детского на взрослый, Лера решила, что он просто хочет есть и закрыла ему рот правой грудью.

Олег вернулся часа через два, когда все уже спали. От него пахло той самой жидкостью, которую он пил в парке, только гораздо сильнее. Из кармана куртки торчала та самая темно-зеленая бутылка.

— Сколько ты уже выпил пива? — Лера встала с кровати.

Он сделал жест рукой, означающий «много». Она заметила бутылку:

— И останавливаться на этом не собираешься?

— Не собираюсь, — голос его заплетался. Он сел на диван и открыл новую бутылку. Крышка, звякнув, отлетела в сторону.

— Ну, и к чему мы так придем?

— Не знаю... Мне уже почти все равно. Я вижу, ты не собираешься рожать мне ребенка. Я жду, жду, а ты продолжаешь пить эти свои таблетки.

— Погоди... Разве мы хотели одного за другим, безо всякого перерыва?

— А разве нет?

— Я впервые об этом слышу.

— Я думал, это и так понятно.

— Мне — нет. Я предпочитаю, когда обо всем говорят вслух. Я не против родить еще ребенка, но организм, я уверена, должен хоть немного отдохнуть. Конечно, в старину рожали каждый год, но мы живем немного в другое время.

— Мне нужен ребенок. Без него у меня нет цели в жизни.

— А уверен, что с ним цель появится?

— Думаю, да, — пьяным голосом ответил он. — Я хочу сына.

— У нас уже есть сын.

— Это твой сын, — он сделал ударение на втором слове.

— Но ведь он носит твою фамилию! — парировала Лера.

— Я на этом не настаивал, — очень спокойно произнес Олег.

— Ничего себе! — возмущению мамы не было предела. — Я бы с радостью дала ему и свою, если ты хотя бы заикнулся о том, что тебе это неважно. Ты сам предложил стать его отцом, был рядом всю беременность, присутствовал на родах, дал ему имя, какое сам хотел, он Олегович, а сын — мой? Ну, знаешь...

Олег молча допил пиво. Я никогда не видела его таким несчастным. Папа, как же так... Получается, ты не будешь рад моему рождению? Да я с удовольствием появилась бы на свет быстрее, но мы еще не придумали, как бороться с надежной контрацепцией. Разве что сделать так, чтобы мама забыла принять таблетку? Но, видя, как развиваются отношения моих родителей, мне стало страшно за свое будущее, я решила не торопиться и подождать еще хотя бы полгода, чтобы понаблюдать, как все пойдет дальше. Похоже, Лерин ангел — Валерия — была права.

***

Ходить и ползать мой брат начал очень поздно, наверное, потому, что он был толстым. Весь в складках, прямо тьфу. Ну нельзя же столько есть! И из баночки, и из маминой груди. Спишь, понимаешь, все время с мамой, сосешь по ночам, никакого контроля за собственным весом! Не, я лично обязательно буду стройной и изящной. И все буду делать вовремя: первые зубы, переворот на спину и на живот, сидеть, стоять, ходить, — не хочу, чтобы моей маме было нечего рассказать подругам об успехах своего малыша. Вот как сейчас. Все мамаши хвастаются, а ей буквально нечего сказать. Хотя я видела, что Лера вообще не особо любит разговаривать о детях. У нее начался какой-то творческий период: она стала писать. Уложит Гошку и, пока все спят, пишет какие-то маленькие рассказы. Ну, оно и понятно: ведь скучно так жить, раньше хотя бы на работу ходила... А тут только дом-улица-детская поликлиника. Бедная мама. Мне

даже становилось немножко стыдно за то, что ей вскоре придется пройти все по второму кругу.

Чем ближе был первый день рожденья Гоши, тем больше разрасталась трещина между Олегом и Лерой. Она росла из-за того, что он стал регулярно приходить домой с двумя бутылками пива. Теперь, когда Лера не пила вообще, потому что кормила грудью, ее это страшно раздражало:

— Ты понимаешь, что так нельзя? Придешь, уставишься в телевизор и пьешь. Разве это жизнь?

— Давай я буду приходить домой реже.

— То есть как это... реже? А где ты будешь ночевать?

— У родителей. Буду смотреть свои любимые фильмы, которые тебе не нравятся.

— И как часто?

— Ну, например, раз в неделю. Будем отдыхать друг от друга.

Лера задумалась. Она понимала, что лучше сказать «нет», но чувствовала, что и сама не против отдохнуть от атмосферы, возникающей, когда Олег был дома. И она согласилась:

— Хорошо, давай так и сделаем. Один раз в неделю ты там. Смотришь мои нелюбимые фильмы. Будем считать, что только ради этого.

Вечера, когда его не было дома, были спокойными и умиротворенными. Тяжелая энергия, висевшая над потолком, куда-то рассеивалась. Иногда я думала: что я здесь делаю? У них уже семья: Лера и Гошка. Им никто больше и не нужен. Он напоминает ей кого-то, кого она раньше любила, а мой папа ведет себя так, что, наверное, она больше не захочет ребенка. Но я так привыкла к ним! Я даже не хотела представлять, что буду искать себе кого-то еще... Я летала к папе, который сидел в своей комнате, где прошло его детство, смотрел, одну за другой, все части «Властелина колец», закусывая орешками и запивая пивом.

Какой он все-таки у меня красивый! Пап, ну как же так? Почему все так складывается? Улетая, я думала: может, он изменится, когда увидит меня? Может, будет любить меня, несмотря на то, что я девочка? Может, все еще будет хорошо?..

***

Наступил первый день рожденья Георгия. Мама позвала своих друзей, пришли родители Олега, Марина Ивановна — мама Леры и ее папа — Валентин Николаевич. Приехали Лерины подруги с дочками, которым было месяца три-четыре. Обеих девчонок положили в Гошкину кроватку лицом к лицу, и они забавно гулили, общаясь друг с другом. Лера суетилась, таская из кухни салаты. Ей помогали мама и муж. В последнее время, я видела, они спорили все меньше, но иногда меня это даже пугало. Ведь хуже всего — когда возникает равнодушие. Лучше уж спорьте!

— Ну что, поздравляю всех с 301-й годовщиной Петербурга и первой годовщиной нашего довольно упитанного младенца Георгия, благодаря которому мы имеем возможность отмечать этот день рожденья именно здесь, в этой квартире! — подняла тост Лера. — Ну, что, ура?

— Ура! — Все звонко чокнулись бокалами.

На празднике было еще трое детей — Лерины крестники Петя, Люба и Рома — сын близкой Лериной подруги Ани. Леры. Петя и Люба были братом и сестрой, а их младшая сестренка — Вера — лежала в кроватке. Их родители — Наташа и Володя — выглядели как счастливая семейная пара. Вот это молодцы! — подумала я. Сразу трое детей! Я присматривалась к тому, как Петя относится к Любе, пытаясь представить, какими будут наши отношения с Георгием. Но, наверное, сравнивать было глупо, ведь Любе было годика четыре, а Пете — уже лет восемь. Он был по-настоящему старшим братом. Я же хотела родиться пораньше, максимум через год. Теперь я постоянно была начеку. Я надеялась, что известие об общем ребенке остановит моих родителей от преждевременного расставания. Но получилось все не так, как я планировала...

В тот вечер Олег, когда гости разошлись, встал у кровати спящего Георгия и долго молча смотрел на него. Лера обняла мужа за плечи, для этого ей пришлось встать на цыпочки.

— Замечательный получился день рожденья, правда? — сказала она. — Спасибо за помощь. Селедка под шубой вышла отменная. Впервые делала селедку при свечах, романтика!

— Да, проблемы со светом здесь постоянные. А казалось бы — новый дом, — откликнулся он, но по голосу чувствовалось, что муж хочет поговорить совсем не об этом.

— Давай выпьем за то, чтобы проблемы у нас в доме были только со светом, — она погладила его по плечу и сделала приглашительный жест за стол, где еще оставалась какая-то еда.

Они сели рядом. Лера налила по бокалу вина и только тогда заметила, что глаза у Олега уже довольно пьяные.

— Я не могу, Лер... — он поставил бокал на стол, не выпив ни глотка.

— Не можешь больше пить?

— При чем тут пить, я про Гошку. Я думал, смогу, старался бороться с собой, но у меня не получается...

— Ты о чем? — на всякий случай она решила сделать вид, что не понимает, хотя отлично все понимала.

— Я не люблю твоего ребенка.

От этих слов внутри нее все оборвалось. Олег видел, что сделал жене больно, и попытался оправдаться:

— Я пытался, правда, пытался! Но он очень напоминает мне его, и я никак не могу выбросить это из головы, — он старался не произносить имени Гошкиного настоящего отца, и я до сих пор не знала, как его зовут.

— Но я ведь не виновата, что так вышло... Ты ведь знал обо всем с самого начала, ты сам предложил... — в голосе Леры чувствовались слезы.

— Я знаю. Я думал, что справлюсь. Но, наверное, нам лучше развестись.

Лера постаралась быстро взять себя в руки.

— Давай так, — сказала она спокойным голосом. — Не будем пороть горячку. Мы с Гошкой на лето уедем к бабушке в Томск, — ты поживешь тут один и еще раз обо всем хорошенько подумаешь. И я тоже. Оба подумаем. Проверим на деле мудрость «Лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянии». Согласен?

Олег с удивлением посмотрел на жену. Материнство, похоже, сделало ее мудрее.

— Да, давай так и сделаем, — согласился он.

На следующий день Лера попросила своего друга и крестного Гоши отвезти их в авиакассу. Она решила не тянуть с отъездом и улететь через пять дней, в первый день лета. Мой брат еще не умел ходить и сидел в легкой летней коляске. Ее они сложили и оставили в багажнике, а карапуза Гошку Володя и Лера по очереди держали на руках.

— Дайте, пожалуйста, такие места, чтобы не дуло, — развлекала она саму себя и кассиров, покупая билеты.

Володя расхохотался.

— Все-таки ты безнадежная оптимистка. Уверена, что поступаешь правильно?

— Думаю, да. Нужно время и расстояние, чтобы все как следует оценить.

Прямых рейсов из Санкт-Петербурга до Томска не было, и Лера купила билеты до Новосибирска, от которого можно было за четыре часа добраться на машине. Держа в руках два билета: свой и — бесплатный, без места — Гошин, Лера с Гошкой на руках на выходе из лифта столкнулась с какой-то миловидной девушкой.

— Полина?

— Ой... Лера... — удивилась та.

— Привет.

— Привет, — немного ошалело произнесла она и, как старому знакомому, кивнула Володе.

— Летишь куда-то? — поинтересовалась Лера.

— И ты? — ответила девушка вопросом на вопрос.

— Я к бабушке. Хочу внука показать, как за год вырос.

— О, это твой? — Полина потрогала малыша за пальчик. — Смешной какой, пухлик. Забавно, глаза как будто на Артемкины похожи...

— Говорят, так бывает. Если сильно любила кого-то, ребенок может родиться похожим на него. Как сама? — свернула с темы Лера.

— У меня свадьба скоро, потом сразу в путешествие, — легко поддалась Полина. — Как раз про билеты иду узнавать.

— Как брат поживает?

— У него все хорошо.

— Передавай привет.

— Слушай, можно я не буду передавать?

— А что так?

— Лер, не надо лучше... — было видно, что девушке неловко ей отказывать, но соврать, что все передаст, она не может. У Полины сразу сделался вид, будто она очень торопится, и Лера не могла не заметить этого.

— Конечно, решать тебе. Рада была увидеться.

— И я. Удачи!

Они обнялись, как давние подружки. Когда Полина скрылась в лифте, Лера резко погрустнела.

— Это сестра Артема? — уточнил Володя, что все это время тихонько стоял рядом. — Повзрослела, похорошела... Везет тебе на неожиданные встречи.

— Да вот только с братом ее такой встречи никак не случается. Не судьба, видно. Но я верю, что когда-нибудь это обязательно произойдет. И вот думаю, оставить это на усмотрение провидения или посодействовать самой? С тех пор как Олег стал таким холодным и отстраненным, мне ужасно хочется написать Артему.

— С какой целью? — поинтересовался ее друг.

— Я не преследую никакой цели. Просто хочу, чтобы он знал, что ребенок родился и что он — его. Если это — цель, значит, вот с такой.

— Что же ты сейчас его сестре это не сказала?

— Такое не делается через посредников. Хотя намекнуть попытка вроде была...

— Зачем тебе это нужно, Лер? Тебе неймется, что он живет спокойно?

— Считай, что так. Я считаю, что он должен знать, что теперь на свете живет мальчик, его плоть и кровь и очень на него похожий. И что тот, кто попытался стать его отцом, не осилил. По-твоему, я делаю что-то плохое?

— Не знаю, Лер... Не знаю... Но, наверное, ни к чему все это. Что, ты думаешь, он может тебе ответить?

— Даже предположить не могу.

— Ну, рискни... Ты же, если что задумала, все равно делаешь, толку-то, что я скажу тебе «не делай».

— Ну, почему, я еще думаю, надо ли... Но у меня будто шило. Меня и раньше посещала эта мысль, а теперь, когда все так обернулось, желание усилилось. Ведь есть шанс, что при двух отцах у Гошки скоро не будет ни одного.

— А меня, значит, ты со счетов скинула... — с шутливым укором произнес он. — Я же его крестный отец!

— Ой, прости, при трех отцах, — она поцеловала его в щеку. — И ты — единственный отец, который ни в чем не сомневается и никуда не денется от ответственности.

— А чего нам, где трое ребятишек, там и четверо, — улыбнулся он.

— И что бы я без тебя делала... Ты — единственный мужчина, который так долго меня выдерживает. Я давно пришла к выводу, что мои отношения с мужчинами намного более постоянны, когда они просто друзья. Может, и с Олегом стоит остаться друзьями? Что даст то, что мы не будем видеться какое-то время?

— А зачем торопиться расстаться? Это всегда успеется.

— Ты, как всегда, прав. И я сама вчера вечером так думала. А сегодня уже по-другому. А когда я в таком взбудораженном состоянии, даже сама не знаю, на что способна... Во, придумала! — похоже, к ней пришло какое-то решение, — Мне нужно срочно сменить прическу.

— Это еще зачем? — расхохотался Владимир.

— Я слишком долго слушалась мужа.

Владимир расхохотался еще громче.

— Зря ты смеешься. Он мне буквально не разрешал ничего сделать, говоря, что ему нравятся длинные натуральные волосы. Но голова-то — моя! И мне они — не нравятся!

— И какую стрижку ты хочешь?

— А... увидишь. Что-нибудь необычное. Надо срочно отвлечься от мрачных мыслей. А когда видишь себя в зеркале кардинально другой, то ощущение, что все, что было до этого — как будто и не с тобой, — понимаешь?

— С трудом. Видимо, нам, мужикам, не дано это понять.

— Сочувствую я вам, мужикам, — она слегка дернула его за нос. — Вам столько всего не дано!

— Но-но! — будто эхом отозвался он. — Не перегибай. Мужики все разные.

— Да я это понимаю. Мне надо было выйти за одного хорошего человека старше меня на двенадцать лет, с которым я встречалась, когда мне было девятнадцать. Но я все чего-то искала, поначалу в нем — недостатки, а потом начала искать кого-то другого. Анька еще тогда говорила: ты слишком рано его встретила... Не способна еще оценить. И была права. Вот с тех пор меня и несет, как лодку по течению: сначала Витя и та моя несостоявшаяся беременность, из-за которой я впала в депрессию и все пошло прахом с Артемом, потом Олег, с которым все идет прахом из-за Артема... Я как будто тащу на себе груз прошлого, что становится тяжелее и тяжелее, а скинуть его то ли сама не хочу, то ли он уже ко мне намертво прилип. К психологу мне надо. Или наголо постричься и волосы по воде пустить, как это в Индии, кажется, делают, или еще где-то. Чтобы негативную энергию, накопленную на них, всю с течением унесло.

Они подъехали к Лериному дому.

— Слушай, Вовка, ты сильно торопишься? Можешь немножко с Гошей погулять?

— А ты куда?

— Да загляну в парикмахерскую за углом, запишусь на стрижку.

— Ну, загляни. Мы с Гошкой тебя подождем на детской площадке.

— Спасибо, — Лера быстро скрылась в арке. Ее не было минут двадцать.

— Долго что-то твою маму к парикмахеру записывают, — обратился Володя к своему годовалому крестнику, когда тот проснулся в коляске и спросонья с удивлением посмотрел на него. — А... Вот она, кажется, идет. Ой, да нет, просто одежда похожа. Хотя нет, она... — в его голосе послышалось изумление, и большие голубые глаза, с какими, бывает, изображают на иконах Христа, стали еще больше.

Лера постриглась наголо.

— Ну, как тебе моя новая прическа? — она несколько раз провела ладонью по голове и расхохоталась, увидев его оторопь: — Что, не ожидал? Сказано — сделано! Давно думала с собой это сотворить, еще когда с Витей расстались, но так и не решилась. А мысль не ушла. Как говорится, лучше сделать и пожалеть, чем не сделать и пожалеть, — оправдала она свой необычный поступок. — Надо только бабушку будет предупредить, чтобы у нее инфаркта не случилось, когда она меня увидит, — засмеялась она.

У Владимира до сих пор не находилось слов, чтобы ей ответить. А его подруга в комментариях, похоже, вовсе не нуждалась.

— Давай Гошку, я договорилась, что его тоже постригут, — продолжила она свою тираду. — В парикмахерской так удивились! Сказали, у них женщина наголо стрижется впервые и денег с меня не взяли. А детей, я слышала, в год тоже полагается стричь. Вот тут в мешочке мои волосы, сложим туда же Гошкины и сходим к ближайшей речке. И пусть все плохое уплывет вместе с ними!

В тот момент я поняла, что хочу быть похожа не только на папу. То есть внешне, конечно, только на папу — Леру я красавицей не считала. А вот характер и способность «возрождаться из пепла» я хотела бы взять от нее.

Пожалуй, полечу с ними, решила я тогда. А папа пусть, в самом деле, побудет один и подумает. А я постараюсь что-нибудь придумать. Может, отправлю ему какой-нибудь хороший сон, и он настроит его на лучшее?

***

Вечером Олег позвонил и сказал, что останется у родителей. Лера даже обрадовалась этому, она слегка опасалась реакции своего мужа, ведь ему нравились длинные натуральные волосы. Она сообщила ему дату, на которую купила билет. Он обещал проводить. Уложив Гошку, Лера села к компьютеру и открыла электронную почту.

«Привет, Артем. Не знаю, почему не написала тебе раньше. Давно хотелось, да все что-то останавливало. Но, если мысль не уходит почти год, думаю, надо ее осуществить. Хочу сказать тебе, что наш ребенок (помнишь, я сообщала тебе о своей беременности?) родился 27 мая 2003 года. Я вышла замуж, мой муж очень поддержал меня, но он так и не смог полюбить ребенка, биологическим отцом которого не является.

Мне ничего от тебя не нужно, я просто хочу, чтобы ты знал, что у тебя есть сын, и он очень на тебя похож. Может, во многом из-за этого сходства с тобой у меня все так складывается. Если ты хочешь убедиться в том, что ребенок твой (помнится, у тебя были сомнения), я не против сделать анализ ДНК. Я знаю, что это недешево, можем заплатить пополам. Ведь, похоже, мне это нужно тоже».

Лера несколько раз перечитала письмо, исправляя по ходу какие-то слова, и долго держала курсор со стрелочкой над кнопкой «отправить». Но, наконец, нажала.

Весь следующий день она пробегала с Гошкой по магазинам, собираясь в дорогу. Кроме всего прочего, ей нужно было получить загранпаспорт, заказать который в то время было целой проблемой: для этого нужно было записывать свою фамилию в список и несколько раз приходить отмечаться. Она радовалась красной корочке, как ребенок, получивший новую игрушку и, присев на корточки, показывала его Гошке, а тот, ничего не понимая, сидел в коляске и надувал щеки, пытаясь сфокусироваться на паспорте.

— Смотри, ну, смотри же! Мы с тобой обязательно куда-нибудь поедем. Сядем на самолет и улетим далеко-далеко. Но для

начала к бабушке, я ее очень давно не видела, и она очень хотела бы посмотреть на тебя. Ты ведь не против? — она сжимала его пухлую ручку, слегка раскачивая ее из стороны в сторону.

Да, как же жаль, что мы, рождаясь, долго не можем общаться с родителями! Интересно, помнит ли Гошка что-нибудь из своей прошлой истории? Помнит ли он, как мы познакомились, сколько он преодолел, чтобы родиться? Совсем не похоже, что помнит. Сидит вон, пузырь, щеки из шапки торчат, и таращится на мир, ничего не понимая. Даже ходить не пытается, в то время как его ровесники в год обычно делают первые шаги. Эх ты, увалень! Когда я так подумала, мой брат ни с того ни с сего расхныкался, как будто обиделся.

— Ну, что ты, — начала успокаивать сына Лера. — Чего это вдруг за настроения? Летать, что ли, боишься?

Она стала катать коляску вперед-назад, и он успокоился.

В этот вечер Олег снова не пришел, зато пришел ответ от Артема: «Привет, хорошо, давай сделаем анализ ДНК. Я готов оплатить его целиком. Только давай не будем ни о чем сообщать моей маме, ладно?»

Я видела, что Лера была приятно удивлена. Она ответила, что готова осуществить это в ближайшие дни, потому что они уезжают на все лето, и что его мама тут, конечно, ни при чем. В конце письма Лера оставила свой номер телефона. Утром от Артема пришло: «Хорошо, я позвоню». Разузнав, где можно сделать тест на ДНК и сколько он стоит, она на следующий день сообщила об этом в новом письме. Но оно вернулось как недоставленное.

— Ерунда какая-то, — произнесла она вслух и отправила письмо снова. Но оно снова вернулось.

Она поняла, что все изменилось. Но что могло случиться? Лера была не из тех, кто любит долго теряться в догадках, и она позвонила бывшему мужу домой. Номер мобильного она давно удалила, а наизусть не помнила. Трубку сняла мама Артема.

— Здравствуйте, Надежда Петровна, это Лера.

— Здравствуй, Лера, — голос ее звучал вполне дружелюбно.

— Можно с Артемом поговорить?

— А что у тебя за разговор к нему? — сразу поставила барьер бывшая свекровь.

— По работе, — придумала она на ходу, помня письменный наказ бывшего мужа.

— Не надо ничего придумывать, Лера, Артем мне все рассказал.

— Да? — она попыталась справиться с таким неожиданным поворотом. — А что именно он рассказал?

— Все. И я хочу тебе сказать, что Артем никуда не пойдет.

— Это он так решил?

— Это решила я. У тебя ведь есть муж? — уточнила Надежда Петровна.

— Есть.

— Он нормально зарабатывает?

— Не нуждаемся. Вы клоните к тому, что я потом буду требовать с Артема деньги? Это не так.

— Я лучше знаю, — отрезала та. — Лера, хватит устраивать «Санта-Барбару», — голос ее по-прежнему звучал дружелюбно. — До свидания, и, пожалуйста, не беспокой нас больше, — женщина положила трубку.

Лере показалось, что она слышит стук собственного сердца. Ей было так обидно, что хотелось швырнуть телефон в стену. Наверное, как мать, ее бывшую свекровь можно быть понять, но и себя саму, как мать, она понимала тоже. А вот его, как маминого сына, понять не могла. «Мама сказала: “Сметана”!» — вспомнился ей анекдот про маленькую девочку, которая делала только то, что сказала мама.

Теперь она даже не могла ему ничего написать, — письма возвращались назад. Почему? Раньше ведь доходили! Она набрала в почте его адрес и нажала на строчку «Забыли пароль?». И — вот это да! — со времен их брака Лера знала ответ на его секретный вопрос. Изменив пароль, она обнаружила свой адрес в черном списке.

Поговорив с матерью, Артем кардинально изменил свою позицию и даже не счел нужным сообщить об этом. Грустно ус-

мехнувшись, Лера закрыла его почту и дала себе слово больше ему не писать. Теперь она еще меньше уважала его.

***

Самолет — весьма необычный способ перемещения для души, которой и так даровано летать. У меня промелькнула мысль, не устроить ли соревнование, но я вовремя опомнилась. При скорости почти девятьсот километров в час лучше не рисковать, — я ведь не хотела затеряться в пространстве. В какой-то момент самолет проходил слой облаков, и мне показалось, что я вижу на крыле Лериного ангела и она машет мне рукой, как будто хочет сказать: не волнуйся, все получится! Когда я поняла, что она рядом, мое беспокойство сразу пропало. Тем более что Олег не оставил их, он приехал на машине и отвез Леру с Гошей в аэропорт. Увидев новую прическу жены, он со смехом сказал, что готов будет с ней увидеться не раньше чем через месяца два-три. Мои будущие родители расстались как добрые друзья. Папа обещал звонить.

В аэропорту города под названием Новосибирск нас встретили Лерина подруга Олеся с мужем и отвезли в деревню Оськино, к бабушке. Здесь, в доме, который строили всей семьей, когда Лера была еще маленькой, они с Гошкой собирались провести все лето. Дорогой друзья шутили над ее новой стрижкой. Подруга детства сразу догадались, что что-то тут не так, раз на Лериной голове — оранжевая бандана.

— Вы просто завидуете, потому что вам слабо! — отшучивалась она.

— Да если бы Олеська такое сделала, я бы ей голову оторвал, да, Олесь? — выразил мнение муж подруги.

— Наверное, — послушно согласилась его жена.

— Ну, а мне муж голову оторвать, видимо, просто не успел, — я вовремя смылась, — рассмеялась Лера. — Да и, в конце концов, волосы не ноги — отрастут! Хорошо бы еще — чтобы ноги отросли, но с их длиной я давно смирилась. Какие уж Бог дал. Хорошо бы, чтобы у дочки были подлиннее, но для этого надо, чтобы ее отцом стал Олег, тогда у нас получится среднее арифметическое.

— Так в чем же проблема? — поинтересовалась подруга. — Вперед!

Лера отрицательно помотала головой.

— Думаю, мы скоро разведемся. Это лето мы с мужем взяли как тайм-аут, но мне кажется, что «пациент скорее мертв, чем жив».

— Вот это да... А Гошка?

— Гошка будет лично мой. Собственно, всегда им был.

— Ну, погоди пока решать, может, после тайм-аута все изменится, — снова встрял в разговор муж подруги. — Мужик долго не может один, если чувства остыли — начнет гулять, а если любит — приедет за тобой.

— Сомневаюсь, что приедет... — вздохнула Лера и стала смотреть в окно, покачивая на руках Гошку, который очень смешно засыпал: то открывая, то закрывая глаза. Как кукла.

Маргарита Васильевна — бабушка Леры — понравилась мне с первого взгляда. У нее были очень проницательные серые глаза, напомнившие мне папины. В них была просто бездна доброты и мудрости! Она была сухонькая, седая и в свои восемьдесят пять лет столько всего помнила! Усыпляя на ночь Гошку, она слегка похлопывала по его толстой попе и рассказывала истории из своего военного прошлого, и он очень быстро засыпал под ее размеренный голос. Когда ребенок спал, Лера садилась за компьютер и опять что-то писала. Так как интернета на даче не было, я поняла, что она снова что-то сочиняет.

В июле прилетела Марина Ивановна — мама Леры и дочь Маргариты Васильевны. То лето в Сибири было довольно холодным, вечерами женщины топили печь, садились и пили чай с пирожками, которые почти каждый день пекла Лерина мама.

Лера возилась в огороде с картошкой, огурцами, клубникой, малиной и прочей растительностью, ей не разрешалось только подходить к помидорам — теплица была царством Маргариты Васильевны. Мне очень нравилось сидеть на ее худеньком плече, когда она возилась с ними: подвязывала, обрывала пасынки, поливала... К каждой палке был привязан помидорный куст и

бумажка с названием его сорта. Мне запомнился один — «Черный принц». Мне почему-то представлялся высокий темнокожий красавец, одетый во все черное, как любит одеваться мой папа. На черном коне он заезжает прямо на наше крыльцо и говорит бабушке: «Я люблю тебя, Маргарита! Выходи за меня!» А бабушка машет на него руками: «Уйди, нечистая сила!»

И моя фантазия однажды сбылась. Нет, конечно, сбылась не именно так, какой я ее себе рисовала, но черный, хотя и не принц, все-таки приехал. Однажды, уже ближе к концу августа, когда все сидели на веранде и снова пили чай, а Гошка, который только недавно начал ходить, осторожно перемещался от стула к стулу: от мамы — к бабушке, от бабушки — к прабабушке и снова к маме, в дверь постучали. Лера пошла открывать, а за дверью стоял... Олег! В черной рубашке, черных брюках и черных ботинках.

Лериному изумлению не было предела:

— Погоди, как?.. Мы же с тобой только вчера разговаривали по телефону... И ты ничего не сказал!

— Хотел сделать сюрприз.

— Мама, бабушка, смотрите — Олег приехал!

— Здравствуйте, Олег, — вставая со стула, засуетилась Маргарита Васильевна, впервые увидевшая зятя. — Вот это правда — сюрприз так сюрприз! Марина, — обратилась она к дочери, — давай, ставь еще чаю. Да вы, наверное, голодный?

Я смотрела и не могла поверить в то, что это происходит на самом деле. Ведь я только неделю назад отправила ему один сон, и уже такой результат! Вот это да...

Вечером, когда Гошка уснул, Олег с Лерой поднялись на второй этаж и разожгли огонь в камине. Они какое-то время сидели на полу и молча глядели на пламя. Я чувствовала, что внутри них тоже есть огонь, который сейчас можно очень легко потушить, но все же, если постараться и сильно подуть на него, он может разгореться снова. Ведь папа же зачем-то преодолел такое расстояние!

— Знаешь, — вдруг заговорил Олег. — Мне недавно девочка маленькая снилась. Лежит на спине и улыбается.

— Интересный сон. О будущей дочке? Ты же сына хочешь, — ответила Лера.

— Я много думал, наверное, это не так важно. И я тебя все равно люблю. Может, попробуем еще раз?

— А Гошка? Я про твое отношение к нему.

— Я тебе все честно сказал.

— Что, без шансов? Ведь это он сейчас еще маленький, а подрастет, будет все понимать.

— Я буду стараться, правда.

— Не знаю... — Лера поворошила кочергой обуглившиеся поленья, и от них полетели искры.

— Ну, может, тогда положимся на судьбу? — предложил Олег.

— То есть? — повернулась она к мужу. Я чувствовала, что и мама все еще любит папу, но ей очень трудно ему довериться, тем более что теперь на карту было поставлено не только ее будущее, но и будущее ее первого ребенка.

— Не будем сегодня предохраняться. Всего один раз. Ты же, как уехала, больше не принимала таблетки?

— Нет.

— Ну, вот. Останемся сегодня здесь, вдвоем. И, если мой сон — плод моей фантазии и нам не суждено быть вместе, ничего не получится. Ведь есть люди, у которых годами ничего не получается.

— Есть, я даже знаю таких. А если получится? Георгий зародился, когда врачи сказали, что у меня без курса лечения точно не будет детей.

— Значит, наш ребенок, о котором мы так давно с тобой говорили, решил, что нам надо быть вместе.

— Ох, Олег... Легко сказать — ребенок решил, — она о чем-то напряженно думала. — Сейчас, когда мы так давно не виделись, мне снова хочется быть с тобой, но к чему это все приведет... Как ты сам-то чувствуешь, наша чашка уже разбита? Или в ней пока только трещина?

В ответ он посмотрел на нее с таким желанием, что Лера поняла — ответа на вопрос не будет. На то, что происходило меж-

ду ними дальше, детям, конечно, лучше не смотреть. Но мне это всегда было ужасно интересно. Я и раньше досматривала этот недетский фильм до самого конца. Но сегодня между ними все было как-то особенно красиво. На маминой коже играли блики от пламени, пляшущего в камине. Папа был нежен, как никогда. Момент, который люди между собой называют прелюдией, длился так долго, что я уже начала терять терпение. Ну, когда уже? А, вот, кажется, началось... Энергия, возникшая между папой и мамой в этот романтической вечер после столь долгого перерыва, практически сразу образовала воронку, к которой я так давно стремилась. Я скользнула в нее и еще долго кружилась, как в круглой горке в аквапарке, пока не наступил момент, когда мне пришла пора оказаться внутри моей мамы.

Ничего не поделаешь, мам: ребенок так решил!

***

На следующий день мне было стыдно. Я поступила эгоистично, соединив таким образом Леру и Олега, которые, как сказала мне ее ангел, скорее всего, расстанутся. Но ведь точно так же когда-то поступила и душа моего брата! Выходит, мы с ним похожи. Теперь мне оставалось только надеяться, что мама обрадуется, узнав о моем существовании и изменит отношение к папе, ведь он же готов исправиться и начать все заново! Нет-нет-нет, все непременно должно быть хорошо, я не хочу даже думать о том, что что-нибудь будет плохо. Мам, ты слышишь? Даже думать не хочу!

Теперь я могла слышать мамины мысли, и почти все они были заняты вопросом, стоит ли начинать все заново. Тем более что Олегу в деревне быстро стало скучно, и он улетел обратно через неделю одним рейсом с тещей. Я слышала и папины мысли, и поняла, что он искренен в своих намерениях, но он поставил себе условие: если у них с женой не будет общего ребенка, он не сможет быть рядом.

Не беспокойся, пап, я тебе помогла! Скоро мама об этом узнает. Я немного опасалась ее реакции, потому что, как мне ка-

залось, она сама начала больше склоняться к мысли о том, чтобы развестись. Лера часто разговаривала об этом со своей бабушкой:

— Я не знаю, бабуль, что-то уже не лежит у меня душа к этому браку. Олег стал замкнутым, да к тому же начал пить. А глядя на его отца, перспектива, что тяга к спиртному усилится, есть, и немаленькая. И Гошку жалко, а что если он не изменит к нему отношение? А если будет общий ребенок, и пацан будет чувствовать эту разницу: этого люблю, а этого — нет. Разве это дело?

— Не дело, — качала головой Маргарита Васильевна. — Но ведь он тебя любит, и это видно, может, со временем и ребенка полюбит? То, что пьет, конечно, плохо, надо это прекращать.

Лера криво усмехнулась, вспомнив мешок с пустыми пивными бутылками, который она перед днем рожденья Георгия буквально заставила Олега убрать из квартиры, вспомнила свою ненависть к пивным банкам, то и дело встречающимся в разных углах. Ее супруг своим поведением и любовью к пиву все больше напоминал ей мужа одной своей подруги, чей брак окончился очень трагично.

«Пожалуй, я все-таки скажу ему «нет», — услышала я ее мысли. — Не верю я в то, что люди способны исправиться. А если нет любви к ребенку — она и не возникнет, тут, когда есть — она пропадает, чего уж надеяться, что будет наоборот. А если родится еще один и мы все равно расстанемся, так это что же получается — оба будут расти без отца? Нет, надо прекращать все сейчас, пока нет второго».

— Бабушка, ты на даче долго еще жить собираешься? — спросила Лера.

— До октября, наверное, пока все дела с огородом не закончу. А что?

— Можно я здесь с тобой поживу, пока ты в город не переедешь? Не хочу пока в Питер возвращаться. А может, и вообще в Томске останусь. У меня ведь и друзья тут есть, и родни больше. Работу найду, Гошку в ясли отдам, — быстренько набросала она эскиз нового будущего.

— Лера, ты слишком торопишься. Надо все еще на сто раз обдумать. Муж у тебя красивый, воспитанный... Молчаливый, правда, очень. Я так и не разобралась, что за человек.

Лера наморщила лоб и потерла виски, как во время головной боли.

— Ну, значит, будет кому-то счастье: красивый, воспитанный и разведенный. А я, похоже, для себя все решила. Ничего, одна не останусь. Я вроде тоже ничего, — заключила она, встав со стула и взглянув на себя в зеркало. — Да и Олег как-то сам говорил: харизма важнее, чем длина ног.

Она встала так решительно, что опрокинула чашку с чаем. Бабушка заохала и потянулась за тряпкой.

— Раньше браки были один на всю жизнь, люди даже не думали разводиться, — сказала она внучке. — Мы с дедушкой поженились в 1941 году, учились вместе, всю войну вместе и потом, пока он не заболел и не умер, я всегда была рядом. А сейчас... чуть первое разногласие — ищут нового мужа или жену.

— Да, бабуль, точно так. Сейчас другое время. У людей закончилось терпение.

— А ты запасись новым, и хватит бегать. Так и пробегаешь всю жизнь, от одного к другому, — выдала прогноз Маргарита Васильевна. — Есть хорошая пословица: от добра добра не ищут.

— Если и пробегаю, то не всю, — упрямо сказала Лера. — И обязательно найду такого, что будет любить и меня, и Гошку. И не будет пить. И будет любить путешествия. Олега же никуда не вытащишь! Сколько я говорю ему: сделай себе заграничный паспорт, съездим куда-нибудь отдохнуть, да вот хотя бы в Прагу, такой красивый город, мне там очень понравилось! Он же ни разу нигде не был! Думала, пивом его заманить, говорю, там пиво хорошее, а он — я чешского пива и в Питере найду где попить... Хотя было время, сам хотел поехать. Но пиво его очень изменило, он раньше не был таким. Или хорошо это скрывал.

— А и нечего мотаться с ребенком, ребенку хорошо дома с родителями, — авторитетно сказала бабушка.

— Скучно так, бабуль, жить, — убирая со стола, произнесла Лера. — Очень скучно.

Бабушка Рита вздохнула, допила свой чай и прилегла отдохнуть. Она как будто была на моей стороне. Спасибо тебе, родная! Ты очень хорошая, и имя у тебя замечательное, вот бы и мне такое. Очень подойдет к красивым длинным ногам. Я так и вижу себя девушкой: как я иду с легкой сумочкой через плечо по солнечной улице — распущенные светлые волосы, короткая юбка, и какой-нибудь молодой человек догоняет меня и говорит: «Вы такая красивая, можно узнать ваше имя?» А я скромно так отвечаю: «Маргарита»… А потом он спрашивает, куда я иду. «В Консерваторию. На класс вокала. Я учусь на певицу» — отвечаю я. И он от восхищения дальше не знает, что сказать, и провожает меня до самой консерватории, а потом ждет до вечера, пока я выйду. И я выхожу, уставшая, но счастливая, потому что у меня все-все получается. А потом, в кафе, он говорит: «Маргарита, выходи за меня замуж. Пока я ждал тебя весь день под окнами, я понял, что полюбил тебя с первого взгляда!»

— Уйди, нечистая сила! — прервала мои мечты бабушка. Наш серый кот по кличке Маврик запрыгнул прямо ей на грудь, лег и заурчал от удовольствия, что наконец сделал это. Раньше он решался только тереться ей об ноги, и сейчас ему очень быстро дали понять, что его место по-прежнему на полу.

***

Не успеешь оглянуться — Якубович, не успеешь оглянуться — Якубович, — охала бабушка Рита над пролетающими неделями. Передачу «Поле чудес», которую вел Леонид Якубович, Маргарита Васильевна смотрела каждую пятницу.

Оставалось всего несколько дней до момента, когда Лера поймет, что я вмешалась в ее жизненный план. Дни проходили однообразно: огород, приготовление завтраков, обедов и ужинов, кормление и укладывание Гошки, что часто развлекал бабушку и внучку весьма забавными танцами. Только заслышав какую-нибудь энергичную музыку, он, слегка согнув ноги в ко-

ленях, с серьезным выражением лица начинал ритмично покачивать попой. За его фирменный танец на празднике четырехсотлетнего юбилея Томска ему даже дали большую мягкую ворону с бантиком. Лера тоже выиграла конкурс, призом за который был полет на дельталете, что должен был состояться на следующий день.

Третьего сентября 2004 года я заметила, что мама стала очень грустной. Это были трагические дни. Трехдневное празднование дня города было сокращено в три раза из-за того, что в каком-то маленьком городе произошла трагедия: вооруженные люди захватили школу и взяли в заложники детей. Об этом постоянно передавали в новостях, настроение у многих было подавленное. Вечером этого дня моя мама зашла в аптеку и купила тест на беременность: «Господи, неужели все-таки получилось, всего с одного раза!.. — думала она. —Чушь, что во время кормления грудью нельзя забеременеть. Как глупо было на это надеяться!»

Она не хочет ребенка. Я чуть не расплакалась. Но, вспомнив слова Валерии, — ее ангела — быстро взяла себя в руки. Все получится. Все будет хорошо. Я постоянно повторяла это про себя, как мантру.

На следующий день, посетив дачный туалет, Лера зашла в теплицу к бабушке, по своему обыкновению, с утра возившейся с помидорами:

— Бабуль, я, наверное, скоро все-таки уеду. Я беременна.

— Это кто тебе сказал? — повернулась к ней Маргарита Васильевна, от удивления перестав подвязывать к палке помидорный куст.

— В туалете голос сказал, — засмеялась Лера. — Захожу и слышу: «Валерия, ты беременна!» — изобразила она голос свыше. — Бабуль, да тест я сделала, сейчас даже к врачу идти не надо, стоит только в туалет зайти, и сразу все ясно становится.

— Ну тебя! — махнула рукой бабушка Рита. — Не поймешь, где всерьез, а где шутишь.

— Да не шучу я, но на УЗИ, конечно, надо сходить, убедиться.

— Ну, и слава Богу, — с облегчением вздохнула та. — Ребенок все решил за тебя.

— Не знаю, бабуль... Ничего не знаю... Кажется, только все решила...

Вечером того дня Лера оставила Гошку дома и отправилась куда-то, где мы еще не были. Я летела за ее автобусом, не понимая, куда она едет. По дороге мама отправила папе сообщение о своей беременности. От него тут же пришел ответ, что ему как раз сегодня снова приснилась девочка. «Олег, все это здорово, и я, наверное, должна сейчас радоваться, но ведь между нами явный разлад... Разве можно пытаться строить отношения только из-за ребенка? Ты готов поступиться чем-то ради него, своим пристрастием к выпивке, например?», — написала она. Ответное сообщение пришло минут через пятнадцать: «Жалко, что не будет ребеночка...»

«Вот это да... — слышала я мамины мысли. — Как легко он сдается! Даже не пытается что-то изменить...»

Выйдя на шоссе, Лера дошла до поля, где стояли какие-то летательные аппараты. Это и были дельталеты. Отдав призовой купон, она надела шлем и села позади пилота. Я чувствовала, как она волнуется. На высоте мама вспоминала, как когда-то прыгала с парашютом.

«Никогда бы снова не решилась, — думала она. — Ужас как страшно было! Тут хотя бы летим, механизмы какие-то работают, а с парашютом... шагаешь в пустоту. Примерно так же себя чувствовала, когда поняла, что жду ребенка, а рядом — никого. Вдруг «парашют не раскроется»... А чего я боюсь сейчас? Олег, по сути, такой же дельталет: все безопасно. Правда, стенок нет — дует сильно. Пиво», — она улыбнулась своей шутке.

Под ней проплывали сибирские пейзажи: лес, река Обь, поля... Приземление прошло благополучно, пилот предложил Лере согреться чаем. Она и правда немного замерзла и поэтому радостно согласилась. В это время в их машину сел другой пилот. Когда Лера пила горячий чай из крышки термоса, она вдруг вздрогнула от криков: «Дельталет! Дельталет упал!» У летатель-

ного аппарата, на котором она только что рассекала воздух, неожиданно отказал мотор, и он рухнул на землю. К счастью, пилот отделался легкими ушибами.

«Вот это да! — думала моя мама на обратном пути. — А ведь падение могло быть серьезнее и случиться полетом раньше! Какой все же сильный у меня ангел-хранитель! Может быть, этой беременностью он хочет мне сказать, что мне пока не надо никуда дергаться и все еще получится? Или то, что один ребенок — это для меня маловато? Как бы то ни было — спасибо ему за заботу!»

Когда Лера вышла из автобуса, уже совсем стемнело. Идти по шоссе до дома предстояло около двух километров по непроглядной мгле. Слева и справа — темный лес. Лере было очень страшно: она с детства боялась темноты, и поэтому решила пойти по берегу реки Оби, где, хоть и слабо, но путь освещала вода. Дорога и река были параллельны друг другу. Пока моя мама шла к дому, пугаясь каждой тени, она переосмыслила все свои недавние мысли, сказав заветные слова «Ангел мой, иди со мной, ты — впереди, я — за тобой» и загадав: «Если дойду целой и невредимой, значит, мой ангел действительно охраняет меня и направляет на верный путь. И раз вышло так, что я снова жду ребенка — пусть он родится. Если я сделаю аборт — совесть моя мне не даст спокойно жить, ведь в свое время Гошка родился потому, что Олег меня поддержал. Получается, ребенок, которого хотела я, благодаря ему живет на свете, а которого хочет он — не родится из-за меня? Похоже, эта беременность — знак, что мне не нужно расставаться с мужем».

Решение было принято в мою пользу. Я была такая счастливая, что, если б могла, осветила бы своим счастьем ее дорогу! Мне все время казалось, что Лерин ангел и правда все время была где-то рядом и все это случилось благодаря ей.

Через полчаса она уже целовала пухлые, розовые от аллергии на цветочную пыльцу, щеки спящего Гошки и обнимала свою бабушку:

— Бабуль, я так тебя люблю, что, если будет девочка, я назову ее, как тебя — Маргарита. Ты ведь не против?

— Конечно, нет. Мне это будет очень приятно, — седовласая женщина улыбнулась и погладила внучку по голове, как делала это, когда та была совсем маленькой и они жили вместе.

Ура! Я просто плясала от радости, водя хоровод с комарами, что летали вокруг лампочки. Я буду Маргаритой, как и хотела! А самое главное: я — буду!

Эх, жаль, что все мои подружки сейчас так далеко, они бы тоже с удовольствием станцевали вместе со мной. У нас, душ будущих детей, есть замечательная традиция — всегда танцевать от радости друг за друга.

***

Пожилую докторшу, что делала маме первое УЗИ и сообщила о маленьком четырехнедельном пятнышке, звали Маргаритой Ивановной. А врача в женской консультации, куда мама встала на учет, звали Маргаритой Петровной. Маргариты буквально заполонили всю планету, а через восемь месяцев станет еще на одну больше.

Когда мама вернулась в Питер, у нее с папой состоялся серьезный разговор, где она сразу поставила ему два условия: первое — что он будет значительно меньше пить, и второе — что они обязательно будут крестить ребенка.

— Олег, я не хочу со временем стать женой алкоголика. Я совершенно не вижу себя в этой роли, — строго сказала моя мама.

— Я же только пиво, — попытался оправдаться папа. На второе условие он согласился практически сразу.

— Слушай, вот только давай не будем как в анекдоте, когда жена ставит мужу условие: или я, или пиво, а он уточняет, а сколько пива...

Папа ответил, что он ее понял и что пива будет намного меньше. Доча важнее. Прямо так и сказал: доча — важнее. Как будто знал, что я буду девочкой. Видимо, все-таки запомнил тот сон. Но мысли о собственном сыне он так и не оставил, потому что, когда мама сказала ему, что не хочет узнавать пол будущего ребенка, он стал настаивать на обратном.

— Ну, Олег, пусть будет сюрприз! Как раньше, когда еще не было УЗИ. Ребенок рождался и врачи говорили родителям: у вас мальчик! Или — у вас девочка! Это же так интересно!

— Нет, я должен знать заранее, чтобы настроиться. Можем даже поступить так: ты сделаешь УЗИ, выйдешь, а доктор скажет мне пол.

— То есть, получается, ты будешь знать пол, а я нет?

— Да не переживай ты так, я тебе не скажу.

— Нет, погоди-погоди, то есть ты будешь знать пол, и, когда я у тебя захочу узнать, какого пола наш ребенок, и спрошу тебя об этом, ты мне не скажешь?

— Не скажу, — его глаза смеялись, но лицо продолжало оставаться серьезным.

— Ерунда какая-то, — смешно сердилась мама. — И все-таки мне кажется, интереснее не знать. Я не хочу.

Трехмерное УЗИ, которое нам должны были на память записать на кассету, было назначено на 15 января 2005 года. В этот день минуло ровно три года с тех пор, как мне дали номер Д-15012002 и я отправилась искать своих родителей.

Доктор водила специальным прибором по животу моей мамы, рассказывая и показывая на экране, где у меня сердце, где почки и прочие внутренние органы. Когда она опустилась чуть ниже, папа, сидевший рядом на стуле, замер.

— Хотите знать пол? — спросила врач.

Лера живо отреагировала вопросом на вопрос:

— А вы его видите?

— Конечно, вижу, раз спрашиваю. Так хотите или нет?

Мама взглянула на Олега. Тот молчал. Видимо, решив придерживаться своего плана, он просто ждал, когда жена скажет «нет».

— Да! — радостно сказала она.

— Девочка, — с облегчением выдохнула доктор.

Лера снова взглянула на мужа. Тот молчал. Лицо его оставалось непроницаемым и по нему совершенно нельзя было понять, что он чувствует.

Продолжая водить прибором по животу, врач бормотала что-то вроде «погодите, погодите, я вам сейчас покажу, чтобы вы убедились», но я сочла, что это уже будет полное безобразие, и дала сигнал его немедленно прекратить.

— Нет, не могу, стесняется, видимо, девчушка. Закрывает ножкой.

«Длинной?» — хотелось уточнить мне. Но кто бы меня услышал... Оставалось только надеяться и верить.

Когда мои родители вышли из медицинского центра, часть дороги до дома папа молчал. Он не был мрачным, просто старался свыкнуться с мыслью, с которой пока дружил чисто гипотетически.

— Олег, это снова происходит? — наконец, прервала молчание Лера. — Тогда, с Гошкой, молчал неделю, потому что он мальчик, а теперь — потому что Григорий оказался Маргаритой?

— Да нет, на этот раз все иначе. Девочка так девочка. Рита, говоришь? Хочешь назвать в честь своей бабушки? Ну, хорошо. Пусть будут Гошка и Маргошка.

— Играть на губной гармошке, — с облегчением рассмеялась Лера. Она была очень рада, что Олег адекватно воспринял известие о том, что их общий ребенок будет женского пола. И еще, несмотря на то, что ей казалось неважным, кто у нее родится, я чувствовала, как мама счастлива оттого, что у нее будет дочка. «Ведь как интересно: будет и мальчик, и девочка», — думала она. — Хорошо, что все так сложилось. Спасибо тебе, ребенок!»

Да не за что, мам. Как говорится, всегда пожалуйста!

Вернувшись домой, первое, что сделала Лера — позвонила в Томск.

— Бабуль, привет, это я, с днем рожденья! Здоровья тебе, живи двести лет!

Вот это новость! У моей прабабушки сегодня день рожденья!

— И у меня есть для тебя подарок, — я расслышала протест на другом конце провода, мол, не надо никаких подарков, не трать деньги, они тебе нужнее. — Да не переживай, он не материальный, — успокоила ее Лера. — То есть пока не материаль-

ный. Я дарю тебе на твое рожденье правнучку, которую мы решили назвать твоим именем.

— Что, правда? — громко удивилась Маргарита Васильевна. В ее голосе я услышала настоящую радость.

— Чистая правда, — подтвердила внучка.

— Здорово, — восхищенно растянула та первую букву «о» из трех имеющихся в слове.

— Ну, вот, — подытожила Лера. — Жди летом в гости с подарком.

— Жду, жду, — отозвалась моя тезка-прабабушка. — И правнука моего не забудь. — пошутила она.

— Не переживай, не забуду! — ответила ей мама.

Мой будущий брат, взрослея, становился намного забавнее, чем был раньше. Помимо своего фирменного танца, который теперь начинался уже просто при одном только виде магнитофона, он стал закрывать ладошками лицо, когда понимал, что папа сейчас будет его ругать. Так он делал вид, что прячется, и его как бы нет.

А еще он стал называть Леру мамой. Да еще таким требовательным тоном, что меня это просто возмущало! Когда ему что-то было от нее нужно, например, дать игрушку или включить музыку, он так говорил «мама!», что становилось понятно: исполнить желание необходимо немедленно. Да и вообще Гошка ни на шаг не отходил от нее, а еще частенько лез обниматься и иногда целоваться. «Любит маму», — прокомментировал он однажды свой поцелуй.

Однажды он сильно насмешил нас обеих. Я так громко хохотала, что та я, что была внутри, стала сильно пинаться. Нас развеселило, как Гошка схватил какую-то цветную тряпочку и очень похоже пародировал маму, как та сморкается в платок. Лера смеялась почти до слез.

— Представляешь, вырастет и напишет когда-нибудь в мемуарах: я помню свою мать вечно сморкающейся женщиной с растрепанными волосами... — со смехом рассказывала она папе, когда тот вернулся с работы. — Все к тому идет. Творческий растет парнишка: музыкальный и артистичный.

— Ты раньше свои напишешь, — улыбнулся он. — Будете потом сверяться.

Утром следующего дня, провожая Олега на работу, Лера, показав на него, спросила Гошку: «Кто это?», и ребенок, недолго думая, ответил: «Папа». И льдинка в сердце моего отца стала таять...

***

«Сегодня днем спали с тобой рядышком на диване, и мне приснился сон, будто я сегодня родила тебе сестру — красивая такая девчоночка, голубоглазая, уже почему-то на детском стульчике сидит, несмотря на то, что только что родилась. Я тебя к ней подвела и говорю: «Вот, Гоша, это твоя сестренка Рита». А ты в рев. И она тоже плачет. А по полу мои аквариумные тритоны ползают. Вот такой сон дурацкий».

Такую запись мама сделала в детском дневнике в феврале. Она всегда обращалась в нем к Гошке. Мне оставалось только надеяться, что мама заведет для меня отдельный дневник, а то скоро получится, что ей придется обращаться к нам обоим. А я бы хотела иметь свой собственный.

Я тоже должна была родиться в мае, как и мой брат, только на две недели раньше. Я была рада его опередить, как он меня когда-то.

Я продолжала иногда отправлять ей сны, которые она почему-то не запоминала, этот был единственным, что остался у нее в памяти. Мамин живот рос, и Гошка иной раз странно к нему относился. Бывало, подойдет с нежностью и гладит, а иногда вдруг мог шлепнуть и даже ущипнуть.

Как-то Лера ездила в гости к своей подруге Наде — крестной маме Гоши, дочке которой исполнилось девять месяцев. Гошка сердился, когда мама начала играть с девочкой, ревновал и бил малышку по руке.

— Вот это да! — сказала Лера подруге. — Что же будет, когда у нас будет своя? И Олег, мне кажется, пить уже не перестанет. Веселенькое будущее меня ждет...

— Что, неужели не сдержал обещание? — удивилась Надя.

— Сдержал. Пива стало меньше. Но зато увеличилось количество водки.

— Ничего себе, — покачала головой подруга. — И это во время беременности жены! Как же мне повезло с мужем!

— Олег в моей беременности нашел одну хорошую выгоду, Надь: сам выпьет — а меня за руль. Давеча 8 марта сидели у родителей, и он снова за стопку. А я вдруг что-то уперлась: не хотелось мне вести машину в тот день и все тут. Говорю: не пей сегодня. Ну как же — 8 марта ведь! Святой для любого мужика праздник, надо непременно выпить. А тут такая незадача: женский праздник, а жена отметить не дает. Вел машину сам, злой, как собака, а дорогой пообещал, что выпьет дома.

— И выпил?

— А как же! По дороге вышел из машины, купил бутылку водки и весь вечер сдерживал обещание, пока не уснул там же, где пил. Надь, у меня уже никакого желания нет к нему, не только из-за беременности, но и еще пьянок этих. Ладно бы друзья приходили, так ведь пьет один! Был у него один друг — Илья, они работали вместе. Очень интересный, но с тех пор пропал куда-то. Это было еще до того, как мы поженились.

— Мда... Вот тебе и восьмое марта... — вздохнула Надя, воздержавшись от комментариев.

— Я вообще этот праздник с некоторых пор с тяжелым сердцем переношу. Может, ты помнишь, именно в этот день погибла моя подруга Оля, беременная, от руки пьяного мужа. Ее сын Петя — мой крестник, ты его у нас на дне рождения Гошки видела. Все произошло на его глазах.

— Да, помню. Ужасный, нелепый и трагический случай.

— Не то слово — трагический. Я каждый год на кладбище езжу, сижу там и плачу. Счастье, что хотя бы дочку удалось спасти. Растет ее продолжение... Самое ужасное, что мне Олег все больше стал Олиного мужа, Клима, напоминать. Особенно, когда пьяный. Я имела счастье общаться с этим типом однажды и теперь ловлю себя на мысли, не попала ли я ту же ловушку. Очень

уже похожи некоторые моменты. Олег ведь даже крестить Гошку не хотел, точно так же, как Клим когда-то был против крестин Пети. Но я не Оля, она была слишком терпеливой.

— Что сказать, держись, — это было Надино любимое слово — «держись». Она всегда произносила его, когда хотела поддержать подругу. — Тебе сейчас не до развода, — кивнула она на Лерин живот.

— Держусь, куда деваться, — по традиции, ответила ей Лера. — Развлекаю себя как могу, пытаясь отвлечься. Давеча вот встречу одноклассников организовала. Чего, думаю, просто дома сижу, надо пользу какую-то обществу принести. Нашла контакты, обзвонила всех, и собрались буквально неделю назад в кафе. Необычно много народу пришло, Вика Петрова даже из другого города специально прилетела. Некоторые так сильно изменились! А один... ты не поверишь, на моего бывшего мужа с возрастом стал похож, я прямо вздрогнула, когда его увидела. Смотрела на него весь вечер. Черт, думаю, не прошли, что ли, чувства?.. Сижу, практически мать двоих детей, и пялюсь на чужого мужика, при своем под боком. Хотя Олег ничего не заметил, он был занят беседой с пацанами — собрались группкой старых друзей и вспоминали детство. Многие из класса не знали, что мы поженились, очень удивлялись, мол, надо же, начать встречаться через столько лет после окончания школы!

Надя с интересом, не прерывая, слушала рассказ подруги.

— В общем, решила я Игоря на танец пригласить. Подхожу, а у него такая реакция странная, вдруг спрашивает: «А можно?» Я даже сначала не поняла, что — «можно»? Потом дошло — это ж он беременность мою имеет в виду! Живот-то уже довольно большой. А мне и в голову не пришло, что живот может танцевать мешать. Засмеялась, да почему нельзя-то, говорю. А он еще больше насмешил меня: «Ну, мы осторожно», — говорит. Потанцевали. Представила себе во время танца, что он — это Артем, но ничего не почувствовала, наверное, все-таки так... ностальгия. А какие сильные были чувства, когда Гошкой забеременела! Все проходит, Надь. Время все стирает,

как в стиральной машинке. Была рубашка белая и новая — положил с цветным, и она уже другого цвета. Так и наши чувства к каким-то людям, может быть, и не проходят, но со временем трансформируются во что-то иное... Что-то я расфилософствовалась, — улыбнулась Лера.

— Да, мудро, ты заведи блокнотик и записывай за собой, — посоветовала подруга. — Ценные мысли не должны теряться!

— А я и записываю. Почти каждый день. И не только свое, но и детское. Гошка с каждым днем все больше смешного выдает. Недавно Олег рассказал случай: нес его на руках, а тот вдруг начал кричать: «Ага упала!» Тот не понял, дальше идет. Гошка опять: «Ага упала!» Оказалось, у ребенка сапог с ноги слетел, а папа и не заметил — дальше идет. Ага — это нога. Он, когда понял, вернулся. За ногой.

— Ладно хоть сапог! Я знаю случай, когда у одного такого папаши ребенок зимой с санок выпал в парке, и тот этот факт не сразу заметил, — рассказала Надя.

— Ужас... — поразилась Лера. — Надеюсь, до такого не дойдет. У нас только ноги и головы падают, — засмеялась она. — В парикмахерской недавно, когда постригли Гошке копну волос, что за год с нуля отросла, он с таким удивлением вдруг на пол посмотрел и возопил: «Гаава упаа!», то есть — «Голова упала!».

— Смешной.

— Ага. Самое смешное, что он все это серьезно так произносит.

Надя вдруг о чем-то задумалась:

— Тоже, что ли, встречу одноклассников организовать, давно хочется всех увидеть, — вздохнула она.

— Так вперед! — поддержала ее идею Лера.

— Да некогда мне — дочка все время на руках висит.

— Так и у меня Гошка висит, как грузило. Недавно у него из-за заболевшего зуба флюс начался, попали с ним в больницу, — сидела там, дрожала, как бы инфекцию какую не подхватить, — рассказала настоящая и будущая мать. — Надь, я просто не могу жить только детскими и домашними проблемами! Я се-

бя чувствую как в вакууме. Вокруг еще столько интересного! Вчера хоть в кино выбралась. Это был первый Гошкин поход на мультик. Про цыпленка Цыпу. Так интересно реагировал! Смотрел как зачарованный, пока все титры не закончились. Нас уже выгонять начали, когда попкорн с пола подметали, а я оправдываюсь — разве не видите, ребенок смотрит титры?

— Да, хорошо тебе: у тебя получается совмещать, у меня пока не получается, — еще раз вздохнула Надя.

— Было бы желание, — подмигнула ей Лера.

Когда до моего рождения оставалось все меньше, я вдруг поняла, что мне так хорошо, что совсем не хочется рождаться. А еще у меня была одна идея: я хотела сделать так, чтобы наши дни рождения с Гошей оказались совсем рядышком, но мой все-таки немножечко раньше. Я до сих пор не простила ему его маленькую хитрость и, таким образом, хотела досадить брату.

Лера переживала, что роды задерживаются. И, как оказалось, переживала не только она. Мой папа однажды, посмотрев на календарь, вдруг сказал ей:

— Слушай, а ведь я в это время уже улетел...

— Куда улетел? — не поняла она.

— Не куда, а откуда. Из Томска. Девять месяцев назад в это время я уже улетел.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Только то, что сказал.

До меня с ужасом дошло то, что он хотел сказать. Папа, ты что, думаешь, что я — не твоя дочка? Мама в этот момент думала то же, только другими словами: «Да он в своем уме? Он что, решил, что я встречалась потом с кем-то еще? Может, тоже, как Артем когда-то, потребует доказательств? Господи, да за что мне все это?!» Она было хотела все это выпалить папе, но, вспомнив про то, что поступки и слова, основанные на эмоциях, никогда не доводили ее до добра, произнесла лишь:

— Просто роды задерживаются.

Олег в ответ недоверчиво покачал головой.

— Можешь посмотреть мою медицинскую карту, — Лера быстро вышла из комнаты, чтобы не сказать лишнего.

Оставшись в комнате с папой, который играл в какую-то компьютерную игру, я села к нему на плечо и, несмотря на то, что знала, что он меня все равно не услышит, прошептала ему прямо в ухо: «Пап, я твоя! Твоя дочка! Прости, что я не сын, но я очень хотела, чтобы ты стал моим папой. Я понимаю, что разрушила твою мечту, но, быть может, когда-нибудь у меня будет еще один брат? Ты же еще не старый, у тебя вся жизнь впереди!»

Папа почесал мочку уха и отпил глоток пива из бутылки, что стояла рядом с клавиатурой.

«Можно ли ей верить? — думал он. — Она вроде искренняя и никогда не кривила душой, но после того, как она постоянно возвращалась к своему бывшему и даже завела от него ребенка, я будто перестал быть собой. Да, я предложил ей поддержку, потому что все равно любил ее. Но ребенка, так похожего на того, кого я ненавижу, кто постоянно переходил мне дорогу, из-за кого у меня так и нет, а теперь и не будет своего сына — я полюбить так и не могу. Умом я понимаю, что мальчик ни в чем не виноват и что отец для него — я, но он мне так и не стал родным. Вижу его, а в нем — того, другого, и ничего, кроме раздражения, он во мне не вызывает. А она мне все пеняет, что я пью. Да если бы я не пил, я давно бы плюнул на все! Может, это было ошибкой — приехать тогда в Томск и бросить вызов судьбе... Но теперь уже ничего не исправишь, доча — это реальность. Надеюсь, что хоть она все-таки моя, и правда то, что просто роды задерживаются...»

«Даже не сомневайся!» — прокричала я ему в ухо, да, видимо, так громко, что он будто услышал, сунул в него палец и стал двигать им вверх и вниз, как делают, когда ухо закладывает. Может, он все-таки что-то услышал?

После слов мужа Лерино желание побыстрее родить усилилось еще больше. Она хотела сразу после родов снова улететь к моей будущей прабабушке и даже советовалась по этому вопросу с врачом-педиатром:

— Скажите, пожалуйста, а ничего, если я с новорожденным ребенком сразу уеду на дачу?

— Да, конечно, ничего. Ребенок будет на свежем воздухе. А далеко у вас дача? — дружелюбно поинтересовалась доктор.

— Четыре часа на самолете, — честно ответила мама.

Лицо пожилой женщины-педиатра приобрело очень удивленное выражение.

Чтобы подтолкнуть меня к рождению, при посещении бассейна, на глазах у изумленных посетителей, Лера съезжала с небольшой горки. После — минут по двадцать сидела в парилке, пока та я, что была внутри, не начинала со всей силы ее пинать, чтобы она поняла, что мне уже жарко и пора выходить. Мои внутриутробные танцы мама пыталась увековечить, сняв пляшущий живот на видеокамеру, и я, увидев это, давала сигнал своему будущему телу активизироваться.

— Удивительное дело: как только я нажимаю на запись, она буквально начинает танцевать, — рассказывала она по телефону своей подруге Ане. — Гошка был совсем другим: сидел, затаившись, будто видел, что его снимают. Как только выключу камеру — снова шевелится. А эта прямо будущая актриса! Стоит нажать на кнопку записи, и она начинает старательно позировать, — смеялась она. — Разные очень, мне кажется, будут детишки.

Двадцать пятого мая Лера съездила к какому-то доктору, судя по всему, ее давнему знакомому, и тот ее успокоил, что в ближайшие дни она точно должна родить.

— Я тебе подскажу одного врача, он мой однокурсник. Позвони ему, договорись, он отличный специалист, — и доктор написал на бумажке телефон и имя отличного специалиста.

Врач работал как раз в том роддоме, где мама планировала рожать. Но она все-таки решила сэкономить и звонить не стала. И вечером следующего дня, одновременно с началом программы «Клуб веселых и находчивых» по первому каналу, мы с девочкой решили, что нам пора.

Поначалу Лера, помня, что роды — дело небыстрое, пыталась вникать в шутки с экрана телевизора, но как только поня-

ла, что они доходят до нее плохо, а боль становится все сильнее, позвонила на работу моему папе, и уже через сорок минут они вместе ехали в роддом. В дверях они встретились с моей будущей бабушкой, мамой Леры, которой пришлось срочно приехать на такси, чтобы остаться с внуком.

— Лерочка, скажи: ангел мой, иди со мной, ты — впереди, я — за тобой. И все будет хорошо, — перекрестила дочь Марина Ивановна.

— Да я знаю, мам, знаю. Меня этой фразе Вовка давно научил. Он думает, что именно эти слова спасли его от гибели, — и Лера повторила слово в слово спасительные слова.

Всю дорогу она морщилась от боли.

— Жвачку хочешь? — решил успокоить маму папа.

— Чего?.. — она взглянула на него так, что всю оставшуюся дорогу папа смотрел только на дорогу.

Я родилась так быстро, что мама даже ни разу не успела охнуть. Больше всего она боялась, что начнет рожать ночью, когда разведут мосты, но так как я знала об этом ее страхе, да и сама не хотела появиться на свет на заднем сиденье папиного автомобиля, решила начать первый акт моей жизненной арии заранее. Доктор, дежуривший в тот вечер, оказался как раз тем самым специалистом, которому мама самонадеянно решила не звонить. «Ай да я, — думала она, узнав его фамилию. — Не иначе, в дело снова вмешался мой ангел-хранитель ».

Лера была права. Я тоже чувствовала присутствие ее небесной тезки и, когда уже вот-вот должна была появиться на свет, вдруг увидела ее. Она была все такая же красивая, с длинными рыжими косами. Валерия стояла рядом с врачами и внимательно наблюдала за всем, что они делают.

— Ура! Вы пришли! — бросилась я ей на шею, и мне даже показалось, что я почувствовала приятный запах каких-то необычных цветочных духов, исходящий от ее больших белых крыльев.

— Да, девочка моя, конечно, я пришла, разве я могу оставить Леру одну в такой момент? Тем более что она сама позвала меня.

— Позвала? Как? Когда?

— Разве ты не помнишь, как она произнесла «Ангел мой, иди со мной...»?

— Так именно благодаря вам все складывается так удачно?

— Ну... Я не люблю себя хвалить. Пусть это сделают другие, — и она одарила меня своей очаровательной нежной улыбкой.

— А можно вас кое о чем попросить?

— Проси, конечно, только быстрее, времени у тебя остается все меньше, ведь когда ты появишься на свет, ты уже не сможешь видеть и слышать меня.

— А можно... Можно вы станете моим ангелом-хранителем? Раз и мама, и бабушка — уже под вашим крылом, можно буду и я?

— Разве я могу тебе отказать в такой важный для тебя момент? Хорошо, когда ты родишься, я сразу сообщу о твоей просьбе в департаменте, где людям назначают ангелов-хранителей. Думаю, они не откажут, раз я сама прошу об этом. Ну, а ты-то как — счастлива? Сбылась твоя мечта опередить брата?

— Вы и об этом знаете?.. — смутилась я.

— Конечно, глупышка. Ангелы знают обо всем. Это наша обязанность.

— Доктор, у меня получится родить после полуночи? — задала в это время моя мама вопрос высокому седовласому врачу в синей шапочке.

— Странный вопрос, Лера. Это вам зачем?

— У сына завтра день рождения, подумала, будут отмечать в один день.

Доктор заглянул в ее «внутренний мир» повнимательнее:

— Нет, родите сегодня.

Эхей! У меня получилось! Я опередила на целый час моего брата, и теперь мой день рождения всегда будет первым! Вот так-то, Гошечкин, дамы — вперед.

Когда на свет показалась моя светло-рыжая голова, я навсегда соединилась со своим будущим телом и не успела рассмотреть, какими получились мои ноги. Меня очень волновал этот вопрос.

За окнами пугающе грохотал майский гром. Папа, стоявший в головах у мамы, наклонился и поцеловал ее в лоб: «Спасибо за дочу», — сказал он ей. И от этих слов мне стало удивительно хорошо.

— Ну вот ты и родилась, — сказала моя ангел-хранитель, тоже целуя меня в лоб — на удачу. — Теперь с каждым днем ты будешь помнить все меньше и меньше, пока не забудешь все окончательно. Те дети, кто помнят что-то, о чем помнить не должны, встречаются очень редко. Если ребенок рассказывает родителям о том времени, когда он еще не родился, значит, на нем особая благодать. Будь счастлива, моя девочка! Знай — я всегда рядом и постараюсь оградить вас от бед.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«Ровно в 23 часа 26 мая родилась у меня светло-рыженькая девочка, закричала громко и настойчиво, стала кашлять и описала мне на исчезнувший живот. А я не могу какую-нибудь глупость не ляпнуть, спрашиваю врача: «А что она кашляет, заболела? А он мне со смехом: «Да, простудиться уже успела, Лера, ну что вы такое говорите?»

Когда родилась Маргарита, Лера стала записывать свои мысли в еще одну тетрадь, такую же, какую вела уже больше двух лет, еще до того, как родился Георгий:

«После измерений выяснилось, что весит малышка 3750 г, рост 54 см. Дети у меня, как с конвейера: почти в один день, почти один рост и почти тот же вес. Однако сестра обскакала брата по всем пунктам: на 50 граммов, 1 сантиметр и 1 час, в смысле дня рождения. Но, если учесть, что девочка была зачата в Томске, где время бежит вперед на три часа, можно считать, что день рожденья у них один на двоих.

Уже дважды папа, наблюдавший рождение дочери, многозначительно изрек: «Вся в меня — долго собиралась и быстро все сделала!»

В общем, все прошло просто отлично. Огорчает одно: похоже, доча взяла от меня вовсе не стройные ножки, вместо того чтобы позаимствовать длинные и красивые — папины. Говорят, это можно исправить тугим пеленанием или массажем, но ей так не нравится быть туго запеленутой! Кричит так, будто хочет сказать «Немедленно выпустите меня отсюда!» В общем, в результат верится с трудом. Тут уж, как говорится, что Бог дал, думаю,

надо просто смириться и отращивать не ноги, а харизму, чтобы на такие мелочи внимание уже никто не обращал.

Я купила эту тетрадь заранее и положила вместе с вещами для роддома, которые ждали своего часа больше двух недель, ибо Рита никак не хотела рождаться в срок, несмотря на мои попытки ее поторопить. Но уже через два дня после родов, видя беременных из дородового отделения, я с грустью думала, что, наверное, больше никогда не буду ходить так же важно, нести впереди себя живот и ощущать, как внутри, в прямом смысле этого слова, бьется другая жизнь (дочка, в отличие от сына, очень сильно пиналась).

Мне очень нравилось быть беременной. Когда ребенок начинает толкаться и ты это чувствуешь, вдруг понимаешь, что все не зря. Ты продолжаешь быть собой, но ты — уже не одна.

Когда я сама была ребенком лет десяти, я посмотрела фильм, который назывался «Враг мой» — историю дружбы человека и инопланетянина, которые встретились на какой-то планете и поначалу воевали. А потом этот инопланетянин родил ребенка и умер, и его малыша воспитывал человек.

Фильм произвел на меня очень сильное впечатление. Я тогда эмоционально ощутила, какой он был счастливый — этот страшный чешуйчатый инопланетянин, — когда почувствовал, как внутри него движется новая жизнь. На нашей планете все иначе: женщине, забеременев, а еще лучше — до этого, надо обязательно думать о материальном благополучии, о том, какой мужчина будет отцом твоего ребенка и каким он будет отцом... А у того инопланетянина не было пола и не было таких мыслей — каждый житель их планеты мог дать жизнь другому существу. Поэтому он был просто счастлив и все.

Человек, увидев беременный живот инопланетянина, стал смеяться над ним и шутить: не станешь же ты утверждать, что я отец ребенка. А тот, нисколько не оценив юмор и даже обидевшись на такую реакцию, сказал очень важную вещь: «Вы, люди, разделили себя на две половины, соединяетесь на краткий миг, а потом снова — одиночество...» На их планете было

все по-другому: в назначенный час каждый производил на свет свое продолжение. И каждый знал своего отца, потому что тот его родил.

Жаль, что земным мужчинам не дано почувствовать, как это здорово — когда внутри тебя развивается жизнь. Они-то, конечно, только рады, что природа обошла их таким подарком, и предложи им попробовать хоть раз, с ужасом замашут руками, мол, вы что, с ума сошли? И не факт, что согласятся — даже за миллион долларов в швейцарском банке, что якобы лежит там для первого мужчины, который родит ребенка (хотя... если бы это было возможно, за такие деньги наверняка нашелся бы смельчак).

Я думаю, что если бы в нашем мире все было устроено как на планете того инопланетянина, наверняка многие мужчины бы были другими. Более человечными, что ли. И не отмахивались бы от своего ребенка, только узнав, что он готов прийти в этот мир, как это сделал отец моего сына. И отец ребенка, что мог родиться у меня до него.

Я не хочу сказать, что все мужчины таковы. Я сужу лишь по своей истории. Но огромное количество мужчин принимают жесткое решение о том, что их ребенок не должен родиться сейчас, так как они не готовы взять на себя ответственность, или пускают все на самотек, решив не оставаться рядом с матерью своего будущего ребенка. Я не знаю статистики, но уверена, что детей, которые ни разу не видели своего отца, гораздо больше, чем тех, что ни разу не видели мать. И именно поэтому мать-одиночка — это обычное явление, а одиноким отцам буквально готовы повесить медаль на шею. Медаль со словом, которого многие так боятся: «Ответственность».

И — мужчины, поверьте, — ответственности боитесь не только вы. Мой страх не потянуть был настолько сильным, что пересиливал желание родить ребенка. Я боялась остаться одной. Боялась, пока не встретила Олега. Благодаря ему у меня теперь двое детей, но я все равно с каждым днем убеждаюсь в истине слов, что мужчины и женщины — с разных планет. Он рядом, — но он чужой. Мы не слышим друг друга. И я все чаще вспо-

минаю фильм «Враг мой» и понимаю, что было бы намного проще, если бы и люди были бесполы и могли бы продолжать род, не образуя пары.

Но, женщины, вы все равно не должны терять надежды!.. Ведь где-то обязательно есть «инопланетянин», который случайно окажется братом по разуму. Дело за малым — просто встретить его».

Выплеснув на бумагу этот поток мысли, Лера поняла, что дневник получается больше ее, чем детский, и решила, что в дальнейшем нужно будет отделять свои размышлизмы от жизнеописания дочки.

***

На выписку из родильного дома Олег привез два огромных букета цветов: один — для жены, другой — для акушерки, принимавшей роды. Накануне Лера попросила взять с собой Гошку. Ей было стыдно перед малышом за то, что она не смогла быть с ним в его день рождения, хотя виновата в этом была маленькая девочка, которая теперь будто приклеилась к ее рукам. При виде приклеившейся девочки Гошка насупился, сел на пол и всем своим малышковским сердитым видом вызывал у матери одновременно улыбку и чувство вины. Присев на корточки, она попыталась познакомить его с кружавчатым розовым свертком:

— Гошкин, ну ты что? Это твоя сестренка, Рита.

При этих словах мальчик просто отвернулся, как будто был всерьез обижен на маму. Похоже, новообретенная сестра портила его настроение. Ребенок сильно ревновал.

«Наверное, он сейчас думает: «Оставила меня на пять дней с бабушкой, а сама себе нового ребенка родила… Я и так-то не особо был нужен папе, а теперь на меня вообще никто внимания обращать не будет», — Лере стало очень жалко его и захотелось обнять и приласкать.

Она взяла насупившегося четырнадцатикилограммового двухлетку на руки и тащила от машины до двери квартиры, в то время как Олег нес Маргариту в одеялке, перевязанном

розовой ленточкой. Увидев это, Марина Ивановна, устроившая праздничный обед, ругала дочь, мол, разве можно так, сразу после родов! Лерина мама была довольна, что Рита родилась похожей на нее: она тоже в детстве была такой же светло-рыженькой. Олег, с присущим ему чувством юмора, увидев такое сходство, задумчиво произнес:

— Странно, я же не думал о теще...

«Я так надеялась, что ты будешь похожа на папу, и ему это было бы тоже приятно и, быть может, отчасти компенсировало бы то, что ты родилась не мальчиком, а девочкой, — записала Лера в тетрадь. — Хотя внешность с возрастом меняется, и, может быть, у него еще будет возможность погордиться вашим сходством. Вот только ноги уже вряд ли изменятся. Ну, ничего, может, ты будешь певицей, вон как голосишь, аж уши закладывает. А оперным певицам не обязательно иметь длинные ноги, достаточно просто надеть длинное платье.

Сейчас я гляжу на тебя, как ты лежишь и сосешь палец: такая удивительная солнечная девочка, и мне так стыдно за мои мысли не родить тебя... Стыдно просто за мысли. Укрепиться в том, что мы нужны друг другу, помогло мне то, что я решила назвать тебя именем своей бабушки. А еще то, что тебя наверняка отправил ко мне мой ангел-хранитель. Увидеться бы с ним когда-нибудь! Как ему, наверное, со мной тяжело...

Ты, Маргарита, экологически чистый ребенок! Больше двух лет до тебя — никакого алкоголя, все лето до зачатия — на свежем воздухе. Мне неловко вспоминать вечер, когда во мне зародился твой брат. Почему звезды расположились так, что именно в тот день я должна была встретить своего бывшего мужа, который с тех пор и знать не хочет о том, что у него родился сын? Если бы Гошка был твоим братом на сто процентов, думаю, отношения с Олегом — твоим папой — складывались бы по-другому. Мы же раньше понимали друг друга... Прости, малышка, но мне кажется, ты напрасно соединила нас. Но если уж соединила, надо жить дальше. А время покажет...»

С рождением дочки Лера стала писать чаще. Иногда ее статьи публиковали в газете, где она работала до декретного отпуска, который ей пришлось продлить. Вскоре после рождения дочки на первой полосе вышел небольшой забавный текст под заголовком «Как мои дела? Слава Богу, родила!» с фотографией маленькой Риты, где она подпирает щечку рукой, и на запястье — бирочка с датой рождения и фамилией мамы. Оттолкнувшись от личного опыта, автор статьи описала положение дел в роддомах и ситуацию с рождаемостью.

Занятие фотографией увлекало Леру не меньше создания текстов. Вместе с Олегом они приобрели хороший фотоаппарат и своими новыми увлечениями она немного зарабатывала во время своего затянувшегося декретного отпуска. С одной фотографией Лера даже заняла первое место на городском фотоконкурсе. На ней был запечатлен момент, как три младенца с перевязанными пуповинами в первый день их жизни «общаются» на пеленальном столике. Один, тот, что с краю, пытается поцеловать рядом лежащую девочку. Девочкой была Маргарита. Фотография-победитель, среди прочих, висела на видном месте на осенней фотовыставке в Манеже. Поместив ее в рамку, Лера подарила фото акушерке, что принимала всех трех малышей, с красиво оформленной дарственной надписью: «Мы навсегда запомним ваши руки!»

Валерия много фотографировала детей на даче у бабушки, где они провели часть лета сразу после рождения Риты. Двухлетний Гошка был уже не таким упитанным, как в годовалом возрасте, и становился все забавнее. Ему нравилось в шутку пугать маму и прабабушку, издавая «жуткие» звуки и сжимая кулаки. Взрослых ужасно смешил его якобы страшный вид и они подыгрывали ему, будто очень боятся. В конце игры смеялись все: и напуганные, и пугальщик.

Особенно Леру умиляли попытки сына ей помочь. «Помогу тебе!» — настойчиво говорил он, доставая из ведра белье на берегу речки, чтобы прополоскать в проточной воде. Пока он был занят делом, Лера брала в руки фотоаппарат и ловила интерес-

ные кадры. Особенно удачные она отправляла в разные детские журналы, где их иногда печатали. Все шло к тому, что из Валерии мог бы получиться неплохой фотограф и журналист, из Георгия — ученый-исследователь, — так подолгу он любил наблюдать за разными жучками, а из Маргариты — певица. Это девчушке «предсказали» в лаборатории, где брали кровь из пальца. Не зная, зачем это нужно, малышка доверила тете свой пальчик и тут же, в первый раз в жизни, почувствовала резкую боль.

— А-а-а-а-а-а-а-а-а! — от неожиданности «пропела» Рита. Да так плавно и протяжно, что это было совсем мало похоже на обычный детский вопль.

— Да ты певица! — восхитилась сотрудница лаборатории, чем вызвала у Леры гордую улыбку.

Несмотря на появление дочки, которую Олег очень любил, его отношение к первому ребенку улучшилось ненамного. Рита росла не по дням, а по часам, и опережала Гошу по многим параметрам. Лере было легко сравнивать их развитие по датам в своей тетрадке о сыне, потому что они родились почти в один день. С Ритой для нее все было как будто впервые. Например, такая немаловажная штука, как зубы. К восьми месяцам у девочки их было уже восемь (первые два показались в четыре), в то время как первый зуб у Гошки прорезался в десять с половиной. Както раз, с гордостью посмотрев на дочь, Олег вдруг сказал: «Вот я валидного ребенка заделал», от чего Леру немного покоробило. Использование такого прилагательного в отношении дочки было ей неприятно, еще и потому, что значение его унижало Гошку. Да и глагол грубоват. Получается, Олег продолжает мысленно соревноваться с Артемом? Лера молча проглотила это, решив не развивать болезненную в их семье тему.

«Маргарита растет улыбчивой и очень активной. Она как будто сознательно пытается опередить брата. У меня порой бывает ощущение, что они были знакомы в прошлой жизни и он ей когда-то чем-то насолил. Иногда они так смотрят друг на друга, как будто хотят сказать: ну, погоди, подрасти немного, я тебе покажу! Мне даже становится страшно. Это что же, мне посто-

янно придется их разнимать? Уже провожу соцопрос среди мам, у которых есть дети с близкой разницей в возрасте. Говорят, бывает, дерутся чуть ли не до института! Ужас какой.

Гоша много капризничает и ревнует. Вчера первое, что сделал, проснувшись — дал сестре в лоб. А сегодня встал на табуретку, достал муку и высыпал девчушке на голову. А потом и себя в ней вымазал. Захожу на кухню, а они сидят оба белолицые. Мученики мои.

Еще, бывает, глупенький, пытается ей, восьмимесячной, подражать. Недавно Рита ползет по коридору, а Гошка это увидел, на четвереньки, и за ней. Так и ползали наперегонки: большой и маленький. Олег, увидев это, пошутил надо мной: «Народила мно-о-ого!». Он, конечно, рад. Гордый такой. Когда дома, гуляет с ней, купает. А еще его любимая доча недавно сказала «папа». Правда, при этом посмотрела почему-то на меня.

Однако, несмотря на его внешнее спокойствие, я не чувствую, что Олег счастлив. Да, у него теперь есть долгожданный ребенок, хоть и не того пола, какой он заказывал. В рождении собственного ребенка он искал смысл жизни, но я не вижу, чтобы он его нашел. Муж часами как будто пропадает в своих мрачных мыслях, которые продолжает запивать пивом. Обещания не пить хватило лишь на первую половину моей беременности. А когда Олег понял, что я уже никуда не денусь, все началось снова... Я пытаюсь с ним поговорить, но у меня не получается. Может, попросить какого-нибудь его друга? Так их у него практически нет...

Меня давно не покидает чувство, что я должна быть не здесь. А здесь должна быть не я. И почему он так уверен, что я никуда не денусь?..»

***

Когда Гоше исполнилось три года, а Рите — год, разница в отношении к детям у Олега стала проявляться особенно сильно, и Леру это очень угнетало. Единственный плюс в строгости его к мальчику был в том, что сын ее не слушался, а вот отца слушался беспрекословно. Стоило ему только сказать «убери игрушки», как игрушки сразу возвращались на свои места, а те же са-

мые слова, но в Лерином исполнении, были для малыша как радио, на которое можно не обращать внимания. Но видя, как ребенок боится отца и как иной раз хочет нежности от него и не получает ее, она плакалась Гошкиному, а теперь уже и Ритиному, крестному. Володя иногда заезжал к ним в гости днем, когда Олега не было дома.

— Иногда, знаешь, подойдет к нему, постоит, как будто хочет, чтобы тот на коленки его посадил или поиграл с ним, а Олега хватает только на то, чтобы слегка по голове его погладить. Вовка, я молчу, чтобы не провоцировать неприятный разговор, но он порой бывает так резок с ним! Я скоро не смогу молчать, ты же знаешь, мне молчание вообще очень трудно дается, — жаловалась ему Лера.

— Это да, молчание — не твой конек, — подтвердил ее друг. — И какой видишь выход?

— Да у меня всегда один выход, ты знаешь, какой. Но так страшно одной с такими маленькими детьми остаться!

— Ну, и не торопись пока, может, он изменится...

— Да сколько уже ждать-то можно, я скоро уже не смогу сдерживаться, у меня не только с молчанием, у меня и с терпением всегда были проблемы. На таком фоне мне уже иной раз кажется, что и чувств у меня к нему все меньше и меньше... И снова хочется Артему что-нибудь написать.

— Тебе прошлого раза не достаточно было?

— Достаточно. Но ведь там его мама вмешалась, изначально-то у него были другие мысли... Вдруг сейчас что-то изменилось? Все равно очень хочется донести до него мысль о ребенке. Может, каким-то иным способом...

— Интересно, каким это — иным?

— Ну, например, познакомиться с ним заново, и чтобы он не знал, с кем общается.

— По интернету, что ли?

— Ну, да. По аське, например. Напишу ему анонимно, будто я совсем незнакомая девушка.

— И чего ты этим добьешься?

— Не знаю... Хочется понять, что у него в голове. Я так и не могу избавиться от желания, чтобы он хотя бы раз увидел Гошку. Тот ведь все больше на него похожим становится... Вовка, это же так несправедливо: на свете живет ребенок, а тому, кто помог ему появиться на свет — по барабану!

— Ну, твой случай не единственный...

— Знаю. И многие женщины вообще растят детей одни. У меня хотя бы Олег есть, хотя что Олег... Раз он его не любит.

— Кстати, не боишься, что Олег узнает о твоей афере?

— Не узнает, надеюсь. Хотя, знаешь, я с каждым днем все меньше боюсь конфликта. Нам давно пора еще раз серьезно поговорить. Мне иногда кажется, что я не на своем месте, будто рядом со мной должен быть совершенно другой человек, а я зачем-то здесь...

Вечером, когда муж пришел с работы и молча ел свой ужин, Лера не выдержала:

— Олег, тебе не кажется, что мы рядом друг с другом не свои жизни проживаем?

— Хорошо, что ты тоже это понимаешь, — немного подумав, после паузы ответил он.

Его ответ поверг ее в шок. Ему приходили в голову такие же мысли?

— А чего ж мы тогда не расстанемся? — удивилась она.

— Так ведь дети...

— Ты планируешь жить ради детей? До их совершеннолетия? — уточнила Лера.

— Да. Многие так живут, — спокойно произнес муж.

— Я не буду так жить, — отрезала она. — Мне своя жизнь тоже дорога. Да и какая детям-то радость от того, что они видят отца и мать, которые уже не могут быть вместе? Лучше тогда уж расстаться, пока дети маленькие и мало что запомнят из раннего детства. Либо нужно что-то делать сейчас, либо мы, скорее всего, разведемся.

Олег помолчал с минуту и сказал, что ему будет легче пережить их расставание постфактум, чем предпринимать что-то, чтобы этого не произошло. Лера в немом шоке просто вышла

из кухни, оставив его одного. Она бы прямо сейчас написала бывшему мужу о том, чтобы он, с подачи своей мамы, перестал тешить себя иллюзиями о том, что у ребенка есть другой отец, но вспомнила, что удалила все его контакты, включая номер телефона, чтобы удержать саму себя от общения. Она записала какие-то свои мысли, открыв файл, названный «Излияние в файл», куда она решила записывать то, что лежит у нее на душе, и легла спать. Олег долго сидел на кухне с пивом и пришел спать примерно в середине ночи.

На следующее утро у них были куплены два билет в Театр марионеток: для нее и Георгия. Они почти каждые выходные ходили вдвоем то в театр, то в кино, а Олег оставался дома с Ритой. Он вообще не любил театр.

В то утро Георгий раскапризничался так, что у Леры в конце концов лопнуло терпение.

— Так. Ты идешь на спектакль? — строго спросила она сына.

— Не хочу, — заупрямился мальчик.

— Точно? Смотри, а то я пойду с Ритой, чтоб не пропали билеты.

Гошка, насупившись, молчал.

— Так я иду с Ритой?

Ребенок кивнул.

«Вот упрямый характер!» — думала Лера, одевая Риту, которая, в отличие от своего брата, очень любила собираться на прогулку. Собравшись и похлопав спящего мужа по плечу, она сказала:

— Олег, я с Ритой сегодня в театр пойду.

— Так она же маленькая еще совсем, не поймет ничего, — сонным голосом отозвался он. — Иди с Гошей!

— Он уперся и ни в какую. Не могу же я его волоком тащить. Схожу с ней. Даже интересно, как она будет реагировать.

— Хорошо, — муж повернулся на другой бок.

Собравшись, Лера снова заглянула в комнату:

— Ты просыпайся, да?

— Угу, — отозвался он.

Спектакль про утенка Тима Рите понравился, но из-за своего непоседливого характера она не высидела даже до конца первого отделения. Они с братом были совершенно разными. Тот вдумчиво и терпеливо смотрел все представления от начала и до конца.

— Сначала, когда темно стало, видимо, подумала, что «замуровали, демоны», — со смехом рассказывала Лера своей маме, с которой они договорились встретиться после спектакля у входа в театр. — А потом увидела, как какой-то мужчина с мальчиком открыли дверь, а за дверью свет, и за ними побежала.

— Давай еще до часовни дойдем у Троицкого моста, где Георгия крестили. Сегодня там отец Игорь служит, — поговоришь с ним, — предложила Лерина мама.

— Хорошо, давай. Заодно прогуляемся. Я давно уже в церкви не была, а надо бы, так что-то на душе неспокойно, просто кошки скребут. Какое-то решение созревает, да все никак не созреет.

— Вот и поговоришь с ним, — повторила мама. — Может, он тебе что-то мудрое подскажет.

Отец Игорь — седой, как лунь, старик с бородой, как у Санта Клауса, увидев свою давнюю прихожанку, обрадовался и пожурил за то, что так долго не была. Служба уже давно закончилась, и они просто поговорили по душам. Но что может сказать православный священник мятущейся душе? Лишь посоветовать набраться терпения и смирения. Да убоится жена мужа своего, как заповедано. Лере нравился этот батюшка. Он был мягкий и добрый и никогда ничего не говорил резко. А ей всегда было важно, в какой форме сказаны слова. Отказ, когда он вежливый и обоснованный, всегда приятнее категоричного «Нет».

Когда они только вышли из часовни, раздался телефонный звонок. Из трубки послышался встревоженный голос бабушки Риты:

— Лера!

— Да, бабуль.

— Где у тебя ребенок?

— Какой? Рита на руках, а Гошка дома с Олегом. Ты меня пугаешь, что случилось?

— Мне сейчас позвонила какая-то женщина с вашего Индустриального проспекта, говорит, мальчик в подъезде ходит, маму ищет... По описанию очень на Гошу похож.

— Погоди... Но как какая-то женщина могла по этому поводу звонить тебе? Откуда у нее твой номер телефона? Ничего не понимаю... Это какая-то мистика!

— Я не знаю, — ответила бабушка. — Она уже два раза звонила. Поезжай быстрей домой и выясни, что случилось!

— Что там, что? — заволновалась Марина Ивановна.

— Я не знаю, мам. Мальчик, похожий на Гошу, бродит по этажам, ищет маму... Бабушке об этом сообщил женский голос. Кто это может быть? Ведь никто не знает телефона бабушки.

— А может... это не человек звонил?.. — вдруг потрясенно предположила Лерина мама.

— Мама... А кто? — Лера от волнения уже даже не могла держать на руках Риту и поставила ее на ноги. Девочка тут же захныкала, просясь обратно.

— Ну... Кто-то свыше. Предупредить об опасности.

В тот момент Лера была готова поверить во что угодно.

— Ангел-хранитель? Мой?.. Или Гошин? И он — женщина???

— Ну... — в голосе мамы Леры послышалась неуверенность.

— Тогда почему ангел позвонила не мне, а бабушке?..

Мысли ее совершенно перепутались. Кто же это все-таки мог быть? И как Гоша мог выйти из квартиры? И куда делся Олег? Она звонила и на мобильный, и на домашний, но никто не брал трубку. Ее материнское сердце просто выпрыгивало из груди, когда она ехала домой. Если бы она могла полететь — она бы полетела, как летают ангелы, что, оказывается, уже научились предупреждать людей по телефону. Она была уже почти у дома, когда снова позвонила бабушка.

— Лера, все выяснилось. Это была соседка. Она только что звонила еще раз из коридора вашей квартиры и все объяснила. Набирала последний набранный номер на трубке, ты же утром мне звонила, мой номер был последним... А я ей сказала: «Да вы загляните в комнату, там, наверное, отец спит!» И точно. Олег спал.

Когда Лера, ее мама и Рита зашли в квартиру, Гоша уже был дома. Олег застегивал пуговицы на своей любимой черной рубашке. Лицо у него было заспанное. Гошка, увидев маму, радостно подбежал к ней и обнял за ноги. Она схватила его на руки и крепко-крепко прижала к себе, как будто нашла кого-то, кого давно потеряла.

— Ты ничего не хочешь мне сказать? — спросила Лера мужа тоном, после которого женщины обычно переходят на крик.

Он вопросительно посмотрел на нее. Может, он и чувствовал себя виноватым, но старательно не подавал вида.

— Ты считаешь, что это нормально — когда отец остается с ребенком, а тот гуляет больше двух часов по подъезду?! Раздетый! В ноябре! — продолжила она с нарастающей громкостью. — А если бы он был выше ростом и достал до кнопки домофона, он вообще мог бы уйти на улицу!

Муж молчал. Лера смотрела на него и понимала, что можно начать кричать громче и продолжать возмущаться, но какой смысл? Он и сам все понимает.

— Олег, пожалуйста, уйди погулять. Если ты сейчас останешься здесь, я за себя не отвечаю, меня просто всю трясет.

Он молча надел куртку и вышел. Почистить зубы и позавтракать он так и не успел. Настенные часы показывали два часа дня.

— Мама... — расплакалась Лера, целуя Гошку в щеки. — Я больше не могу-у-у-у.

— Лера, ну... человек заснул. Наверное, поздно лег, — пыталась оправдать зятя теща, по традиции, затевая на кухне какую-то стряпню.

— Да я понимаю, что человек заснул. Но ведь могло случиться все, что угодно! И ты знаешь, почему он поздно лег? Потому что вчера была пятница! И он пришел в одиннадцать вечера с двумя пакетами пива, чипсов, кильки и орешков! А детям хоть бы сока купил! Ему не жалко денег, он просто даже не подумал что-то купить для детей. Зато о пиве

и сухариках — подумал... И пил до двух или трех, даже точно не знаю, я спать легла.

— Алкоголизм неизлечим, — заключила Марина Ивановна. — Я тебе сразу говорила, подумай хорошенько, прежде чем второго ребенка рожать.

— Мам, он не считает это алкоголизмом. Это — пятница! Святое. Нельзя не выпить. А выходные — та же картина по вечерам. Но дело в том, что и в остальные дни частенько по той же схеме, просто пива меньше. Когда Гошка маленький был, во время прогулки от ларька к ларьку гуляли.

— Ох, Лера... И что ты планируешь делать? — вздохнула Марина Ивановна.

— А ты сама как думаешь?

— Зная тебя, могу себе представить. Знаешь, у Цветаевой стихотворение есть, она его про себя писала, но на тебя, мне кажется, это тоже очень похоже.

Легкомыслие! Милый грех,
Милый спутник и враг мой милый!
Ты в глаза мне вбрызнул смех,
И мазурку мне вбрызнул в жилы.

Научив не хранить кольца,-
С кем бы Жизнь меня ни венчала!
Начинать наугад с конца,
И кончать еще до начала.
Быть как стебель и быть как сталь
В жизни, где мы так мало можем...
Шоколадом лечить печаль,
И смеяться в лицо прохожим!

Цветаева была любимой поэтессой Лериной мамы, и та очень любила читать ее стихи.

— Хорошие. Наверное, и правда, подходят мне, — задумчиво произнесла Лера. — Быть как стебель, и быть, как сталь...

— Я хочу сказать, что одной с двумя детьми тебе будет очень тяжело, — сказала ей мама. — Конечно, я буду по мере сил помогать... Но регулярно нянчиться не смогу.

— Я понимаю, — Лера тоже вздохнула.

— То, что к Гоше у Олега душа не лежит — видно. Он как будто отец всего одному ребенку. Я не хотела тебе рассказывать... Помнишь, на прошлой неделе я неожиданно утром пришла, когда вы еще спали, и ты потом убежала на почту за посылкой?

— Помню...

— Гошка играл в комнате, я, увидев, что Олег просыпается, спокойно ушла с Ритой на кухню. А когда заглянула через пятнадцать минут — у ребенка был полный рот кнопок! Еле вытащила, он зубы сомкнул и разжимать не хотел. Ведь мог проглотить!

— Мама... А ты на что? Почему ты его на кухню с собой не взяла?

— Но я же думала, он с отцом... — начала растерянно оправдываться та.

— С отцом... Со спящим отцом! — повысила голос дочь. — Кнопки во рту — ужас! Прямо хоть из дома не выходи. Никому не могу детей доверить.

— Лера, а может, тебе еще раз попытаться с Артемом поговорить? Может, он одумается? Ребенок все-таки его. Если разойдетесь с Олегом — может, будет общаться с сыном. Или я могу с ним поговорить, если хочешь.

— Вот уж чего не надо, того не надо. Сама себя останавливаю от этого постоянно, а уж тебе в это дело лезть совсем ни к чему. Артем пошлет тебя куда подальше и будет прав.

Попив чая с маминым тортиком, обильно политым малиновым вареньем, и отправив бабушку с детьми на прогулку, Лера полезла в интернет. В силу общительности характера, когда ей было грустно, ей нужно было срочно с кем-то поговорить. Все поверенные подруги разъехались с семьями отдыхать: Аня — в Турцию, Надя — в Египет. Позвонить было некому. Лера просто включила программу ICQ, которую между собой многие называют просто «аська» и стала просматривать, кто он-лайн. Раньше она выплескивала свои проблемы в конференцию «О своем, о девичьем», но с тех пор, как родился Гошка, перестала

туда заходить: у нее появились другие дела, и читать мнения людей, часто довольно резкие, ей не хотелось. Лера снова открыла свой заветный файл, куда, как советуют психологи, записывала все, что наболело. Сейчас ей немедленно захотелось это сделать.

***

«Я, в принципе, уже заранее знаю, что мне скажут люди. Раз так сложилось, надо принять все как есть и перестать оглядываться в прошлое. У нас своя жизнь, у того, кто случайно стал отцом твоего ребенка — своя. Пусть живет. Прости и отпусти. Живи своей жизнью. И они правы!

Но что делать с тем, что меня буквально разрывает от желания, чтобы он хотя бы один раз увидел малыша, о котором мы так давно говорили. Я никак не могу понять мужскую природу: как можно, зная даже чисто гипотетически, что где-то растет твой ребенок, ни разу не захотеть на него просто взглянуть? Что это? Страх? Страх чего? Увидеть и полюбить? Или — увидеть, уйти, а после страх понять, что трус? Почему так устроено, что мужчины и женщины не несут равнозначной ответственности за дитя, живущее на свете благодаря тому, что они когда-то были вместе? Почему все ложится на женские плечи? И те же самые женщины уже считают, что так и надо. И ничего не требуют от мужчины, что изначально «помог» им оказаться в этой ситуации и не считает, что должен справедливо разделить с ними родительское бремя.

Я не хотел ребенка, теперь это твои проблемы — говорят подобные индивидуумы. Дети для них — помеха. Помеха их свободной жизни, финансовому положению...

Но если еще можно как-то оправдать мужчин, которые изначально не планировали ребенка, и женщина пошла против их желания, то как можно понять тех, кто хотел ребенка, а, расставшись с его матерью, расстался и с ним? Ребенок ведь продолжает жить. И факт его биологической принадлежности данному отцу от этого не меняется. Может, дело в том, что мужчины и женщины не научены культуре взаимоотношений? Ведь здесь начи-

нается еще более тонкий лед: не сумевшие построить взаимоотношения во время брака супруги вынуждены строить их уже на его руинах, ради общего ребенка. И тут лучше уже забыть о личных обидах, дабы не травмировать и без того травмированного их разводом малыша.

У кого-то это получается. Преимущественно у мудрых людей, которые ценят личность ребенка выше своих претензий друг к другу. У кого-то — серединка-наполовинку. А у кого-то — совсем нет. И таких очень много. Они оставляют без сожаления. Они знают, что у них где-то есть ребенок, но гонят эту мысль так тщательно, что им на самом деле становится хорошо. Ведь куда проще и приятнее угостить в баре какую-нибудь блондинку и пойти продолжать вечер, чем потратить то же время и деньги на выходной с трехлетним малышом, водя его за руку и вытирая сопли, слушая «Папа, купи!», а потом лишний раз видеть свою бывшую жену, которую видеть совсем не хочется. Оно им надо? Не-а.

А женщина, что тоже могла бы в это время сидеть в баре и потягивать коктейль, сидит дома с ребенком, напоминающим ей того, кого она когда-то считала добрым и порядочным. И она не может понять, как такое могло произойти. Обобщает и начинает ненавидеть всю мужскую часть человечества. И больше никогда не выходит замуж, потому что думает, что все — одинаковые.

Но это не так. И я в это верю. Где-то обязательно есть тот, что будет с вашей планеты. Верю и всем советую. А дети... они поймут. Когда-нибудь. Наверное. Хотя есть много случаев, что такой «отец-помощник» появляется через дцать лет, рассказывает ребенку, как много думал о нем, об «уважительных» причинах, не позволивших ему быть рядом, пока у малыша было детство. И уже не малыш ему верит. И радуется тому, что нашелся отец. И это хорошо. Потому что надо уметь прощать. Это удивительное, редкое свойство — уметь прощать.

Но я все же хочу попытаться успеть доказать одному из тех, кто тоже — я уверена — в глубине души остался добрым и порядочным — его неправоту. Успеть, пока у ребенка, что так

похож на него, еще продолжается детство. Ведь отец-то ему нужен именно сейчас».

Лера еще хотела продолжить свой поток сознания, но его прервали. «О-о», — издала бодрый звук «аська». Это означало, что пришло новое сообщение. Его прислала ее давняя коллега, с которой они вместе работали в газете. Наташа с самого начала наблюдала Лерину «Санта-Барбару».

— Привет, ты не представляешь, кого я сегодня встретила!

— Кого?

— Артема!

— Вот это да! Где, как? — «Ничего себе, поворот», — подумала Лера. Стоило только сделать очередное «излияние в файл»...

— Вместе оказались в одной маршрутке. Ехал в нашу сторону. Такой внимательный, помог мне деньги передать за проезд — я с ребенком и кучей сумок была. Вышли на одной остановке, так еще помог до дома дойти. Очень мило попрощались, я оставила ему свой номер аськи, и он меня только что добавил в друзья.

— Ничего себе дела... А я как раз недавно поборола желание ему написать. Помогло то, что не знаю его номер — удалила все.

— Я могу дать, если тебе нужно.

Лера думала не дольше десяти секунд:

— А знаешь, дай. Не могу я больше. Может, сейчас удастся хоть как-то достучаться до его сердца. Нельзя же так, не полюдски это. Тем более что брак мой дышит на ладан и Гошка вот-вот останется без отца. Хотя, в принципе, у него, по большому счету, никогда его и не было. Разве только крестный. Но он не часто его навещает. Своих детей полна горница.

До вечера она обдумывала, что именно она напишет Артему. Способ «в лоб» с ним не срабатывает, и надо было действительно подойти как-то иначе.

Когда в тот вечер, по обыкновению, Маргарита заснула первой, Лера еще посидела на краю Гошкиной кровати, гладя его по голове и приговаривая:

— Зачем же ты, глупыш, ушел один бродить по лестнице?

— Я искал тебя... — ответил ребенок.

— Ты же знал, что мы с Ритой ушли в театр. Сам ведь не захотел идти.

— Я забыл... — он опять летал где-то в своих мыслях.

Олег вернулся, когда дети уже спали. Не сказав ни слова, он съел разогретый ужин и лег спать. Лера молчала, чтобы не разжигать конфликт. Для нее все уже было понятно. Их расставание было лишь вопросом времени.

Вечером она набрала в поиске номер аськи бывшего мужа и стукнулась к нему под ником Герда. Она выбрала этот ник не просто так: ник Артема был — Кай. Чтобы разговор получился наверняка, она написала в данных ту же дату рождения, что и у него, при этом сделав себя лет на пять младше.

— Привет, — начала она разговор.

— Привет, — живо отозвался он. — Что привело?

— Да вот, рылась в списке астрологических братьев, и выбор пал на вас. Ник уж больно подходящий к моему. Подумала, наверное, у нас много общего, хотелось бы выяснить, что именно.

— Да, круто, — искренне удивился он, посмотрев ее данные. — Вот так совпадение! Чем занимаемся?

— Учимся на факультете журналистики, — Лера знала, что сказать бывшему мужу, в тот момент неутомимо приближающегося к пику своей журналистской карьеры.

— Ого, еще одно обалденное совпадение! Я — журналист.

— Ничего себе! — «удивилась» она. — Вот это да!

Слово за слово, разговор дошел до того, что он буквально через полчаса уже был готов дать ей мастер-класс по интервью.

— Я сейчас иду в одну кафешку на Караванной улице, может, встретимся там? Очень милое местечко. Я угощаю.

Взглянув на спящих Гошку с Маргошкой, она улыбнулась, представив лицо Олега, если она сейчас накинет куртку и уедет обучаться брать интервью. И еще шире улыбнулась, представив лицо Артема, когда вдруг в ту самую кафешку, где она сообщила ему о своей беременности, вместо юной журналистки войдет бывшая жена... Увы, эту короткометражку ей сегодня посмотреть не удастся.

— Увы, сегодня никак, готовлюсь к экзамену, — ответила она на приглашение.

— Жалко... — было ей ответом. — Я прямо уже загорелся всему тебя обучить, — эта фраза с внезапным «ты» прозвучала несколько двусмысленно.

***

Их разговоры по аське очень быстро стали регулярными. Артем решил, что она нашла его на сайте знакомств, где, как выяснилось, он, с переменным успехом, пытался найти себе подружку уже года два.

— До сих пор ни одна не зацепила, — вздохнул он по аське, давая понять, что вот... наконец-то...

Кай и Герда встречались в эфире во втором часу ночи, когда муж Герды спал. Иногда она уже начала верить в то, что она в самом деле юная журналистка, увлекшаяся молодым человеком, которого ни разу не видела. Это ее так заводило, что во время их разговоров Лера стала забывать об истинной цели того, что она затеяла.

— Пришли уже, наконец, свою фотку! — канючил Кай. — Я просто изнываю от любопытства.

Конечно, Лера могла скинуть ему фотографию любой из своих подруг, но он всех знал, и она решила поступить тонко, чем еще больше заинтриговала виртуального собеседника. Летом, когда она только забеременела Ритой и еще кормила грудью Гошку, она фотографировала сама себя на берегу Оби на даче у бабушки. Но не так, как это делают многие — вытянув вперед руку с фотоаппаратом и сделав автопортрет, а частями, снятыми с помощью макросъемки: на одном фото был весьма соблазнительный фрагмент груди, на втором — кусочек загорелого живота, на третьем — пальцы ног, слегка испачканные в пляжном песке... В принципе, собрав несколько подобных фоток, можно было даже сделать эротический пазл. Их-то она и скинула вожделеющему «комиссарского тела» бывшему мужу.

Получив три таких фотографии, Кай стал сам не свой:

— Герда, я уже спать не могу, воображение постоянно дорисовывает твой образ.

Лера хихикала, как девочка, получая подобные сообщения. На фоне семейных реалий виртуальный флирт с Артемом пробудил в ней давно уснувшие желания, и она каждый день с нетерпением ждала новой встречи. Ей, как человеку открытому, нужно было срочно с кем-то поделиться тем, что происходит, и она позвонила своей подруге Ане, которая к тому времени уже вернулась из Турции.

— Лер, ну что ты делаешь, как он будет к тебе после этого относиться, когда узнает, кто ему пишет на самом деле? — отреагировала та на ее рассказ.

Лера, уже почти поверившая в действительность своей придумки, сразу стала спускаться с небес на землю:

— Как?.. — ее голос звучал потерянно.

— Он же и так думает, что ты его всегда в чем-то обманывала, а это будет еще один обман... — продолжала подруга.

Все воздушные замки в долю секунды лопнули, как мыльный пузырь.

— Ты должна ему сознаться, что это ты, — настаивала Аня.

— Да я понимаю... Но я хотела выяснить у него как-то исподволь, что он расскажет о себе незнакомой девушке. Хотела придумать какую-то историю, которая выведет его на разговор о ребенке.

— И?.. Придумала?

— Еще не удалось даже близко подойти к теме, может, потому, что не с того начала.

— Так спроси его в лоб.

— Да было уже в лоб — не сработало. Но, наверное, ты права, сегодня так и сделаю... — вздохнула Лера. — Только я все-таки думала попытаться встречу назначить, чтобы он Гошку увидел. С Олегом ведь отношения хуже и хуже, от пустых бутылок в доме меня уже трясет. Думаю, нам недолго уже осталось, и у меня была надежда, что, может, за эти четыре года в Артеме что-то пе-

ременилось и, узнав, что я рассталась с мужем и у ребенка больше нет приемного отца, он что-то осознает...

— Мечты, мечты... — раздался голос разума на другом конце провода. — С мужем еще не рассталась, а уже готовишь запасной аэродром. Лера, возвращайся уже на землю! Люди редко меняются.

— Да уже, уже... Земля, Земля, прошу посадки. С тобой, Ань, долго не полетаешь.

— Зато ни у кого не будет иллюзий.

— А как с ними было хорошо... — вздохнула Лера.

В ту же ночь, когда Кай и Герда снова встретились в сети, она повернула разговор в другую сторону.

— Кай, а если бы у тебя был ребенок, как бы ты его назвал?

— Не знаю, — ответил тот. — Как я могу придумать имя, если я еще не знаком с его матерью? Думаю, мы бы решали это вместе.

— А ты раньше был женат? — Лера старалась двигаться все прямее.

— Когда-то в прошлой жизни, кажется, был. Но я не люблю об этом вспоминать.

— Что так?

— Да... Долго рассказывать. Да и ни к чему.

— А когда был женат, не задумывался о детях? — этот разговор ей претил, ибо все получалось не так, как ей бы хотелось, но остановиться она уже не могла.

— А зачем? От осинки не родятся апельсинки...

— Это ты о своей бывшей так ласково?

— Ну, да.

У Леры от возмущения перехватило дыхание. Вот как оно получается, значит. Осинка и апельсинки... И она не выдержала:

— А если апельсинка уже родилась? И похожа вовсе не на осинку, а на клен опавший?

Ответ задержался примерно на минуту. Лера уже боялась, что разговор на этом закончится, но ошиблась.

— Прикольно, — Артем сразу все понял. — Ну, привет, моя дорогая бывшая жена. А я уж было влюбился в придуманный

образ. Ждал каждой встречи. Спешил! Летел! Дрожал! Вот счастье, думал, близко.

— Помню-помню, тоже это в школе наизусть учили. Знаешь, придуманы были только обстоятельства, в остальном я была собой. Просто имя не назвала. И тоже... летела и дрожала.

— Не-а. Не верю.

— Да как хочешь.

— Так, а ты-то чего хочешь? Что было целью этого представления? — поинтересовался бывший Кай.

— Хотела, чтобы ты хоть раз увидел ребенка, который живет на свете не без твоего участия.

— Зачем?

— А тебе совсем неинтересно?

— Нет.

— Считай, что это моя последняя просьба...

— Точно последняя? Ну... хорошо. Где, когда? — неожиданно согласился он.

Лера чуть не подпрыгнула на стуле.

— Я возьму билеты в кино в воскресенье на мультик, напишу тебе, когда сеанс. Сходим втроем: ты, я и Георгий. Ему сейчас три с половиной, он еще мало говорит, ни о чем не спросит и вряд ли тебя запомнит.

— Договорились. Я отключаюсь. Спать пора, — он быстро свернул разговор, чего ни разу не было, когда он общался с «Гердой».

Разоблаченной Герде не верилось в реальность происходящего. Неужели, наконец, исполнится то, о чем она, Лера, начиная с рождения Гошки, регулярно видит сны, в которых они при разных обстоятельствах знакомятся с Артемом? Эти сны были настолько реалистичными, что, проснувшись и в очередной раз поняв, что пережитое было лишь проекцией ее подсознательных фантазий, она долго не могла прийти в себя. Взглянув на спящего Олега, она подумала, что вот спроси ее сейчас, что она чувствует к мужу по десятибалльной шкале, где десять было бы самой большой цифрой, она ответила бы «1». Вечером он снова

появился после работы часов в десять вечера с двумя полными пакетами пива, кильки, чипсов и орешков. Закусив принесенное футболом, он уснул и захрапел.

Пятница... Лера начала ненавидеть пятницы. Она уже не испытывала никакого физического желания к мужу, в то время как иллюзорная романтика последней недели заставила ее вспомнить о том, что она еще женщина. За время вынашивания и рождения детей, а также длительного кормления грудью она почти забыла эти ощущения. Ее раньше всегда сильно тянуло к Артему, но она и представить не могла, что это может происходить просто в ее воображении, когда его даже физически нет рядом.

На следующий день Лера заказала билеты на утренний сеанс в торговом центре у станции метро «Ладожская», от которой их дом был в пяти автобусных остановках, и сообщила об этом Артему, когда он был офф-лайн. Ночью он на связь не вышел, и она так и не знала точно, придет ли он. Лера долго выбирала, какую одежду надеть Гошке, чтобы он выглядел более привлекательно. Олег с Ритой должны были отправиться в бассейн — девочка очень любила воду и с рождения во время купания радостно плескалась, как маленькая русалочка. После бассейна и кинотеатра супруги договорились встретиться на детской площадке рядом с домом.

До самого конца мультфильма Лера надеялась, что Артем просто опаздывает. В темноте зала Гошка вдруг неожиданно отвлекся от сюжета, повернулся к ней и сказал:

— Мама, я тебя люблю, — сын потянулся к ней и поцеловал в щеку. Лера крепко прижала ребенка к себе и чуть не расплакалась.

«Ты где? Мы ждем у зала», — отправила она смс по номеру, который Кай написал Герде в аське в первый же вечер их виртуального общения.

«Я не смог, прости. Давай в следующий раз», — пришло ответное сообщение.

«Хорошо. В следующее воскресенье мы с Георгием идем в Театр марионеток на Невском. Давай после спектакля, в 13:00, в кафе внизу», — отправила она, не теряя надежды.

«ОК», — пришел ответ.

На душе ее скребли кошки. Издевается? — думала она. Или правда не смог? В любом случае, Лера решила попытаться еще раз.

Подходя к детской площадке, они увидели Олега, идущего им навстречу. В его руках энергично подпрыгивала Маргарита, и, увидев маму, запрыгала еще активнее. Георгий тоже заметил отца.

— Это кто идет? Папа, что ли? — спросил он.

— Папа.

— Наш, что ли?

— Ну что, воссоединение семьи произошло? — очень спокойно просил Олег, подойдя ближе и осторожно поставив дочку на ноги.

«Он знает? Прочел их переписку? Вот дура, надо было все удалить!» — промелькнуло в ее голове.

— В смысле? — уточнила она, не зная, что и думать.

— Что, в смысле... Встретились мы, в смысле: ты, я и дети.

— А... — протянула она, выдохнув.

Они еще погуляли на детской площадке. Гошка с Маргошкой, довольные, выдували мыльные пузыри, которые Олег купил для детей по дороге из бассейна. В последнее время это было весьма необычно для него — приобрести что-то для ребятишек без просьбы жены. Несмотря на то, что Лера уже была почти готова расстаться с Олегом, ей все же чего-то не хватало для окончательного шага. Страх остаться одной с двумя маленькими детьми пересиливал ее решительность.

***

Ночные разговоры по аське с момента, как Артем узнал, что Герда — это Лера, сразу прекратились, и неделя летела в домашних хлопотах: отвезти детей в сад, приготовить обед, забрать до обеда Риту, которая проходила период адаптации в ясельной группе, погулять, приготовить ужин, сходить за Гошкой... Магазин-аптека-детская площадка. От такой жизни в какой-то момент становится тошно любой женщине, а Лере, с ее неуемным характером, было сложно вдвойне.

Радовало то, что дети в свои три с половиной и полтора становились все более забавными.

— Ребята, все готово, садитесь есть. Рита, садись! Рита, ты меня слышала? Садись на стульчик!

— Мама казала «Адись!» — говорил ее «помощник». — А ты орешь, орешь... сильно!

Маргарита росла очень активной и шумной девочкой. Она как будто разрабатывала голос перед карьерой певицы. Ее ор был слышен на очень большое расстояние, и успокоить ее быстро не получалось. Иногда за дело брался брат, но это быстро заканчивалось тем, что орать начинали оба.

— Гоша меня ударил! — частенько слышала Лера от дочки и очень огорчалась по этому поводу. Она не знала, как отучить брата обижать сестру. В ответ на ее увещевания у мальчика делался насупленный вид и из него нельзя было вытащить ни слова. Точно такой, как был у него, когда он впервые увидел сестру. Словно он до сих пор не смог простить ей самого ее существования.

«Крик порой стоит такой, хоть уши затыкай, — записала она в своем электронном дневнике. — Я порой не выдерживаю. Недавно обувала их, а они снова капризничать начали, я отшвырнула в сторону Гошкины сапожки, а он глаза сощурил и очень серьезно заявил:

— Ты хулиган, мама!

Я так смеялась! Сразу весь психоз прошел. Как я теперь понимаю слова одной моей подруги, которая убеждала меня в свое время не тянуть со вторым ребенком! Гошке был год, когда она сказала: «Рожай быстрей еще одного, пока ты не поняла, что это такое». И в его полтора, когда он начал выдавать фокусы фантастического упрямства, я поняла... Но было уже поздно. Беременность — штука необратимая, — Лера поставила смайлик. — Как в анекдоте про двух близнецов в материнской утробе: «Как думаешь, есть ли жизнь после родов?» — «Не знаю. Оттуда еще никто не возвращался».

Вот и у меня, получается, близнецы, несмотря на разницу в возрасте. Близнецы с разницей в два года. Кстати, по гороскопу они и есть. Сложный знак. Неоднозначный.

Эти два года для Гошки, считай, пролетели даром: такое ощущение, что он нисколько не старше своей сестры, разве только физически мощнее. Между ними постоянно какое-то соревнование, особенно на детской площадке. Они как будто пытаются друг другу что-то доказать. Вчера Гошка полез по перилам на площадке, обернулся и говорит сестре, важно так, весомо:

— Ты уже маленькая, а я уже большой. Ты не можешь, а я могу. Я большой, а ты — маленькая.

Ишь ты, повторил еще, для усиления эффекта. А та пока ответить не может, просто таращится на него, но не отстает. Ни в чем старается не уступать. Иногда они так смотрят друг на друга, как будто знают друг друга не полтора года, а гораздо дольше: он — с таким прищуром, как будто хочет сказать: «Ну-ну, и что ты тут делаешь?» А она: «Что надо, то и делаю, не твое дело». Ох, чувствую, все только начинается...

А папа наш все спит. Вечером приходит поздно, когда дети уже в кроватках. Встает, когда они уже в саду. По выходным тоже спит до обеда. Недавно купила Гошке звуковой автомат, он им еще накануне резкими звуками в поликлинике всю очередь раздражал и утром, как проснулся, хотел продолжить стрельбу. А Олег спал, и я это запретила, говорю — нельзя шуметь, папа спит. Ребенок примерно с полчаса ходил рядом кругами, потом не выдержал, взял автомат и заявил:

— Поспал папа...

В поликлинике мы почти прописались. Из болячек не вылезаем. Как в сад пошли, так то один, то другой дома сидит. То оба. В аптеку ходим чаще, чем в продуктовый магазин. Таблеток уже столько, что хоть на тарелки насыпай и обедай. Да еще одна напасть — нашли у Гошки аденоиды. Передала по наследству свои болячки пацану. У самой удаляли аж дважды, и ему операция предстоит на следующей неделе. Бегаем, сдаем анализы. Хотя с ними, пожалуй, побегаешь... Он, как ослик, упрется и стоит, дальше не идет. А эта красавица раз-раз-раз, и уже далеко. А я — как та обезьяна из анекдота, когда сказали умным в одну сторону, а красивым в другую, а она стоит посередине и говорит: «А мне разорваться, что ли?»

Но, несмотря на это, вдруг, бывает, такое счастье охватывает! Например, когда они мне навстречу бегут. Я присаживаюсь на корточки, на расстоянии метров пять, а Гоша с Ритой бегут ко мне, по очереди, а я их ловлю и кружу. В такие моменты ощущаю полное единение с миром, с детьми, с природой... Как будто мы все — одно целое».

Всю неделю Лерины мысли продолжала занимать предстоящая встреча Гоши с биологическим папой. Как он посмотрит на него, что почувствует? Увидит ли их сходство? На вопрос людей, на кого похож мальчик, она продолжала отшучиваться: «На соседа, на кого же еще». Люди смеялись, даже не подозревая, что в этой шутке кроется правда.

Настал день Х, когда Гоша с мамой отправились в театр, куда должен был после спектакля прийти Артем. Во время спектакля у Леры возникло чувство, как будто она сама — маленькая девочка, которая ждет своего папу. Гошка вдумчиво и спокойно смотрел спектакль, а она смотрела на него и думала о том, что бы он чувствовал, если бы понимал, что происходит в его жизни.

«А, может, он правда понимает?.. Вдруг он вообще все-все-все понимает и всегда понимал? Когда он родился, у него был такой взгляд, как будто он хотел сказать: «Ну и зачем все это было нужно? Что я здесь делать буду?» Очень тяжелый взгляд... Пробрало, помню, до самых костей.

Он не должен понимать, кто перед ним, когда увидит Артема. Да и как он может понять, когда он знает, кто его папа. Пусть будет просто как случайная встреча с каким-нибудь одноклассником. Посидим, попьем кофе и разойдемся каждый в свою сторону. Как тогда, когда я сообщила ему о том, что беременна и больше ничего не слышала о нем. Но теперь это уже не просто бумажка с двумя полосками, это — человек. Разве можно остаться равнодушным, увидев его?..»

В этот момент на ее телефон пришло сообщение от Артема: «Позвони мне».

«Я не могу. Я на спектакле», — ответила она.

«Тогда сразу после спектакля».

«Мы же договорились встретиться после спектакля. Ты что, не придешь?»

«Не приду. Я передумал».

После этого сообщения к горлу Леры подступил такой ком, что она даже не смогла ничего написать в ответ. Когда спектакль закончился, она, как в прострации, взяла свою и Гошкину одежду в гардеробе, надела на мальчика курточку, шапку и шарф, и они медленно пошли по Невскому в сторону площади Восстания, откуда к их дому можно было уехать на маршрутке. Гоша почему-то не любил ездить в метро — всегда начинал там плакать.

Погода в тот день была серая и безжизненная — обычная питерская ноябрьская погода. Лера спряталась в шарф от летящих прямо в лицо мокрых хлопьев. Это был какой-то колючий снегодождь, проникающий под самую кожу. Ей стало жалко Гошку, который каждый раз морщился от такого «подарка природы», и она взяла его на руки, повернув лицом к себе, чтобы уберечь от летящих в лицо колючек. Сын смотрел на нее своими внимательными, такими родными серыми глазами, и эти глаза уже не задавали ей вопроса «Зачем я здесь?..»

— Ты плачешь, мама? — спросил ребенок.

— Нет, сынок, это просто снежинки мокрые в лицо попадают.

— Противные снежинки!

— Ты прав. Надо ехать жить в теплые страны. Поедем?

— Поедем, — кивнув, согласился он.

«Что мне написать Артему? — думала она. — Что я могу ему ответить? Это очень похоже на стену плача, прислонившись к которой я могу проплакать всю жизнь, а она все равно останется стеной. И почему я не могу остановиться?.. Просто не писать больше и все. Почему?!»

И она так и написала: «Почему?»

«Потому что у меня свои подсчеты», — пришел ответ.

«Какие подсчеты?» — отправила она. Конечно, легче было бы позвонить и все выяснить, но ей не хотелось слышать тон, который он наверняка возьмет в разговоре с ней.

«Это не может быть мой ребенок. Хочешь показать ребенка отцу — покажи его своему второму мужу», — отрезал Артем.

Лера почувствовала необходимость ненадолго присесть. Но, увы, на Невском проспекте нет скамеек, и она присела на корточки, прислонившись к стене дома, и заплакала. Точно так же она плакала когда-то в своей старой коммунальной квартире, когда спина того, что прислал ей это сообщение, в очередной раз навсегда скрылась за дверью.

— Мама, ты опять плачешь снежинками? — уточнил мальчик, пытаясь вытереть их своей варежкой.

— Да, малыш... Холодными, как сердце Кая.

— А кто это — Кай?

— Это мальчик из сказки. Ему льдинка попала в сердце и он стал очень жестоким.

— Какая это сказка, мам?

— Называется «Снежная королева». В этом театре, где мы с тобой сейчас видели про утенка, есть и про Снежную королеву. Хочешь, сходим в следующий раз?

— Ладно, — дал добро мальчик. — А книжка есть про это?

— И книжка есть.

— Почитаешь?

— Давай зайдем в книжный, я куплю тебе эту книгу и вечером почитаю.

Георгий, в отличие от своей непоседливой сестры, очень любил слушать, когда ему читали книжки, и уже знал некоторые буквы. «Рано начнет читать! — гордился Лерин отец, показывая внуку буквы. — Весь в меня. Я научился в четыре года. Меня тоже дед учил».

Быстро найдя на полке красочную книгу про Кая и Герду, Лера усадила Гошу в кресло, так как тот изъявил желание немедленно посмотреть на мальчика со льдинкой в сердце.

— А где льдинка? — удивленно спросил он, тыча пальцем в картинку с главным персонажем.

— Так ее не видно, глупыш, она же в сердце. И из-за нее он перестал быть добрым.

— А если убрать, он обратно превратится в доброго? — он вопросительно взглянул на нее.

— Обязательно, — подтвердила она. — В конце сказки всегда добро побеждает льдинки. Вот бы и в жизни так было...

Но Георгий был еще слишком мал, чтобы продолжить беседу на данную тему. Пока он углубился в рассматривание картинок и стал искать знакомые буквы в тексте, Лера пошла бродить между книжных полок, пытаясь выбрать что-то и для себя.

«Как написать гениальный роман» — наткнулась Лера на книгу. «Ишь ты, сразу уже и гениальный, — усмехнулась она. — Может, купить? Вдруг и я когда-нибудь смогла бы сотворить что-то хорошее...» Она вдруг неожиданно вспомнила свое обещание Артему, данное ему уже после развода, что когда-нибудь обязательно напишет книгу о нем, как написала о своем бывшем муже жена одного из популярных телеведущих.

— Когда ты станешь знаменитым журналистом, я напишу о тебе прижизненные воспоминания бывшей жены, — пошутила она тогда. — Будет тебе дополнительный пиар.

— Тебе, как специалисту по пиару, раз плюнуть, — поддержал он шутку.

Лера полистала книгу. Любопытная. Но денег хватало только на одну. Предстояло выбрать: купить Гоше обещанную «Снежную королеву» или заняться перспективным самообучением.

Через пять минут они вышли навстречу питерским снежинкам с фирменным пакетом книжного магазина, где лежала сказка Андерсена «Снежная королева».

***

В понедельник Валерия, наконец, доукомплектовала стопочку Гошкиных анализов и взяла в поликлинике справку об отсутствии карантина в квартире, срок годности у которой был всего один день. На следующее утро была назначена операция по удалению Гошкиных аденоидов. С утра пораньше они должны были приехать пораньше в больницу, что находилась неподалеку от станции метро «Площадь Восстания», где накануне купили

«Снежную королеву». Сказка так понравилась Георгию, что он уже второй вечер подряд давал книгу маме и требовательно говорил: «Почитай!» Мальчик быстро запомнил всех персонажей и мог, глядя на картинку, назвать: Кай, Герда, принцесса, разбойница... Лера взяла книжку в больницу, чтобы было чем успокоить сына после операции под местным наркозом.

— Ты сможешь нас забрать? — спросила она мужа, который утром довез их до больницы.

— Во сколько?

— В три часа.

Он немного подумал и кивнул головой. Но вид у него был при этом отсутствующий.

— Точно заберешь? Сможешь отлучиться с работы? Если нет, скажи сразу, я попрошу Вовку.

— Да не надо, не беспокой человека, у него своих забот хватает.

В последнее время Олег стал очень рассеянным. Лера думала, что это может быть из-за его любви к выпивке. Раз она даже заикнулась о том, что, может быть, ему пойти к доктору, чем вызвала его спокойный гнев:

— Ты что, считаешь, что я алкоголик? — тоном, не предвещающим ничего хорошего, спросил он.

— Еще нет, но можешь им стать. Думаю, лучше остановить процесс в развитии.

— Я не алкоголик. И закончим этот разговор.

— Хорошо, — согласилась Лера. — Жизнь твоя. Мое отношение к этому ты знаешь. И все-таки ты мне скажи, ты, когда пьешь, зачем пьешь? Тебе это так нравится?

— Нет, мне просто хочется забыть.

— Забыть? Что забыть? Так пьяница Маленькому принцу ответил: что он пьет, чтобы «забыть». А принц спросил, о чем он хочет забыть. — «Хочу забыть, что мне совестно», — ответил пьяница. — «Отчего же тебе совестно?» — «Совестно пить».

Зная, что есть риск, что муж может забыть об ее просьбе забрать их из больницы, Лера хотела напомнить ему еще раз,

но что-то ее остановило. Может, то, что ей хотелось набрать как можно больше галочек не в его пользу, чтобы это прибавило ей решительности сделать последний шаг? Она уже и сама это понимала.

Ровно в три часа дня Лера стояла у слегка замерзшего больничного окна и смотрела вниз, на дорогу, куда должен был подъехать Олег. Они уже были собраны и одеты, чтобы выйти на улицу. Подождав минут десять, она позвонила мужу:

— Ты где?

— На работе.

— Олег, как на работе?! Ты же должен быть в больнице! Мы же договаривались!

У него был очень растерянный голос:

— Черт, я заработался и забыл...

— Олег... у меня просто нет слов...

— Я сейчас приеду!

— Да тебе ехать сюда час! Нас уже просят освободить палату. Не надо приезжать, — Лера бросила трубку. Ее душили сразу два чувства: обида и гнев, за которыми пришло понимание, что это уже даже не начало конца, а сам конец.

Денег на такси не было, и ей с Гошкой пришлось идти до остановки маршрутки, а потом довольно долго ее ждать. Мальчик, намучавшийся во время операции, перенесший три укола в попу и анестезию носоглотки и три часа назад кричавший так, что было слышно в палате, терпеливо ждал маршрутку. Такое смиренное ожидание было для него очень нехарактерно. Обычно, ожидая чего-либо, он быстро терял терпение и спрашивал «Когда уже?»

— Ну, что, где твои аденоиды? — с гордостью глядя на малыша, стоически переносящего трудности, спросила мама.

— Выкинули в мусор, — серьезно ответил ребенок и махнул рукой в неопределенном направлении.

Погода была такая же серая, что была в воскресенье, только с неба ничего не падало и изрядно похолодало. Им еще предстояло сначала забрать Риту из детского сада. Девочка совсем

недавно начала посещать ясельную группу и до конца дня пока не оставалась.

«Какого еще случая мне подождать, чтобы решиться на разрыв? — думала Лера дорогой. — Мне срочно нужен кто-то, кто подсказал бы, что делать. На картах, что ли, пойти погадать... Кажется, у Надьки был какой-то знакомый, который ей предсказал что-то по картам, а потом она говорила, что сбылось. Точно, приду домой — позвоню ей».

— Да, есть такой товарищ. Очень импозантный. Гадает на картах Таро, — ответила подруга на ее вопрос.

— И что, у тебя что-нибудь сбылось?

— Военного нагадал мне, за которого замуж выйду, ребенка через какие-то проблемы... Так и вышло. У меня ведь Катюшка не сразу получилась, лечиться долго пришлось, операцию делать... А Вадик — тот самый военный.

— Ну, раз такие рекомендации, надо идти, — улыбнулась Лера. — Не хочешь тоже съездить? Со мной за компанию.

— Да мне как-то без надобности, вроде и так все хорошо. Да и ребенка не с кем оставить, а к нему лучше без детей, они спокойно поговорить не дадут. Там же надо чтобы особая атмосфера была, он свечи зажигает...

— Ишь ты, — Леру разбирало любопытство, — А помнишь, как мы с тобой когда-то в Рождество сами гадали?

— Конечно, помню! Свечки жгли, воск в тарелку с водой выливали.

— Да-да-да... Я вечно в этих застывших восковых фигурах что-то неприличное видела, а вы с Машкой меня ругали за мои фантазии, — расхохоталась Лера.

— Да, было дело. Как там, кстати, Машка?

— У нее все хорошо. Так и живет со своим Мартином в Стокгольме, ей там нравится. В гости уже несколько лет зовет, а я все никак не могу выбраться — размножаюсь постоянно, не до этого.

— Нет в тебе романтики, Лерка! Ну что это за слово такое — размножаюсь?

— Вполне себе нормальное слово. Адекватно отражает текущую ситуацию. Я ж буквально недавно Риту перестала грудью кормить. Ей почти полтора года было, как и Гоше. Уже беременная была, а еще кормила. А теперь думаю, хватит. Наелась. Большая уже девочка. Так она на меня прямо обиделась, смотрела с упреком таким... Как Гошка, когда родился. Теперь, Надюх, грудь уже не та, что прежде. Вот, думаю, расстанемся мы с Олегом, и кому я с такой грудью понравлюсь?..

— Любят не за грудь, — мудро изрекла подруга.

— Но встречают-то по ней! — расхохоталась в ответ Лера. — Да и потом — Гошка с Риткой так орут, кто такое выдержит?..

— Кто-то очень любящий, — еще мудрее ответила Надя.

— Точно, да где ж его взять-то — любящего, да еще и очень... — вздохнула Лера. — Вот Вовка тут недавно сказал, что Олег меня, скорее всего, не любит, раз не любит моего ребенка. Меня это так задело! А вдруг, думаю, так и есть? Очень неприятно думать, что это так. Зачем бы тогда он протянул мне руку помощи, когда я забеременела и осталась одна? Я все-таки, Надь, не понимаю, почему он не смог полюбить Гошку. Мы же были вместе всю беременность, он разговаривал с животом, был на родах, дал ребенку имя, какое хотел, он носит его фамилию и отчество! Недавно спросила Олега, любит ли он Риту. Конечно, говорит, глупый вопрос. А я говорю, вот представь — чисто теоретически, если бы ты узнал сейчас, что она — не твоя дочь (еще раз подчеркнула — чисто теоретически), что, в одну секунду разлюбил бы ее? Он прямо в лице изменился, как будто я говорю, как есть на самом деле. И серьезно так ответил: «Да».

— Лерка, такие вещи лучше мужикам не говорить. Возьмет еще в голову и Бог знает чего себе напридумывает.

— Ну, Надь, я же чисто теоретически!..

— Не понимают они таких вопросов, может, его мозг сразу стал рисовать живые картины твоей жизни после его отъезда из деревни, где ты в то лето сидела.

— Блин...

— Вот тебе и блин. Следи за языком. Язык твой — враг твой.

— Причем давно, — вздохнула Лера.

— В общем, записывай телефон Максима и сходи облегчи душу. Он тебе все расскажет и по полочкам разложит. Гениальный мужик.

В тот же вечер Лера позвонила Максиму и договорилась, что придет к нему на следующий день.

***

Максим оказался и правда весьма импозантным. Двигался плавно, говорил тоже. Наверное, занятие накладывает такой отпечаток, подумала Лера. Он был похож на очень творческого человека со своей необычно оформленной бородой и в пестрой рубашке с двумя расстегнутыми сверху пуговицами. Под его изучающим взглядом Лера чувствовала себя как на приеме у психоаналитика.

— Значит, Валерия, вам обо мне рассказала Надежда... — начал он разговор, зажигая свечи.

— Да. Мы с ней дружим еще со школы, правда, из-за детей теперь редко встречаемся. Как только люди обзаводятся семьями, у них не хватает времени на друзей, даже разговоры по телефону становятся в разы короче.

— Поэтому у меня никогда не было семьи. Я принадлежу миру.

— Здорово. Я бы тоже хотела принадлежать миру, но мне кажется, что у женщины обязательно должны быть дети. В этом — ее предназначение. И хоть может быть я не самая лучшая на свете мать, я рада, что я решилась родить двоих детей.

— Та-а-ак. Давайте посмотрим... Снимите карту, — он протянул ей колоду карт Таро.

На карте, которую вытащила Лера, были изображены обнаженные мужчина и женщина, а над ними простирало руку какое-то крылатое божество с сияющим солнцем над головой.

— Вы сейчас стоите перед каким-то сложным выбором. Карта называется «Любовники», она означает выбор пути. Сейчас перед вами как будто два пути. Даже три. И вам нужно решить: идти ли вперед, остаться на месте или выбрать какой-то совсем иной вариант.

— Похоже на камень из сказки, на котором написано: налево пойдешь — коня потеряешь, направо — голову, прямо — богатство найдешь. Что-то в этом духе, уже не помню.

— Примерно так. Снимите еще карту, посмотрим, какой путь для вас будет лучше других.

На карте был ангел в женском платье, переливающий воду из сосуда в сосуд.

— У вас очень сильный ангел-хранитель, Валерия.

— Да, похоже на то. У него со мной столько проблем!

— Не у него, а у нее, это женщина. Ваша тезка.

— Ничего себе! Это что, в карте написано?

— Нет, она мне это сейчас на ухо шепнула, — загадочно улыбнулся он.

— Она что, где-то рядом?

— Не совсем... — и он улыбнулся еще загадочнее.

— Максим, я просто не знаю, как реагировать. У вас что, есть дар ясновидения?

— Считайте, что так.

— Ладно, я вижу, вы все равно не расскажете подробностей, хотя ужасно любопытно. Лучше вернемся к разговору про правильный путь. Так что там моя тезка вам шепнула? Мне налево или направо?

— Ценю ваше чувство юмора, Валерия, — его слишком выразительные глаза заискрились. В тот момент Лере показалось, как будто они слегка подведены карандашом. «Наверное, медиумы так делают перед встречей с клиентом. Для пущей загадочности», — подумала она.

— Снимите еще одну карту, — произнес загадочный.

Лера увидела разрушающуюся высокую башню, в которую ударила молния. С башни падали люди.

— Еще одну, — Максим внимательно посмотрел на изображение. — Это кризисное состояние, которое чревато разрывами с людьми. Неправильно построенные отношения будут разрушены естественным путем. И эта карта связана с картой «Любовники», у вас будет любовный выбор: разрушится старое и появится что-то новое. Мы разрушаем старую дорогу и идем по новой. Скорее всего, тот человек, с которым вы сейчас, уйдет из вашей жизни.

— Снимите еще одну, — он как будто вглядывался в карту. — Надо же...

— Что там? — Леру разбирало любопытство.

С карты смотрел ангел с золотыми волосами и красными крыльями, к которому простирали руки люди. В руках ангел держал щит с изображением креста.

— Эта карта называется «Суд». Она говорит о том, что прошлое в вашей жизни имеет тенденцию повторяться. У вас уже была такая ситуация. И человек точно так же ушел.

По Лериной коже побежали мурашки. Максим действительно говорил правду о ее настоящем и прошлом.

— Они как будто одинаковые, эти люди. Это ваши официальные мужья?

— Да.

— Удивительно. Как вам удалось дважды наступить на одни и те же грабли?..

— Максим, не может этого быть, — тут же усомнилась в его способностях Лера. — Они совершенно разные!

— Вещи не всегда такие, какими кажутся, — загадочно произнес медиум.

— Ну, не знаю... Не могу с вами согласиться. Хорошо, пусть. Раз карты так говорят. И что же мне теперь делать? Один ушел, этот уйдет, выходит, я иду в ту сторону, где на камне написано, что я останусь одна?

— Снимите еще две карты, — Максим посмотрел на карту с обнаженной девушкой в веночке в форме медальона, а на второй был изображен всадник на черном коне. — Нет, одна вы

никогда не будете. Эта карта — мир, или вечное обновление. Видите — рядом с вами всегда находится мужская фигура, — он показал на остальные карты на столе, на которые падал свет от зажженных свеч. — Просто она как будто с несколькими лицами. Я могу интерпретировать это так, что вы не сразу встретите того, с кем захотите провести всю оставшуюся жизнь.

— Но встречу? — деловито уточнила Лера.

Он снова протянул ей колоду, и она покорно сдвинула карту. Максим вытащил ту, что была сверху.

— Да. Это будет человек на коне. Видите — карта рыцаря пентаклей.

— На белом? — расхохоталась Лера.

— Ну, я в переносном смысле, — улыбнулся Максим. — Будет занимать какое-то положение.

— Снимите карту.

С трона на нее смотрела женщина в короне в свободном богатом платье, какое обычно носят беременные.

— Это карта называется «Императрица», — прокомментировал таролог. — Возможно, у вас будет еще ребенок.

— Еще ребенок?!

— Да.

— Мне кажется, мне уже хватит. У меня порой и от двух нервы сдают, трое — точно перебор.

— Я лишь говорю то, что рассказали мне карты.

— Я понимаю. А что же мне теперь делать? Отдаленное будущее я знаю, но решиться на то, чтобы порвать с мужем, не могу.

— Ну... — он поднял карту, которую она вытащила одной из первых. — Понятно.

— Что понятно? — заглянула в карту Лера.

— Он как чемодан без ручки. И нести тяжело, и бросить жалко.

— Надо же, какое удачное сравнение, — оценила она. — Я бы так не придумала сказать.

— Обращайтесь, — подмигнул ей Максим, и она явственно увидела, что глаза действительно слегка подкрашены.

«Странный тип, — подумала она. — Еще и зарабатывает таким необычным способом...»

— Чтобы решиться, вам нужно что-то большее, — продолжил он. — Подождите немного, жизнь сама подтолкнет вас к этому. Карты говорят, что специально форсировать события не стоит.

— Постараюсь прислушаться. А кроме гадания вы, Максим, чем занимаетесь? — поинтересовалась она.

— Пишу сценарии, снимаю авангардное кино.

— Ого. Сейчас какой-то фильм снимаете?

— Да. Про ангелов.

— Ничего себе. Почему такая тема?

— Это пришло ко мне во сне.

— Как интересно! Когда выйдет, я бы с удовольствием посмотрела.

— Мои фильмы не идут на больших экранах. Они из серии «Кино не для всех».

— Я могу посмотреть и на маленьком, — пришла ее очередь ему подмигнуть.

— Договорились, Лера, — он стал собирать карты. — Если что, обращайтесь. Может, будет нужна помощь кому-то из ваших друзей, пусть приходят, можете дать мой номер телефона. Я не даю рекламы в газетах, все только через знакомых.

Они еще немного поболтали, и, уже собравшись уходить, Лера решила узнать еще кое-что.

— Максим, а можно вытащить еще пару карт и узнать про моих детей?

— Конечно. Свечи еще горят.

— Она зажмурилась и вытащила одну карту и за ней, по просьбе Максима, сразу еще две.

— О-о-о! Первый ребенок у вас — мальчик?

— Да, — подтвердила она. — А почему «О-о-о!»?

— Очень необычный мальчик. Он еще вас очень сильно удивит. Он преодолел много трудностей, чтобы стать вашим сыном, — предсказатель судьбы еще долго думал, глядя на карту. — У него как будто было две попытки.

— Ой, у меня прямо сердце куда-то провалилось от ваших слов, — сказала Лера. — Две попытки родиться?

Она сразу вспомнила о том, как день в день через три года после аборта узнала о новой беременности и, расценив это как знак, поняла, что этого ребенка ей обязательно нужно родить. Но ей почему-то не хотелось рассказывать об этом Максиму.

— Как будто бы так. Очень интересное сочетание карт. Они говорят о том, что он как будто как-то связан с ангелами, находится под их охраной и с его появлением в вашем доме должен воцариться мир.

— Пока только разлад...

— Значит, еще не время.

— Значит, подождем, — вздохнула она. — Посмотрим про дочку? — она вытащила еще три карты.

— Девочка очень талантливая.

— Я знаю. Мне об этом сразу сказали, как только она родилась, — засмеялась Лера.

— Как это? — заинтересовался медиум.

— Родилась в грозу. Примета такая.

— Не знал. Но девочка действительно талантливая. Мир о ней еще услышит.

— Тот, что скоро воцарится?

— Точно, — рассмеялся он. — Вы мне определенно нравитесь, Лера. Приходите в гости, на чай. Запросто. С вами весело. Правда, я скоро уезжаю в Индию, но я вернусь!

— Зайду. Вы удобно живете. Мы здесь часто по выходным с сыном пробегаем мимо, возвращаясь из театра. С Караванной улицей у меня, правда, связаны грустные воспоминания...

— Расскажете?

— Я в последний раз видела здесь отца своего необычного мальчика. Кстати, меня ужасно интересует вопрос, будет ли у них когда-нибудь встреча. Пока все, что я пыталась организовать, срывалось, и я прихожу к выводу, что не должна лезть в это дело. Но упорно лезу, не в силах себя остановить. Я как будто не контролирую себя в этом вопросе. Может, дадите мудрый совет?

— Что ж, давайте посмотрим. Тяните!

— Тяну, — улыбнулась Лера, протягивая руку за очередной судьбоносной картой.

— Та-а-ак, — задумчиво сказал Максим, взглянув на изображения, которые она выбрала. — Это означает, что должно пройти время. Много времени, прежде чем этот человек что-то поймет.

— В размер человеческой жизни поместится?

— Лера, с вами невозможно серьезно разговаривать, вы меня сбиваете с энергетической волны, — в его необычных глазах заискрился какой-то хитрый огонек.

— Простите ради Бога, не могла не съязвить. Наболело. Так они встретятся или нет?

— Возможно. Но карты говорят, что это может произойти очень нескоро и, скорее всего, без вашего участия.

— Судьба сведет?

— Как будто бы так.

— Примерно что-то такое я и предполагала. Я даже вижу, как это будет, хотя я бы очень хотела, чтобы это произошло, пока сын маленький.

— Интересно-интересно... И как вы это видите?

— У меня иногда бывают какие-то вспышки. Перед глазами возникает картинка будущего. Ни с того ни с сего. Обычно это касается других людей, про себя вижу реже, но тоже случается. Их встреча представляется мне лет через пятнадцать-двадцать, а может, когда наш сын будет уже совсем взрослым, и почему-то мне видится, что он будет говорить на другом языке. Может быть, то, что говорю ему, что мы улетим в теплые страны, вошло в мое подсознание? Мне просто кажется, что через несколько лет мы будем очень далеко отсюда. Я всегда чувствовала, что уеду, просто в какой-то момент своей жизни свернула не туда...

Медиум смотрел изучающе пристально.

— Надо же... Интуиты все же встречаются. Значит, у людей еще не все потеряно, — он сказал это будто самому себе.

— Возможно, жизнь столкнет их настолько случайно, — продолжала Лера, не обратив внимания на его слова. — Так, что они

даже не будут знать, что родные люди. А когда вдруг узнают... Ну, мало ли, вдруг в комнату неожиданно для самой себя зайду я и, как это бывает в индийском кино, спев и сплясав, сообщу каждому из них, кем он кому приходится. У них теперь даже шрамы одинаковые, Гошка летом на речке ракушкой в том же месте ногу порезал, где у Артема детский шрам после аварии. Можно будет шрамы предъявить как доказательство, — пошутила она. — В индийском фильме обычно родинки сличают, но раз у них родинок нет...

Таролог расхохотался так, что две из трех свечей на столе неожиданно погасли. Лера задула третью.

— Ну, вот. Свечи говорят, что мне уже хватит задавать вопросы и пора идти забирать детей из детского сада, — она улыбнулась. — Сегодня еще вечером в парилку идем с друзьями, мама обещала с детьми посидеть. Кстати, если вам к фильмам нужны будут закадровые стихи — обращайтесь, у мамы и про ангелов есть.

— Я подумаю, — улыбнулся он, провожая ее до двери. — У вас хорошая интуиция, Валерия. И, возможно, вы действительно уедете очень далеко. Но уже не одна. А моя интуиция подсказывает мне, что мы с вами еще не раз увидимся, — добавил он вдруг.

— Мне почему-то тоже так кажется, — на прощанье сказала Лера.

***

В русской парной, в том же здании, где находился бассейн, куда каждое воскресенье утром Олег водил дочку плавать, на этот раз собиралась целая компания. Поводом был день рождения Лериного друга Володи. Отметить его было решено без детей, чтобы отдохнуть от шума и спокойно поговорить. Именинник на два часа арендовал парную, а после влаговыводящих процедур заказал столик в ближайшем кафе. Переодевшись в купальники, Лера и жена именинника Наташа зашли в парилку, где уже собралась компания из трех человек: Володя

и Олег сидели на верхней полке, а какой-то крупный высокий товарищ в банной шапочке щедро поливал водой из ковша с длинной ручкой камни, которые радостно шипели в ответ, источая клубы пара. Из-за пара было трудно разглядеть тех, кто находился в парилке.

Лера так много наслушалась в тот день про ангелов, что ее воображение разыгралось. В клубах пара за спиной незнакомца она увидела крылья, как бывает, когда дети пытаются разглядеть в облаках необычной формы какое-то животное или предмет.

— Кто вы, ангел во плоти? — поинтересовалась она у бородатого «ангела».

— Лера, ты что, не узнаешь Илью? — рассмеялся Володя.

— Подождите-подождите... Не признала с бородой. Тот самый Илья, что потерял память?

— И так и не нашел... — вздохнул бывший незнакомец.

— Илья! — Лера была ужасно рада его видеть. — Вот это встреча! Где тебя носило все эти годы?

— Я путешествовал. Думал, если буду появляться в разных местах, может, меня увидит кто-то, кто знал меня прежде. Много ездил автостопом, волонтерствовал... Много ли человеку надо для счастья? Пара обуви, футболка да тарелка супа. Потом я неожиданно осел в Индии и еще два года прожил там. Многое переосмыслил.

— И вчера вечером неожиданно позвонил мне и сообщил, что вернулся, — с верхней полки вставил слово именинник.

— Здорово! — восхитилась Лера. — В Индии! Значит, ты, как говорится, с корабля в парилку. Как я тебе завидую.... Столько впечатлений! Так давно хочется поехать куда-нибудь, но теперь, когда появились дети, это стало так трудно!

— А бабушки на что? — спросил Илья.

— У нас обе бабушки — активные работающие дамы. Они не мечтают сидеть с внуками. Но ты лучше расскажи, где был, что видел... О, какая интересная татуировка, — дотронулась Лера указательным пальцем до его мощной груди, где были изображены два крыла. — Давно у тебя она?

— Года два. Познакомился в путешествии с одним парнем, он как раз этим занимался. Мне бесплатно сделал.

— И что это означает?

— Начинается... — произнес Олег тихо, так, чтобы его не услышала жена.

— Ты все еще не можешь забыть день рожденья Петьки? — спросил его Володя, пока Лера живо беседовала с новообретенным Ильей.

— Забудешь тут. Каждый день смотрю на его результат.

— Ты о моем крестнике?

— Да.

— Олег, ну ты же понимаешь, что отец не тот, кто родил, а тот, кто воспитывает.

— Мозг понимает, а сердце — нет. Уже, может, и ушел бы, да Риту жалко оставить.

— Да, ребята, непростая у вас ситуация. Может, вам к психологу сходить? Лерка — она же хорошая. А это... — он кивнул в сторону щебечущих друг с другом Леры и Ильи, — это ж она так, от излишней общительности.

— Уверен? — он хмыкнул. — А к психологу... у меня у самого психфак закончен. Раз сам себе помочь до сих пор не смог, думаю, никто мне уже не поможет.

Жена Володи, Наташа, такой же разговорчивостью, как Лера, никогда не отличалась и просто молча слушала все, что они говорили. Пока Олег с Володей общались и потели, Лера уже выспросила у Ильи все, что ее интересовало. Из парилки они вышли лучшими друзьями.

«Я смотрела на него и думала — вот он: живой человек, — записала она вечером в свой заветный файл, когда все уже спали. — В Олеге уже давно нет такой живости. Хотя именно такой никогда и не было. В Илье меня восхищает его отношение к жизни: надеть рюкзак и выйти на шоссе, чтобы уехать в неизвестном направлении. Я на такое не способна. И раньше было слабо, а теперь, когда есть дети — тем более. А он — он свободный. Кажется, если бы мог — взял бы и полетел.

Я зачем-то пожаловалась Илье на то, что Олег не разрешает мне красить волосы. Хотя смешно говорить об этом мужчине, разве мужчина может такое понять. В чем здесь трагедия? На их взгляд, никакой. А я не чувствую себя собой со своим родным, каштановым, цветом волос — мне нужно что-то яркое. И сегодня вечером, когда мы все прощались у метро, Илья вдруг сказал Олегу:

— Разреши ей покраситься. Ты разве не видишь, она же — рыжая!..

И мое сердце замерло. Как? Как он так почувствовал меня? Неужели он помнит мой цвет волос четырехлетней давности? Я долго смотрела на его уходящую фигуру и понимала, что в ней есть что-то родное и близкое, что я хотела бы встретиться с ним снова и рассказать все-все. Даже то, что не сказала бы Аньке. Хотя ей я рассказываю очень много всего. А она порой ох какая строгая! Вот думаю, не сбей она меня тогда с мысли показать ребенка тому, от кого он произошел, может, исполнилась бы моя мечта...

Да, это была бы моя хитрость: чтобы вместо молодой студентки журфака на свидание пришла бы немолодая бывшая жена, да еще и с ребенком. Да... Идея, наверное, и правда была неудачная. Что бы он сделал? Сбежал бы? Скорее всего. «Ой, у меня молоко убежало!» — фьють — и нет его. А я бы ходила с этим двойным осадком всю оставшуюся жизнь. Так осадок хотя бы не таким толстым слоем пока лежит. Может, когда-нибудь еще попытаюсь... У меня было пока только две попытки, а Бог, как говорится, троицу любит.

Я до сих пор не могу избавиться от странных романтических эмоций, нахлынувших на меня, когда я примерила образ молодой журналистки. За две недели виртуального общения с Артемом я как будто жила другой жизнью, хотя и была собой. Ко мне снова вернулась моя былая беспечность, семейные проблемы отошли на задний план, и у меня такое ощущение, что встреться я с ним, я снова могла бы им увлечься. Несмотря на то, что он уже совсем не тот, кого я когда-то любила.

Хорошо, что мы не встретились. А то я уже стала иногда забывать об истинной цели своего с ним общения. Странно устроены человеческие чувства: они не умирают, а ложатся куда-то глубоко на дно. Как в аквариуме, в который положат грунт: сначала вода мутная, но со временем успокаивается и становится чистой. И если не лазить туда рукой и не шевелить грунт сачком, то все так и будет.

Так и со старыми чувствами. Со временем они забываются, но стоит поковыряться в грунте, под которым они, бывает, прячутся, вода снова становится мутной. Примерно то же чувствую сейчас я: боль за то, что все так происходит с Гошкой, в последнее время значительно усилилась. Одному отцу он не нужен, второму — тоже, да и с мамой не сильно повезло: с такими настроениями его мама сейчас разделась бы, как булгаковская Маргарита, натерла себя волшебным кремом и улетела бы далеко-далеко. Хотя бы дня на два. И влюбилась. Хотя бы дня на два. Чтобы почувствовать, что еще жива. Что еще может нравиться. Что она — не только машина для приготовления еды, мытья горшков, забирания детей из детского сада и сбора пустых пивных бутылок по всей квартире. А потом бы вернулась и вспоминала бы эти два дня долго-долго.

Иногда я смотрю на Олега и думаю: неужели я так проживу всю жизнь с этим человеком? Неужели мы так и будем терпеть друг друга ради детей и еще не знаю ради чего? Я несу этот чемодан без ручки уже не первый год, и он, наверное, воспринимает меня точно так же. Мы — два чемодана, нужные друг другу лишь для того, чтобы два других чемоданчика, которые живут на свете благодаря нам, чувствовали бы, что у них есть семья: папа и мама — чемоданы. Но стоит ли игра свеч, если они уже не любят друг друга? Если дети будут видеть перед собой такой образ отношений, какой сейчас есть у нас с Олегом, есть риск, что они перенесут его потом в собственную жизнь. А если отношения со временем станут еще хуже, они вообще не захотят создавать свои семьи, потому что будут думать, что рано или поздно все закончится так же?

Я ведь далеко не самая хорошая жена, я знаю это. Я терпеть не могу находиться дома. А когда дома, ненавижу убираться. А муж меня ни в чем не упрекает, в отличие от одного моего бывшего молодого человека, который терпел это скрепя сердце. А тут... Я даже порой спрашиваю Олега, возможно, пытаясь подвести к разговору: «Может, тебя во мне что-то не устраивает? Скажи!» А он: «Все хорошо». В этом смысле — идеальный муж. Даже Гошка недавно, увидев кучу хлама в углу, сделал удивленное лицо, развел руками и спрашивает: «Мама, а где порядок тут?» Правда, Олег и сам не ах какой хозяин: бачок в туалете уже две недели сломан...

Многие отговаривают меня от шага, на который я давно решаюсь и никак не могу решиться. Отговаривают, мотивируя тем, что дети еще маленькие. Мол, пусть пока подрастут. Но ведь дальше будет только хуже! Надо решаться сейчас, именно пока они маленькие. Да, мне наверняка будет трудно. Зато им будет легче перенести отсутствие папы. А, если Бог даст, и я скоро встречу кого-то, как сказала моя подруга Надя, очень любящего, привыкнут и будут считать папой его. В более старшем возрасте для них это будет сложнее. Если верить тому, что сказали недавно карты, я не должна остаться одна. А я всегда боялась этого больше всего.

Спасибо Олегу за то, что благодаря ему у меня есть дети. Но мне кажется, что пути у нас разные. И уж если он и сам это понимает, нужно просто расстаться как мудрые люди — цивилизованно. Теперь мне будет легче решиться на окончательный разговор, потому что сегодня я, кажется, влюбилась...»

***

Лериной первой мыслью на следующее утро было: «Интересно, думает ли Илья обо мне...» Новое чувство мгновенно вытеснило все проблемы, занимавшие ее голову в последнее время.

Гоша накануне ночью кашлял и остался дома, в садик она отвела только Риту. Мальчик спал, несмотря на то, что на часах было уже одиннадцать утра. Он тоже любил поспать по-

дольше, как и Олег. К тому возрасту ребенок стал перенимать многие его привычки. Однажды он случайно переключил телевизор с сериала «Друзья», который каждый день смотрела Лера, на футбол. Когда она снова включила нужный канал, трехлетний малыш взял пульт и опять нажал кнопку, где показывали матч. Лера отобрала пульт, и на экране вновь появились герои сериала «Друзья».

— Зачем тебе футбол? — возмутилась она.

— Хочу футбол, я — папа! — топнул ногой мальчик, сдвинув брови, и был немедленно отправлен к ящику с игрушками.

В тот день Олег уходил на работу после полудня. Лера покормила мужа чем-то вроде обеда и завтрака одновременно. Отвлекшись от трапезы, он взглянул на жену:

— Ты прямо светишься вся. Влюбилась, что ли?

Если бы это было не так, она бы обязательно ответила «да», но теперь сказала только «с чего ты взял?»

— Красивая сегодня такая, — подметил он. — Летаешь по кухне, будто крылья выросли.

— На нашей такой кухне особо не полетаешь, места маловато, — отшутилась она.

После его ухода они с Гошей отправились за Ритой.

— Гош, ты меня любишь? — вдруг спросила она сына по дороге, заглянув в его умные серые глаза.

— Очень люблю, — серьезно ответил мальчик.

— А папу любишь? — продолжила она стандартный набор вопросов.

— Нет, — опять очень серьезно сказал ребенок.

— Как так — нет? Почему? — она не ожидала от него такого ответа.

— Потому что папа меня не любит...

Еще минут пять пути, что оставались до детского сада, они шли молча. Лера пыталась переварить то, что услышала. Георгию всего три с половиной года. Неужели он уже все понимает?

— Это глупости, то, что ты сказал про папу. Конечно, он тебя любит! — вдохновенно соврала малышу Лера.

— Нам не нужен черный папа, — вдруг произнес ребенок.

— О, приехали, — ошалела Лера от его фразы. Она подумала, что, наверное, малыш назвал Олега так потому, что тот предпочитал черный цвет в одежде. — А какой папа нам нужен?

Георгий задумался.

— Желтый.

— Да? Ну что ж, ладно... — решила пока не развивать тему Лера.

Они зашли в детский сад. В группе, куда Рита ходила уже месяц, воспитательница рассказала матери, что девочка все время поет.

— Это удивительно! У нас впервые такой ребенок: как придет, так весь день напевает что-то себе под нос, то тише, то громче: ти-ти-та-ти-ти-та. Игрушку поставит, вокруг нее ходит и поет.

— Да ей еще год назад в поликлинике сказали, что будет певицей. Так певуче заголосила, когда кровь из пальца брали!

— Вот как, — засмеялась воспитательница. — Так мы еще будем гордиться тем, что мыли твои горшки, Ритуля? — обратилась она к девочке.

По дороге из сада будущая певица капризничала, и женщина, что проходила мимо в тот момент, решила поучаствовать в ситуации.

— Ты чего вредничаешь? Если будешь так расстраивать маму, то я тебя к себе заберу, — сказала она, пытаясь успокоить девочку.

— Мама, отдай Риту! — поддержал идею прохожей Гоша.

— Ничего себе, — удивилась Лера. — Как это так — отдай? Она же моя дочка и твоя сестра, разве нет?

— Пусть тетя ее забирает.

Тетя была уже не рада своему предложению. Виновато улыбнувшись и махнув рукой, она отправилась по своему маршруту.

— Надо было сразу ее отдать, пока она к нам не приучилась, — буркнул мальчик себе под нос.

— Ничего себе дела... — ахнула Лера. — Какая братская любовь!

Они немного погуляли на детской площадке, где Лера добросовестно выполняла родительские обязанности, подстраховывая детей, когда они лазили по лестницам, и следя, чтобы им нигде не поддувало. Маргарита, действительно, постоянно напевала что-то, то громче, то тише. Качаясь на качелях в тот день, она распелась особенно громко, так, что Лера даже решила заснять это на видео. Увидев, что ее снимают, девочка стала стараться особенно.

— Гошка, кто у нас Рита? Певица?

— Птица-синица-певица, — ответил тот, сощурив глаза. Он всегда так делал, когда был настроен скептически.

Зима в тот год выдалась бесснежная и зябкая. Такими зимами Леру всегда согревало лишь одно — собственные мысли, которые были где-то далеко-далеко. Сейчас она вспоминала их первую встречу с Ильей, когда они прыгали с парашютом, и вторую — на дне рождения у ее крестника. Ведь у нее уже тогда начали рождаться к нему какие-то чувства...

«Как причудливо тасуется колода, — подумала она булгаковской цитатой. — А что если бы вышло так, что я не поехала бы тогда на концерт Земфиры и не встретила бы Артема — не было бы Гоши? Или он бы был, но совсем другим. А, может, это был бы ребенок Ильи... Были ли бы мы с ним до сих пор вместе? Каким бы он был отцом? Ой, мамочки... Зачем я представляю все эти «бы»? Видела человека всего три раза в жизни, и у меня уже мысли о том, какими могли бы быть наши общие дети... Кажется, я не просто влюбилась, а серьезно влюблена. Надо это прекращать. Любовь, когда она только дала маленький росток, всегда можно остановить. Я справлюсь. Это все ни к чему. Разве я нужна ему буду с двумя детьми? Вон он какой мотылек, помахал рукой и нет его — улетел. Да еще и не помнит ничего. Бог знает, что у него было в прошлом, может, оно у него какое-нибудь криминальное. Просто так по голове редко дают, да так, чтобы память напрочь отшибло. Нет-нет-нет... От любви потом всегда больно, я больше не хочу ее испытывать. У меня и без того полно проблем», — у нее из головы не выходили Гошкины слова о том, что папа его не любит.

Поздно вечером, когда дети уже спали, а Олег ужинал, она, по традиции, села рядом и рассказала ему о разговоре с сыном.

— Олег, почему ребенок так сказал? — спросила она мужа.

— Он все чувствует, — ответил тот.

— И что мы будем делать?

— Ничего. Жить. По инерции. Так многие живут. Дети же...

— Нет, Олег, по инерции я жить не хочу. Пусть другие живут по инерции. А нам нужно что-то срочно решать.

— Я подумаю.

— Подумай. И я подумаю. Хотя мне кажется, мы уже все придумали.

Они легли в супружескую постель и отвернулись каждый в свою сторону. Минут через пять она почувствовала его руку на своем бедре. Ей не хотелось близости, но она уже столько раз отказывала мужу... И она не стала убирать его руку и говорить, что ей хочется спать, решив таким образом окончательно понять для себя, остались ли у нее к нему какие-то чувства.

Секс в женском восприятии — нечто гораздо большее, чем в мужском. Если женщина не любит мужчину, ей становятся неприятны либо безразличны его прикосновения. В процессе исполнения супружеского долга Лера поняла, что ее вообще к нему не тянет, и, лишь представив на его месте Илью, смогла испытать какие-то положительные эмоции. Ей было стыдно за свое воображение, но одновременно легко от того, что она поняла, что между ней и Олегом все кончено.

«Если верить Вовкиной теории о том, если мужчина не любит ребенка своей жены, то он не любит и ее, к чему тогда все это?» — думала она, пытаясь заснуть под храп своего супруга.

Их развод стал лишь вопросом времени. Лера просто решила подождать, что надумает муж.

***

Новый, 2007 год, они встречали только своей семьей — вчетвером. Все утро и весь день, как почти все российские женщины, Лера провела на кухне в хлопотах по приготовлению блюд

к праздничному столу, пока Олег в комнате устанавливал елку, купленную утром накануне. Лере никогда не нравилось отмечать Новый год перед экраном телевизора, но вариантов веселого праздника при наличии двух детей, которым по возрасту полагалось пораньше лечь спать, было не так уж много.

— Кто разрисовал телевизор зеленой краской? — возмутилась она, войдя в комнату и увидев «праздничный» наряд экрана.

— Убегаю, прячусь! — Гошка быстро скрылся в соседней комнате под мамин смех.

Рита, с ног до головы вымазанная в акварельных красках, с довольным видом сидела за столом с кисточкой в руках. Замочив обоих детей в ванной и попросив Олега их домыть, она решила дойти до ближайшей церкви, надеясь встретить там какого-нибудь батюшку, поговорить с ним и, облегчив душу, встретить новый год с легким сердцем. Официальным поводом ее отлучки было то, что для салатов не хватило майонеза.

К сожалению, в церкви не оказалось никого, кроме старушки-свечницы, и единственное, что ей оставалось — это поставить свечку и мысленно попросить помощи.

«Пожалуйста, Господи, сделай так, чтобы мои чувства остыли! Это же просто неприлично: замужняя женщина с двумя детьми постоянно думает о человеке, которого видела три раза в жизни. Пожалуйста, пусть это пройдет. Я весь месяц не нахожу себе места...»

Выйдя на улицу, она вдохнула морозного воздуха и подняла голову к темному небу. По нему плыли белые облака, а между ними горело несколько новогодних звездочек.

«Где-то ты сейчас, мой ангел-хранитель? — подумала Лера. — Или, если верить Максиму, хранительница, да еще и тезка. Ерунду, конечно, он сказал. Не бывает ангелов-женщин. Ангелы бесполы. Хотя... в фильме «Ангел-А» ангел в своем земном воплощении был женщиной... И у Милен Фармер есть клип, где девушка-ангел спускается на землю, чтобы помочь людям обрести потерянную веру в любовь. Вот бы и ко мне спустился с небес мой ангел и наставил на путь истинный. Ведь

будь у меня сейчас адрес Ильи, я бы просто поехала к нему, а там — будь что будет!.. Может, мне было бы достаточно одной встречи, чтобы понять, что это просто наваждение.

Мне страшно за свои мысли и за то, что со мной происходит. Я мать, и мне нужно думать о детях, а я летаю в романтических грезах. Прошу тебя, Господи, помоги мне. Я совсем запуталась. Я больше не могу так жить. Завтра начнется новый год, пусть вместе с ним начнется новая жизнь! Я очень люблю своих детей, но это неправильно — жить ради них с тем, с кем жизнь проходит мимо... Господи, помоги разрубить этот гордиев узел!»

— Помоги. Пожалуйста, — вслух обратилась она к темному питерскому небу в надежде, что будет услышана.

Под бой курантов они вчетвером чокнулись бокалами: родители — шампанским, дети — лимонадом. Чуть позже должна была зайти мама Олега, что жила неподалеку. Она обещала посидеть с детьми, чтобы отпустить «молодых» прогуляться. Лерины родители уехали встречать новый год к друзьям в Великий Новгород.

Олег зажег бенгальские огни, и дети, как завороженные, смотрели на их блестящие искры. Рита смело взяла из рук папы искрящуюся палочку и начала на нее дуть. Гошка осторожничал и отдергивал руку.

В час ночи в дверь позвонили.

— Наверное, твоя мама, — сказала Лера и пошла открывать. Но она ошиблась. За дверью стояли Владимир и Илья с бутылкой шампанского.

— С Новым годом! — произнес Илья, вручая бутылку оторопевшей хозяйке. При виде Ильи сердце Леры подпрыгнуло так, как будто она сделала что-то ужасное и ее сейчас поймают, хотя она всего-навсего взяла шампанское из его рук.

— А вы не ждали нас? А мы приперлися! — громко произнес Володя. — Наташа отпустила: езжайте, говорит, развлекайтесь, нечего, говорит, дома шуметь, дети спят. Вот — мы решили вас с собой прихватить. А? Согласны? Есть с кем детей оставить?

— Как раз с минуты на минуту ждем бабушку, — Лера пыталась прийти в себя от неожиданности. Сердце ее продолжало прыгать. — Олег, смотри, кто пришел! Да вы проходите, подождем вместе и поедем развлекаться. Наши дети еще не спят. Надеемся, что бабушка придет, уложит.

Сразу следом за ними раздался еще один звонок в дверь.

— А вот и она, — засмеялась Лера, впуская свекровь с двумя пакетами подарков. Это была милая простая женщина, ни разу не сказавшая ей ни одного дурного слова. «Повезло тебе», — завидовали ей подруги, которым было нечем похвастаться в этом плане. — С Новым годом, Вера Алексеевна!

Когда все гости расселись за новогодним столом, Георгий, который до этого уже зевал, вдруг проявил странную активность. Он залез под стол, прополз под ним и вылез рядом с Ильей.

— Привет, малыш. Как тебя зовут? — спросил его Илья.

— Гоша. А тебя? — задал вопрос мальчик.

— Меня — Илья.

— А я тебя знаю... — вдруг сказал мальчик и слегка дотронулся до его руки.

— Откуда? — у бородатого дяди сделались большие глаза.

— Ты мне снился.

— Вот это да! И что мы с тобой делали в твоем сне?

— Летали.

— Что, как птицы? — Илья ласково ущипнул малыша за щеку.

— Нет, мы были супергерои.

— В масках? — продолжал шутливо допытываться Илья.

Все сидящие за столом с любопытством слушали их разговор.

— Вот ведь, Илья, — не могла не вмешаться Лера. — Ты все искал человека, который бы узнал тебя. И надо же такому случиться: им стал трехлетний малыш, что, в принципе, не может знать тебя прежнего. Гоша, а почему ты мне никогда не рассказывал про этот сон?

— Я про него забыл, — пожал плечами мальчик.

— А когда увидел дядю Илью, вспомнил?

— Да, — произнес ребенок и снова скрылся под столом.

Илья с улыбкой тоже пожал плечами, глядя на окружающих и показывая своим видом, что он удивлен не меньше их. Разговор быстро перешел на другую тему, и все как будто забыли об этом странном детском заявлении.

Традиционно отметив Новый год шампанским и салатами, временно освобожденные от родительских обязанностей друзья были готовы к прогулке.

— Ну что, куда поедем? — спросил Володя, садясь за руль.

— Может, в бильярд? — предложила Лера. — Так давно в бильярд не играла!

— Возражения есть? — обвел всех глазами единственный трезвый человек в компании.

Лерина идея всем показалась удачной и возражений не вызвала.

Олег с Лерой сели на заднее сиденье, Илья — рядом с водителем, прямо перед Лерой. Всю дорогу до бильярдного клуба Лера ловила себя на мысли, что ей хочется зарыться руками в его черные густые волосы и долго-долго не отпускать. Она ужасно соскучилась по этому человеку, которого почти не знала. Да и сам он себя не знал. Вернее, не помнил.

— Илья, прости, что снова затеваю эту тему, а что врачи говорят? Если через четыре года ничего не вспомнил, уже надежды нет?

— Есть, но очень слабая. Говорят, я должен испытать какое-то эмоциональное потрясение. В этом случае еще, быть может, шанс есть. В путешествии было полно потрясений, но ничего не получилось.

— Хм... Интересно. Надо помочь тебе устроить эмоциональное потрясение.

— Да-да, помоги, у тебя это отлично получается, — съязвил Олег.

Лера повернулась к мужу и в ответ сощурила глаза.

— Ребята, не ссорьтесь! — примиряюще произнес Володя. — Вот мы уже и приехали.

В бильярдном зале у них был выбор: играть пара на пару в американский бильярд или в русский. Лера настаивала на аме-

риканском, мотивируя тем, что в русском узкие лузы и шары туда приходится буквально запихивать. Олег хотел сыграть в русский:

— В американку что за интерес — там все шары сами залетают, на дурака. Ну, кто со мной?

— Я, пожалуй, присоединюсь к твоей жене, если ты не против, — неожиданно произнес Илья.

— Так что, в американский? — спросил Володя. Ему, похоже, было все равно.

— Нет, я в русский, ты со мной? — спросил его Олег. — А эти... пусть играют вдвоем.

Володя растерянно пожал плечами, вопросительно глядя на Леру.

— Ну, раз мы «эти», то мы пошли? — сглотнула она легкую обиду.

— Ага, идите, — кивнул ее муж.

Их бильярдные столы находились довольно далеко друг от друга. Лера иногда поглядывала в сторону, где ее высокий красивый муж, как обычно, одетый во все черное, грациозно двигался вокруг огромного стола, обитого зеленым сукном, и на Володю, с которым они иногда встречались глазами, и его взгляд говорил ей: «Ты отдаешь себе отчет в том, что делаешь?»

— Слушай, Илья, а ты с тех пор, как упал с неба, встречался с какой-нибудь девушкой? — спросила вдруг она. — Или, может быть, сейчас встречаешься?..

— Скажешь тоже... «упал с неба», — улыбнулся ее партнер по игре.

— Ну, а как же еще объяснить твое появление обнаженным на Дворцовой площади? Мне это даже как-то снилось, такое сильное впечатление оставил твой рассказ.

— Видела меня во сне без одежды? — рассмеялся он, глядя на нее своими серыми, мягкими, с небольшой хитринкой, глазами.

— Мои сны. Кого хочу — того и вижу. Без одежды, — пошутила она и тут же поняла, что ляпнула что-то не то. И еще поняла, что Илья весьма ловко ушел от ответа на ее вопрос.

По его взгляду она прочла, что и он понял ее конфуз. Вот так случайно она вдруг выдала себя. Фрейдовские оговорки — страшная штука. Это, правда, работает.

— Ну, я не это хотела сказать, — смутилась Лера, больше не пыталась вернуться к интересовавшему ее вопросу.

— Да я понял, понял. Сразу понял, что ты весьма необычная девушка. И сказал тебе это еще давно, в машине, когда мы ехали прыгать с парашютом, когда ты, на всякий случай, надела памперс.

— Как ты все так хорошо помнишь? — удивилась Лера.

— Помню все до мелочей только за последние четыре года. Помню даже, какая у тебя была прическа и платье, когда мы виделись в последний раз.

— В парилке? Я была в купальнике, — рисуясь, хихикнула она.

— На детском дне рождения, откуда ты убежала, как ошпаренная.

— Я торопилась на концерт.

— Успела?

— Еще как! Так успела, что до сих пор аукается.

И она неожиданно рассказала ему все, что произошло с ней, начиная с того дня, как они виделись в последний раз, и даже то, что было давным-давно. Это было похоже на исповедь. Оставив игру, они присели за маленький круглый столик рядом с их бильярдным столом. Лере казалось, что она беседует с очень родным и близким человеком, которому можно доверить все-все, и он поймет. Илья, не перебивая, внимательно слушал ее историю. Она рассказала ему о своих тайных мыслях и чувствах, о том, что чувствует себя ужасной матерью, из-за того, что иногда представляет себя свободной и мечтает уехать далеко-далеко, чтобы хоть ненадолго снова почувствовать себя той, какой была до того, как у нее родились дети.

— Я стала другой, Илья, — поделилась Лера со своим старым-новым другом. — Семья так кардинально все меняет, я даже не ожидала. Я никогда не представляла себе свою жизнь та-

кой, никогда! Я очень люблю своих детей, но мне иногда так сильно хочется, чтобы они побыстрее выросли и чтобы я могла с ними разговаривать на равных. Я так устала... А когда еще муж помогает совсем мало и частенько под этим делом, — она подняла бокал с пивом и показала на него взглядом, — так вдвойне тошно.

Володя несколько раз пытался привлечь ее внимание, подмигивая или махая кием, но желаемого эффекта не достиг: Лера не замечала того, что происходило вокруг. Он отлично помнил предыдущий раз, когда она точно так же увлеклась беседой с Ильей, и то, как решительно на это отреагировал Олег: молча и безвозвратно покинул всех собравшихся.

— Олег, ты гляди в оба, кажется, сейчас от тебя жена уйдет, — пошутил он, кивнув в сторону беседующих Леры и Ильи. Его желанием было сделать, как лучше, но получилось как всегда. В этот момент Илья как раз взял Лерины руки в свои. Увидев этот жест дружеской поддержки, Олег помрачнел, и, сделав жест рукой «да пусть уходит», продолжил игру.

На обратном пути все ехали молча. Выйдя рядом со своим домом, Олег и Лера скрылись в парадной.

— Ты что творишь-то? — повернулся Володя к Илье.

— А что я такого сделал? Мы просто разговаривали.

— Разве ты не видишь, как он бесится из-за этого? Вы и в прошлый раз «просто разговаривали», помнишь, как он дернулся?

— Разве это было из-за меня? — удивился Илья.

— Представь себе! — ответил его друг.

— Слушай, я понимаю, что она замужем, но она мне нравится. И она несчастлива с ним.

— А с тобой — будет? Ты же вообще ни с кем не хочешь связываться. А у нее, между прочим, двое детей! Илья, пойми, она моя подруга, и я хочу, чтобы она была по-настоящему счастлива.

— Я постараюсь не причинить ей боли. Сразу все честно скажу.

— Будь другом, скажи, — Володя завел машину, и они отъехали от дома, где Гошка и Маргошка смотрели десятый сон.

***

Утром первого января всем хочется спать. Особенно тем, кто лег в шесть утра. Но, когда дома есть дети, которые легли в два часа ночи и встали в девять, поспать особо не получится. Проснувшись первой, Рита сразу стала звать маму.

— Ритуля, милая, помнишь стихотворение «Мама спит, она устала»? Давай я тебе тихонечко мультик включу. Хочешь мультик?

— Хочю, — согласилась девочка.

Еще полчаса сна. Но это занятие шустрому ребенку быстро надоело, и девочка начала хныкать. Лере волей-неволей пришлось вставать, тем более что к этому времени уже проснулся Гоша и нужно было кормить детей завтраком. В холодильник было приятно посмотреть: все полки были аккуратно заставлены салатами, оставшимися после новогоднего пиршества, которые Вера Алексеевна аккуратно накрыла пищевой пленкой.

— Оливье будете?

— Буду, — покорно согласился Гоша.

— А я хоцю молоко с булоцкой, — насупилась Рита.

— И я тоже буду молоко с булочкой, — изменил заказ брат.

— Так, ребята, немного салата и потом — молоко с булочкой.

Она неожиданно вспомнила, что вчера был последний день, когда она должна была отправить одной заказчице фотографии ее детей. Она уже получила аванс и все тянула с выполнением заказа. «Черт! Вот голова с дырой... Она ведь так просила сделать быстрее, к Новому году. Отправлю сейчас и, если что, сошлюсь на то, что на почтовом сервере, наверное, какие-то проблемы были, раз вовремя не дошло», — Лера села за компьютер и попыталась сосредоточиться на работе. Олег еще спал. Гоша молча смотрел мультфильм, а Рита дергала ее за рукав и просила с ней поиграть.

— Доченька, подожди, мама сейчас отправит фотографии и поиграет с тобой.

— Ну, поигай! Поигай! — канючила девочка и продолжала мешать обрабатывать фотографии. Лассо, с помощью которого Лера пыталась обвести по контуру лицо еще одного малыша, постоянно срывалось из-за ее толчков под руку. У Леры лопнуло терпение:

— Рита, я прошу тебя, посмотри мультик с Гошей! Это же твой любимый — про Винни-Пуха.

— Не хочю! — капризничала дочка. — Он мне надоел!

— Олег, Олег, — Лера решила разбудить мужа. Тот зашевелился и замычал. — Уже двенадцать часов, мне надо срочно один заказ отправить, ты можешь Риту чем-нибудь занять, она мне мешает.

В ответ муж перевернулся на другой бок. Ситуация с лассо продолжалась минут двадцать.

— Олег, ну, пожалуйста, я прошу тебя!

Муж резко и зло встал с кровати, натянул джинсы и, не обращая внимания на Риту, поднял с табуретки мирно смотрящего мультик Гошку, сильно шлепнул по попе и посадил на место. Мальчик, не понимая, за что папа его наказал, беззвучно заплакал.

Взглянув на лицо ребенка, Лера мгновенно превратилась в курицу, которая пытается защитить цыплят от врага. Она с трудом сдержалась, чтобы не кинуться на мужа, и первым делом бросилась к сыну.

— Гошка, маленький, не плачь. Папа не прав... — она повернулась к мужу и, увидев его помятое после сна лицо, поняла, что не может себя больше контролировать.

— Может, ты ударишь его еще раз, а?! Давай! Ударь его ни за что! Сделай это еще раз, и ты здесь больше не живешь!

Рита, услышав, как мама кричит, заплакала тоже.

— Не вопрос. Я после игры в бильярд уже выкинул свое обручальное кольцо, — не обращая внимания на дочкины слезы, спокойно сказал Олег.

— Да? Ну и отлично. Можешь собирать свои вещи. Зубную щетку не забудь.

Лера сгребла плачущих детей и скрылась с ними в детской комнате, громко хлопнув дверью. Они сидели на кровати и плакали все втроем. Заметив, что мама тоже плачет, дети быстро успокоились. Маргарита взяла свой носовой платочек и стала заботливо вытирать ее слезы.

— Не плачь, мама. Ты хорошая. Ты полосатая, как тигр! — сказал Георгий, гладя ее по голове.

Лера сквозь слезы засмеялась. Она легла спать в тельняшке и, проснувшись, так и осталась в ней. Прижав к себе сына и дочку, она поцеловала каждого по очереди в макушку и сказала:

— Ничего. Мы со всем справимся. Мы будем трое в одной лодке. Кто будет грести первым?

— Я! — закричала Рита.

— Ну, конечно, кто бы сомневался. А потом Гоша. По очереди.

— Нет, я первый. Я старше, — сказал сын.

Лера не хотела выходить из комнаты, и они втроем долго играли в кубики. Она так и не знала, ушел ли Олег. В квартире стояла гробовая тишина. Лера прилегла на детскую кроватку и долго смотрела на играющих детей. Гоша, заметив ее взгляд, подошел к ней, взял детскую пластмассовую лопатку для снега, которого в городе в ту зиму не было до сих пор, и стал нежно гладить ею маму по голове.

— Ты что делаешь? — засмеялась она.

— Я люблю тебя лопатой, — ответил мальчик.

Олега Лера застала уже в коридоре, когда он обувался. Рядом с ним стояло два пакета с вещами.

— Зубную щетку взял?

— Да. Спасибо за заботу.

Он подошел к двери, открыл замок и повернулся к жене:

— Десятого, когда переведут зарплату, принесу деньги.

— Спасибо.

Когда за ним закрылась дверь, Лера снова расплакалась. Одновременно с ощущением того, что произошло неизбежное, что выведет ее жизнь на путь, с которого она когда-то свернула, ей

было ужасно грустно. Все же когда-то это был родной ей человек, с которым они столько пережили вместе... Плача, она набрала номер телефона Володи и, всхлипывая, сообщила:

— Все, Вовка, он ушел.

— Кто ушел? Олег?

— Да.

— Что, из-за Ильи?

— Может, он думает, что из-за Ильи. Но я его отправила совсем не из-за Ильи.

— Так ты сама его отправила?

— Да. Дошла до точки. Вов, он Гошку ударил. Ни за что, просто так. Слушай, может, ты заедешь сегодня на часик? Можешь?

— Сейчас, подожди, скажу Наташе, — он отлучился на минуту. — Жена велела мне немедленно забрать тебя вместе с детьми и привезти к нам. Будет отпаивать тебя чаем.

Лера засмеялась. Как же чертовски приятно, когда у тебя есть такие друзья! Через час, когда она как раз успела закончить работу с фотографиями, на пороге появился ее лучший друг.

— Вот, новый поворот? — снимая ботинки, спросил Володя.

— И мотор ревет, что он нам несет... — подхватила она цитату из песни. — Вовка, а ты можешь бачок в туалете починить? Он уже полтора месяца не работает, ковшиком пользуемся.

— А чего сразу не сказала? У меня же все инструменты в машине, — он снова обулся и исчез за входной дверью.

За полчаса Володя научил бачок самостоятельно наполняться водой.

— Надо же... Стоило остаться без мужа, и все в доме заработало! — пошутила Лера. — А, казалось бы, должно быть наоборот.

Еще через два часа все вместе уже сидели на кухне в уютной квартире ее друзей в Красном селе, доедали новогодние салаты и пили чай с малиновым вареньем.

***

— Вот так... Осталась одна, с двумя детьми, — вздохнула Лера, делая очередной глоток.

— Дура ты, Лерка. Это он один остался. А ты осталась — с двумя детьми! — как будто немного рассердившись, произнесла Наташа.

Искренне восхитившись простотой и мудростью этой мысли, Лера одобрительно кивнула головой, и в ее глазах появился озорной огонек, означавший «Черт побери, а ведь правда!»

В детской устроили тарарам четверо их детей детсадовского возраста: Лерины Гошка и Маргошка и Наташины — Вера, которой недавно исполнилось четыре года и ее сестренка Люба — светловолосая большеглазая девочка шести лет. Самый старший ребенок в семье Володи и Наташи, Петя, которому уже исполнилось десять, пытался утихомирить шумную малышню, но большинство брало верх над тишиной. Сейчас, глядя на этот счастливый вопящий и разбрасывающий игрушки детский сад, никто бы даже предположить не мог, что Наташа, самая заботливая на свете девушка — приемная мама Пети и Любы. А Петиных родителей вообще нет в живых.

История, что предшествовала этой семейной идиллии, несколько лет назад потрясла всех. Настоящая мама Пети и Любочки Оля, так и не успевшая стать женой Володи, стала жертвой ревности своего бывшего мужа, который там же покончил с собой. Люба, родившись в результате этого трагического случая раньше срока через кесарево сечение, никогда не видела свою маму. Когда Лера задумывалась об этом, остальные проблемы казались ей просто ничтожными.

— Какое счастье, Наташа, что Володя тогда встретил тебя, — сказала она сероглазой женщине, которая только что выдала столь важную для нее мысль. — Не представляю, что бы с ним было, останься он один... Ты — настоящее сильное плечо, несмотря на свою хрупкость. Да еще, как выясняется, кладезь мудрости. И как это у тебя всегда получается: так лаконично сказать что-то такое, после чего все сразу становится на свои места? — сказала она.

— Не знаю, — улыбнулась Наташа. — Я с детства была очень рассудительной девочкой.

— Надо было тебе тогда не в медсестры идти, а судьей, — засмеялась Лера. — Стук молоточком по столу, огласила что-нибудь мудрое и окончательное, и все довольны.

— Да нет, мне всегда хотелось людям помогать, а не судить их.

— Тогда немедленно беру свои слова назад и еще раз снимаю шляпу. Я, кстати, после девятого класса думала пойти в медсестры, но пропустила экзамен. А потом уже расхотелось.

— Ну ты даешь! Как это — пропустила экзамен?

— Ну, перепутала что-то. Пришла, он уже ушел, — расхохоталась Лера.

— Кто ушел? — не поняла Наташа.

— Кто-кто, экзамен! Ушел днем раньше.

— Ты меня извини, просто я иногда твои шутки не сразу понимаю, — улыбнулась Наташа.

— Ничего, это потому что мы редко видимся. Если будем чаще — привыкнешь, — она, смеясь, дружески похлопала девушку по плечу.

— Я вижу, ты уже в добром расположении духа, — вошел в комнату вернувшийся из магазина Володя.

— Ну да, — протягивая ему пустую чашку, сказала Лера. — Возвращаюсь на свою линию судьбы. Мы же давно говорили с Олегом о том, что не свои жизни друг с другом проживаем. Плесните еще чая, друзья!

— И мне тоже, — в дверном проеме возникла фигура заспанного Ильи, — можно чайку?

— О! — только и смогла выговорить Лера. — Ты что, так отсюда и не уходил?

— Виноват, — вздохнул он. — Сразу после игры в бильярд уснул здесь мертвецким сном и только сейчас, услышав твой голос, проснулся.

— Значит, мой голос действует на тебя побудительно? — пошутила она.

— Я бы даже сказал, побуждающе, — подхватил он.

— Ребята, ребята, — со смехом остановил их Володя. — Поаккуратнее с приставками. А то сейчас до такого договоритесь!

— Кстати, а чего это вы мне не сказали ни слова о том, что у вас Илья спит в соседней комнате? — поинтересовалась Лера.

— Не хотели тебя будить, — рассмеялась Наташа.

— Ну вот, а ты переживала, что шуток не понимаешь, сама шутишь весьма неплохо, — рассмеялась Лера. — В общем, и снова нет повода не выпить. Давайте, что ли, за то, что все мы здесь сегодня собрались?

— Давайте, — быстро согласился Илья. — Я даже очень за продолжение банкета!

Искра, проскочившая между ними несколько лет назад, разгоралась с каждой секундой. Володя с Наташей многозначительно переглянулись. Ее взгляд говорил: «Видишь, что делается!», а его отвечал: «Все давно к этому шло». Лера смотрела на Илью влюбленным взглядом и думала, почему должно было пройти столько лет, прежде чем она поняла, как ей близок этот человек. Почему сразу не разглядела этого? О чем думал Илья, никто не знал, о его чувствах можно было судить лишь по его жестам, когда он вдруг взял Лерину руку в свою, погладил ее и развернул ладонью вверх. Мать двоих детей неожиданно смутилась.

— Ты это чего? Собрался мне погадать? — хихикнула она.

— Почему бы и нет... — ответил он, продолжая гладить ее руку.

— Хиромантия какая-то, — еще раз хихикнула Лера. — Ну и что ты там видишь?

Илья водил пальцем по линиям ее ладони, как будто в самом деле что-то понимал в их расположении.

— У тебя интересная линия жизни. Очень извилистая и длинная.

— Долго, значит, проживу, — кивнула Лера в сторону с интересом наблюдающих за процессом Володи и Наташи.

— Я в этом не сомневаюсь, — подмигнул Володя.

— Ты только начинаешь раскрывать то, что в тебе зарыто... — продолжил Илья совершенно серьезным тоном.

— И чего во мне такого зарыто? — поинтересовалась она несерьезным.

— Много интересного. Творческого. Удивительного, — сказал он, не обращая внимания на ее игривость. — Возможно, о тебе когда-нибудь узнает мир.

— Мир?! Ого! Мне один человек почти те же слова про Маргариту сказал. О том, что о ней, возможно, услышит мир.

— Мама... — потрогал ее за коленку неожиданно подошедший Гошка. — А Мир — это имя?

Лера рассмеялась и потрепала сына по макушке.

— Нет, сынок, это такое большое и прекрасное место, где никто ни с кем не ссорится и все живут дружно и счастливо. И все время солнышко светит.

— А я думал, это имя... — задумчиво произнес ребенок.

— Почему ты так думал? — подражая мальчику, таким же серьезным тоном спросила его мама.

— Не знаю... Снилось.

— Похоже, малышу снятся интересные сны, — улыбнулся Илья. — Даже я там был. Летали вместе, да, Георгий? — повернулся он к малышу.

— Ты был ангелом и называл меня Мир. Мы дружили, — поведал ребенок.

— А что еще ты помнишь из своего сна? — поинтересовалась Лера, едва сдерживая улыбку.

— Как я тебя нашел.

— То есть как это — нашел?

— Я залетел в оранжевое окно, а там была ты, — ответил мальчик.

— А что ты еще помнишь?.. — ошарашенно спросила она. Гоша не мог помнить оранжевого окна. Такое окно было в ее комнате в коммунальной квартире, откуда они уехали сразу после его рождения.

— Еще помню, как ты ехала в лодке и смеялась над солнечными зайчиками, которые прыгали по воде. Я тогда тебя в первый раз увидел, ты мне понравилась, и я решил, что ты будешь моей мамой.

Лера потрясенно молчала. Ситуация, которую описывал ребенок, была в ее жизни года за три до его рождения. Вскоре после

этого она забеременела, но отношения с отцом ребенка не сложились, она сделала аборт, после которого очень долго сокрушалась о содеянном.

— Гошка... — она прижала сына к себе. — Гошка... Как ты можешь это помнить? — на глазах у нее выступили слезы. — Ты не мог этого видеть.

— Наверное, тоже видел во сне, — ответил мальчик и потянулся за булочкой. — Можно?

— Бери, бери, конечно... И всех угости, — протянула ему Наташа соломенную тарелку с булочками. — Хотя подожди, я с тобой, пойду проверю, что вы там творите... — и она, поддерживая тарелку в его руках и шагая такими же маленькими шажками, последовала за ним.

— Вовка... Что это было?.. — Лера полными слез глазами смотрела на друга.

— Ты знаешь, я этого не рассказывал ни тебе, ни Наташе, но Люба, ей было года три, вдруг, когда мы с ней были вдвоем, спросила меня, где ее настоящая мама. Я в таком шоке был! Даже думал уточнить у родителей Оли, не они ли рассказали, но я уверен, что не могли они... Поинтересовался, что еще она помнит. И Люба рассказала такие вещи, о которых знать просто не может! О комнатном цветке на подоконнике в моей комнате в коммуналке. Сказала, что наблюдала за нами через этот цветок. А ведь это было, когда Оля еще с Климом жила, и мы только встречались...

— Невероятно... — произнесла Лера, сразу вспомнив слова Максима про то, что у ее сына было две попытки родиться. — Получается, душа ребенка заранее выбирает своих родителей? И, если верить тому, что рассказал Гошка, он был рядом, еще когда я не решилась родить ребенка. Получается, его душа, несмотря на ни на что, все равно осталась рядом?..

Илья подвинул табуретку поближе к ней и приобнял за плечи.

— Так ведь это же хорошо! Значит, его душа тебя очень любит!

От его прикосновения ей стало очень хорошо. Лера положила голову на его большое плечо, вдохнула его запах, и он ей очень

понравился. «Кажется, есть какая-то теория запахов, по которым мужчина и женщина находят друг друга, — вдруг вспомнила она. — Этот такой родной и близкий...» Влечение, что она испытала от этой близости, остановило все ее мысли, растрепавшиеся после Гошкиного рассказа. От приятного запаха и тепла его тела она вдруг снова почувствовала себя юной и свободной. Это чувство было похоже на полет, как если бы была птицей и парила высоко над землей. Ей ужасно не хотелось расставаться с этим давно потерянным ощущением.

Весь оставшийся вечер Лера и Илья провели вместе. Друзья с пониманием отнеслись к тому, что им надо побыть наедине, и отправили их гулять, заверив Леру, что дети в ней не нуждаются.

— Отдохни немножко, тебе это нужно, на сегодня стрессов достаточно, — сказала Наташа и шепотом добавила: — Можешь не возвращаться, детишкам место найдем.

— Ты серьезно? — шепнула Лера, получив в ответ взгляд, в котором было «Ну, неужели нет?»

— Береги девушку! — уже вслух произнесла Наташа, повернувшись к Илье, и прочла в его взгляде «Ну, разумеется!»

Илья и Лера впервые оказались вдвоем. Было темно. Гуляя, они дошли до ближайшего кафе и остановились, размышляя, заходить ли внутрь. Есть уже никому не хотелось, но на улице было зябко. Они стояли у фонаря, вокруг которого летали мокрые и снежные питерские мухи и кружась падали на землю, коллективно создавая кашицу, которая довольно быстро проникала через обувь в носки. Илья молча смотрел на Леру, пока та, видимо, готовилась сказать что-то важное, потому что уже пять минут молчала, что для нее было весьма необычно.

— Знаешь, — вдруг произнесла она, глядя на него снизу вверх. Желания, буквально раздирающие ее в последнее время, выплеснулись в признание: — Ты мне очень, ну просто очень нравишься! — она едва сдержала себя, чтобы не сказать большего.

— Как неожиданно и приятно это слышать, — ответил он и, как ей показалось, даже немного смутился.

— Но я не уверена, что нам нужно что-то затевать. У меня же дети, мне нужно серьезно относиться к выбору, я не уверена, что ты — человек серьезный...

— Так и есть. Я несерьезный человек с несерьезными намерениями, — честно ответил он, вздохнув так, будто сочувствовал ей.

— Поэтому я решила, что буду бороться со своими чувствами, — вздохнула Лера ему в ответ. — Что и делала весь последний месяц.

Илья молча смотрел на нее, а она — на него, словно в последний раз, пытаясь запомнить свои ощущения от копны его черных волос, мягких серых глаз с длинными ресницами, крупного выразительного носа и немножко полноватых губ, к которым ей ужасно хотелось прикоснуться.

— Вот. Решила и буду. Бороться... — повторила она, неотрывно глядя на них. Губы не произносили ни слова и тем еще сильнее притягивали ее. — Только, знаешь, поцелую тебя сейчас, — произнесла она вдруг, — всего один раз, и все. Буду бороться дальше. Ты не против?

Он молча помотал головой, что не против, однако, не сделал при этом ни единого движения.

«Странный он все-таки. Ведет себя, как подросток, — подумала она, вставая на цыпочки. — Как будто у него вообще нет опыта с женщинами. Другой бы сейчас как притянул к себе! Хотя, похоже, это необъяснимое равнодушие меня только заводит».

Приблизившись, она ощутила уже знакомый запах, который на улице был едва уловим. Не сразу решившись прикоснуться к губам, она заглянула в его глаза. Энергия взаимной симпатии, явно исходящая от них, придала ей уверенности, но она все равно поцеловала его довольно робким поцелуем, успев лишь ощутить мягкость его губ. Но даже такой поцелуй мгновенно разбудил в ней давно забытые ощущения, которые она когда-то испытывала к отцу Гошки.

Ощущения проснулись и больше не засыпали.

***

На следующее утро Илья и Лера тоже проснулись вместе. За время, которое они провели в Лериной квартире, пока детей не было дома, поспать им удалось около двух часов. У Леры болела голова, но дело было не в том, что не удалось выспаться, а в том, что что-то пошло не так...

Пока Илья решил еще немного поспать, она приготовила завтрак и позвонила Наташе узнать, как там дети. Убедившись, что все хорошо и пообещав вскоре их забрать, она присела на краешек дивана и минут пять смотрела на своего нового мужчину, осмысляя то, что произошло между ними ночью. Ей было не по себе, что все случилось так быстро — ведь еще вчера на этом же диване спал Олег. Еще к этому примешивалось странное чувство, что ответ на загадку, которую Илья не мог разгадать последние годы, скрывается где-то совсем рядом, и то, что их близость была такой необычной, тому доказательство. Случившееся между ними вряд ли можно было назвать физическим актом слияния двух людей в общепринятом понимании этого слова. Что-то у них, безусловно, слилось, но, как показалось Лере, безо всякого «аппетита» со стороны партнера.

В общем, она была разочарована.

— Привет, — повернулся он к ней, взяв ее за руку. — Ты чего так смотришь?

— Так, думаю...

— О чем?

— О тщете всего сущего.

— Ого, масштабно! — улыбнулся он.

— И еще о том, что хочу сказать тебе спасибо.

— За что? — удивился Илья.

— За то, что благодаря тебе, вернее, благодаря чувству к тебе я наконец-то решилась на разрыв с Олегом. Если бы не ты, неизвестно еще, сколько бы это продлилось. Я трусиха еще та.

— Ну... — похоже, он не знал, что сказать. — Пожалуйста?

— Ага, — засмеялась она. — Видимо, так.

Несмотря ни на что, она была влюблена в его чувство юмора и ее все равно сильно тянуло к нему. «Попробовать еще раз? — подумала она. — Может, ночью он просто устал?» То, что она обещала ему вчера бороться с собой, уже вылетело у нее из головы, а вместо этого туда влетело то самое чувство свободы и юности, похожее на ощущение полета, которое возникало у нее, когда он был рядом. Но Илья явно не был настроен на продолжение.

Их первый совместный завтрак тоже был мало похож на завтрак между людьми, которые только что провели вместе ночь. Они как будто знали друг друга сто лет. Болтая о всяких глупостях и закусывая их оладушками со сгущенкой, Лере вдруг подумалось, что зря это они вчера... Пусть бы был просто другом. Ей всегда была очень важна физическая составляющая отношений с мужчиной, и теперь, несмотря на чувства к нему, она понимала, что с этим у них будет просто швах. Илье все это как будто было просто не нужно... Он словно отключался и думал о чем-то своем, в то время как она привыкла, что в такие моменты близлежащий мужчина все же думает о ней. В этом человеке было что-то, что она не могла понять, но очень хотелось. И еще очень хотелось настоящей физической близости с ним. И от того, что она не может получить ни того, ни другого, ей было по-настоящему плохо.

— Слушай, а давай я тебе помогу вспомнить прошлое, — неожиданно для себя самой вдруг произнесла Лера, сама удивившись своему предложению. Ведь она не знала, что скажет дальше.

У Ильи тоже сделался удивленный вид. Услышав это, он застыл с вилкой у рта. Хозяйка дома с тревогой смотрела на каплю сгущенки, которая была готова с оладушки вот-вот упасть гостю на футболку.

— Ешь быстрей, ешь! — сказала Лера. — И начнем разрабатывать план по спасению твоей памяти. А то что это такое: живет человек на свете, и концов не найти!..

Илья сосредоточенно жевал оладушку с той самой каплей, что благодаря Лере все-таки не успела испачкать его одежду.

Жевал и с восхищением смотрел на необычайно сосредоточенное лицо своей подруги.

— У меня есть один знакомый, он тоже гадает, как и ты. Если ты, конечно, не шутил со мной вчера...

— Как ты могла подумать, что я на такое способен? — возмутился Илья.

— Ладно, верю, — улыбнулась она. — В общем, он только не по руке гадает, а на картах Таро. Если хочешь, я могу вас познакомить. Это тебе интересно?

— Конечно! Вдруг он сможет сказать мне не только о будущем, но и прошлом?

— Думаю, сможет. Он мне недавно такого наговорил! Про будущее, про ангела-хранителя моего... Я до сих пор под впечатлением. И частично то, что он говорил, уже сбылось.

— А про ангела-хранителя что сказал?

— Да что они чуть ли не знакомы прямо, даже имя назвал, такое же, как мое. Я даже и не знала, что у ангелов имена бывают.

— Знаешь, давай, в самом деле, к нему сходим. Меня почему-то привлекает тема ангелов. Книжки о них люблю читать, фильмы смотреть, сны интересные вижу периодически, как будто тоже летаю.

— Да, помню, и Гошка вместе с тобой. Как супергерои, — улыбнулась Лера.

— Гошку во сне не припомню, я там почти всегда один... — лицо его стало каким-то особенно задумчивым и отрешенным.

— А когда не почти, то с кем? — проявила любопытство Лера.

— Не знаю. Со мной рядом кто-то еще, но я не могу разглядеть его лица. Но у него тоже большие белые крылья. Мы с ним вдвоем на берегу моря, но в нем не вода, а облака, такие, какими их видишь сверху из самолета.

— Повторяющийся сон?

— Да.

— Часто видишь?

— Примерно раз в месяц. А почему спрашиваешь?

— У меня тоже есть один такой. Про Гошку. Как он со своим типа папой знакомится. Видимо, я так сильно этого хочу, что уже загнала в подсознание, и оно периодически выдает это мне в форме сна. Обстоятельства всегда разные, но результат один — они увиделись.

— И когда увиделись — что? Он остался рядом?

— Этого во сне не показывают. Пишут в титрах: смотрите в следующей серии, — пошутила Лера с немного грустной улыбкой.

— Ты молодец, что ко всему с юмором относишься, я так же стараюсь, а то бы с ума сошел.

— Именно своим необычным чувством юмора ты мне и понравился еще несколько лет назад.

— Так а теперь, когда ты практически свободна от семейных уз, что думаешь делать?

— Жить. Работать. Растить детей, — паузы между словами были такими длинными, как будто она тщательно обдумывала каждое.

— Официально разводиться будешь? — поинтересовался Илья.

— Думаю, да. В ближайшее время подам на развод. Не понимаю людей, которые годами не вместе, а в паспорте друг у друга числятся. А чего это ты спрашиваешь, предложение, что ли, собрался делать? — подмигнула ему Лера.

— Что ты, посмотри на меня, какой из меня жених? Ни гроша за душой, жилья своего нет, памяти — тоже...

— Памяти подкупим, — пошутила она. — Не обижайся, шучу. Я договорюсь с Максом о встрече, вдруг, в самом деле, у него что-то получится тебе рассказать.

— С Максом?

— Да, так зовут того медиума.

— А... — Илья снова куда-то мысленно отлучился. — Да, хорошо.

— Да я вот прямо сейчас ему и позвоню, — она тут же взяла мобильный и набрала номер. — Странно, говорят: абонент недоступен. Ах да, он же в Индию собирался...

— В Индию? — оживился Илья. — Очень интересная страна. Несмотря на то, что я не так давно оттуда, снова хочется обратно.

— Что тебе там так понравилось?

— Не знаю, — он задумался. — Она какая-то... трехмерная. Там я не чувствовал себя потерянным.

— А здесь чувствуешь?

— Да, как только я вернулся, это ощущение вернулось тоже... Ты прости меня, пожалуйста, за эту ночь, — вдруг произнес он. — Я не знаю, что со мной. Ты мне очень нравишься, но у меня такое чувство, как будто мы родственные души, а между родственниками...

— ...Не должно быть секса? — закончила Лера его фразу.

Илья немного смутился, было видно, что она угадала его мысль:

— Ну... как-то так.

— Даже пробовать больше не будем? — картинно вздохнула она, хотя на самом деле ей было очень не по себе.

— Иди ко мне... — он посадил ее к себе на колени и погладил по голове, как маленькую безутешную девочку, которой не купили мороженое.

Леру продолжало очень сильно тянуть к нему. И то, что она понимала, что что-то не так, одновременно огорчало и заводило ее еще больше. Между ними словно было препятствие, которое ей очень хотелось преодолеть. Такого у нее еще не было: она же видела, что явно нравится ему, но он почему-то совсем ее не хотел... Она снова поцеловала его. Илья вроде ответил, но...

— Опять ничего? — открыв глаза, спросила Лера.

Он виновато улыбнулся.

— Мы с тобой прямо как в фильме «В джазе только девушки». Ты как будто миллионер, который пригласил Душечку на свидание на яхте с целью соблазнить, но делаешь вид, что у тебя проблемы.

— Думаешь, я делаю вид?

Лера грустно вздохнула.

— Нет, я так не думаю... Слушай, а с другими девушками у тебя все в порядке было? — вернулась она к своему вопросу, задав его другим способом.

— А у меня никого не было.

— То есть как это — никого? — сделала Лера большие глаза.

— Ну... за то время, что я себя помню — никого. А что было в прошлом — как тебе известно, я не знаю.

— Четыре года??? Никого? — Лера не могла прийти в себя.

— Ничего удивительного, — пожал он плечами. — Меня ни к кому не тянуло. Я не могу заниматься любовью без чувств.

У Леры сделался расстроенный вид.

— Без чувств, значит... — задумчиво и немного обиженно произнесла она.

— Ой, Лера, — спохватился он. — Да я не это имел в виду! Я же сказал, что ты мне очень нравишься! Давай просто не будем торопить события...

— Давай. Может, это у тебя из-за долгого перерыва. Все, все, не будем больше об этом. Как будет, так будет. Я буду рада быть тебе даже просто другом, хоть первое время это будет для меня очень непросто. Чтобы было легче, я попытаюсь представить, что ты мой брат. У меня, правда, нет брата, но вот — заодно и появится.

— Вот это поворот! — рассмеялся Илья. — Молодец, во всем стараешься найти позитив.

— Ну да, так мне будет как-то легче. Сам же говорил: секс между родственниками — это грех, — тоже рассмеялась она. — Согрешим? — щелкнула она его по носу. — Шучу, шучу... К этой теме больше не возвращаемся. Тем более что я еще и не разведена. Если бы Олег узнал, что ты здесь, думаю, он бы, мягко говоря, огорчился.

— Тогда лучше ему не говорить. Вам нужно остаться в нормальных отношениях, у вас же дети... Придется строить их, несмотря ни на что.

— Мудрый ты мой, — она нежно погладила его по волосам. Ей постоянно хотелось прикасаться к нему. Она вдруг поняла, что, по большому счету, не так важно, что у них не получилось стать любовниками. У нее, в самом деле, появился еще один друг. И, как выяснилось позже, не только у нее...

***

— Помочь тебе? — Илья наклонился к Гоше, который пыхтел, пытаясь самостоятельно застегнуть молнию на куртке. Все столпились в маленьком коридорчике в квартире Володи и Наташи, провожая Леру с детьми.

— Давай я застегну, — вмешалась Лера.

— Не надо, я сам... — малыш продолжал пыхтеть. У него ничего не получалось.

— Больше не доверяет мне, — вздохнула Лера. — Я как-то по неосторожности застегнула до самого верха и прищемила ему кожу на шее. Плакал сильно.

— Давай я сделаю, не бойся, я аккуратно, — Илья ловким движением застегнул молнию и завязал Гошке шарфик.

Мальчик с удивлением посмотрел на него.

— Гошкин, надо сказать «спасибо»! — сказала Лера.

— Спасибо, — очень тихо произнес малыш и неожиданно продолжил: — А ты с нами поедешь?

Илья, растерянно улыбнувшись, пожал плечами.

— Поехали! Я тебе свои игрушки покажу.

— Я даже не знаю... — он вопросительно посмотрел на Леру, которая одевала Риту. Она в ответ тоже пожала плечами.

— Гоша, может, у Ильи есть другие дела... — начала было она.

Но малыш взял Илью за руку и потянул к входной двери.

— Пошли, — упрямо сказал он.

За развитием событий с любопытством наблюдали Наташа и Володя.

— Иди уже, раз ребенок просит, — вставил Владимир свое веское слово. — На работу еще нескоро. Мы с тобой договорились, да? Будешь мне помогать?

— Уговор есть уговор, — ответил Илья.

— Что у вас за уговор такой? — поинтересовалась Лера.

— Вместе работать начинаем после праздников. Не все ведь волонтерить, надо и деньги зарабатывать, да, дружище? Хорошо хоть, с жильем вопрос решили.

— Верно, — вздохнул Илья. — Большое дружеское спасибо тебе за комнату. А волонтерство — штука хорошая.

— Но на нее не проживешь, — резонно заметил Владимир. — Ладно, поезжайте. Гошка уже весь извелся.

Ребенок изо всех сил продолжал тянуть Илью к двери.

— Ладно, ладно, подожди, Гоша, мне же обуться надо. На улице зима и если я пойду босиком, я замерзну, — убедил он мальчика и тот отпустил его руку.

— Давайте я вас отвезу, — предложил Володя, вопросительно взглянул на Наташу, но Лера не дала той отреагировать:

— Вовка, не надо, мы прогуляемся, погода сегодня хорошая. Отдыхайте, нас у вас и так за эти сутки слишком много было. Спасибо вам огромное за все!

— Ты молодец. Несмотря на вчерашнее, ты отлично держишься, — сказала ей тихо Наташа на прощанье на лестничной клетке, когда Илья с детьми спустился ниже и не мог их слышать.

— Видишь же сама — горевать особо некогда, — она кивнула в сторону тех, кто ушли вперед.

— Вижу, — улыбнулась та. — Но все равно — история практически невероятная: женщина с двумя маленькими детьми бросила мужа!

— Да мы уже оба этого хотели, но да, думаю, если бы я не предложила уйти, он, наверное, долго бы решался, — сказала Лера. — А в том, что они еще такие маленькие, кроме минуса, что будет сложно, есть еще и плюс — они мало что запомнят. Меньше переживать будут.

— Ну да. К тому же, кажется, Гошке Илья нравится. Не припомню, чтобы он к Олегу так тянулся.

— Я тоже, — ответила Лера. — Это меня и останавливает от...

Внезапно громко заплакала Маргарита. Лера, так и не закончив фразу и махнув Наташе рукой, быстро побежала вниз по ступенькам. Володина жена спустилась следом посмотреть, что случилось. Оказалось, что девочка пыталась перешагнуть через ступеньку и упала.

— Прости, не уследил, трудно сразу с двумя, — виновато развел руками Илья.

— Да это я виновата, болтать надо меньше. У тебя же нет опыта с маленькими детьми, — ответила она ему и, успокаивая дочку, приговаривала: — Ну, ну, все, успокойся... успокойся... Зачем через ступеньку прыгать решила, коза ты этакая...

Ответом ей был душераздирающий рев. Лера крепко взяла дочку за руку.

— Она долго так может, — пояснила она собравшимся вокруг нее друзьям. — Лучше на улицу выйти, там быстрее успокоится, на свежем воздухе.

Маргарита продолжала концерт. Старший брат подошел к ней близко и заглянул прямо в ее красное зареванное лицо:

— Ускопо.. упок... молчи, молчи! — приказал он сестре.

Лера расхохоталась.

— Нет, вы это видели? Он уже умеет находить синонимы словам, которые ему трудно выговорить!

Под «музыкальное сопровождение» Маргариты они вчетвером вышли на улицу. Илья держал в руке маленькую ладошку Гоши, Лера вела Риту. Они выглядели как обычная семья, и, глядя на них, никто из прохожих не мог бы даже допустить мысли, что этот мужчина — не отец никому из детей и даже не муж их мамы.

***

То, что Гоша так неожиданно привязался к Илье, останавливало Леру от того, чтобы расстаться с ним. Именно эту фразу она не договорила тогда, на лестничной клетке. Ей было очень непросто: она, похоже, по-настоящему любила этого странного, потерявшего память и потерявшегося в этом мире человека, но при этом не могла не понимать, что перспектив у их отношений нет. Максимальная физическая близость, которая случалась между ними — это то, что Илья сажал ее на колени. Так они могли долго разговаривать. Лера еле сдерживала себя, чтобы не поцеловать его, но уговор есть уговор: брат так брат.

Иногда любимый Гошкин друг оставался ночевать на диванчике, что стоял в коридоре. Когда Лере не спалось, она садилась рядом и смотрела на него спящего, иногда легонько прикасаясь к лицу и волосам, так, чтобы не разбудить. Чувства никуда не уходили, и от этого было вдвойне тяжелее.

С момента расставания с Олегом прошло уже почти два месяца. Бывший муж появлялся редко, в основном, только для того, чтобы принести деньги. Однажды Лера случайно увидела его с одной девчонкой из их класса — той самой Викой, что прилетела на встречу одноклассников из другого города. Прилетела и поселилась у родителей, оставив там, откуда уехала, бывшего мужа и забрав с собой десятилетнюю дочь. На встрече Вика поделилась с Лерой, что очень хотела бы сына. Она всегда была хорошей девчонкой, и Лера искренне порадовалась тому, что у Олега появилась подруга. Это было ей на руку: ибо, если бы он оставался один, ему было бы очень не по себе увидеть ее в компании Ильи. Ведь он как будто заранее чувствовал, что этим все закончится... Вика была отвлекающим фактором, к тому же, похоже, сдерживающим ее бывшего мужа от алкоголя. Ей очень быстро удалось то, что не удавалось Лере годами. С новой подругой он даже выглядеть стал как-то подругому: опрятнее.

— Вот так, Ань, значит, я все-таки была ему плохой женой, — рассказав обо всем подруге по телефону, подвела итог Лера. — Не гладила рубашки, не напоминала, чтобы причесался... Ему нужна была жена-мать и чуткое руководство, а я — жена-друг. А когда дружба закончилась, ничего и не осталось...

— Похоже, что так. Но, сама же знаешь, все, что ни делается, все к лучшему. Тебе, может, самой нужен муж-отец.

— Ты так думаешь?

— Ну, возможно... Другое дело, что ты слушаешь обычно только себя.

— Думаешь, я не способна никого слушаться? Если бы муж-отец говорил какие-то правильные вещи, я бы этого не поняла? — занялась самоопросом Лера.

— Лер, я не знаю... Надо, чтобы он их начал говорить. А что у тебя с твоим новым возлюбленным? Он годится на эту роль?

— Что ты... — Лера глубоко и тяжело вздохнула. — Он годится только на роль друга, причем больше Гошкиного. Они так привязаны друг к другу! А после того, что было с Олегом, я не могу ничего сказать против, видя, как Гошка счастлив. Но ведь я тоже хочу быть счастлива.

— Так, погоди, — Аня пыталась вникнуть в ситуацию. — А что не так? Почему только друга?

— Между нами ничего нет, Ань. Это ужасно. С Олегом ничего не хотела я, а с Ильей ситуация противоположная. И это несмотря на то, что отношения у нас очень душевные.

— Как так? Вы же уже два месяца вместе, получается, просто дружите?! — в голосе подруги слышалось безграничное удивление.

— Выходит, так. Я сама ничего не понимаю. Сначала думала, у него физиологические проблемы, предложила к врачу сходить, но он не захотел, сказал, ему просто нужно время. А я вчера, когда он у нас ночевал, рано утром подошла к его диванчику...

— Он даже спит отдельно?!

— Ну, да... Ты мне дашь рассказать вообще? Я бы никому это не сказала, только тебе.

— Все, молчу, молчу, рассказывай.

— Он спал... — продолжала Лера, — И даже не почувствовал техосмотра. В общем, все у него в порядке. Значит, проблема психологическая.

— А ты не думала о том, что, может быть, его не интересует женский пол?

— То есть ты хочешь сказать, что...

— Ну, ты же сама говорила, что он ничего не помнит, может, он и это забыл...

Лера потрясенно молчала.

— Сегодня же позвоню тому необычному товарищу, который гадал мне на Таро в прошлом году, и сходим к нему вместе. Может, если он вспомнит что-то, наша проблема решится.

— Может, лучше к психоаналитику?

— Потом, если понадобится, и к нему.

— Что, на этот раз закругляемся? — рассмеялась Аня. — Будешь медиуму звонить?

— Да. Ты меня просто убила своим предположением, мне такое даже в голову не приходило.

— Ну, это ведь еще не факт, а, как ты сама сказала, просто предположение.

— Но оно теперь мне спать не даст! Я и так толком не сплю, когда Илья у нас ночует. У меня ведь чувства и желание в полную силу, знаешь, как тяжело, когда ответной реакции нет?

— К счастью, не знаю, — ответила ее замужняя подруга. — Но представить могу. И посочувствовать — тоже.

— Ага. Ну... Я тогда, наверное, правда, отключусь. Я, когда в шоке, с трудом могу общаться. Созвонимся, ладно?

— Конечно. Позвони мне сама, когда сходите к этому товарищу.

— Хорошо, — Лера тут же набрала номер, в надежде, что Максим уже вернулся из поездки.

— Алло, — послышался из трубки его голос с загадочными немного растянутыми интонациями.

— Здравствуйте, Максим, это Валерия, подруга Надежды, приходила к вам несколько месяцев назад, вы меня помните?

— Конечно, помню, Валерия! — ответил он, как будто ждал ее звонка. — Как ваши дела?

— Ваши предсказания уже начали сбываться, мы расстались с мужем.

— Надеюсь, вы не очень расстраиваетесь? Это было неизбежно.

— У него уже есть другая, а у меня... даже не знаю.

— Появился другой мужчина?

— Он есть, но его как бы нет...

— Интересно, интересно... — казалось, ему правда интересно. — Может, как-нибудь зайдете с ним вместе? — предложил он. — Посмотрим, в чем ваша проблема.

— Я как раз и хотела спросить, когда можно. Мне бы хотелось как можно скорее, я уже звонила как-то, но телефон не отвечал.

— Я только сегодня утром прилетел из Индии, и ближайшее время у меня совершенно свободное. Приходите, когда вам будет угодно.

— Скоро придем, — обрадованно сказала Лера. — Я сегодня же поговорю с Ильей. Я ему рассказывала о вас. Он тоже не так давно жил в Индии и в восторге от этой страны.

— Замечательно. Значит, первая общая тема для разговора уже есть.

— Да. Адрес прежний? — уточнила Лера.

— Без изменений. Когда соберетесь, позвоните заранее, чтобы я точно был дома.

— Договорились. Спасибо! — Лера положила трубку. Она вдруг испытала чувство облегчения после этого разговора. Она не знала, чем Максим может помочь в их непростой ситуации, но почему-то чувствовала, что к нему надо обязательно сходить. В каком-то смысле он был и психоаналитик. Она помнила свое смятение перед визитом к нему и то ощущение спокойствия и неизбежности событий, хороших и разных, которые возникли у нее после. Сейчас ей очень хотелось это повторить. Она снова решила выплеснуть растрепанные чувства и мысли в свой электронный дневник. Обычно Лера делала это вечером, уложив детей.

«Мама недавно сказала мне, что это неправильно, что я практически не переживаю из-за расставания с мужем. Что я должна была прожить это внутренне, а мои мысли заняты совершенно другим. В смысле, другим мужчиной. Наверное, она права. Но что я могу поделать, если это все совпало в одном временном отрезке? По сути, наши отношения с Олегом действительно двигались по инерции, и хорошо, что все, наконец, закончилось.

Я ужасно рада, что в жизни Гоши, наконец, появился образ настоящего отца: заботливого, внимательного, чуткого... Но я не могу долго находиться рядом с человеком, к которому меня сильно тянет, и понимать, что я ему физически совершенно безразлична. Если бы не ребенок, я давно бы это все остановила.

Мы могли бы остаться друзьями, но должно пройти время, чтобы мои чувства остыли. А для этого лучше это время не встречаться. Пока мне все это очень больно и непонятно, и я очень надеюсь на визит к Максиму, может быть, его карты все расставят на свои места...»

Она еще немного посидела в интернете, проверила почту и легла спать. Уже месяц как она вышла из декрета на свою прежнюю работу, в пиар-отдел в редакции. За время, что ее не было, там все поменялось и нужно было строить отношения с новыми коллегами. Утром, отведя детей в садик, она забегала домой, приводила себя в порядок, что было очень трудно сделать, пока она собирала в садик сразу двух малышей, по-быстрому набрасывала план на текущий день и ехала на работу.

Вечером, когда она не успевала забрать ребятишек из детского сада, она иногда звонила Илье, и он приезжал и гулял с детьми в парке, ожидая ее прихода. В выходные Леру иногда подменяла ее мама, и тогда они с Ильей ходили в кино или театр и пили чай в его комнате, в которой раньше жил Володя. Эти часы были для нее просто блаженством. Она даже забывала о той проблеме, которая не давала ей покоя, и просто наслаждалась тем, что он был рядом. Но долго так продолжаться не могло, и Лера решила расставить все точки над «i».

***

— Здравствуйте, проходите, — Максим встретил их в каком-то странном балахоне. Он изменил прическу: теперь у него уже не было хвостика, волосы были аккуратно расчесаны на косой пробор и спадали с плеч. В общем, выглядел он весьма оригинально.

— Илья, — подал ему руку Илья.

— Макс, — в своей привычной артистичной манере представился тот, пожав руку в ответ.

— Приятно.

— И мне приятно, — улыбнулся Максим и сделал приглашающий жест рукой. — Проходите, свечи уже горят.

Они прошли в комнату. Здесь, как и во время ее прежнего визита, царил полумрак и приглушенно звучала музыка.

Так вот теперь сиди и слушай,
Он не желал ей зла.
Он не хотел запасть ей в душу
И тем лишить ее сна.
Он приносил по выходным ей сладости,
Читал в ее ладонях линии,
И он не знал на свете большей радости,
Чем называть ее по имени...

Лера вдруг подумала, что эта песня играет не случайно.

Свечей на этот раз было намного больше, они — разных размеров и цветов — горели во всех углах. Воздух был пропитан какими-то необычными ароматами.

— Я привез из Индии целый чемодан разных свечей и ароматических палочек. Специально к вашему приходу зажег лавандовые. Мой любимый запах.

— Мне тоже всегда нравился запах лаванды, — сказал Илья. — Он мне напоминает что-то, а что — не могу вспомнить...

— Да, Валерия мне рассказала о вашей проблеме. Знаете, это не так ужасно, как на первый взгляд кажется. Потеря памяти — это в каком-то смысле подарок. Ведь можно начать жизнь с чистого листа! Будда вообще был разочарован в жизни и видел счастье в Нирване, в забвении в грезах. Валерия рассказала мне, что вы бывали в Индии...

— Да, вернулся несколько месяцев назад. Прожил там два года.

— Не возникло желания остаться?

— Возникло. Однажды я попал в один джайнский храм в Палитане на горе Шатрунджая. Это было так высоко, что я почувствовал, словно очутился на облаках. Там я ощутил себя как дома.

— Какая, в сущности, смешная вышла жизнь, хотя что может быть красивее, чем сидеть на облаке и, свесив ножки вниз, друг

друга называть по имени? — вдруг напел Максим слова песни, которая только что закончила играть.

— Замечательная песня. У меня просто сердце замирает, когда я ее слышу, — вмешалась в разговор Лера. — Раньше много Земфиру слушала, но с годами расширила диапазон музыкальных пристрастий. И «Високосный год», что у вас сейчас играет — одна из моих любимых групп. Еще «Наутилус Помпилиус» нравится.

— И мне. Сейчас поставлю, — Максим снова улыбнулся своей фирменной загадочной улыбкой и поменял диск.

— Помните, Лера, я говорил вам про вашего ангела-хранителя? Иногда люди чувствуют то же, что и они — ощущение полета. И должны расценивать это как знак, что они поступают правильно. А вообще я рад, что нам нравится одна и та же музыка.

— Давайте я тут в уголочке посижу, чтобы вам не мешать, — Лера присела на стул, что стоял в стороне.

— Что вы, Валерия, вы совершенно не мешаете, — галантно ответил Максим, жестом показав Илье место у столика, где уже лежала колода карт.

Мужчины сели друг напротив друга. На маленьком столике, который разделял их, горела маленькая свечка. Лера наблюдала за происходящим со стороны.

— Задайте вопрос и вытащите три карты, — сказал Илье предсказатель.

— Я хотел бы узнать, правду ли говорит Георгий, что видел во сне, будто мы с ним летали. И что может значить то, что мы видим с ним похожие сны. Карты могут рассказать об этом, Макс?

— Карты могут сказать многое. Могу я, в свою очередь, спросить, кто такой Георгий? — уточнил медиум.

— Это мой сын, — ответила за Илью Лера, которая обещала не мешать.

— Просто это совпадает с моими снами, где я иногда вижу себя с крыльями. Я хочу понять, может, это поможет мне что-то прояснить в моей памяти... — пояснил Илья.

— Хорошо. Берите карту. — Максим протянул ему колоду. — Еще одну. Еще одну.

Илья послушно вытаскивал карту за картой и отдавал тому, кому доверил свою судьбу. С каждой принятой картой лицо у таролога делалось все более удивленным.

— В моей практике впервые, чтобы человеку подряд выпадает сразу три ангела. Вас просто преследуют ангелы, — это прозвучало, как шутка, но при этом он смотрел на своего клиента очень странным изучающим взглядом, словно пытался что-то припомнить.

Илья взял одну из карт в руки и изображение ангела с огромными белыми крыльями на ней поглотило его внимание так, что возникло ощущение, словно он отключился от внешнего мира. Он пристально несколько секунд смотрел на карту и вдруг стал оседать на стуле.

— Что с ним, что?! — всполошилась Лера, вскакивая с места.

— Похоже на транс, — ответил Максим совершенно спокойным голосом.

— Это не обморок? — уточнила она.

— Нет. Просто он что-то увидел... Не волнуйтесь, — он успел подхватить Илью до того, как тот окончательно оказался на полу. Глаза его были закрыты, он как будто спал.

Лера села обратно. Картина, что она наблюдала, со стороны выглядела довольно необычно. В полумраке комнаты, освещенной множеством свечей, один мужчина держал другого на руках и внимательно смотрел ему в лицо. Ей вдруг показалось, что он делает это как-то по особенному, как будто не впервые видит его, а знаком с ним давным-давно.

— Вы что, его знаете? — вдруг осенила ее догадка.

Максим повернулся к ней лицом, на нем играла какая-то очень странная счастливая улыбка. Лера поняла, что попала в точку.

— Вы были знакомы раньше? — повторила она вопрос, слыша свой голос как будто со стороны. Вся эта обстановка, пропитанная запахом лаванды, действовала на нее странно: она слов-

но оказалась в каком-то ином измерении, где была просто наблюдателем и не могла ни на что повлиять.

После того как Лера увидела, что Максим утвердительно кивнул, для нее все происходило так, как будто она смотрела фильм. Сильный аромат лаванды от палочки, тлеющей прямо на туалетном столике рядом с ней, действовал на нее странно одурманивающе. Лера видела, как Максим наклонился близко к лицу любимого ею человека, так близко, как она уже несколько месяцев не решалась себе позволить. В этот момент Илья открыл глаза. Несколько секунд они молча смотрели друг на друга, после он произнес:

— Это ты, ты был в моем сне.... Ангел на берегу моря из облаков. Я только что увидел его лицо, это был ты...

Мне хочется плакать от боли
Или забыться во сне.
Где твои крылья,
Которые так нравились мне?

— пел в этот момент «Наутилус Помпилиус».

На то, что происходило дальше, Лере лучше было не смотреть. Если бы она не мечтала о таком же нежном поцелуе с Ильей, это зрелище просто развлекло бы ее, но любящему сердцу было невероятно больно смотреть на происходящее. Поняв, что она просто третий лишний, вернее, третья лишняя, Лера молча взяла с вешалки куртку и, изо всех сил стараясь сдержать слезы, очень тихо закрыла за собой дверь в комнату. Увиденное объясняло все: и странные женственные манеры Максима, и то, что между ней и Ильей так и не сложилось близких отношений.

Пока она обувалась, из комнаты никто не вышел. Девушка так же тихо закрыла за собой дверь в квартиру, спустилась на один лестничный пролет и, прислонившись к холодной стене, разрыдалась. Это был старый питерский дом, где на этаже было всего две коммунальные квартиры с толстыми металлическими дверями и кучей звонков — для каждой комнаты. Ни из одной двери никто не выглянул, так же, как о ней так и не вспомнили этажом выше.

Семь лет назад она испытывал похожее чувство собственной ненужности, когда ушла от человека, от которого ждала ребенка и которого, как ей казалось, любила. Уходила, понимая, что поступает неправильно, что лучше проглотить обиду и остаться вместе, хотя бы ради будущего малыша. Из-за того поступка вскоре у нее не осталось ничего. Нынешние эмоции наложились на старые, и слез стало еще больше. Она быстро сбежала по ступенькам вниз и оказалась на улице.

Лера шла по набережной Фонтанки. Навстречу ей летели мокрые хлопья снега, и, если бы кто-то из прохожих решил заглянуть ей в лицо, то даже не догадался бы, что она плачет. Да никому и не было до этого дела. По дороге ей попался всего один человек, пытающийся спрятаться от непогоды в капюшон плаща.

Дойдя до цирка и миновав мостик через Фонтанку, Лера свернула на нелюбимый ею шумный и грязный Литейный проспект. В доме за углом Илья за символическую сумму снимал комнату у ее друга Вовки. Лера остановилась и с минуту смотрела на его окно, вспоминая, как недавно, когда у нее еще была надежда, она заходила к Илье на чай. Он добавлял в чай кусочки свежего корня имбиря, говоря, что он помогает сохранить внутреннее тепло. От имбиря вкус чая становился странным, как и всё, что происходило между ними. Лера смотрела на темное окно и думала о том, как было бы здорово, если бы и в жизни можно было нажать кнопку Backspace и отменить последнее действие. Сейчас ей точно не помешало бы внутреннее тепло. Она хотела бы, чтобы они снова сидели в его маленькой комнате в коммуналке, пили горячий чай и у нее опять возникало бы почти физическое ощущение какого-то безоговорочного счастья. Счастья — несмотря ни на что.

В серые петербургские зимы может согреть только любовь. Или, в крайнем случае, чай с имбирем. У Леры не было ни того, ни другого. А мокрые холодные хлопья снега безо всякого сочувствия продолжали хлестать ее по лицу. Спрятавшись от непогоды в метро, она ехала домой и думала о том, как внезапно все меняется в ее жизни. Лера мысленно отмотала свою историю на несколько лет назад и еще раз вспомнила тот мо-

мент, когда, беременная, уходила от Виктора. Могла ли она тогда что-то изменить? Если бы тот ребенок родился, как сложилась бы ее жизнь? Но ведь тогда, получается, не было бы этих детей? А представить, что их нет, Лера уже не могла.

Дома она застала идиллическую картину: ее мама, оставленная в няньках, мирно похрапывала на диване между Гошей и Ритой. Аккуратно перенеся малышей каждого в свою кроватку и умудрившись при этом не разбудить ни их, ни бабушку, Лера села у изголовья кровати сына и долго смотрела на него.

«Как много ты пережил, ребенок, — думала она, — и сколько тебе еще предстоит пережить с такой глупой мамой, как я. Простишь ли ты меня? Я бы так хотела, чтобы у тебя был настоящий отец! Но все как-то не срастается. Олег — так и не смог тебя полюбить. Илья — он тебе настоящий друг, но мы с ним никогда не будем вместе. Меня еще не оставляет мысль о том, что в Артеме, благодаря которому ты живешь на этом свете, вдруг повернется какой-то винтик, и он что-то переосмыслит. Может, именно теперь, когда узнает, что я рассталась с мужем, которому он посоветовал его показать? Твой крестный меня всегда отговаривает от этих писем, а я его не слушаюсь...»

Лера поцеловала пухлые щечки спящих детей, тихонько закрыла дверь в детскую и включила компьютер. От звука, что он издал при загрузке, зашевелилась мама.

— Ты пришла? — сонным голосом уточнила она.

— Спи, спи… Переночуй сегодня у нас, погода мерзкая.

— Ладно, — сразу согласилась та. — Там на кухне тортик, я испекла. Дети ели, им понравился.

— Хорошо, мам, спасибо. Спи!

Почтовый ящик открываться не хотел. Он как будто сопротивлялся ее глупому желанию еще раз написать Артему. «Да что за ерунда-то?» — раздраженно подумала Лера. Почтовый ящик ругался на какую-то проблему с датой. По непонятной причине компьютер сглючило и он решил переместиться в прошлое. 29.09.1999 — значилось в уголке экрана. Лера вздрогнула. Это было то самое число, когда она, как главный герой фильма «Ноч-

ной дозор», сказала «да» вместо «нет» и тем самым подписала приговор своему будущему ребенку. Она вспомнила тот день, когда Виктор, решив, что ребенок ему не нужен, заехал за ней и они вместе поехали в больницу. Вспомнила ощущения нефизической боли, что мучила ее потом целый год и из-за которой у нее не получилось построить отношения с Артемом.

«Напишу им обоим, — неожиданно решила она. — Мне нужно закрыть этот вопрос, иначе я не смогу идти дальше. Если через столько лет мне еще не все равно — это неправильно. Хватит тащить на себе тяжелый чемодан с прошлым!»

Она изменила дату на 07.03.2007, и почтовый ящик, как по мановению волшебной палочки, открылся. «Прямо как путешествие во времени, — восхитилась Лера. — Сейчас найду двух затерявшихся астронавтов и вернусь». Рискуя испортить себе настроение к восьмому марта, она нашла и того и другого в социальной сети, что в то время начинали приобретать все большую популярность. Для этого ей пришлось там зарегистрироваться самой. Она поставила главной фотографией оранжевый цветок настурции, плавающий в темной воде. Это была одна из ее любимых фотографий. Лера сделала ее на даче у бабушки летом, когда прилетела с годовалым Гошкой, постригшись наголо. Как цветок попал тогда в дождевую бочку, так и осталось загадкой. Но это было очень красиво. Сейчас она чувствовала себя точно так: сорванной и брошенной в воду. И ей обязательно надо было выбраться из этой бочки и снова пустить корни.

Первым Лера нашла Артема. На своей аватарке он был очень важным: стоял в стильном сером костюме, сильно выпятив грудь вперед. Во взгляде она увидела усмешку и вызов.

«Прямо как пионер на расстреле», — усмехнувшись и не нажимая «добавить в друзья», она сразу перешла к сообщению.

«Привет, Артем. Помнишь наш последний разговор? Прости, что он был не последним, как тебе бы хотелось. Но я не могу не сообщить тебе, что обстоятельства изменились. Мы расстались с мужем, который пытался стать отцом нашему ребенку, но у него, увы, это так и не получилось... Теперь мы собираемся

развестись. И я все еще не теряю надежды, что ты согласишься хотя бы один раз увидеть Гошку. Он очень на тебя похож! Твоя сестра видела его мельком несколько лет назад (не знаю, рассказала ли она тебе) и, даже не подозревая ни о чем, удивилась вашему сходству. Именно из-за него мой муж так и не смог полюбить ребенка. Он напоминал ему тебя, а он к тебе всегда меня ревновал.

Мне порой так грустно видеть, как наш сын льнет к чужим дядям! Помоги мне, пожалуйста, избавиться от моей идеи фикс — чтобы вы встретились. Хотя бы один раз. И если ты ничего к нему не почувствуешь, можешь развернуться и уйти. Гошка еще маленький, он не поймет, и ему не будет больно. Но мы будем знать, что мы хотя бы попытались...»

Отправив письмо, она набрала в поиске имя и фамилию еще одного своего бывшего. «Начала разбрасывать камни — так уж разбрасывать до конца», — Лера была настроена решительно. Но к Виктору у нее никакого дела не было, кроме... того, что он был юристом. Теперь, в связи с предстоящим разводом, поводом вполне можно сделать то, что ей нужна юридическая консультация. На самом же деле ей было просто интересно, как же сложилась его жизнь после того, как они расстались.

«Привет, Витя, — написала она когда-то любимому ею щедрому и веселому балагуру, который теперь представлял собой весьма упитанного серьезного господинчика с бокалом шампанского в руках. — Странно, конечно, что я пишу тебе спустя столько лет. Но у меня к тебе совершенно деловое предложение. После того как мы расстались, цепочка событий в моей жизни привела к тому, что я сейчас развожусь. Уже во второй раз. И на этот раз все намного сложнее, чем в первый: у меня уже есть дети, и очень не помешала бы консультация юриста. Если ты не против мне ее дать, буду признательна. Дело в том, что деньгами я не располагаю и с удовольствием приму ее в счет морального ущерба, причиненного мне тобой несколько лет назад».

«Дивно получилось! — подумала она со смехом. — Сейчас он скажет что-то про срок давности. Если вообще что-то ска-

жет». Она понимала, что эти два письма — совершенно лишнее, не стоило... Но не написать их она не могла, что-то внутри как будто подталкивало ее к этому.

Лера с волнением ждала ответов. Это волнение немного отвлекло ее от переживаний из-за Ильи. Она старательно гнала от себя картины, возникающие в ее воображении. «Интересно, как там эти двое, на облаке...» Она не хотела думать об этом, но думала. Обо всем одновременно. И обо всех.

«Что я делала неправильно? — задала она вопрос своему электронному дневнику, которому время от времени изливала душу. — Ведь если все так складывается, может, это означает не то, что мне не везет с мужчинами, а то, что со мной тоже что-то не так?..» Дневник тактично молчал. Дальше мысль его хозяйки не пошла, кнопка самоанализа сегодня не работала. Посидев и поразмышляв с минуту, Лера решила больше ничего не писать, пока ее мысли не придут в порядок.

«Жаль, что не изобрели расческу для мыслей, — подумала она и улыбнулась самой идее существования такой штуковины. — Дорогая бы, наверное, была вещь, и весьма популярная. А то ходят, у кого деньги есть, к психоаналитикам, которым и самим не помешала бы такая расческа. Да тьфу на это все! — неожиданно подытожила Лера. — Главное ведь рядом — это дети. Спят, родимые... Сколько бы ни было из-за них проблем, счастье-то — вот оно!»

Лера села на коленки перед кроваткой Риты и ощутила сдобный запах ее нежных светлых волос. От них всегда пахло сладкими булочками. Спящая девочка выглядела как большая кукла с легким румянцем на щеках.

«Это ж просто чудо какое-то... — Лера дотронулась до ее щеки. — И как я могла когда-то даже думать о том, чтобы ее не родить? Как это — вот ее бы и не было? Чуда такого улыбчивого...»

Улыбка не сходила с Ритиного лица с полугодовалого возраста. Она, как Ванька-Встанька, ни свет ни заря садилась в кроватке и показывала всем свои имеющиеся зубы. Маргари-

та росла настоящей девочкой, любила наряжаться и танцевать. Также у нее проявлялись способности к рисованию. А еще она сочиняла какие-то небывальские стишки. Таких и слов-то не было, а она умудрялась их зарифмовать и ни разу не сбиться с ритма. У малышки все больше проявлялись вокальные способности, и Лера планировала в будущем отдать ее в музыкальную школу.

Гошка был другим: сосредоточенным, вдумчивым, серьезным. Он мог по два часа сидеть и наблюдать за какой-нибудь букашкой на траве. Лере иногда казалось, что его посещают какие-то совсем не детские мысли, она никак не могла забыть его тяжелого взгляда, каким он одарил ее, только появившись на свет. «Зачем я здесь?..» — сказали ей тогда его глаза.

В моменты, когда он спал, приоткрыв рот, его лицо выражало такое спокойствие, что Лера была уверена: она все сделала правильно, и что бы ни было — у нее есть они — эти два ребятенка, которые всегда будут рядом, что бы ни было. И, по сравнению с этим, все, что произошло сегодня вечером, показалось ей таким маленьким и неважным, что она улыбнулась.

Лера вдруг почувствовала, что у нее есть крылья, как есть они и у этих маленьких птенцов, и скоро эти двое тоже смогут летать. Ну и что, что их крылатые отцы разлетелись в разные стороны. У них есть она, мама, и крылья у нее такие большие, что она и сама сможет укрыть ими от всех невзгод. Теперь это была ее ответственность.

«Интересно, была бы я сейчас другой, если бы у меня не было их — моих детей? Наверное...» — подумала она.

Такая ответственность не могла не прибавить ей мудрости. И пусть ее иногда не было видно невооруженным глазом, Лера была уверена, что она у нее есть. Она прилегла рядом на краешек Гошиной кровати и прислушалась к дыханию мальчика. Он ровно посапывал, изредка причмокивая губами. Лера приобняла его и долго, влюбленно смотрела на его вздрагивающие реснички, думая о том, какой пустой была бы ее жизнь, если бы у нее сейчас не было этих детей. С такими мыслями, незаметно для себя, Лера уснула рядом с сыном.

***

Утром она первым делом зашла на свою страничку, где ее уже ждал ответ от Артема.

«Привет. Получил твое письмо. Никак не могу взять в толк, какого черта ты мне опять пишешь. Наш брак для меня как запах прошлогодних духов в парфюмерной лавке. Ты никогда не смогла бы стать тем, о ком я мог когда-то подумать, как о партнере по жизни. Ты меня в этом смысле очень сильно разочаровала.

Недавно я разошелся со своим партнером по бизнесу и залез в большие долги. Теперь у меня очень большая денежная нужда и большие личные проблемы — из-за сложившейся ситуации, а ты продолжаешь грузить меня своими идеями.

Теперь, когда ты осталась одна, ты пытаешься сказать, что я имею какое-то отношение к твоим детям? Не смеши. И еще. Ты всегда прекрасно умела устраиваться. Так что ищи себе новых грузчиков и новые санки! А меня оставь в покое.

До свидания.

P.S. Не пиши никогда мне больше».

Прочтя это «нежное послание», Лера несколько минут неподвижно сидела, обхватив голову руками. Из ступора ее вывел жалобный голосок Гоши:

— Мама, у меня горло болит.

— Давай садись в кроватке, посмотрим, что там с ним случилось, — подошла к сыну Лера. — Можешь ротик открыть? Я просто посмотрю, ничего трогать не буду.

После операции по удалению аденоидов ребенок категорически отказывался показывать горло. Убедить его в том, что доктор просто посмотрит, а деревянная палочка, которая ей в этом поможет, не сделает ему ничего плохого, было невозможно.

— Скажи «А», ну, пожалуйста, — умоляюще сказала она сыну. — Видишь, у меня в руках ничего нет. Даже могу убрать их за спину.

— Ладно, покажу, — великодушно согласился ребенок.

Горло было красное, да еще к тому же, как выяснилось, у Гошки была температура 38,5.

«Еще не хватало, — подумала Лера. — Так и Рита заразится, и сидеть мне дома дней десять, на работу не ходить...»

Дома, как назло, не было жаропонижающего. Лерина мама покинула дом утром, захлопнув дверь, когда все еще спали. Она, в отличие от дочери, была жаворонком.

Неожиданно раздался телефонный звонок. На дисплее высветилось имя — Илья. Лера вертела в руках телефон, в раздумьях, стоит ли отвечать. Она еще не придумала, как вести себя дальше. Письмо Артема временно перебило эмоции вчерашнего вечера. «Ладно, чего прятаться-то» — она нажала на кнопку «принять звонок».

— Привет, — послышался голос, от которого она все еще вздрагивала.

— Здравствуй, Илья, — она не ожидала от себя самой такого прохладного тона.

— Ты куда вчера убежала?

— Интересный вопрос, — съязвила Лера. — Но ответ будет скучным — домой.

— Дуешься?

— Еще один интересный вопрос...

— Можно я приеду сейчас? Надо увидеться.

— Уверен, что надо?

— Уверен.

— Ты скоро приедешь? — ей в голову пришла неожиданная мысль.

— В течение часа.

— Можешь тогда заодно пользу принести?

— Если она не очень тяжелая, — засмеялся он.

— Купи, пожалуйста, по дороге Гошке детский парацетамол, у него температура.

— Чего сразу не сказала? — его голос резко стал взволнованным. — Я пулей! Еще что-то нужно?

— Шалфей еще можно, или ромашку, горло полоскать.

— Хорошо. Ждите, скоро буду, — он повесил трубку.

Она грустно улыбнулась своему отражению в зеркале. Без косметики, непричесанная, в ночной сорочке... «Вот она — жизнь разведенной женщины с двумя детьми, — подумала она. — Хорошо еще, есть кому приехать помочь в трудную минуту...» Она решила, что не будет выяснять отношений с Ильей. «А были ли отношения-то? — усомнилась вдруг Лера. — По сути, он всегда был другом Гоши, а любовь к нему — лишь мои собственные, ни на чем не основанные иллюзии. Ну, рухнули иллюзии — так ведь это же хорошо: освободилось место для новых! — она улыбнулась своим мыслям. — Да, не зря Вовка называет меня безнадежной оптимисткой...»

Ровно через час она, уже накрашенная, с причесанными волосами и мыслями, шла открывать дверь Илье. Умытые, с почищенными зубами дети, жевали на кухне свои любимые оладушки со сгущенкой.

— Завтракать будешь? Или ты позавтракал у Макса? — не удержалась она от вопроса, беря из рук маленький аптечный пакетик.

— Лер, не надо так, хорошо? — он очень мягко приобнял ее за плечи и слегка прижал к себе.

Она вдруг неожиданно беззвучно заплакала.

— Знаешь, что-то так грустно... Мы ведь оба чувствовали, что что-то не так, да?

— Да. Не сердись, пожалуйста. Ты мой самый настоящий друг. И я не хочу перестать тебя видеть из-за того, что неожиданно узнал о себе.

— Ни о чем таком тебя не расспрашивать?

— А оно тебе надо? — улыбнулся он улыбкой, которую она так любила.

— Наверное, нет... Так будет еще больнее. А тебе о чем-нибудь рассказать — можно? — вдруг поинтересовалась Лера.

— Нужно! — улыбнулся он. — Что, уже есть о чем рассказать?

— Да. Я вчера в растрепанных чувствах написала письма всем своим бывшим.

— Ого! — присвистнул Илья. — Прямо — всем-всем?

— Ну, это я преувеличила, конечно, — улыбнулась Лера. — Только тем, от которых осадок остался. А их всего двое. И один уже ответил. Я хотела бы, чтобы ты прочел и как-то это прокомментировал.

— Давай прочту прямо сейчас.

— Прочитай сначала мое. Вроде все культурно изложила, не грубо... Но ответ!

Она открыла ему оба сообщения от Артема и встала за его спиной, одновременно с ним перечитывая его еще раз.

— Ну и что ты хочешь от меня услышать? — повернулся к ней Илья, прочтя оба сообщения до конца.

— Честное мнение. Как мне к этому относиться, что отвечать, стоит ли отвечать...

— Ну... — он пожал плечами. — Это просто какой-то бред пионера. Прости, но я сейчас сделаю вот так, — и он нажал кнопку «удалить сообщение».

Лера широко улыбнулась.

— Блин, спасибо! Что, все вот так просто?

— Конечно.

— Знаешь, так забавно, я когда его аватарку увидела, подумала, что взгляд у него какой-то пионерский и грудь уж больно колесом, мол, смотрите, какой я: в качалку хожу!

— Забей. Есть одна правильная мудрость: ни один человек в мире не достоин твоих слез, а тот, кто достоин, не заставит тебя плакать.

— Хорошие какие слова... Значит, наша задача — надо найти того, кто не заставит, — задумалась Лера.

— Оладушками покормишь? — сменил тему Илья, потирая ладони.

— Покормлю. Но надо поторопиться, а то вдруг дети уже все съели.

Через пять минут Илья уже поил Гошку из специальной мерной ложечки жаропонижающим. Она смотрела на них и понимала, что, несмотря ни на что, этот человек всегда будет ей бли-

зок и дорог. И она не хотела бы потерять его ни для себя, ни для Гошки.

Илья пробыл у них до самого вечера и, выскочив вдруг «по срочному делу», появился с бутылкой вина и красным тюльпаном, объяснив это тем, что неожиданно вспомнил о том, что сегодня Международный женский день. Лере не было весело в этот праздник с тех пор, как 8 марта несколько лет назад от руки ревнивого мужа погибла ее подруга Оля, так и не успевшая стать Вовкиной женой. Друзья разлили вино по бокалам, Лера быстро опьянела и со слезами рассказывала Илье, как все произошло в этот же день в 2002-м году. И как, узнав о случившемся, не могла в это поверить... А он с сопереживанием гладил ее по голове, как маленькую расстроенную девочку.

***

«Уже неделя, как между нами, наконец, все стало ясно. Мы просто друзья. Хотя, по сути, наверное, были ими всегда. Но теперь, когда и без того слабая надежда на более близкие отношения рухнула, я взяла себя в руки и постаралась «разложить все по полочкам», — записала Лера в своем электронном дневнике. — Сердце — да, до сих пор колотится, когда он приходит в наш дом, но ведь он приходит! Между людьми ведь могут быть разные отношения, вовсе не обязательно по шаблону, к которому привыкли веками. Да, я его люблю. Но я ведь сильная, я могу управлять собой, когда захочу. Не всегда чувства должны приказывать нам, что делать. Я справлюсь.

Единственное, с чем я не могу смириться, — это с позицией Артема. Хотя, может, какая-то часть меня уже с ней смирилась, поняв, что «пионеры» часто застревают в своем пионерском возрасте и дальше не растут, а ведь чтобы понять значение того, что у тебя есть ребенок, нужно быть немножко мудрее. А если этот сектор у человека отсутствует — как можно на него обижаться?.. Это ведь все равно что обижаться на дождь за то, что он идет, вместо того, чтобы предохраняться от него зонтиком. Раньше, конечно, надо было предохраняться, — Лера не могла не улыбнуться

тому, что напечатала. — Но ведь я всегда хотела ребенка именно от него. По сути, он даже где-то прав, что это теперь — только моя проблема. Просто очень уж задело про грузчиков и санки. Я не стала рассказывать Илье, что все-таки попыталась ответить Артему, написала: «Если тебя устраивает, что у твоего ребенка и дальше будет другой грузчик и чужие санки — так тому и быть». Но сообщение не ушло: я снова в черном списке. Видимо, он тоже воспринимает меня как дождь, вот и пользуется «черным зонтиком». Как же мне перестроить себя, чтобы перестать вспоминать? Снова найти клин, который вышибет этот? Скоро целый забор будет уже из клиньев... Вот и Витя тоже решил мне ничего не писать. Я с моей гиперобщительностью уже практически как шофер из анекдота про объявление в итальянском автобусе «Запрещается отвечать водителю». Не могу молчать...»

Лера перечитала все, что написала и рассмеялась. Эта писанина заменяла ей психоаналитика. Изложенные подобным образом мысли как-то сами собой постепенно приходили в порядок и она могла легче смотреть на себя со стороны.

Всю эту неделю Лера из-за Гошкиной болезни не ходила на работу. Мама не смогла подстраховать ее, спешно зачем-то уехав в Салехард. В пятницу, собираясь к врачу на выписку, Лера, уже забыв и думать об этом, вдруг получила сообщение от Виктора. Короткое, деловое и с неожиданной капелькой тепла.

«Привет. Грустное же у тебя было восьмое марта, раз в интернете сидела, вместо того чтобы праздновать... Что касается твоего вопроса, давай обсудим это по телефону». Он оставил свой номер. Сохранив номер в мобильном, Лера одела детей на улицу, и они все вместе отправились в поликлинику.

Это был один из многих серых и безжизненных питерских дней, когда солнце забывало о том, что существует такой город — Санкт-Петербург, и светило, наверное, где-нибудь в Калифорнии. На неровном асфальте повсюду были лужи от недавнего снегодождя, и Лера постоянно одергивала детей, чтобы они в эти лужи не лазили, хотя тех туда тянуло как магнитом. У нее была мысль позвонить Вите прямо сейчас, но она подумала, что раз-

говор восемь лет спустя, прерываемый окриками «Обходи! Обходи лужу!» — это будет как-то странно.

Получив справку, разрешающую посещение детского сада, она вернулась с детьми домой, покормила и уложила их на пару часов дневного сна. Теперь она могла спокойно поговорить. Минут пять она собиралась мыслями, не решаясь услышать давно забытый голос, который когда-то развернул ее жизнь в другую сторону. Последнее, что она помнила, сказанное им — это: «Я жду тебя в машине». И она почему-то повиновалась и села в нее. А еще через два часа не стало их будущего ребенка. Она долго не могла понять, зачем она это сделала, ведь до этого она решила, что обойдется и без помощи его отца. Но все решил его утренний визит и грубое поведение, когда Виктор приехал, чтобы отвезти ее на аборт, и заявил, что, если она оставит ребенка, никогда его больше не увидит.

С тех пор прошло восемь лет. Она больше не любила его, но, как сказала Илье, «осадок остался»: ей хотелось узнать, как сложилась его жизнь после того, как они расстались, и, быть может, подсознательно она хотела услышать от него что-то, что хотела услышать тогда, но не услышала... Конечно, это были иллюзии, но ведь она уже ничего не теряла. И, глубоко вдохнув, она набрала номер его телефона и услышала тот самый голос, который просто и буднично произнес «Алло», как произносил все эти годы, но не ей.

— Привет, Витя.

Видимо, в этот момент возникла обработка его мозгом ее голосового сигнала, потому что с ответом случилась небольшая задержка. Но у него получилось узнать ее.

— Здравствуй, Лера. Даже не верится, что снова слышу тебя.

— И мне тоже не верится, что я снова слышу тебя. Мы точно слышим друг друга?

— Точно. Стыковка произошла, — засмеялся он.

— Тут, наверное, полагается сказать что-то типа «сколько лет сколько зим»?

— Скажи.

— Сколько лет, сколько зим! — послушно произнесла Лера. Она и раньше почти во всем его слушалась, даже подруги удивлялись, как с ее свободолюбивым характером она может так легко кому-то подчиняться. А Лера оправдывала это тем, что ей кажется, что он все делает правильно. А если все правильно, почему бы и не подчиниться. Единственное — она долго не могла простить себе, что послушалась его и сделала аборт.

— Значит, разводишься... — Витя решил перейти сразу к делу.

— Уже во второй раз.

— Время даром не теряешь, — подколол он.

— А ты? Женат?

— Да.

— На своей старой жене? — кольнула она в ответ.

— Нет, на другой, но тоже старше меня, если ты об этом.

— Я не об этом, но эта информация тоже интересна. Дети есть?

— Есть. Девочка. Родилась в день моего рождения.

— Вот это круто! — искренне поразилась Лера. — Какой подарок папе сделала! Сколько твоей дочке лет?

— Четыре. А у тебя, выходит, двое?

— Да, двое. Мальчик и девочка. Мальчику тоже четыре, а девочке — два. Помня о том, что день рождения у тебя первого июня, получается, у наших детей всего пять дней разницы в возрасте? Вместе, выходит, ждали.

— Да... Судьба... Так насчет консультации — это ты серьезно? Что, идет речь о разделе имущества?

— Я пока не придумала, о чем идет речь.

— Вот, значит, как.

— Да.

Она правда не знала, о чем с ним говорить дальше. И он сам повернул речь в совершенно неожиданное для нее русло.

— Так, может, я лучше приеду? Поговорим лично?

Приедет. Витя. Через восемь лет! Это было настолько невероятно, что у нее даже мысли не возникло сказать «не приезжай». Как можно пропустить такое чудо? Ей было ужасно любопытно

посмотреть на него. И, несмотря на то, что сердце ее давным-давно остыло к обладателю данного телефонного голоса, Лера сразу согласилась.

— Приезжай. Когда тебя ждать?

— Работу заканчиваю в пять. Сегодня пятница, вечер, скажу жене, что пошел с коллегами выпить.

— А. Ну, да. Так и скажи, — она мысленно усмехнулась: «Каким ты был, таким остался...» — Так, значит, в районе шести?

— Да, я позвоню, как подъеду.

— Хорошо.

Она объяснила ему, как до нее добраться и стала приводить себя в порядок перед такой неожиданной встречей. Но в районе шести Виктор так и не позвонил. Она набрала его номер, он был выключен. Еще раз — часов в десять — то же. Звонок раздался в районе семи утра, когда все мирно спали.

— Лера... — Витя был пьян.

— Да, — сонным голосом ответила она. — На твоих уже шесть вечера? На моих еще семь утра.

— Прости, я не смог.

— Я уже поняла.

— Не смог не потому, что не смог...

— ...А потому, что не смог? — продолжила она.

— Да, — он был пьян, но серьезен. — Я представил, что снова увижу тебя, и понял, что не могу. И на самом деле пошел с коллегами в бар. И мы всю ночь играли в бильярд. И до сих пор играем.

— Всю ночь? Ничего себе...

— Да, сейчас уже почти все разошлись, я остался один... — это прозвучало так трагично, как будто он остался один не в бильярдном клубе, а во Вселенной.

— Подожди еще минут пять, будет как в анекдоте «Совсем один остался», — не могла не засмеяться Лера. — Жена-то не волнуется?

— Она привыкла, — ответил Виктор.

— Однако... — отреагировала Лера. — Построил.

— Не шути так. А можно я сейчас приеду?

— В семь утра?

— Пока доеду, будет восемь.

Лера взглянула на себя в зеркало. От вечернего марафета не было и следа. Все надо было делать заново. «А не буду, — решила она. — Пусть видит такой, какая есть».

— Приезжай.

— Таможня дает добро? — рассмеялся он пьяным смехом.

— Дает.

— Жди, скоро буду. Как подъеду, позвоню.

— Да, я помню, вчера именно так и договаривались.

Лера встала, почистила зубы, причесалась и снова легла спать, решив, что с его пунктуальностью она встанет только после телефонного звонка. Звонок раздался в половину девятого.

— Я внизу, в магазине. Что купить?

— Купи все, — недолго думая, ответила Лера, вспомнив свой пустой холодильник.

На том конце провода раздался смешок:

— А после того, как я куплю все, куда мне идти?

Лера еле сдержалась от шуточки в стиле поручика Ржевского. Но отправить его со «всем» пешим эротическим маршрутом язык не повернулся. Она подробно объяснила, как ее найти, и, затаив дыхание, вышла на лестничную клетку и стала ждать.

Последнее, что она помнила — это его виноватый вид и пакет апельсинового сока, который Витя купил ей для поддержания тонуса после аборта. Несколько лет назад она столько раз представляла себе их встречу, придумывала, что она скажет, что он ей ответит, каждый раз переживала все так, как будто это было на самом деле. Она напомнила себе героиню фильма «Москва слезам не верит», что рассказывала вот такому, из прошлого: «Поначалу я еще очень сильно тебя любила... Потом я тебя до смерти ненавидела, потом мне ужасно хотелось, чтобы ты узнал о моих успехах и понял, как ты ошибся....» А чего она, собственно, добилась? На данном этапе жизни ей было совершенно нечем похвастаться. Мать-одиночка без копейки за душой. Спасибо судьбе, хотя бы удалось

выбраться из коммуналки. «Нет, все не так, — ругнула она саму себя за такое самоуничижение. — У меня двое прекрасных детей, любимая, ну и что, что не очень денежная, работа и вообще... Самые главные события в жизни еще впереди!»

Внизу хлопнула дверца лифта, и кабина стала подниматься наверх. Лера замерла. В этот момент ей показалось, что это фильм «Обыкновенное чудо». Когда Витя приходил с работы, она, слыша звук поворачивающегося в замочной скважине ключа, включала эпизод «Здравствуйте, я король, дорогие мои..», где в дом входил добрый, в меру упитанный король, роль которого исполнял известный советский актер Евгений Леонов. Эта фраза неизменно вызывало улыбку Виктора и он любил повторять ее.

Теперь этот фильм оживал у нее на глазах. Из открывшихся дверей лифта показался весьма упитанный невысокого роста мужичок, в котором едва угадывалось что-то от прежнего Вити, которого она когда-то любила. «Мамочки», — только и успела подумать Лера прежде, чем он подошел к ней и произнес «Привет».

— Привет, тебя не узнать, — не сдержалась она. — Такой солидный дяденька стал.

— Ты тоже изменилась, — его взгляд как будто всасывал ее целиком. — Прическа... — он дотронулся до ее волос. Лера поежилась от его прикосновения.

— Непривычно видеть меня с короткими волосами?

— Очень. Никогда не представлял тебя такой.

— Теперь я такая. — По его интонации ей показалось, что он сейчас скажет какую-то колкость про ее новую стрижку, и она предпочла сменить тему. — Ну, давай, проходи... Надеюсь, ты не против, если я приму тебя на кухне. Дети спят. Если проснутся — толком не поговорим.

— Я — гость. Где примешь, там и хорошо. Главное — не прогоняй и не проклинай, — он не выглядел таким пьяным, каким показался ей по телефону.

— В мыслях не было, зачем это? — удивилась Лера.

— Ну, помнишь, мама твоя... прокляла меня?

— А... Да, точно, сказанула в сердцах что-то на прощанье. А что, проклятие сработало? — с явным любопытством спросила она.

— Да. Она его от души так сказала! С тех пор на работе постоянно неприятности, дочка болеет часто...

— Ну, работа у тебя такая, неприятная, а дети все часто болеют, мы вот только что выкарабкались из очередной простуды.

— Нет, я был у одного... Он сказал, это из-за проклятия. Ты можешь попросить маму отозвать свои слова, ладно?

Оставив куртку в коридоре, он прошел с двумя большими пакетами на кухню и с видом большого человека важно сел на маленькую табуретку.

— Ты, что ли, решил ко мне через восемь лет заскочить, чтобы проклятие снять? — искренне удивилась Лера. — Так мамы здесь нет, мы теперь отдельно живем.

— Да не за этим, конечно, — слегка смутился он, поняв, что не с того начал. — Просто, если тебе не сложно...

— Мне не сложно, просто забавно это слышать. Мама у меня просто человек излишне эмоциональный, а вовсе никакая не ведьма, объявлений типа «Снимаю порчу» не дает, а тут на тебе... такая неожиданная просьба. Не думала, что ты к этому так серьезно относишься, ты же всегда был слишком здравомыслящим и практичным человеком, именно поэтому, как мне кажется, мы и разошлись. А тут... какое-то проклятие...

— Пожалуйста... — он неожиданно взял ее за обе руки своими теплыми пухленькими ручками и посмотрел в ее глаза так тепло и нежно, что Лера даже испугалась.

Где-то в самой их глубине за этим солидным фасадом она вдруг увидела того самого Витю из далекого прошлого, любившего ее, но все же не решившегося связать с ней жизнь, а главное — захотеть оставить ее их общему ребенку. Прошлое неожиданно вернулось к Лере в виде этого компактного, одетого в аккуратный адвокатский костюмчик господинчика, который, судя по всему, тоже был не слишком счастлив. У нее возникло странное ощущение, как будто сейчас она — та, какой она была во-

семь лет назад, в тот самый важный для нее день, когда она не знала, что ей дальше делать. Как будто ей показывают фильм про то, что будет, если она избавится от своего ребенка.

А как было бы, если бы она поступила иначе? Может, он не приехал бы даже через восемь лет? И она тащила бы все на себе, как делает это и сейчас, только ребенок был бы на три года старше... Если бы тогда Витино лицо было таким, как сейчас, а не тем, чужим и злым, изменившим ее решение в одну секунду. Может, все было бы иначе.

Но это был не фильм о будущем, это было ее настоящее. И у него была только одна версия. Вот эта. Их старшие дети одного возраста. Она — дважды разведена, он — женат и проклят. Лера не могла не улыбнуться своей последней мысли. Пауза затянулась примерно на полминуты, и со стороны это выглядело так, как будто Лера не уверена, достоин ли он того, чтобы снять с него проклятие. Витя, наверное, думал именно так и поэтому продолжал просительно смотреть на нее, держа ее руки в своих.

— Да хорошо, хорошо, я скажу маме, она, поди, и не в курсе, как проклятия снимаются, — наконец ответила она, осторожно вынимая свои руки из его ладоней. Это прикосновение было для нее чужим и каким-то... неправильным. — Ты поаккуратней с руками-то, женатый ты наш.

— Да, действительно, что это я... Взрослый человек, а веду себя как ребенок. Так, давай смотреть, что я купил.

— А и действительно, давай.

И он постепенно выложил на стол кучу всякой всячины: дорогую ветчину, конфеты, виноград, клубнику, печенье, сок... По ассортименту сразу чувствовалось, что человек он семейный и знает, что любят дети.

— Да... — Лера даже немного ошалела от вида стола с таким богатством. — Просто скатерть-самобранка. Дети будут рады.

— И как это ты решилась — на двоих? — вдруг выдал он с недоумевающим выражением лица, выставляя на стол бутылку игристого вина.

— Муж хотел второго ребенка. Своего. Не смогла противиться его желанию.

— Именно от тебя?

— Интересный вопрос. Ты всегда умел поставить в тупик, — этими словами она вызвала на лице своего гостя довольную юридическую улыбку. — Наверное, да. Ведь на тот момент именно я была его женой.

— Не могу представить тебя мамой. Покажешь детей? А то даже не верится...

— Тебе прямо сейчас, спящих? Или попозже, бодрствующих и готовых к поеданию конфет?

— Давай прямо сейчас, одним глазком взгляну. Не проснутся?

— По времени пока не должны. Хорошо, пошли, только тихо, Фома неверующий, — она со смешком слегка задела его по плечу. «Господи, зачем я это делаю? — думала она, ведя его к дверям детской. — Зачем он вообще здесь? Утром, через восемь лет... Он не верит в то, что у меня есть дети, а я — в то, что это — он».

Она тихонько открыла дверь в детскую и заглянула в полумрак. Дети мерно посапывали в своих кроватках. Лера слегка отошла от двери, освободив «смотровую площадку» бывшему бойфренду, который, при других обстоятельствах, мог бы быть отцом ее ребенка.

— Смотри. Справа — кроватка Георгия, слева — Маргариты.

Виктор покрутил головой вправо и влево и, удовлетворив свое любопытство, аккуратно прикрыл дверь в детскую. «Надо же, а ведь действительно — дети...» — было написано на его лице.

— Ты — мама... — вполголоса потрясенно произнес он, как будто узнал об этом только что.

— Прикинь, я — мама, — сделав комичное лицо, ответила Лера. — Даже дважды.

Они молча вернулись на кухню, где она начала раскладывать принесенные им продукты по своим местам.

— Справляешься в одиночку-то? Давно ты, кстати, одна? — поинтересовался Витя, снова приземлившись на табуретку.

— Недавно, но по сути, всегда. Справляюсь. Наверное, — улыбнулась она. — Иногда мама помогает, друзья есть, слава Богу.

— Так, значит, получается, отцы у детей — разные?

— Очень, — улыбнулась Лера.

Она видела, что его удивляет буквально все: ее прическа, ее два развода, ее двое детей... Когда Витя обводил глазами кухню, где у Леры никогда не было идеального порядка, она видела в его глазах «Да, кажется, тогда я поступил правильно...» Может, этого текста там и не было, но она его читала. Взгляд гостя остановился на бутылке вина.

— Ну, давай, что ли, за встречу... Бокалы есть?

— Есть. Что, прямо вот так, с утра, в субботу, и начнем? Хотя у тебя же это продолжается вечер пятницы...

— Ну да, я же не ложился. Никак не уснуть было на бильярдном столе. Жестко, — глаза его смеялись.

— Понимаю, понимаю... — поддакнула она его шутке и полезла в стенной шкаф за бокалами. — Шампанское с утра пьют либо аристократы, либо дегенераты, помнишь цитату? Мы с тобой кто будем?

— Аристократы, конечно, — он неожиданно встал с табуретки и, пользуясь случаем, приобнял ее за спину.

— Витя... — повернулась она с бокалами в руках. — Какова истинная цель твоего визита?

— А какова истинная цель твоего письма? — по-юридически ловко парировал он.

— Да черт меня знает, в порыве душевной невзгоды взяла да и написала. Мог бы и не отвечать. Вон у меня — есть один — как Пушкин из анекдота про мох, — залез туда и вылезать не хочет, только и слышно, как сообщает, где он. Или меня туда же посылает. Биологический отец Георгия.

— И где ты такого нашла?..

— А что, разве ты вел бы себя иначе, если бы я оставила тогда ребенка? — она смотрела на него вопросительно-строго, как учительница на ученика, который не выполнил домашнее задание. Виктор сразу убрал руки и сел «за свою парту».

— Так, давай лучше выпьем, — сказал он.

— Конечно, чего уж теперь, кто знает, что было бы, если бы... Живем с тем, что есть.

Он разлил слегка розоватое игристое вино по бокалам и разорвал обертку на шоколадке, щедро разломив ее пополам. Затем взял свой бокал, как-то уж слишком торжественно встал с табуретки и произнес:

— Лера...

Она тоже взяла в руки бокал и с интересом ждала, чего он скажет.

— Давай выпьем за нашу встречу.

— Оригинально, — засмеялась она. — А я ждала, что ты скажешь какой-нибудь цветистый тост, как, бывало, говаривал в старые добрые времена, помнишь?

— Конечно, помню. Я все помню, хотя что-то лучше бы было забыть...

Они звякнули бокалами друг о друга, и Витя опрокинул свой одним залпом, словно там была водка. Лера решила не торопиться, тем более что она не слишком любила игристые вина. После его слов она вспомнила, как сильно восемь лет назад тоже хотела стереть из памяти все, что произошло между ними...

— И что, позволь полюбопытствовать, ты хотел бы забыть? — не удержалась она от вопроса.

— Тебя, — он налил себе еще один бокал и выпил его, уже безо всякого тоста, как будто просто хотел опохмелиться.

— Меня?! — удивилась она. — Что же я тебе такого плохого сделала, что меня лучше забыть?

— В том-то и дело, что ничего. Именно поэтому. Ты думаешь, я тогда не понимал, какой я мудак?

— Откуда мне знать, понимал ли. Выглядел ты очень уверенным в себе и в своем решении.

— Я и сейчас в нем уверен, — его, похоже, немного развезло «на старые дрожжи». — Знаешь, ведь я тогда, в Сочи, когда мы в отпуск ездили, ты еще беременна была, думал страшные вещи...

— Какие, интересно? — спросила Лера, слегка поежившись. Она вспомнила, как он тогда внезапно мрачнел, и она не могла вытянуть из него, что случилось.

— Хотел утопить тебя. Я так сильно не хотел того ребенка, а ты так сильно его хотела... Один раз, когда мы ездили на водопады, помнишь, я тебя еще сфотографировал?.. И на пляже, когда вдвоем остались. Думал, можно представить все как несчастный случай.

— Это просто потрясающе!.. — Лера поставила бокал с недопитым вином на стол. На лице ее гуляла странновато-радостная улыбка. — И ты сейчас мне так спокойно об этом сообщаешь? Ты что, действительно мог это сделать? Избавиться от ребенка и заодно от его матери таким вот, мягко говоря, нецивилизованным способом?

— Да. Мог, — он смотрел на нее совершенно серьезно. Его глаза были холодными, такими же холодными, какими они были у Клима, мужа ее погибшей подруги, от руки которого она и погибла. Такие же холодные глаза она видела и у Олега, когда он смотрел на Гошку. Лере стало по-настоящему страшно. В тот момент она поняла, что она поступила совершенно правильно, расставшись с этими людьми, и поступает неправильно сейчас, выдернув одного из них из пыльной коробки с хламом своего прошлого. Зачем ей сейчас понадобилось знать о тех его мыслях? Зачем ему понадобилось ей это рассказать? Хотя, может быть, и было суждено им встретиться снова, чтобы проговорить все, что они не сказали друг другу тогда. Чтобы, поняв что-то непонятое, было легче двигаться дальше. Виктор продолжал пристально смотреть на нее и взгляд его теплел с каждой секундой.

— Ты ждешь, что я что-то скажу?.. — спросила Лера. — Тогда я скажу, что не знаю, что сказать. Кроме, разве что, что ты сейчас мне рассказал ужасные вещи. Если бы я тогда об этом знала...

— Я знаю, что ужасные, — ответил он. — Я сам себя чувствовал каким-то монстром. Я же потом в Чечню поехал, был там месяца два, насмотрелся на такое!.. Хотел все забыть, выбросить из головы, чтобы не вспоминать о тебе вообще. Через какое-то

время получилось думать о тебе гораздо реже, потом познакомился с Леной, родилась Катя... — при упоминании имени дочки выражение его лица стало добрее, глаза засветились.

— Все-таки назвал Катей, как мы хотели назвать нашу дочку? — не удержалась от комментария Лера. Ей было ужасно горько это слышать. Она вспомнила открытку с маленькой девочкой, где было написано «Желаю счастливого дня рождения» и игрушку с похожей надписью, которые купила себе, но потом подарила подруге на день рожденья. Чтобы не вспоминать.

— Я в любом случае назвал бы дочку Катей. Это имя девочки, в которую я был влюблен в начальной школе. Я еще тогда решил, что назову свою дочку только так.

Лера взяла со стола бокал, тоже выпила его содержимое залпом и поставила на стол. Хоть ей был безразличен этот человек, ей были небезразличны воспоминания о собственных мечтах, что рухнули восемь лет назад так резко и бесповоротно.

— А я решила тогда, что, если у меня потом никогда не будет детей, я тебе как-нибудь отомщу. И сразу после того, как мы расстались — мстила, но очень по-детски, — она улыбнулась. — Наша газета тогда гороскопы печатала, а какое-то время писать их было некому, и взялась я. Когда доходила до Близнецов, каждый раз предупреждала о разных серьезных опасностях. Наверное, тоже убить тебя хотела, но дистанционно, — пошутила Лера. — Ужасно неловко было перед остальными представителями твоего знака, но мне от этого становилось легче. А ты, как видишь, счастливчик, ничто тебя не берет! Осталось только проклятие снять, — она решила «съехать» с темы, которую им, на самом деле, необходимо было проговорить.

Исповедавшись друг перед другом, они стояли у кухонного шкафа: Лера — опираясь на него спиной, Виктор — в двух шагах от нее. После двух бокалов игристого вина на голодный желудок в голове у нее заплясали попавшие туда пузырики, и она стала воспринимать действительность немного иначе. Теперь этот чужой толстощекий дядька все больше напоминал ей Витю, которого она когда-то знала. Лера поймала себя на том, что

совершенно не испытывает к нему никаких чувств, кроме легкого возбуждения от самой ситуации и его взгляда, потеплевшего настолько, что она снова испугалась. После того, что он рассказал, ей казалось, что от него можно ждать чего угодно.

Виктор сделал к ней один шаг. Теперь он был совсем рядом. Лера чувствовала запах выпитого за ночь спиртного и дорогой туалетной воды. Сделав глоток, ее бывший друг поставил бокал рядом и приобнял ее. Она не сопротивлялась, решив, что досмотрит это «кино» до конца. Ей почему-то не был неприятен этот малознакомый внешне человечек, который приблизился настолько, что, казалось, еще немного, и она физически ощутила бы желание, которое он явно испытывал в данный момент. Она читала это в его взгляде.

— Рыжик... — произнес вдруг Витя, глядя ей прямо в глаза.

Лера вздрогнула. Она не слышала этого слова уже много лет. Никто не называл ее так, кроме него. Она, в принципе, не любила прозвища типа «рыбка», «птичка» и «ягодка», и к тому, что он стал звать ее Рыжиком, привыкала довольно долго, а потом довольно долго вздрагивала, когда слышала где-нибудь это слово. Теперь она молча ждала, что он скажет дальше.

— Рыжик, — повторил он. — А любовь ведь не ушла... — он как будто понял это только что. — Я сейчас смотрю на тебя и понимаю: она никуда не ушла. Все эти восемь лет. А я и не знал, что так бывает...

Лера молчала. Виктор сказал это так удивленно и искренне, что ему невозможно было не поверить. Но ее совершенно не задели его слова, потому что ее любовь ушла, и теперь она поняла это точно. Той Лере, какой она была восемь лет назад, было просто приятно слышать от него то, что она даже не думала услышать. Как она мечтала тогда, чтобы он посмотрел на нее так, как сейчас! Обнял, поцеловал, сказал, что всегда будет рядом, назвал бы своей женой... А сейчас ей это было не нужно. Юная испуганная беременная девушка, которой был важен каждый его взгляд и каждое слово, за эти годы превратилась в независимую и уверенную в себе женщину.

Виктор, не дождавшись Лериного ответа, попытался поцеловать ее. Она не ответила на его поцелуй. Она уже не помнила его губ, все было чужое... Влечения к этому колобку в костюме она не испытала. К тому же ее останавливало обстоятельство, что колобок женат. Именно его она и решила выдвинуть основным аргументом.

— Вить, не надо, правда. Остановись. Ты женатый человек, между нами все в прошлом, давай просто пообщаемся, как старые добрые друзья, — произнесла она, вручая ему оба их бокала, чтобы занять его руки чем-то, кроме себя. Он принял из ее рук бокалы и продолжал стоять рядом, не отойдя ни на шаг.

— У тебя сейчас есть кто-то?

— Дети, — ответила она.

— То есть нет никого... — сделал вывод Виктор.

— Думала, что есть. Но все оказалось сложнее, чем я предполагала.

— Значит, никого... — он как будто что-то просчитывал. Теперь Витя так пристально смотрел ей в глаза, как будто пытался проникнуть через них в ее подсознание и понять, что там происходит.

— С тобой все в порядке? — спросила Лера. — У тебя очень странный взгляд.

— Знаешь, — вдруг сказал он, протягивая ей бокал. Его глаза уже были довольно пьяными. — Я сейчас вдруг ощутил, как быстро и бессмысленно пролетела жизнь... Работа, дом, друзья, проститутки... — в этом месте Лера сделала большие удивленные глаза, но он продолжал, как будто не замечая этого. — Если бы не дочка, бросил бы все к чертовой матери и уехал бы куда-нибудь далеко-далеко. Одна она держит. Сколько раз из дома уходил — жена звонит, говорит, что Катя по мне скучает, и я возвращаюсь.

Лера внимательно слушала эту исповедь о его жизни после их жизни.

— Хорошо, еще, что у меня тещи нет. Была бы у нее мама, типа твоей, которая все время пыталась навязать мне, что де-

лать, не знаю, как бы я себя вел... Помнишь, как твоя мама поженить нас хотела?

Лера кивнула, вспомнив мамины «тонкие» намеки в виде покупки вина под названием «Венчальное» и ее душеспасительные беседы о пользе брака.

— А куда делась теща? — поинтересовалась она.

— Лена сирота, выросла в детском доме.

— Помнишь, как ты шутил когда-то, что жениться надо на сироте? — усмехнулась Лера.

— Я знал, что ты сейчас это скажешь, — улыбнулся он и продолжал. — Лена прекрасная хозяйка и заботливая мать, — перечислил он качества, которых, как он считал, не оказалось бы в ней, Лере, если б она стала матерью его ребенка.

— Ну и чего тебе не хватает? — поинтересовалась она. — Это же и есть твой образ идеальной жены. Ты же такую и хотел. Еще и сирота. Одни плюсы.

— Хотел. Именно такую, — он делал паузу после каждого слова, как будто в самом деле каялся. — Но почему-то не счастлив.

— Скучно? — с любопытством спросила Лера.

Он пожал плечами.

— Домой не хочется. Иногда не прихожу ночевать. Лена обижается, но потом прощает.

— Героическая женщина. Я бы так не смогла. Где тебя носит-то по ночам? С проститутками жаришь спирт?

— А знаешь, многие из них очень хорошие девчонки. По крайней мере, умеют слушать.

— Да, для этой профессии это качество, несомненно, очень важно, — сказала с усмешкой Лера.

— Это, в принципе, важно, — не обращая внимания на ее иронию, продолжал он. — Недавно я потерял последнего друга, кто это умел. Ты должна его помнить, он был у нас. Женя, мы работали вместе.

— Помню, как не помнить. Он меня не очень любил, мне казалось, его всегда удивляло, почему мы так долго вместе.

— Женя в прошлом году погиб на моих глазах, — продолжал Виктор. — Мы в командировке с ним были, сняли за городом номер, девочек, напились и решили с моста в речку прыгать. Женька прыгнул, — и на камни. О том, что там мелко, мы узнали только после того, как он нырнул. Я никогда не видел столько крови, даже в Чечне, — голос Виктора задрожал. — А вскоре после Женькиных похорон я поехал на конференцию в Москву, выпил там лишнего на фуршете и тоже решил нырнуть. Попросил таксиста меня подождать и прыгнул в Москва-реку. Прыгнул и думаю: если переплыву — начну жизнь с чистого листа, другим человеком стану. Лучше. Доплыл почти до середины и чувствую — дальше не могу. И вперед — далеко, и обратно — столько же. И тут эта темная вода начала меня затягивать в себя, я чувствовал, как она высасывает из меня жизнь...

От рассказа Виктора Лере стало не по себе. Рядом с ним она как будто сама очутилась в этой воде, что затягивала туда их обоих. Она вдруг отчетливо поняла, что судьба не зря избавила ее от этого человека: с ним она бы постоянно чувствовала себя в темном водовороте. Ей было необходимо срочно остановить этот поток энергии, сгустком повисший в воздухе. Такие ситуации она обычно разруливала с помощью чувства юмора.

— Утонул? — мысленно отряхнувшись, поинтересовалась она.

— Кто? — не понял он вопроса.

— Ты.

Виктор недоуменно смотрел на нее. Через пять секунд шутка до него дошла.

— Как видишь, не до конца, — улыбнулся он. — Лерка, ты никогда не умела слушать, — гость из прошлого слегка дернул ее за волосы. — И еще я совсем отвык от твоих шуток.

— Прости. Уж больно страшно ты рассказываешь. Прямо мурашки по коже. Как выплыл-то?

— Не помню. Помню только, что таксист был очень удивлен, увидев меня с мокрой головой. Слушай, — вдруг сказал он. — А давай ты обо всем этом книжку напишешь? Уверен, у тебя по-

лучится. Ты же всегда была творческой личностью, не то, что я — юридическая человеко-единица.

— Книжку о тебе? — уточнила Лера.

— О моей жизни. О нашей жизни. Вообще — о жизни.

— Не знаю. Никогда не думала об этом всерьез.

— Так подумай.

— Хорошо, подумаю. То есть, получается, Москва-реку ты таки не переплыл, раз такси быстро нашел? И жизнь, соответственно, с чистого листа начать не получилось.

— Это только в кино возможно: найти стеночку, где когда-то написал не то слово, и переписать все заново. Но я же — не Антон Городецкий. Я когда «Ночной дозор» смотрел, все время нас с тобой вспоминал. Думал, вот была бы такая стеночка...

— И что бы ты сделал? — с горечью усмехнулась Лера. — Написал бы на ней «нет» вместо «да», и наш ребенок бы родился?

У Виктора был очень виноватый вид, и она решила больше не копаться в его душе. Ей было уже достаточно того, что она теперь знала о том, что и для него та ситуация не прошла бесследно.

— А у меня ведь из-за всего этого первый брак рухнул, — решила поделиться и она после его откровений. — Никак успокоиться не могла, терзала и себя, и мужа, который никак не мог понять, что со мной происходит... А все это обернулось тем, что он теперь не хочет быть отцом собственному ребенку. Так что, в принципе, от чего тогда убежала, к тому же прибежала, просто на три года позже.

— Ты просто никогда не умела правильно выбирать мужчин, Лерочка, — по-отечески благосклонно сказал он.

— И ты — тому подтверждение.... — ловко парировала она.

Дети этим утром подозрительно долго спали, как будто специально решили дать им пообщаться. Виктор не особенно интересовался ее жизнью и, в основном, рассказывал о себе. Лере было невероятно жаль его жену, которая принимала его таким, какой он есть, хотя, Бог его знает, как все было на самом деле... Ей не хотелось слишком влезать во все это. Теперь она поняла

главное: не стоит сожалеть. Жизнь сама расставит все по своим местам — она всегда ей помогала в этом. Стоило хоть немного запутаться — решение приходило само.

— Тебе деньги нужны? — неожиданно спросил Виктор. — Холодильник-то, я видел, пустоват был, пока я не пришел.

— Деньги всегда нужны, но с чего это ты мне будешь их давать? Решил финансово компенсировать моральный ущерб, о котором я тебе написала? — засмеялась она. — Ты уже и так много купил.

— Если нужны, скажи, я сбегаю в банкомат.

— Пока с голоду не умираем, скоро зарплату должны перевести, — ответила Лера.

В эту минуту в коридор в ночной рубашке вышла Рита и, увидев на кухне незнакомого дядю, подбежала к маме и спряталась за ее спину.

— Привет, малышка, — добрым голосом сказал Виктор, вставая с табуретки. Он взял со стола кусочек шоколадки и протянул девочке. — Хочешь шоколадку? Я уже, наверное, пойду, — обратился он к Лере.

— Сёколатка! — Рита радостно взяла угощение.

— А сказать «спасибо»? — обратилась к девочке мать.

— Сиба, — послушно кивнула Рита, — разворачивая обертку.

— Хорошо. Ступай, — сказала она Виктору, усадив Риту за стол. — А то из-за тебя у детей на завтрак будет только шоколад, а мне еще их покормить надо.

— Интересная встреча получилась, — наклонившись, чтобы обуть ботинки, сказал он. — Неожиданная.

— Да, не каждый день такое бывает: судьба стучится в дверь через восемь лет.

— Ты когда-нибудь думала, что мы еще встретимся? — вставая с колена, произнес Виктор.

— Раньше — думала, а потом — уже не думала, — как есть, ответила Лера.

— Ладно, до встречи, — он попытался ее поцеловать, но она увернулась, и поцелуй получился в щеку.

— Думаешь, будет еще одна?

— Конечно, — уверенно отреагировал он. — Мы же так и не поговорили о вопросе, из-за которого встретились. Не обсудили юридическую сторону твоего развода.

— А... да, точно. Как-то не получилось, — открывая гостю входную дверь, ответила она.

— Счастливо.

— Да, пока!

Они попрощались так, как будто делали это каждый день. «Король» ушел. Она закрыла дверь и отправилась заниматься ежедневными делами. Через полчаса случившееся уже казалось ей чем-то невероятным. О том, что это все было на самом деле, напоминали только два бокала, недопитая бутылка вина и изобилие деликатесов в холодильнике.

***

В эти выходные Илья не появился, прислав сообщение, что на все выходные уехал за город. Раньше у него не было никого, к кому можно было бы туда уехать, и Лера сделала вывод, что он уехал вместе с Максом. С того вечера Илья больше ни разу не ночевал у них дома. В голове у Леры был полный кавардак в связи с последними событиями, грубым ответом Артема и визитом Виктора, который она спровоцировала сама не зная зачем. Ее мысли перескакивали с одного на другое, и это помогало ей не зацикливаться на чем-то одном. Когда грустных мыслей много — это не воспринимается как большая проблема, а лишь как много маленьких, и от этого, как ни странно, Лере было легче. К тому же дети не давали слишком много думать: она постоянно решала детские межличностные проблемы.

Рита продолжала выводить Гошу из равновесия так, что тот даже ни с того ни с сего стукнул сестру по лбу, возмущенно сказав: «Ах ты, поганка!» Девочка подошла и начирикала что-то красным фломастером на рисунке, над которым он корпел полчаса, и его реакция была понятна, но Лере в сотый раз пришлось объяснять каждому, что так нельзя. Что чужую работу портить

плохо, бить девочек нехорошо, и такие слова говорить некрасиво. И что надо попросить прощения.

— Набрался, наверное, в детском саду, — рассказывала она подруге Наде, которая позвонила ей в субботу вечером. — Я так никогда не говорю.

— Наверняка... — согласилась та. — Дети все повторяют, как попугайчики.

— И чего их мир не берет?.. Помню, родные в Томске советовали: рожай, чтобы была маленькая разница в возрасте, будут друзья. А они только и делают, что ссорятся! Нет-нет да стукнет сестру. А она бежит ко мне жаловаться, только и слышу: «Гоша меня ударил!» Иногда, по его словам, нечаянно. Говорю ему: «Надо сказать «Рита, прости, я нечаянно и больше не буду». А он — представляешь! — говорит: «Рита, прости, я нечаянно, я .... — пауза такая... — буду!»

— Вот жук! — засмеялась подруга. — Но зато честно, да?

— Да. И то, что жук — в точку. Представляешь, взял манеру отвечать мне «Ничего не слышу, ничего не понимаю». И использует в удобные для него моменты. Ругаюсь на что-то, а он: «Ничего не слышу». Спрашиваю о том, на что не хочет отвечать, — «Ничего не понимаю».

Лера перешла с детской темы к рассказу о визите Виктора, чем вызвала удивление и недоумение подруги. Надя — единственная, кто присутствовал при их последней встрече в клинике, где Лера сказала Виктору, что никогда не хочет его больше видеть. Чтобы как-то объяснить свои нелепые поступки, ей пришлось рассказать подруге о том вечере, когда она пошла с Ильей к Максиму.

— Ничего себе... Кто бы мог подумать, — ошарашенно произнесла Надя. — Я, конечно, знала, что Макс — гей. Он мне даже рассказывал, что у него был друг, с которым они потерялись в пространстве и времени. И что это было в прошлой жизни. А Илья тебе что сказал?

— Знаю, что это на меня не похоже, но я решила ни о чем его не расспрашивать, и так больно. На их встрече я поняла, что они зна-

ли друг друга раньше. Может, он и есть тот самый его таинственный друг из прошлой жизни? Гошка сочинил сказку, что Илья был ангелом и они вместе летали. Может, и Макс из этой же сказки?

— Да... Сказочная история, — усмехнувшись на слове «сказочная», сказала Надя. — Теперь я понимаю твои чувства. Я бы и сама в такой ситуации, наверное, глупостей наделала. У тебя ж такие сильные чувства к нему были... а тут все надежды раз — и рухнули в один момент. Чувства-то хоть рухнули вместе с надеждами?

— Старательно затаптываю с помощью голоса разума, — ответила Лера. — Может быть, лучше было бы не видеть его какое-то время. Хорошо, что на этих выходных не появился.

— Да, наверное, лучше так... И что теперь собираешься делать со всем этим?

— Сложить все в чемодан с табличкой «Прошлое» и выбросить его с десятого этажа. Работать. Воспитывать детей. Жить. Может, объявление дам на сайте знакомств, что-то типа «Интересная, легкая на подъем, веселая молодая женщина желает познакомиться с ответственным добрым мужчиной, для которого двое маленьких детей будут не помехой, а бонусом».

— Только что придумала?

— Ага, на ходу.

— Легкая на подъем, — смеясь, повторила Надя. — В смысле, без лишнего веса?

— Ага. Копыта очень стройные и добрая душа, — и они расхохотались уже вместе.

Во время их разговора Леру немного отпустило. Она решила перестать ругать себя за свои неразумные письма. Что сделано, то сделано. Зато ей стало все понятно. Точки над «i» еще никто не отменял. Грубость, с которой ответил Артем на ее письмо, перечеркнула в ней желание предпринимать попытки к тому, чтобы сблизить его и Гошку. Нужен ли мальчику такой отец?

— Правильно, что решила забить. Давно пора. Я вообще не понимаю, зачем тебе это? — поддержала ее Надя. — Ты только представь: ну встретятся они, к примеру, ну будет он с ним ино-

гда видеться. Изредка. По выходным. А ребенок будет ждать. Но если Артем сам до сих пор ведет себя как дитя — что он может дать ребенку? Это раз. Сама будешь дергаться каждый раз, если у тебя вдруг какие-то чувства к нему остались — это два. И самое главное — представь, вот встретишь ты такого, кому дети не помеха. И что? Так бы Гошка к нему привязался, как к родному, а так... Это три.

В словах подруги была немалая доля истины, и Лера не могла с ней не согласиться.

— Слушай, я как-то даже не думала об этом с такой точки зрения...

— А ты подумай.

— А вдруг этот, по твоим словам, очень любящий, встретится нам еще очень нескоро? — проныла в трубку Лера, все еще пытаясь оправдать свои поступки. — Мальчишка так и будет без отца. Олег-то нас не балует вниманием, живет уже себе вовсю с Викой Петровой, наверняка опять активировал мечту о собственном сыне, — в словах Леры мелькнула ревность, что бывший муж устроил свою жизнь раньше, чем она. — Родителям своим, наконец, рассказал правду о том, что Гоша не его ребенок, хотя я предлагала это сделать с самого начала. Но он сделал это только сейчас и не донес половину информации. И для них теперь это выглядит так, как будто я скрывала этот факт от их сына. Его папа потом при встрече меня таким взглядом пробуравил!

— Мда... Неприятно. Ну, если тебе важны отношения с ними, расскажи им как все было. А что касается Гоши, у него ведь теперь есть Илья. Он же, ты говоришь, любит мальчика... Слушай, — произнесла Надя с интонацией, как будто внезапно вспомнила о чем-то важном, — я один способ знаю, как привлечь нового мужчину в дом, — вдруг сказала она. — Мне о нем Макс рассказал, будь он неладен. Прямо виноватой себя чувствую, ведь это я тебе его номер дала... А потом так вышло с твоим Ильей.

— Да перестань, значит, так было надо. У нас и без него ничего не складывалось. Кстати, Макс мне тогда нагадал, что мы

с Артемом встретимся через много лет. Да я сама чувствую, что встретимся... Но мне и в самом деле давно пора перестать прикладывать к этому усилия, какое-то непроходящее унижение получается... Так что за способ-то? — Леру разбирало любопытство.

— Надо купить новые мужские тапочки. Купить и поставить у двери. Проверенный якобы способ.

— Не иначе, Макс как раз накануне нашего визита так и сделал, — съязвила она.

— Все, Лерка, забудь о них. Они обрели друг друга, пусть будут счастливы. Ты тоже обязательно будешь. Просто твое время еще не пришло.

— Ты ж знаешь, я никогда не отличалась терпением.

— Знаю. Но надо работать над собой.

— Правильные твои слова, но как это трудно!

— Трудно. Помнишь, и у тебя, и у меня вечно бардак был, так Вадик со временем приучил меня к порядку. Вещи из шкафа уже не вываливаются, когда дверцу открываешь. Так что начни с малого. Приберись. Хочешь, я приеду — помогу.

— А и приедь. Паспорт мне поможешь найти. Я уже как мама стала — вторую неделю не могу в доме паспорт отыскать. И вещи выкинуть ненужные — мне все-все жалко.

— Ладно. Заметано. А ты, пока я до тебя доезжаю, мысленно чемоданчик «Прошлое» сложи. И с десятого этажа его!

— Да-да-да, — развеселилась Лера. — Пойду собирать мысленный чемодан. И прямо завтра тапочки куплю. Посмотрим, работает ли твой метод.

В воскресенье с утра, не предупреждая ее звонком о своем визите, на пороге неожиданно возник Олег. Поводом прийти было то, что он принес алименты. Это было очень своевременно, потому что то количество денег, что оставалось у Леры до зарплаты, обычно называют «слезы». Вид у бывшего мужа был отстраненный, он явно куда-то торопился.

— Ты зайдешь? Дети уже позавтракали, можем вместе на площадке погулять, — предложила Лера.

— Меня внизу ждут.

— А... — Лера сразу догадалась, кто.

В коридор, услышав голос папы, выбежала Рита с криком «Папа пьисел!» Взгляд Олега потеплел, он произнес «Доча», взял девочку на руки и минуты две молча смотрел на нее, как будто пытался запомнить ее до каждой черточки, чтобы прожить с этим ощущением до следующего раза.

— Соскучилась по папе? — спросила Лера.

Дочка, как будто стесняясь ответить на вопрос, счастливо уткнулась в плечо папиной черной куртки. Из-за дверного косяка выглянул Гоша.

— Привет, — увидев мальчика, произнес Олег.

Ребенок ничего не ответил и снова скрылся в комнате.

— Ну... — развела руками Лера в ответ на вопросительный взгляд бывшего мужа. — Тут уж ничего не поделаешь.

— Мне надо идти, — сказал он, спуская дочку с рук. Та заныла и запросилась обратно.

— Доча, — присел он на корточки и погладил малышку по светлым волосикам, слегка сжал одну прядку и потер ее кончиками пальцев. — Папе надо идти.

— И я с тобой! — она схватила свои сапожки и стала натягивать один прямо на босу ногу.

— Рита, Рита, так на улицу нельзя! Надо же еще колготки надеть, там ведь холодно, — Лера аккуратно развернула дочку спиной к двери и показала Олегу взглядом, чтобы тот незаметно ушел. — Давай мы сейчас оденемся и пойдем куда-нибудь. Например, в кино на мультик, — теперь у нее были деньги и она могла «выгулять» детей более основательно, чем просто на детской площадке.

— Мультик! Гося, ты хоцесь на мультик? — сразу переключился ребенок. — Одевайся! — приказала она старшему брату, сосредоточенно собирающему что-то из цветных пластмассовых деталей конструктора. — Мама, а ты купись мне корм? — «кормом» Рита называла поп-корн.

Воспользовавшись тем, что дочка отвлеклась, Олег тихонько закрыл за собой дверь. Минуты через две Лера взглянула вниз с

десятого этажа, чтобы посмотреть, кто его ждал, и увидела, как маленькие фигурки Олега и Вики направляются в сторону парка.

«Все по парам, — с грустью подумала она. — Только мы — втроем. Трое в лодке, не считая...»

Тот, кого она не посчитала, как ей казалось, в пути. Дело было за малым — чтобы их пути пересеклись.

«Надо будет продумать его образ до мельчайших деталей, и он обязательно появится, — уверенно решила Лера. — Любящий, понимающий, терпеливый, легкий на подъем, чтобы не тянул на дно, как некоторые. Чтобы с ним хотелось плыть в одной лодке. Вместе. Вчетвером».

Вечером она с чувством значимости того, что делает, выбросила старые тапки Олега, которые он так и не забрал, и поставила на их место новые.

***

Понедельник — день тяжелый. Эту банальную истину так до сих пор никто и не отменил. В выходные расслабишься, а в понедельник впрягаешься в работу и пашешь, пашешь... Как лошадь на пашне. За неделю, что Лера провела на больничном, работы накопилось столько, что некогда было думать ни о чем постороннем. До обеда она, не поднимая головы от монитора, кому-то звонила, договаривалась о размещении баннера их газеты на концертах и решала разные вопросы. Она уже очень сильно проголодалась, но полчаса свободного времени для обеда у нее до сих пор не нашлось. Лера, наконец, ответила на звонок с незнакомого номера, который появлялся на экране ее телефона уже в третий раз за последние пять минут.

— Привет, ты уже обедала? — спросил из трубки мужской голос.

— Еще нет, — ответила она, пытаясь догадаться, кто звонит.

— Тогда я жду тебя в кафе за углом, в третьем зале. Тут сейчас бизнес-ланч.

— Своевременно, — восхитилась Лера, которой ужасно хотелось есть. — А кто это — я?

— Призрак прошлого Рождества, — рассмеялся голос. — Приходи быстрей, я уже все заказал. Ты же наверняка, как обычно, голодная.

Интонации в голосе были очень знакомые, но она, так и не поняв, кто звонил, решила, что это один из журналистов редакции, с которыми она обычно вместе ходила на обед. Список мобильных телефонов сотрудников в открытом доступе висел на стене на рецепшн, но сверяться было некогда, да и незачем. Накинув куртку и шарф, Лера, в предвкушении долгожданного обеда, выскочила на улицу и уже через две минуты была в кафе за углом. Это было довольно помпезное и дорогое место, и с коллегами они были здесь всего раз, чтобы отметить чей-то день рожденья. Рядом с мозаичными окнами стояли огромные оплывшие свечи, а на полках — кальяны, которые в ассортименте были представлены в меню: на молоке, на вине, с разными видами табака. Лера решительным шагом направилась к самому дальнему залу. За ней едва успевал поприветствовавший ее при входе юноша в черной рубашке с белым воротничком и меню в руках.

— Спасибо, не волнуйтесь, я знаю, куда иду, меня знакомый ждет в третьем зале.

Но белый воротничок не отставал ни на шаг. «Вот не люблю я такие понтовые заведения, — ворчливо думала Лера. — Ведь сказала же — знакомый ждет, а он идет и идет за мной, как будто я сама не дойду или свечку сейчас у них украду. И чего вдруг именно сюда-то позвал обедать? Ведь есть рядом другие места: дешевле и проще». В полумраке третьего зала за столиком, над которым висели тяжелые бордовые шторы, покуривая кальян, сидел... Виктор.

«Вот те на. Старые тапочки вернулись», — первое, что подумала Лера.

— Это моя жена, — «тапочки» вальяжно представили ее официанту.

В этот момент ее вдруг буквально отбросило на девять лет назад, как героя фильма «Эффект бабочки», когда тот пытался изменить свое настоящее, меняя какие-то события в прошлом.

Был солнечный день в городе Пушкин. Они заехали сюда вместе с Витей навестить его двоюродного брата, который учился здесь в военном училище. Пока братья разговаривали, Лера стояла за плечом Виктора, как тень. Юный паренек в военной форме немного смущенно улыбнулся ей, но так и не решился спросить у брата, кто она. Лера чувствовала себя пустым местом. Сейчас она просто протянула бы руку для рукопожатия и назвала свое имя, но тогда она еще не была такой решительной. Сколько бы она отдала тогда за то, чтобы Витя сказал своему брату: «Это моя жена»! А сейчас эти слова, сказанные через десяток лет официанту, просто насмешили ее.

— Это и есть мой знакомый муж, — обернулась она к молодому человеку. Вручив ей меню, тот, слегка удивленный, очень быстро вернулся на исходную позицию.

— Ну, здравствуй. Неожиданно. Еще и жена.. — сказала она, присаживаясь за столик.

— Ну, да. Ведь, по сути, это правда.

— Была. Наверное. Сейчас уже нет.

— Ты присаживайся, скоро еду принесут.

— Что это ты вдруг решил меня обедом угостить? Тебе сюда не ближний свет с работы ехать.

— Да у меня встреча была неподалеку. Вспомнил, что ты рядом совсем, захотел увидеть. Поэтому и вторую встречу здесь же назначил. А что, место хорошее, кормят вкусно.

— Соскучился, что ли? Вроде всего два дня не виделись.

Сегодня Виктор был трезв и деловит. Он стал таким, какого она когда-то побаивалась: отдающим команды.

— А перед этим-то — восемь лет! Пересядь поближе, пожалуйста. Я не сказал тебе в субботу кое-что, что давно хотел... Хочешь покурить? — предложил он, протягивая ей кальянную трубку.

— То есть ты давно хотел предложить мне покурить, просто в субботу кальяна с собой не было? — засмеялась Лера.

— Ну, почти, — улыбнулся Виктор. — Ты знаешь, что такое Прощеное воскресенье?

— Конечно, знаю.

— Что? — казалось, он экзаменовал ее, как учитель на уроке. Но эту тему, благодаря своей маме, отмечающей все православные праздники, Лера знала хорошо.

— День, когда люди просят друг у друга прощения за все, в чем виноваты. Один говорит «Прости меня, грешного», в другой отвечает «Бог простит, а я прощаю». Сдала?

— На твердую пятерку, — он погладил ее по голове, как папа дочку, что заслужила похвалу. — Ну так почему я тебя об этом спросил... — он сделал паузу и еще одну затяжку.

— Почему? — Лера не любила паузы.

— Потому что каждое Прощеное воскресенье я постоянно вспоминал о нас. О том, что мы сделали. Что я сделал... Как я себя тогда повел...

— Хочешь сказать, что ты сожалел о сделанном? — с интонацией недоверия произнесла Лера.

— Честно скажу — не сожалел, потому что мы с тобой не пара. Мы все равно не были бы вместе, только отравили бы друг другу жизнь. Друг другу и нашему ребенку. Ты же не любишь подчиняться, ты — свободная птица, а мне нужна была совсем другая жена, которая сидела бы дома, готовила, стирала мне рубашки и воспитывала бы моего ребенка.

— И терпела бы твои ночные походы по девочкам, — вставила Лера.

— С тобой бы их не было, — вдруг как-то искренне сказал он.

— О как, а почему? — так же искренне удивилась она.

— Мне тебя хватало за глаза и за уши, — ответил Виктор. — Я даже боялся, что если мы останемся вместе, тебе меня будет мало.

— Ничего себе... — сказала Лера и вдруг подумала «а, может, он и прав». До рождения детей желания у нее порой просто зашкаливали.

— Жена у меня очень спокойная в этом отношении. Настоящая англичанка. Вот и хочется разнообразия. Но я совсем не об этом хотел сказать. Ты все время меня сбиваешь, ты можешь помолчать немного? — улыбнулся он.

— Так восемь лет молчала! — засмеялась она.

— Еще немного осталось, — Витя легонько прикрыл ее рот сначала своей, а потом ее собственной ладонью. — Две минуты так подержи, я договорю.

Она так и осталась сидеть, с ладонью у рта. Лера вспомнила шутку «Я все могу! — Молчать можешь? — Молчать не могу». Глаза ее смеялись.

— Так вот, каждое Прощеное воскресенье я мысленно просил у тебя прощения за боль, которую тебе причинил. И рад, что в этом году могу сделать это лично, хотя к дате мы уже опоздали, но пусть у нас с тобой будет Прощеный понедельник. Прости меня, пожалуйста, — он наклонил голову так, как люди в церкви делают, чтобы батюшка после исповеди отпустил грехи, вольные и невольные, и прочитал молитву над исповедником. — Я очень хочу, чтобы ты меня простила. Не Бог, а именно ты...

Лера отняла ото рта ладонь, положила на его склоненную голову и сказала «Бог простит, а я прощаю». В этот момент ее посетило ощущение пронзительной легкости. Ей стало так хорошо и радостно, как главному герою того самого фильм, когда, после нескольких попыток, он нашел, наконец, точку в своем прошлом, изменив которую, смог изменить судьбу не только свою, но и своих друзей. Лера и не думала, что ее сейчас может так тронуть то, что Витя попросит у нее прощения. Ей казалось, что все давно отболело. Но то, что он произнес эти слова, и то, как он их произнес, проняло ее до глубины души.

— Спасибо, — он отнял ото рта ее руку, что помогла ей молчать целых две минуты, и поцеловал.

— Витя... Ты ли это... — ошарашенно произнесла Лера.

— Уже пора надеть маску? — улыбнулся он.

— Нет, не надо. Побудь еще немного без нее.

В этот момент официант принес грибной суп.

— Так, — сказал Витя, придвигая к себе тарелку. Голос его сразу стал привычно важным. — Давай перейдем к делу. Я решил, что раз я всю эту кашу в твоей жизни заварил, мне ее и расхлебывать. С разводом, как соберешься составить заявление —

обращайся, я помогу, если какие-то юридические вопросы будут — тоже. И я еще хочу познакомить тебя кое с кем. Это мой американский партнер, он сейчас должен сюда прийти со мной отобедать. У тебя как с английским? Он говорит по-русски, но не очень хорошо.

— С английским — so-so, — ответила она. — А зачем мне с ним знакомиться?

— Он хочет жениться на русской девушке, — поднося ко рту ложку супа, сказал Виктор.

— Интересно-интересно, — тоже попробовав суп, отреагировала Лера. — То есть ты решил помочь мне устроить личную жизнь?

— Да, — уверенно ответил он.

— Супер.

— Что такое, ты против?

— Нет-нет, что ты, — все еще осмысляя ситуацию, со смешком сказала Лера. — Это я про суп. Суп — супер. Значит, американец сейчас придет сюда? А у меня осталось всего пятнадцать минут до конца обеденного перерыва. Боюсь, он не успеет сделать предложение. А ведь еще надо проверить чувства...

В этот момент к столику подошел довольно высокий подтянутый персонаж с заокеанской улыбкой. Виктор встал и они пожали друг другу руки, обменявшись традиционными приветственными фразами на английском. Лера тем временем разглядывала потенциального хозяина новых тапочек, которого неожиданно привели к ней старые. Симпатичный. Умные проницательные глаза. Лере понравилось, что американец пришел на деловую встречу в свитере и джинсах, в отличие от Виктора, застегнутого на все пуговицы и блистающего шелковым галстуком.

— Ричард, познакомься, это Лера. Она работает в газете, занимается пиаром. Лера очень талантливая девушка, она собирается написать книгу, и когда ее переведут на английский, ты тоже сможешь ее прочитать.

Последняя фраза увеличила глаза Леры вдвое, но она вежливо промолчала. За нее уже все решили. Да к тому же у нее толь-

ко что отобрали ее роль — свахи — ведь обычно это именно она всячески старалась прорекламировать потенциального жениха или невесту, чтобы вызвать интерес у потенциального партнера. Теперь она была в роли жертвы, которую даже не предупредили о том, что ей готовят «капкан». Вернее, предупредили, но за одну минуту до события.

— Здравствуйте, Лера, — впечатленный иностранец протянул ей руку для рукопожатия. — Очень рад познакомиться. Я, когда учился в хай скул, писал небольшие заметки в газету, думал учиться на журналиста, но родители настояли, чтобы я стал юристом. Они сочли, что это перспективнее.

Лера ответила на рукопожатие. Оно было крепкое и очень дружеское. Американец ей понравился, но не понравилась ситуация, когда все придумали за нее. К тому же у нее оставалось совсем мало времени, чтобы вернуться в офис. Она вспомнила о куче бумаг на ее столе, о десятках звонков, которые ей еще предстояло совершить. «Что это еще за знакомство под девизом «успеть за 10 минут», — подумала она, разрезая стейк. — К тому же у них деловая встреча. Да и не хочу я в Америку, это слишком далеко».

Виктор и Ричард говорили по-английски, обсуждая какие-то деловые вопросы. Иногда американский подданный пытался говорить по-русски с очень милым акцентом, но словарного запаса ему явно не хватало.

— Витя, я чай выпью и побегу, у меня еще куча работы, — сообщила невеста юристу-своднику.

— Вы уже уходите, Лера? — удивился Ричард. Он как будто был огорчен этим фактом.

— К сожалению, у меня закончился обеденный перерыв, — пояснила она. — Но если у вас есть время после обеда и вам это будет интересно, можете ненадолго заглянуть к нам в редакцию, это совсем рядом, за углом, я вам все покажу. Так как вы знакомы с работой американской газеты, может быть, будет интересно сравнить американский и русский стиль работы, — произнесла Лера по-английски целую фразу, споткнувшись пару раз и смутившись, что могла что-то сказать неправильно.

— Непременно зайду! — Ричард достал свою визитную карточку и протянул Лере. — Кстати, вы очень хорошо говорите по-английски, — сказал он по-английски и добавил по-русски: — Мой русский язык гораздо плохее.

— Хуже, — машинально поправила его Лера и продолжила уже по-английски. — Знаете, есть одна мудрая фраза: когда люди перестанут говорить вам, что вы хорошо говорите по-английски, значит, вы и правда хорошо говорите по-английски, — улыбнулась она. — К сожалению, у меня нет с собой визитки, все они в офисе, так что, в любом случае, нам нужно встретиться там.

— Я покажу Ричарду дорогу в редакцию, — незаметно подмигнув ей, сказал Виктор.

Ей почему-то было неприятно это подмигивание. Он снова показался ей незнакомым толстячком — таким, каким она увидела его, когда он в субботу вышел из лифта. Лера поняла, что больше не хочет видеть его. Кем он себя возомнил? В самом деле — Король. Он — решает. Ее дела. Ее судьбу. Казнить или помиловать. И хотя американец действительно был очень милым, ей захотелось как можно быстрее уйти. Она буквально в три глотка проглотила уже остывший чай и, помахав рукой юридической братии, быстро зашагала через залы с кальянами, бордовыми шторами и огромными оплывшими свечами.

В этот момент она тоже чувствовала себя свечкой, которой хочется, чтобы ее зажег какой-нибудь хороший человек, а к ней все время подходят разные люди, она ищет среди них того самого, а его все нет. Она вспомнила свои юношеские мечты и метания «Он или не Он?» Вспомнила то, как рассматривала многое, как знаки и, оказавшись с будущим отцом Маргариты на балконе, где на стене была написана строчка из песни Земфиры «Я искала тебя», решила, что это — Он. И через столько лет снова продолжает заниматься ерундой — тапочки новые купила, по совету подруги... «Ну, не дура?» — ругала себя Лера по дороге в редакцию. Конечно, Надька, узнав об американце, который случился на следующий день после покупки тапочек, обязательно скажет: вот видишь! я же говорила! К счастью, до редакции бы-

ло совсем недалеко, а в офисе на нее сразу навалилось столько дел, что уже некогда было думать ни о чем, кроме работы.

Через час с рецепшн сообщили, что к ней пришли. Лера вышла из кабинета и увидела Ричарда. Он разглядывал фотографии сотрудников на стене.

— Это ты? — спросил он у нее по-русски, ткнув пальцем в ее фотографию. На ней она была со своим прежним, каштановым цветом волос, который она сменила сразу после расставания с Олегом. Лере было непривычно, что он сразу перешел на «ты», но, вспомнив, что в английском языке «вы» и «ты» звучат одинаково, она мысленно простила его и в дальнейшем тоже решила не церемониться.

— Да, я.

— Мне больше нравится так, как сейчас. Так ярче, — улыбнувшись обезоруживающей американской улыбкой, сказал он, продолжая говорить по-русски со своим милым акцентом.

— Мне тоже. Мне нравится меняться, — она тоже отвечала ему на русском.

Ричард протянул ей полиэтиленовый мешочек с мандаринами:

— Это тебе.

— Спасибо. Можно, я один съем здесь, а остальными угощу детей?

— Каких детей? — не понял он.

— Моих.

У американца сделался удивленный вид. Судя по всему, об этой маленькой детали биографии потенциальной невесты Виктор не сообщил.

— У тебя есть дети? — Ричард был буквально ошарашен.

— Да, двое. Мальчик и девочка.

— Сколько им лет?

— Скоро будет четыре и два.

— Еще совсем маленькие... — он сделал паузу, как будто обдумывал что-то.

— А у тебя, — прервала Лера его размышления, — есть дети?

— Нет. Я был женат два раза, но мы так и завели детей.

— Я тоже была женой два раза. Значит, счет равный — 2:2, — засмеялась она.

— Мне нравится твое чувство юмора, Лера.

— Спасибо, — улыбнулась она. — Пойдем, Ричард, я проведу тебе короткую экскурсию по редакции. Но, к сожалению, у меня совсем мало времени...

— Я надеюсь, оно у тебя потом найдется, а то я из-за работы толком так и не видел города. Ты можешь мне провести экскурсию еще и по Петербургу?

— Sure, — согласилась Лера, — неожиданно для самой себя перейдя на английский. Американец с каждой минутой был ей все более симпатичен. Ей сразу понравились его глаза. В них была какая-то теплая прозрачная глубина, в которую хотелось нырнуть и не выныривать. Погрузившись в нее, Лера почему-то сразу поверила ему.

Минут через десять она проводила Ричарда до дверей и снова окунулась в работу. Подошедший к ее столику главный редактор с улыбкой вопросительно кивнул головой, мол, кто это был? За годы совместной работы этот удивительно добрый человек стал для нее скорее другом, чем начальником. Вместо ответа Лера молча протянула ему мандарин и широко улыбнулась. Редактор взял гостинец и его лицо приняло выражение «Ну, как будет о чем, расскажешь».

Вскоре в редакции возникла суматоха из-за информации, которую один журналист нашел в милицейской сводке за последние сутки. Как раз в том районе, где жила Лера, какой-то негодяй ограбил старушку, украв у нее все сбережения, которые та хранила в банке. Обычной стеклянной банке. Банка была надежно закопана в огороде, а когда пенсионерке зачем-то срочно понадобились деньги, она выкопала сберегательную банку, положила в сумку и везла с дачи домой. Похититель вырвал из рук бабушки сумку прямо в подъезде и ему сразу крупно повезло с суммой: в банке было около ста тысяч рублей. Вора задержали со свежим следам, когда тот еще не успел потратить все деньги,

а сдачу вернули хозяйке. На редакционной планерке было принято решение поставить информацию в завтрашний номер, но для иллюстрации редактор потребовал фотографию похитителя, с черной плашкой на глазах.

— Предупредим других старушек, чтобы не были такими беспечными, — пошутил он.

Пресс-служба ГУВД до выяснения обстоятельств фотографию для публикации давать отказалась, и автор заметки пребывал в панике, не решаясь рассказать редактору о том, что не может достать фотографию.

У Леры, слышавшей, по какому поводу суетятся коллеги, вдруг возникла одна дерзкая идея. Она зашла на страничку Артема, сохранила его главную фотографию, закрыла его усмехающиеся глаза черной плашкой и позвала к монитору огорченного журналиста.

— Это подойдет? — спросила она его.

— О, просто отлично! Спасибо огромное, ты моя спасительница! А кто это? — коллега был страшно рад.

— Да в интернете нашла и отфотошопила.

На следующий день в газете вышла заметка о похитителе стеклянных банок с фотографией негодяя. Лера не знала, увидел ли фото Артем или кто-то из его знакомых, но это мелкое хулиганство настолько взбодрило ее, что все огорчение от его грубого письма тут же куда-то делось.

— Надо же, похититель-то как будто на Артема Голубкова похож... — удивился редактор, увидев фотографию уже в газетной полосе. Он знал бывшего мужа Леры лично — когда-то они все работали вместе. — А, Лера?

— Кажется, есть что-то... — она напустила на себя равнодушный вид, хотя внутри нее все хихикало.

Лера так никому и не рассказала о своей маленькой мести.

***

За две недели, что оставались у Ричарда до его отъезда в Калифорнию, он несколько раз заходил за Лерой в редакцию

к концу рабочего дня и они шли гулять по городу. Молодые люди говорили и на русском, и на английском: каждому их них нравилось практиковаться в языке, который стоило усовершенствовать. Таким образом, польза получалась обоюдная. Встречи эти были чисто дружескими и, несмотря на обоюдную симпатию, американец оказался довольно скромным и события не форсировал.

В эти вечера за детьми следила бабушка Марина. Однажды в доме неожиданно появилась книга стихов для детей под названием «Папа потерялся».

— Мы сегодня по дороге из детского сада в библиотеку зашли, а там в детском отделе вечером презентация книги одного поэта была, — объяснила Лерина мама. — Я купила, с автографом автора. Интересный такой пожилой человек. Я вкратце объяснила ему нашу ситуацию...

— Какую ситуацию? — не поняла Лера, открывая книгу. На титульном листе, рядом с названием размашистым почерком автора было написано: «Георгию и Маргарите с пожеланием найти Своего папу».

Узнав, что тот, с кем встречается Лера, американец, Марина Ивановна нахмурилась:

— Ты что, хочешь в Америку уехать?

— Не знаю, мам. Рано еще о чем-либо говорить, мы просто общаемся.

— Но ведь ты говоришь, он жену ищет.

— Это Витя сказал, что ищет. Мне лично никакой информации о поиске жены от Ричарда не поступало. Ты, кстати, проклятие не забудь снять, — напомнила Лера матери. — Я Вите обещала, что попрошу тебя свои слова отозвать. Он ведь прощения попросил.

— Да если бы я знала, как это делается... — растерянно сказала Марина Ивановна. — Сказала тогда в сердцах. Нельзя, конечно, никого проклинать, грех это. Я спрошу у батюшки, как поступить.

Накануне отъезда Ричард вдруг неожиданно предложил Лере сходить куда-нибудь вместе с детьми.

— Лера, я хочу познакомиться с твоим сыном и дочкой, — неожиданно сказал он по-русски в кафе, куда они зашли поужинать после прогулки по городу и ждали, пока принесут заказ.

— Они еще совсем маленькие, много капризничают, иногда по очереди, иногда одновременно. Ты уверен, что готов к этой встрече?

— Да, — он вдруг взял ее руку и перешел на английский. — Ты мне очень нравишься, Лера. Я много думал о нас. Наверное, Виктор говорил тебе, что я хотел бы жениться на русской девушке? Он обещал меня познакомить, и я так понял, что он имел в виду тебя.

— Да, но почему именно на русской?

— Русские женщины отличаются от американских. Они мягче, нежнее, любят заниматься домом, хозяйством...

Лера не знала, что сказать. Прямого предложения руки и сердца не поступило, но намек был настолько явным, что нужно было как-то отреагировать. Однако критерии, из-за которых Ричард решил выбрать в жены именно русскую, не слишком к ней подходили. Лера не была домоседкой и домом занималась не из-за врожденной хозяйственности, а по необходимости, по мере возникновения сил и свободного времени. Ее никогда особо не волновал беспорядок, из всех домашних дел ей нравилось только готовить, но и стоять у плиты целый день она не могла. Раз, два и готово. Им с детьми хватало на два-три дня. Обманывать Ричарда в его надеждах ей не хотелось, но и оговаривать себя сходу — тоже, поэтому она ответила уклончиво, с юмором:

— Не стоит всех обобщать. Наверняка есть домашние американки и дикие русские.

Ричард расхохотался:

— Дикие русские? Это интересно. Я таких не знаю.

В это время принесли борщ, восторги Ричарда прервали этот разговор, и больше он не возобновлялся. Американцу так понравился борщ, что, узнав, что Лера умеет его варить, он взял с нее обещание, что она обязательно сварит персонально для него целую кастрюлю.

— Когда приедешь ко мне в гости, хорошо? — спросил он. — Я куплю все необходимые продукты.

— В Америке есть свекла?

— В Америке есть все.

— Нет только диких русских, — пошутила Лера.

— Может, и они есть, просто мы не знакомы, — рассмеялся он. — Я осторожный и всего боюсь.

— Не похоже. У тебя такое имя... С ним нельзя ничего бояться.

— Ты это решила потому, что я ношу имя английского короля, которого прозвали Львиное сердце?

— Точно.

Ричард предложил выпить за них и, по совету Леры, заказал к борщу две маленькие стопки холодной водки.

— За нас? — с вопросительной интонацией поднял он тост.

— Давай, — улыбнулась Лера.

В тот вечер американец, проводив ее до метро, наконец, решился на поцелуй. Поцеловав, Ричард обнял Леру, и минуты две они стояли молча. Она поймала себя на мысли, что впервые за последнее время ей просто спокойно и хорошо.

— Ты хочешь выйти за меня замуж? — вдруг спросил он по-русски.

— Это предложение, или ты просто интересуешься? — ответила она тоже по-русски, рассмеявшись. — А если я скажу, что хочу, то еще не факт, что сделаешь мне предложение?

По его лицу было видно, что он не понял того, что она сказала.

— То есть ты спрашиваешь меня, выйду ли я за тебя? — переформулировала Лера.

— Да.

«Как все просто и быстро», — подумала она. Но ответить так сразу не могла. Надо было что-то сказать, и она выдала первое, что пришло в голову, вдруг вспомнив, как Артем, уже после развода, в шутку снова предложил ей руку и сердце именно первого апреля. Забавно, как все повторяется...

— Сегодня же первое апреля — День дурака. В такой день нельзя делать предложение, — уверенно сказала она.

— Да? — всерьез удивился Ричард. — А почему?

— Ну, потому что день такой... несерьезный. И все, что в этот день говорят — тоже не всерьез.

— А я серьезно.

— Хорошо. Тогда я подумаю. Вернемся к этому вопросу после того, как ты познакомишься с детьми, ладно? Ведь я же не одна, если что, за тебя замуж пойду, а с двумя бонусами.

Он рассмеялся.

— Ладно, знакомь меня со своими бонусами. Что, думаешь, я испугаюсь? — и он снова поцеловал ее. На это раз поцелуй получился более страстным. «Интересно, какой он любовник», — вдруг, неожиданно для самой себя, подумала Лера. — Ведь так и уедет, со своими серьезными намерениями. Уж больно он скромный...»

Она считала, что разведенной женщине не пристало набрасываться на мужчину первой, это будет выглядеть неприлично. Но за последнее время у нее накопилось столько нерастраченной сексуальной энергии, что она была готова выплеснуться через край. Из-за нескладывающихся отношений с Ильей это усилилось в разы. Теперь ей нужно было либо сублимировать это в творчество, либо срочно реализовать в том виде, в котором предназначено природой. Но американец как будто никуда не торопился, хотя до его отъезда оставалось всего три дня.

***

Местом совместного времяпрепровождения с детьми был выбран аквапарк. Лера несколько раз ходила туда с детьми, и тем это ужасно нравилась. Маргарита была большой любительницей воды и могла плескаться часами. Оба — и брат, и сестра — обожали съезжать с детской горки, а у Георгия было еще и свое любимое занятие: борьба с волной. Едва услышав сообщение «Через пять минут в волновом бассейне будет запущена волна», ребенок устремлялся туда. И пока другие посетители аквапарка

радостно качались на волнах, четырехлетний малыш, зайдя по колено, с выражением какой-то очень серьезной храбрости на лице ребром ладони боролся «со стихией». Ни один мальчик в аквапарке не делал того же, что он. «Правда, какой-то очень необычный ребенок, — увидев это, вспомнила Лера слова Максима о том, что тот преодолел трудности, чтобы родиться. — Родился и продолжает преодолевать», — улыбнулась она.

Собираясь в аквапарк, Лера нашла свой старый белый купальник с ракушками, зашла в ванную и встала перед зеркалом как есть, без одежды. После рождения двух детей она не прибавила в весе, но грудь, что раньше была ее гордостью и предметом восхищения представителей противоположного пола, которым посчастливилось «прикоснуться к прекрасному», была уже совсем не та.

«Да... Какой уж тут секс. Я же стесняться буду, — подумала Лера. — Левую, считай, отдала Гошке, правую — Рите. По полтора года каждого откормить — это тебе не хухры-мухры, форму обратно уже не вернуть». Одна ее подруга сделала себе операцию, подтянув грудь с помощью силикона, но Лера убежденно считала, что вмешиваться в природу — это неправильно. Да еще и дорого. Она надела купальник и уже осталась намного более довольна увиденным: «Так и ходи!» — в шутку приказала она вслух своему отражению в зеркале.

В этот вечер позвонила Надя, чтобы уточнить, нужна ли еще ее помощь в поисках паспорта, и, узнав о том, как быстро «сработали» новые тапочки, очень впечатлилась именем того, кого они притянули, тоже сразу вспомнила Ричарда Львиное сердце.

— Может, хоть этот не струсит? — сказала Надежда с надеждой. — В Америку тебя, конечно, отпускать мне неохота, но если ты там будешь счастлива — езжай. А мы в гости к тебе когда-нибудь приедем.

— Да погоди ты, рано еще об этом, — отмахнулась Лера. — Сначала надо на разведку съездить. Может, мне там не понравится.

После их разговора она села к компьютеру, открыла свой заветный файл и стала писать: «Иногда мне кажется, что я за свои тридцать лет прожила уже, как минимум, несколько жизней. Всегда, когда расстаешься с одним человеком и встречаешь кого-то другого — это новый этап, как будто еще одна, маленькая жизнь. Еще одно расставание — еще одна встреча, и так можно продолжать до бесконечности. Но ведь надо же когда-то и остановиться.

Как странно было через столько лет встретить человека, повернувшего твою жизнь на 180 градусов, и услышать от него слова раскаяния, которое было очень похоже на искреннее. И как странно понимать, что благодаря ему сейчас в твою жизнь вошел еще один человек, и с ним возможно какое-то будущее... Мне так сложно представить сейчас, как все это будет. Что из всего этого выйдет? Как он воспримет детей? Ведь если у него не возникнет желания быть со всеми нами, я тоже не смогу продолжать отношения. Мы теперь — одно целое. Трое в лодке. Тут либо берешь всю лодку, либо едешь на другой, полегче...»

Ее мысли прервал телефонный звонок. Звонил Илья и сообщил, что хочет зайти, чтобы попрощаться, потому что снова уезжает в Индию. У Леры защемило сердце: ее чувства к нему еще не прошли, но благодаря Ричарду, а также тому, что она постоянно настраивала себя не думать о прошлом, уже были на стадии, которую можно сравнить с процессом вытягивания сорняка из грядки. Корень сначала не поддается, а потом — раз! — и уже снаружи. Ей оставалось совсем немного, чтобы освободиться. И она даже была рада тому, что долго не увидит его — так ей будет легче настроиться на новую жизнь. Через час после звонка они уже вместе сидели на кухне и пили чай.

— Едешь один? — заранее зная ответ, все равно зачем-то спросила Лера.

— Вдвоем. Мы поняли, что это наша страна.

— Когда вернетесь?

— Не знаю, мы решили не ставить себе никаких рамок, как если бы у нас были крылья. Мы — свободные птицы.

— Да, с крыльями, наверное, хорошо... — задумалась Лера. — Замахал и полетел куда глаза глядят. Что ж, в добрый путь! — она по-дружески обняла его, все равно, несмотря ни на что, снова почувствовав прилив нежности и вновь подумав «как все-таки хорошо, что он уезжает».

На прощание Илья подарил Гошке вертолет на радиоуправлении. Видимо, ему нравилось дарить детям что-то летающее: несколько лет назад он то же самое купил для ее крестника Пети на день рождения. Рите он принес ее любимую молочную шоколадку и маленького пупсика, которого она тут же принялась заворачивать в носовой платок.

«Как трогательно, что, несмотря на то, что он явно поглощен личной жизнью, он не забыл о детях. Сбегал ведь в магазин, купил игрушки... », — думала Лера, глядя на Илью, который пытался научить Гошку пользоваться пультом.

— Может, рановато ему еще такую игрушку... — с сомнением произнесла она.

— Ну, если ты будешь ему помогать, вместе полетаете.

— Илья, ты когда вернешься? Я хочу с тобой полетать, — сделав ударение на слове «с тобой», сказал ребенок.

— Пока не знаю, малыш. Хочешь, я буду присылать тебе открытки?

— Хочу, — как-то серьезно и грустно сказал Гоша, не отпуская руку своего друга. — Но ты ведь вернешься?

— Обещаю. Мы еще не раз вместе полетаем, да, малыш?

«Прямо Малыш и Карлсон, — вдруг вспомнила детских персонажей Лера. — Карлсон улетает, а Малыш будет его ждать».

— У тебя на крыше еще остались подарки? — с грустной улыбкой спросила она Илью.

— У меня на крыше еще куча всего, — он всегда понимал ее смыслы с полуслова.

Это было грустное прощание. Они расставались так, как будто он отправлялся не в Индию, а на другую планету. Готовый «полететь», он уже открыл одной рукой дверной замок и с немного виноватой улыбкой пожал плечами.

— Ну, не поминайте лихом.

Гошка подбежал к нему, прижался к его штанине и с минуту держал ее, зажав в кулачке. Другой рукой он держал его за руку. Лере стало так грустно, что захотелось расплакаться. «Черт, ну почему все так?! — она с трудом сдерживала слезы. Сделав шаг к двери, она обняла их обоих. — Вот сейчас взять бы и полететь, все равно куда, лишь бы вместе...» В коридор прибежала Рита. Ей одной было весело. Она была еще слишком маленькой, чтобы грустить. В ее руках был подаренный пупс, который, оказывается, мог еще и пищать.

— Ия, посюсяй, как он писит!

От ее смешной детской картавости всем сразу стало веселее.

— Здорово, — улыбнулся Илья.

— Все, дети, скажите Илье «пока».

— Пока! — замахала ручонкой девочка. — Скази «пока»! — приказала она пупсу и нажала на живот. Тот послушно пискнул.

Лера взяла каждого из детей за руку. Они стояли друг против друга: трое, что оставались, и один, который был должен уйти.

— Ты снова улетаешь... — вдруг с какой-то недетской горечью произнес Гоша и молча вышел из коридора. Лере захотелось, чтобы это быстрее закончилось. Илья тоже почувствовал, что ему пора.

— Все, ступай. Долгие проводы — лишние слезы, — сказала Лера. — Открытки шли, раз пообещал. А то когда мы еще до Индии доберемся... — добавила она, уже выйдя на лестничную клетку, чтобы проводить гостя.

Илья решил не пользоваться лифтом и быстро-быстро побежал по ступенькам вниз. «Вот и еще один отправился вниз с 10 этажа, даже в чемодан складывать не пришлось», — закрывая дверь за прошлым, подумала Лера.

— Ну что, друг мой Гошка, ты знаешь, как жить дальше? — потрепала Лера сына по волосам, когда тот уже лежал в постели. Рита всегда засыпала и просыпалась раньше. Судя по всему, в отличие от мамы с братом, девочка была жаворонком.

— Хорошо жить, — серьезно ответил ребенок. — Дружно.

— Да, хорошо, когда дружно. А жить будем втроем или попробуем найти себе нового папу?

— Попробуем, — сказал малыш. — Только желтого.

— Ладно, — улыбнулась она, вспомнив его высказывание о черном и желтом папе. — А ты мне скажешь, когда будет желтый? А то вдруг я не пойму. У него должна быть желтая машина, как у Володи? Или желтая одежда?

— Я тебе скажу, — таинственно ответил ребенок.

Уложив детей спать, она снова села к компьютеру и вернулась к прерванной мысли.

«Гошка растет каким-то удивительным ребенком. Внутри него чувствуется такая философская глубина, до которой, я боюсь, мне не дотянуться. Иногда я думаю, что его душа была послана мне не случайно. Он должен сделать меня лучше.

Несмотря ни на что, я очень благодарна Олегу за то, что Гошка рядом со мной. Ведь если б не его поддержка, я могла бы струсить, как струсила тогда, в первый раз, с Витей, побоявшись остаться одна с ребенком. А теперь, когда они у меня есть — я все смогу.

Иногда у меня складывается такое ощущение, что я чувствую свое будущее, и что все, что происходит сейчас, я предвидела заранее. Почему я все равно пошла этой дорогой? Порой мне кажется, что мной кто-то управлял. Но кто? Может быть, мой ангел-хранитель, которому лучше известно, куда меня направить? Я верю, он у меня сильный и обязательно поможет, и мы с детьми обязательно найдем Своего папу.

И пусть мне сейчас грустно и больно, но я точно знаю, что впереди будет что-то очень светлое и хорошее. Надо только подождать. Но я буду не просто ждать, я буду жить. Не буду отказываться ни от единого шанса, что будет давать жизнь. Может быть, кто-то скажет, что метод проб и ошибок — это уже не солидно для тридцатилетней женщины с двумя детьми. Да пусть говорят. Пока они говорят, я буду просто жить. И стремиться к свету, который вижу впереди».

***

После совместного похода в аквапарк с претендентом на роль главы их семейства они вместе зашли поесть в небольшой китайский ресторанчик, что находился неподалеку. За несколько часов водных аттракционов все четверо устали и были очень голодными. Дети отнеслись к новому дяде без особого энтузиазма, как и он к ним. Со стороны Ричарда общение было скорее дежурным, мол, надо так надо. Со стороны детей — дядя как дядя, по улицам ходит сто миллионов таких дядь.

В кафе Георгий с Маргаритой стали беситься и бегать вокруг стола, и Лере никак не удавалось их угомонить. Нарезая очередной круг, Рита смахнула чашку с зеленым чаем прямо на американские джинсы гражданину США. Счастье, что чай уже немного остыл, но от перспективы идти по холоду в мокрых штанах Ричард резко погрустнел. Лера не знала, что делать, ей было ужасно неловко. Взяв Риту за руку, она строго выговорила ей и велела извиниться. Девочка насупилась. Она не понимала, что плохого она сделала. «Я ницаяно», — сказала она маме и, не извинившись, побежала с братом играть в холл ресторанчика, где со стены струилась вода и бил небольшой фонтан. Через пять минут Лера застала там обоих детей снова довольно влажными. У Ричарда был весьма озабоченный вид: казалось, он осуждал свою потенциальную невесту за то, что она не умеет управлять своими детьми.

— Может, посидим еще, чтобы вы все хоть немного высохли? — с виноватой улыбкой предложила Лера. — Закажем десерт. — Она думала предложить взять такси, но у нее на него не было денег, а, как она полагала, предлагать должен тот, кто будет платить.

— Давайте съедим десерт, а потом возьмем такси, — сказал Ричард, что вызвало у нее вздох облегчения.

Они поели мороженого с жареными бананами и мандаринами в сахарном сиропе и, после телефонного звонка о том, что «карета подана», вышли на улицу. Такси было всего одно, а ехать нужно

было в разные стороны. Ричард жил в гостинице «Пулковская», от Лериного дома это было довольно далеко и, когда они подъезжали к их улице, она чувствовала, что должна предложить ему зайти. Но, представив, что он решит остаться на ночь, она вспомнила, как Рита посреди ночи иногда начинает плакать и успокаивается только у нее под боком, поняла, что это — не самые лучшие обстоятельства для первой близости. «Лучше оставить на потом. Если вообще будет это «потом»... И к тому же во мне останется хоть какая-то загадка, — улыбнулась она своим мыслям. — То, что с детьми просто не будет, я думаю, он уже и так понял».

— Ты можешь завтра проводить меня? — неожиданно спросил он ее на прощанье.

— Во сколько?

— Вылет в 2.30 pm. Хотя я, конечно, понимаю, что ты работаешь в это время... — интонационно фраза не закончилась, и он продолжил ее взглядом: «Но может, ты могла бы отпроситься?»

— Хорошо. Я утром заскочу на работу, сделаю все срочные дела и приеду в аэропорт.

— Спасибо, — он сжал ее руку и не отпускал какое-то время, будто не хотел расставаться с ней. — Может, ты до этого успеешь заскочить ко мне в гостиницу? Там до аэропорта совсем близко.

«Аааaа!!! — возмутилась внутренне Лера. — Как он себе это представляет? Секс пять минут — полет нормальный? Первый раз не должен быть таким. Уж лучше Рита под боком в три часа ночи. Ей стало еще сильнее не по себе от того, что она не приглашает его войти, и она не выдержала: — Боюсь, не успею. Может, лучше ты зайдешь сейчас на чай? — но взгляд ее говорил другое. Дети уже выскочили из машины, и Рита дергала Леру за руку со словами «Пойдем, мам!»

— Нет, давай лучше ты ко мне прилетишь на чай, — улыбнулся он.

— Договорились, — сразу согласилась она и сжала в ответ его руку. Этот жест с ее стороны сказал «спасибо за понимание».

«Вот и еще одно расставание, сколько их уже было в моей жизни: больших и маленьких, — думала Лера по дороге в аэропорт.

— Может, и эта встреча у нас последняя, кто знает... Приедет сейчас в свою Америку, подумает обо всем хорошенько, вспомнит джинсы с запахом зеленого чая и поймет, что главное — сухо».

Назавтра она издалека увидела Ричарда у стойки регистрации. «Какой все-таки красивый мужик», — оценила она уже не в первый раз. — И чего им у себя в Америке женщин не найти? Сколько американцев ищут себе зачем-то русских в жены. Неужели феминизм настолько поглотил там женский пол? Я ведь тоже не буду для него босой беременной женой на кухне, которая варит борщ. Строит там себе какие-то иллюзии...» Лера подошла к нему сзади и закрыла своими ладонями его глаза.

— Лера, — сразу сказал он.

— Как ты догадался? — якобы удивилась она.

— Я больше никого не звал меня провожать, — серьезно ответил он по-английски. — Хотел напоследок побыть с тобой наедине.

— Средь шумного бала с вещами, — улыбнулась Лера.

— Что? — не понял Ричард.

— Так, одна исковерканная цитата, — перешла она на английский. — Не бери в голову!

— Да, иногда нам трудно понимать друг друга из-за разных культур и разных языков. Я не знаю ваших цитат, ты не знаешь наших...

— It's a pity, — вздохнула Лера. В переводе на русский это означало «жаль».

На прощание Лера подарила Ричарду маленького ангела из папье-маше, которого купила в переходе в Гостином дворе. Это была девочка-ангел, в белом платьице. Лера недавно купила ее себе, на следующий день после того, как у нее рухнули иллюзии по отношению к Илье. Собираясь утром на работу, она поняла, что Ричарду надо что-то подарить на память, но времени на покупку подарка уже не было, и она решила, что ангел этот вполне подходит, а себе она потом купит такого же. Ричард повесил ангельскую девочку на палец за веревочку и несколько секунд смотрел, как она раскачивается.

— Спасибо, — казалось, он было немного удивлен такому презенту. Лера так и не поняла, понравился он ему или нет.

— Пусть охраняет тебя в полете. И потом, — сказала она.

— Это будет мой ангел-хранитель? Разве они бывают девочками? — уточнил Ричард.

— Наверное, бывают. Вот же — видишь... — улыбнулась Лера.

Они поцеловались на прощанье. «Это так странно в нашем возрасте — столько планов на будущее, а между нами еще ничего не было. Хотя есть в этом все-таки какая-то особая прелесть, — уткнувшись ему в плечо после долгого поцелуя, подумала Лера. — Каждый может нафантазировать себе все, что угодно. Лишь бы потом не разочароваться».

Скрывшись за дверью, Ричард неожиданно вернулся, открыл кошелек, достал оттуда две тысячные купюры и пару сотенных и отдал ей. Лера с удивлением посмотрела на него.

— Зачем ты отдаешь мне свои деньги? — спросила она по-английски.

— Я не успел потратить, а в Америке рубли мне не нужны. Купи что-нибудь от меня ребятишкам.

— Ладно, — пожав плечами, взяла деньги Лера. — Если там это будут простые бумажки, чего добру пропадать. Если увидимся, верну тебе в долларах.

— Что значит «если»? — нахмурился в шутку Ричард. — Я как только приеду, сразу займусь оформлением приглашения для тебя.

— Ладно, — еще раз сказала Лера, пряча деньги в сумку.

Американский жених еще раз поцеловал ее, на этот раз очень быстро и, не оборачиваясь, снова скрылся за дверью в другой мир.

Лера пыталась понять, что чувствует. Ричард ей нравился, но она так и не поняла, сможет ли он выполнять роль отца. Одного негативного опыта ей уже хватило и повторения не хотелось.

Она ехала домой, наблюдая через стекло очередной серый облачный питерский день, и думала о том, что же, интересно, ждет ее в будущем. Когда-то, восемь лет назад, когда она точно так же

уезжала на автобусе от Виктора и думала почти о том же, на глаза ей попался рекламный плакат «НЕОН», который она расценила как знак, что Виктор — не тот человек, с кем стоит связать свою судьбу. На этот раз судьба не давала ей ни единого знака. Неужели, правда, с Ричардом все получится, и их «лодка» уплывет в Америку? Ей не хотелось уезжать так далеко. «И почему он не француз или не немец?.. Все ближе было бы домой приезжать», — думала Лера по дороге на работу.

Ричард не обманул, и вскоре от него пришло приглашение. Это событие совпало с ее разводом с Олегом. Паспорт, что был жизненно необходим для судебного заседания, с Надиной помощью нашелся в пластмассовом колчане из-под игрушечных стрел на присосках. Как он туда попал — дети объяснить не смогли. Но в аккуратных каракулях шариковой ручкой на нескольких страницах Лера сразу узнала «почерк» Маргариты. Паспорт в ближайшем будущем подлежал замене. «Зато будет новый, без штампов о браках и разводах. Начну жизнь с чистого листа!» — немедленно нашла плюс в этой ситуации хозяйка испорченного документа.

Заседание по разводу прошло безо всяких прений с обеих сторон. Олег не возражал против того, что дети будут жить с матерью, а он будет платить алименты. Единственным моментом, который Лерин уже официальный бывший муж уточнил у судьи, должен ли он платить алименты на первого ребенка, если точно знает, что он ему не отец.

— Вы узнали об этом факте после того, как оформили свидетельство о рождении или до? — в свою очередь, уточнила судья.

— Всегда знал.

— Если знали всегда, значит, шли на это осмысленно, и по закону не можете отказаться от ответственности за этого ребенка.

Выйдя из здания Мирового суда, бывшие супруги купили по джин-тонику, решив таким образом отметить событие. У каждого из них уже была своя жизнь. Звук жестяных баночек, которыми они чокнулись, навел Леру на странные размышления о том, что теперь они сами — как эти баночки. В какой-то момент сто-

яли герметично закрытые бок о бок в одной коробке, а теперь из них пьют разные люди. Олег быстро захмелел и спросил разрешения задать Лере один, как он выразился, последний, вопрос.

— Так спрашиваешь, как будто перед казнью. Последняя просьба, — пошутила она. — Спрашивай, конечно.

— Рита точно моя дочь?

В этот момент Лере показалось, что она героиня очередной серии какого-то мексиканского сериала, и после этого момента камера должна крупным планом показать ее испуганно-удивленное лицо, по которому побегут титры. Еще она вспомнила слова Максима о том, что ее мужья похожи. И ее реакцию на них, что это не так и что они очень разные. Теперь она поняла, в чем их идентичность: ни один из них не верил в то, что он — отец ребенка. Или делал вид, что не верил. Этим было очень удобно оправдывать отсутствие одного очень важного мужского качества — ответственности.

— Откуда возник этот вопрос? — внешне спокойно спросила Лера, вся клокоча внутри: «Я родила ему дочь, несмотря ни на что, потому что он хотел, а теперь он спрашивает, его ли это ребенок!» — она изо всех сил старалась успокоиться.

— Есть добрые люди, рассказали...

— Кто эти добрые люди? Вика? — его новая пассия была первой, на кого она подумала. Только этим наушничеством она могла оправдать то, что Олег почти перестал видеться с дочкой.

— При чем тут Вика... Кстати, у нас с Викой будет ребенок, — резко сменил тему бывший муж.

— О, быстро вы! Поздравляю, — Лера не испытала никаких эмоций, услышав эту новость. — Надеюсь, на этот раз мальчик?

— Я тоже на это надеюсь, — допивая последний глоток джин-тоника, произнес Олег. — Так ты мне ответишь на вопрос?

— Да. Рита точно твоя дочь.

По лицу было невозможно прочитать его эмоции: то ли это было облегчение, то ли он все еще сомневался...

— На самом деле, это ты мне сказала. Помнишь, когда ей был год, ты спросила меня, что бы я чувствовал, если бы узнал, что она не моя?

— И ты что, целый год об этом думал?!

— Да.

Оформив развод, Лера испытала огромное облегчение, как будто с ее души упал не один, а, как минимум, три камня. Она заверила бывшего мужа, что ей будет достаточно, если он будет финансово помогать Рите, о Георгии он может не волноваться, это — ее ответственность.

У нее больше не было ощущения, что она идет не по своему пути. «И пусть я даже снова наделаю ошибок, теперь я — это я», — подумала она.

Они почти каждый день разговаривали по скайпу с Ричардом, выбрав для этого специальный час, когда у Леры было утро, а у него — вечер. После того, как она отводила ребятишек в детский сад, у нее как раз оставалось время, чтобы собраться на работу и поговорить с женихом. По выходным сеанс связи часто случался ночью, и, пока дети спали, Лера брала бокал вина, Ричард — свой любимый виски, и они, смеясь, чокались об экран. Так создавалась иллюзия, что они рядом. Казалось, американец едва может дождаться, когда невеста приедет к нему в гости.

Ей довольно быстро одобрили визу, и Ричард купил билеты на конец июля. Лера должна была прилететь в США на две недели. Первые же две недели отпуска она планировала провести с бабушкой на даче. Гошина просьба «Поехали к бабе Рите» часто звучала в доме. На вопрос «Что ты там будешь делать?», ребенок отвечал: «Купаться в речке и собирать грибы». Согласно намеченному плану, Лера должна была провести две недели с детьми на даче, после через Москву летела в Нью-Йорк, и оттуда в Сан-Франциско, где жил Ричард. О детях обещала позаботиться Марина Ивановна, которая как раз к ее отъезду ровно на две недели приезжала навестить свою пожилую маму. Прилетев из Штатов, Лера должна была встретить маму с детьми на Московском вокзале.

Виктор больше не появлялся. Видимо, он решил, что «мавр сделал свое дело — мавр может уходить». Лишь 9 мая от него пришло странное сообщение: «Дорогая Майя Густавовна, сер-

дечно поздравляю Вас с Днем Победы, желаю здоровья и долгих лет жизни».

«Забавно, — подумала Лера. — Наверное, ошибся номером, поздравляя какую-нибудь бабушку-ветерана». Однако ситуация оказалась иной. Через пару дней Виктор ей позвонил и поинтересовался, получала ли она от него смс и, если да, что ответила. «Ничего не ответила, я же не Майя Густавовна. Хотя была мысль написать «Спасибо, сынок!» — пошутила Лера. — Но ты ведь просто ошибся номером?» — «Это не я писал, жена проверяет контакты...» — «А... Тонко! Как вы интересно живете!»

Витя поинтересовался ее разводом и тем, как складываются отношения с Ричардом. Убедившись, что его помощь Лере не нужна и развод уже состоялся, он пожелал ей удачи. Больше они не созванивались. На этот раз «мавр» ушел навсегда.

Новые тапочки так и стояли без хозяина. Их иногда обувал лишь Володя, когда приезжал в гости.

***

Георгий и Маргарита очень любили ездить на поезде, ведь там мама разрешала им есть китайскую лапшу, которую нужно было заваривать кипятком. Для них это было целое развлечение. Они садились в поезд и начинали требовать лапшу еще до отправления. Почти три дня в поезде с пересадкой в Москве пролетали быстро. Лера воспринимала их как отдых от интернета и возможность, ни на что не отвлекаясь, побыть с детьми. Кто-нибудь из соседей-пассажиров обязательно начинал расспрашивать их, к кому они едут, откуда и зачем... Одна старушка, наблюдая за тем, как Лера во время остановок, когда нельзя было воспользоваться туалетом, с горшком бегает от одного ребенка к другому, которым, как назло, приспичило одновременно, начала допытываться, почему едут одни и где папа ребятишек. Узнав, что Лера дважды разведена, бабушка начала охать над тем, как же она, бедняжка, так неудачно дважды умудрилась выйти замуж.

— Что вы, оба раза очень удачно! — со свойственным ей оптимизмом попыталась утешить Лера распереживавшуюся по-

путчицу. — Вон какие ребятишки хорошие получились! Жаль лишь, что горшок только один в дорогу взяли. А так у нас все замечательно.

— Мам, скажи «вау»! — вдруг послышался голосок Риты.

Лера повернулась к дочке и чуть не прыснула со смеху: девочка выудила из-под подушки ее лифчик, приложила к себе и крутилась то вправо, то влево с видом непревзойденной красавицы.

Бабушка Рита была страшно рада увидеть юную красавицу и и ее брата после такого долгого перерыва:

— Да как выросли-то за год, как выросли! — причитала она, крепко прижимая к себе правнуков.

Приезда еще одной бабушки, помоложе, они ждали в деревянном доме на берегу Оби, где под заботливым крылом Маргариты Васильевны Лера проводила каждое лето своего детства.

На природе она сделала множество замечательных фотографий. Практически не расставаясь с фотоаппаратом, она постоянно ловила интересные кадры: детей, наперегонки бегущих босиком к речке, кота, пожирающего спящего Георгия влюбленным взглядом, хрустальные капельки воды на листке после дождя... А какие красивые там были закаты!

Деревенская природа, лес и река располагали к творчеству, и Лера иногда что-то писала. Правда, для того чтобы писать, требовалось уединение и тишина, а ни того, ни другого у нее не было почти до самой ночи. Дети, которым уже исполнилось шесть лет на двоих, вели себя шумно и орали иной раз так громко, что слышно было соседям через три огорода. Порой Лере казалось, что она сходит с ума. Не в силах успокоить детский хор, они с бабушкой иногда просто смеялись, чтобы хоть как-то сохранить нервную систему.

— Не знаю, бабуль... Каким терпением должен обладать человек, чтобы это выдержать? Даже у меня его нет, а чужому дядьке это и вовсе не нужно, — посетовала Лера как-то вечером, уложив детей спать. У них с бабушкой перед сном каждый день был традиционный вечерний чай на веранде. — Одна моя подруга сказала, что это должен быть кто-то очень любящий... Так ведь еще

и детей должен полюбить, а не только меня, и где ж такого найти? Мне кажется, Ричард не выдержит, он ведь даже не предложил мне приехать с детьми...

— Я вообще не знаю, зачем тебе нужна эта Америка! Оставляешь детей, летишь к черту на куличики через океан, зачем?! — бабушка сделала акцент на слове «зачем», произнеся его дважды с такой интонацией, что внучке должно было стать сразу понятно, что она делает несусветные глупости.

Лера тяжело вздохнула.

— Ну, бабуль... А вдруг это тот самый человек, с которым все сложится хорошо? Может, мне судьба переехать в Америку?

— Где родился, там и пригодился, — изрекла пожилая женщина. — И чего тебе на месте не сидится? Что ты, что мать, что отец — все где-то болтаетесь! Вся семья такая. Жить надо на одном месте. На месте и камень обрастает.

— Бабуль, да ты просто кладезь мудрых пословиц. А если бы я на месте сидела, так и сюда бы не приехала, — отшутилась Лера.

Бабушка махнула на нее рукой, мол, все равно не слушаешь. Лера еще раз вздохнула и пожала плечами. Этот жест выражал: ничего не поделаешь, такая уж я уродилась.

— Кстати, знаешь, Гошка ведь мне определенного цвета папу заказал — желтого! — засмеялась вдруг она.

— Что это значит? — не поняла бабушка.

— А Бог его знает. Он так чувствует. Вот теперь и пойди туда не знаю куда и найди того не знаю кого, — продолжала Лера. — Нам в Москве с вокзала на вокзал один мой друг детства помогал вещи перетащить, в вагон погрузил и побежал по делам, да ты должна его знать — Лева. Да ты, может быть, помнишь его? Наши мамы нас чуть ли не с рождения поженить хотели. Он сейчас в Москве живет с семьей, трое детей уже. Так вот, когда он ушел, Гошка вдруг говорит: «Мама, а где этот дядя?» Я ответила, что он помог нам и домой побежал, к своим ребятишкам. А Георгий задумчиво так: «Он похож на Желтого папу...» Вот так. И ничего желтого на Леве в тот вечер на-

дето не было... Такой у нас теперь есть таинственный персонаж. Желтый папа.

Бабушка снова махнула рукой, мол, ерунда все это. Но на этот раз уже с улыбкой.

Сменив на посту свою дочь, к выполнению родительских обязанностей приступила Марина Ивановна. Она не была страшно рада остаться с такими маленькими детьми аж на две недели, но отказать дочери не решилась, понимая, что ей надо устраивать личную жизнь.

Самолет, выполняющий рейс «Москва — Нью-Йорк», в какой-то момент начало страшно трясти. «Это просто турбулентность», — успокаивала себя Лера. Но когда загорелись лампочки «пристегните ремни», стала нервничать сильнее. Стюард, стоящий впереди, смотрел на другого, что находился в другом конце прохода, с таким ужасом во взгляде, что Леру обуял точно такой же ужас. Его взгляд выражал буквально следующее: «Как думаешь, пассажирам лучше сейчас сказать или попозже?»

«Неужели вся эта цепочка: Виктор — Ричард — перелет в США — были нужны для того, чтобы в итоге самолет, на котором я полечу — упал?» — подумала она. — Зачем я вообще туда лечу?..» Ее вдруг охватил пронзительный страх. Лера достала фотоаппарат и стала перелистывать недавние детские фотографии. Самолет продолжало сильно трясти, и из глаз ее сами собой полились слезы. Она вдруг представила, что больше никогда не увидит своих детей.

— С вами все в порядке? — обратился к ней другой стюард.

— Нет. Почему нас так сильно трясет? — всхлипнула Лера, отлично понимая, что со стороны выглядит как полная дура.

— Это просто турбулентность, — очень спокойно ответил он ей.

— А почему тогда вот он, — вытирая слезы ладонью и указав рукой на стюарда с ужасом во взгляде, спросила Лера, — так смотрит, как будто мы сейчас разобьемся? Может быть, он знает что-то, чего не знаете вы?

Тот, с кем она разговаривала, взглянул на своего коллегу и на его лицо отразилось недоумение.

— Минуточку, — сказал он. Лера видела, как они обменялись парой фраз и к ней, на этот раз, шел тот, кто ее напугал.

— Успокойтесь, пожалуйста, все в порядке. Скоро перестанет трясти.

— Вы, пожалуйста, больше не смотрите с таким ужасом, ваш взгляд меня напугал.

— Я не хотел никого напугать. Хотите, я принесу вам бокал вина и плед, чтобы вы согрелись и уснули?

Она взглянула на бейджик с его именем и еле сдержалась, чтобы не засмеяться. «Жан Рыбалка» — значилось на нем. «Бедный паренек, с подобным именем неудивительно иметь такое выражение лица», — подумала она. Самолет начал приходить в спокойное состояние, и Лера вместе с ним.

— Да, хочу. И бокал, и плед, — тоном маленькой обиженной девочки, которой, наконец, предложили конфетку, ответила Лера. — Лучше два бокала, — добавила она. — Наберусь храбрости.

— Хорошо, — улыбнулся бортпроводник и скрылся за занавеской.

Немного захмелев и закутавшись в два пледа, она вдруг четко осознала, что крутые перемены в ее жизни — такая ерунда по сравнению с тем, как внезапно можно ее лишиться!

Лера стала засыпать. Засыпая, она думала о том, что человек не знает своей судьбы, он может лишь чувствовать, идет ли он своим путем или свернул с него. Она вспоминала их разговор с Олегом, когда сказала ему, что они проживают рядом друг с другом не свои жизни, и он с ней согласился. «Где я сейчас? — думала она. — Моя ли эта дорога или я блуждаю в лабиринте и скоро окажусь в тупике? Как жаль, что людям не дано встречаться со своими ангелами-хранителями, которые рассказали бы им, куда идти и указали на ошибки?» Лера взглянула на крыло самолета, на конце которого пронзительно светило солнце, и подумала, что как было бы хорошо хоть раз увидеть ту, о которой рассказывал Макс, когда гадал ей на картах Таро. «Интересно,

действительно ли мой ангел — моя тезка и она всегда рядом со мной? — Лера погружалась в сон. — Мне почему-то показалось, что он говорил правду...»

Ей приснилось большое белое облако, на котором она сидела, свесив ноги, и раскачивалась, как на качелях. А на соседнем облаке сидела она же, но с двумя длинными косами и старше себя нынешней лет на десять. За спиной у нее, повзрослевшей, было два огромных белых крыла. «Почему мы так похожи? — спросила Лера во сне своего двойника. — Ты — это я, только старше?» Ангел отрицательно покачала головой, не произнося при этом ни слова. Лера стала раскачиваться сильнее и хотела спросить еще что-то, но почему-то не могла произнести ни звука. Когда ее облако оказалось близко к соседнему, она перепрыгнула на него. Теперь ей было видно каждое перышко на огромных белых крыльях ангела. Это было так реалистично, что Лера испугалась. «Я что, все-таки умерла?» — подумала она, но ангел снова отрицательно покачала головой, как будто прочла ее мысли. Она вдруг раскрыла свое огромное белое крыло над ее головой, словно пыталась укрыть от чего-то. Лера посмотрела вниз и увидела своих детей: таких, какими они были запечатлены на одной из фотографий — в полосатых футболках бегущими босиком на речку.

— Дети-и-и! — закричала Лера. Но они не слышали ее. Тогда она встала, утонув ногами в белизне облака, спрыгнула вниз и от ощущения свободного падения проснулась.

Самолет уже заходил на посадку. Лера не запомнила сон, но после него у нее осталось ощущение, что она находится под какой-то очень сильной защитой. И, что бы с ней ни случилось, помощь всегда будет рядом. Поэтому когда самолет, летевший до Сан-Франциско, тоже немного трясло, она уже реагировала на это гораздо спокойнее.

В аэропорту ее встретил Ричард, державший в руках табличку с надписью «The most beautiful girl in the world». Прохожие, читая это, с интересом поглядывали по сторонам, очевидно, ожидая увидеть, какая же она — самая красивая девушка в мире.

— Тебе нравится Майкл Джексон? — спросила Лера, подойдя к Ричарду, намекая на песню с такими же словами. На этот раз они оба знали, откуда цитата.

— Мне нравишься ты, — ответил он.

Жених взял небольшой отпуск, чтобы провести его с невестой. Они вместе гуляли по парку, где росли огромные секвойи, наблюдали закат на Тихом океане и глотали туманы. В Сан-Франциско они были настолько густыми, что Лера, вспоминая мультик про ежика, представляла, что сейчас из тумана появится голова белой лошади. На машине они объездили несколько разных городов Калифорнии, первым делом навестив Лос-Анджелес.

— Так вот ты какой, город ангелов! — забравшись на один из самых высоких холмов, прокричала Лера. Несмотря на уговоры Ричарда не делать этого, она все-таки залезла на первую букву «О» в знаменитой надписи «HOLLYWOOD» и встала, широко расставив ноги и раскрыв руки так, как будто сейчас полетит.

— Когда-нибудь я напишу книгу и по ней в Голливуде снимут фильм, веришь? — громко сказала она ему сверху вниз.

— Вне всяких сомнений, — он смотрел на Леру любящим взглядом. — Слезай давай быстрее, а то сейчас прилетят полицейские на вертолете и снимут тебя оттуда.

Несколько раз жених и невеста останавливались в мотелях, таких, какие Лера видела только в американских фильмах. Ричард был очень нежным любовником, это послужило ей вознаграждением за сексуальные мучения с Ильей. Американец оказался очень аккуратным хозяином: в доме, который он снимал, было очень мало вещей и все они лежали на своих местах. Несмотря на то что в нем было уютно и светло, из-за белоснежных стен Лера не могла отделаться от ощущения, что находится в больнице.

— Здесь, конечно, нужна женская рука — woman's touch, — неоднократно говорил Ричард, как будто бы извиняясь за неуют, и Лера благодарила Бога за то, что он ни разу не зашел к ним домой и не видел валяющиеся повсюду детские вещи и игрушки, а также изрисованные красками и фломастерами стены и облепленный желтым и оранжевым пластилином кафель на кухне.

«Это осень, мама», — представил свое творчество Гошка, и Лере ничего не оставалось, как уважать художника и оставить экспозицию в качестве постоянной.

Две недели пролетели как один день. Ричард не рассказывал ей, почему он развелся со своими женами, да и сам не лез в душу своей невесте. Они обсуждали только совместное будущее. Он много говорил о своей мечте иметь дом и о том, что, наконец, почти накопил нужную сумму для покупки.

Лера так и не поняла, что чувствует к этой стране. Неприятия не было, но и эйфории — тоже. «Льды как льды. Пустыни как пустыни». Америка как Америка. Вроде и можно было бы жить, но уж очень далеко от родины.

Теперь настала очередь Ричарда провожать Леру в аэропорт. У нее уже не было ощущения, что они, возможно, видятся в последний раз. Американец выглядел уверенным в своем решении жениться и перевезти ее к себе. Да и она после этих двух недель понимала, что перед ней неплохой человек, с которым можно прожить всю оставшуюся жизнь. Они так и не сказали друг другу слова, которые произносят любящие люди, но были на пути к этому.

«Какой же огромный запас любви у человека, — размышляла Лера на обратном пути. — Казалось бы, любишь так, что целиком готова себя отдать, но если что-то не получается, то и другому человеку, который встретится на пути, что-то остается. Другая, но тоже любовь...» Она была почти уверена, что, наконец, встретила человека, с которым ей хорошо во всех отношениях. Было одно важное «но» — за проведенное вместе время Ричард ни разу не спросил о детях.

***

— Дети! — Лера присела на корточки на платформе рядом с прибывшим поездом и ждала, когда ребятишки подбегут к ней. Это было их любимое развлечение: наперегонки бежать к маме.

— Мама! — закричала от радости дочка, первая бросившись ей на шею.

— Мама! — сделал то же самое сын.

Во время их объятий рядом с ними вдруг оказалось какое-то странное рыжеволосое существо. Оно смотрело на Леру круглыми пластмассовыми глазами. На нем была желтая рубашка и темные брюки. Ростом существо было Лере примерно по плечо. Это была очень необычная мягкая игрушка, которая выглядела как человек. Марина Ивановна с радостным видом двигала его руками.

— Кто это, мам? — с комическим ужасом спросила Лера

— Желтый папа! — весело ответила та. — Мы с детьми купили его по дороге из Томска. Теперь он будет жить с вами! — со свойственными ей детскими интонациями, как в передаче «Спокойной ночи, малыши», сказала мама.

— Ну что ж, пусть живет... — с некоторым сомнением согласилась Лера, разглядывая нового члена их семьи. Взяв его на руки, она еще раз посмотрела в его лицо. Пластмассовые глаза смотрели на нее весело, казалось, еще немного, и человечек засмеется. — Радостный такой. Дети, он вам нравится? — спросила она.

— Да! — почти хором сказали они.

Игрушка быстро стала любимой. Рита сделала его папой своих кукол и разговаривала с ним, как с равным, представляя себя мамой. Гошка иногда клал его под одеяло рядом с собой, и они засыпали в обнимку. Иногда, когда Лера ложилась рядом, она думала, что это заколдованный герой какой-нибудь сказки, и надо произнести какие-то определенные слова, чтобы его расколдовать. Но она этих слов не знала. «Может, поцелуй поможет?» — она посмеялась над своими мыслями. Однажды, когда никто не видел, Лера все-таки поцеловала его, и ей тут же стало совестно, как будто она сделала что-то неприличное, ведь у нее был Ричард. Но когда их снова разделил океан, все показалось ей таким далеким и невероятным, что у нее снова возникло ощущение одиночества, несмотря на то, что они продолжали строить совместные планы. Новым их пунктом было то, что Ричард прилетит к ним встречать Новый год. Они решили пожениться следующим летом в Питере, чтобы можно было получить визу жены и переехать с детьми в США.

Осенью небо снова затянуло серостью, заморосили затяжные питерские дожди. Лера ненавидела такую погоду и одинаковые дни сурка, когда волей-неволей приходилось вставать в одно и то же время, собирать детей в детский сад и ехать на работу. А вечером снова в сад, домой, мультики, книжки, интернет, ужинать, мыться и спать, потому что завтра снова вставать и все по той же схеме. Спасали суббота и воскресенье. Выходные дни вносили разнообразие в жизнь их неполной семьи: когда эта троица, выйдя из дома утром, умудрялась сходить в театр, кафе, погулять по городу, зайти в гости и возвращалась домой только вечером.

Гошка, который рос домоседом и не очень любил куда-то ходить, в один из таких вечеров, придя домой и сев на диване, ошарашил Леру фразой:

— Как я устал! Поэзии хватит. Что за жизнь...

Он произнес это очень серьезным тоном и пояснять, что же так утомило его в жизненном процессе, категорически отказался.

Еще Гошка иногда говорил во сне. «Полетели!» — предлагал он кому-то. «Я лечу-у-у!» — как будто отвечал он сам себе. Когда Лере удавалось услышать что-то интересное, она старалась записывать это в дневник, который вела с момента его рождения. Он говорил очень много трогательного и смешного. Однажды он вдруг во сне сказал:

— У меня денег нет.

— А где деньги? — едва сдерживая смех, поинтересовалась она у спящего сына.

— Потерялись деньги... — продолжая спать, ответил ребенок.

Однажды он очень растрогал своей серьезностью Марину Ивановну. В один из визитов к внукам она села в кресло и пожаловалась на то, что устала и у нее болят ноги. Когда они с дочерью стали обсуждать, какая мазь может помочь от боли в суставах, Георгий, услышав их разговор, сказал бабушке.

— Марина, я знаю, кто тебе поможет.

Он обращался к ней по имени по ее просьбе. Благодаря этому Марина Ивановна не чувствовала себя бабушкой в возрастном значении этого слова.

— Кто, Гошенька? — удивленно спросила она внука.

— Бог поможет!

— Вот, мама, пожинай плоды своего воспитания. Не надо тебе никакой мази, — расхохоталась Лера.

Марина Ивановна старалась как можно чаще водить детей в церковь на причастие и читала им детскую библию. Гошкино «Бог поможет» Лера тоже сохранила в тетрадке. Гошка знал, что мама ведет про него дневник, и иногда подходил, чтобы спросить, что она пишет, и даже давал советы, о чем писать:

— Напиши, как ты полетела в Москву, а мы остались с бабулей и я поранился. Пишешь? Я плавал, а там иголка лежит, я там поранился в воде. Мы пошли домой, забинтовали бинтиком, а кровь все равно пошла.

— Ладно, напишу, — улыбнулась Лера.

— А можно я тоже что-нибудь напишу? — просил иногда он.

— Давай, — она подвигала к нему тетрадку и ручку. Гошка писал буквы: какие-то справа налево, какие-то — с загадочными крючочками, и потом спрашивал: «Что написано?»

— ОТСЁЖОС, — старательно прочитала Лера. — И что это такое?

— Это штука такая, ее надо чинить и катать. Еще ее завязывают и греют.

Лера со смехом записывала комментарии сына к собственным каракулям.

— А теперь ты пишешь про то, что я написал? — спрашивал ребенок. — Как я родился? Ты пишешь про меня, да?

— Да, — она прижала его к себе.

Несмотря на постоянные волнения, возникающие из-за Георгия и Маргариты, Лера понимала, что именно дети держат ее на плаву. Проблемы как будто были на одной чаше весов, а радости — на другой, и, хотя чаши постоянно покачивались, первая никогда надолго не перевешивала вторую: позитива было больше.

Один раз Георгий ни с того ни с сего вдруг выдал предложение, которое Лера назвала в дневнике «Фразой века»:

— Мама, когда я сидел в животике, я трогал твое сердце!..

Быть может, ребенок имел в виду то, что и он, и сердце вместе были внутри, но Лера интерпретировала это в переносном смысле. Она всегда помнила, как восприняла новость о будущем ребенке как знак свыше и поняла, что должна родить его несмотря ни на что.

«Интересно, как бы я ощущала себя сейчас, когда мне тридцать, если бы у меня не было этих двух чуд? — записала она в своем электронном дневнике.

Отношения брата с сестрой можно было бы назвать «мир-война». Они могли играть вместе:

— Хочу быть девочкой Ритой, а Рита будет мальчик Гоша, — выдумывал сын.

Могли смеяться и тут же поссориться до рукоприкладства:

— Убери от меня эту Риту! — возмущался мальчик.

Как будто зная заранее, какие непростые оотношения сложатся у брата и сестры, для Риты Лера завела отдельный дневник, подумав, что в будущем их вряд ли устроит один на двоих.

«Умница-разумница, да еще и обжорка. Обернусь — нет тебя, приду на кухню — ты там сидишь — лопаешь», — писала она о дочке.

— Мама, а это тетрадка моя? — подошла поинтересоваться та.

— Да. О том, как ты родилась, какая была маленькая...

— А потом я пененожку вырастала?

— Да.

— И теперь я уже большая девочка и мне не нужно маму спрашивать, — тут же сделала вывод героиня дневника.

В свои два с половиной года Рита не выговаривала очень много звуков, но поговорить очень любила. Она была очень рассудительной девочкой. Если пообщаться было не с кем, Маргарита придумывала себе воображаемого собеседника. Однажды Лера увидела, как, набрав в ванной пены себе на руку, малышка обращалась к ней, с живому существу:

— Привет, как позиваешь?

— Хорошо, — заменяя звук «р» на «й», а «ш» на «с», ответила ей рука.

«С самомнением у дочки все в порядке с раннего детства, — писала Лера в Ритином дневнике. — Сегодня после ванной говорю ей:

— Рита, какие у тебя ноги смешные!

— Они не смешные. Они — красивые!

А недавно, после очередной ссоры с братом, вдруг говорит мне на своем детском языке:

— Мама, зароди еще одну девочку, чтобы она была моей подружкой, и я бы играла с ней, а не с Гошей.

— Но она же будет маленькая.

— Ничего, она быстро вырастет».

Дома Маргарита частенько громко распевала песенки, чем вызывала неизменное раздражение брата, что любил побыть в тишине. Лере постоянно приходилось работать буфером между детьми.

— Прекратите взаимодействовать! — иногда, не выдержав, сердилась она.

Так, в ежедневных хлопотах, незаметно приблизился Новый год, а вместе с ним — приезд американского жениха, который должен был прилететь в шесть вечера 31 декабря. Лера с ужасом думала о том, как они будут жить вместе. За полгода, что он не видел детей, тише они не стали и вполне способны еще не раз опрокинуть ему что-нибудь на штаны. После ее визита к жениху речи о том, что Ричард будет жить в гостинице, понятное дело, уже не шло. Дом невесты — его дом.

Гражданин США приехал, окрыленный тем, что уже почти готов купить собственный дом, осталось еще немного подождать, и сбудется его давняя мечта. Всю дорогу из аэропорта он только и говорил о том, как они будут жить вместе в новом доме, когда поженятся. Лера внимательно слушала. Все это казалось ей совершенно невероятным. В конце декабря она всегда мысленно подводила итоги ушедшему году. И теперь, сидя рядом с будущим мужем, что хотел увезти ее за океан, она вспоминала себя 31 декабря год назад, когда, еще будучи замужем за Олегом, безогляд-

но влюбилась в человека без прошлого, который разбил ей сердце. Потом встреча с Витей, ее знакомство с Ричардом... Теперь в будущем маячил переезд в Америку и жизнь в собственном доме с задним двором. Могла ли она подумать, живя когда-то в маленькой комнате в коммунальной квартире, что все так кардинально изменится?

«Не слишком ли насыщенная личная жизнь для матери двоих детей?..» — усмехнулась она. Лера уже почти привыкла к тому, что ее судьба крута на поворотах, но этот был одним из самых крутых. Она чувствовала, что не готова, и настраивала себя на то, что шести месяцев для перезагрузки ей должно хватить.

Дома их встретила Марина Ивановна со своим традиционным тортиком и стихами собственного сочинения. Стихи на английском Лерина мама писать не умела, и Ричард мало что понял в ее поэзии.

С детьми будущий отчим вел себя терпеливо и доброжелательно, но без особых эмоций, как и в прошлый раз. Подарки ребятишкам, которые он привез, положили под елочку и открыли сразу после полуночи. Гоша стал обладателем самоходной машины, а Рита — куклы Барби.

На новый год пришел Лерин папа — Валентин Николаевич. Он почти все время проводил в Пушкинском доме, занимаясь документальными исследованиями, и очень редко видел дочь и внуков. Этот новый год Лера предложила встретить вместе, потому что была не уверена, что они смогут лично поздравить друг друга еще через год. Лерин отец был против ее отъезда, он довольно сдержанно пожал руку американскому жениху своей дочери. Им было трудно общаться, поскольку Валентин Николаевич почти не говорил по-английски. Но алкогольные напитки сделали свое дело, и через час будущие родственники уже общались на смеси русского и английского.

Внуки не видели деда несколько месяцев, и первые полчаса не подходили к нему, на что он даже немного обиделся, не понимая причины отчуждения. К Ричарду дети тоже отнеслись как к незнакомцу, давно забыв про их совместный поход в аквапарк.

Уже лежа под одеялом, Гоша вдруг спросил маму:

— А Илья в этот Новый год не придет?

— Нет, сынок, он еще не вернулся.

— Он все еще там? — мальчик кивнул на две открытки, пришпиленные к стене у него над кроватью. На одной из них был изображен остров с высоты птичьего полета, на другой — слон. Илья писал, обращаясь к Георгию, и лишь в конце передавал привет маме и сестре.

— Да. Мы же с тобой много раз читали то, что он написал. Он пока не знает, когда вернется.

Она погладила Георгия по его большой умной голове.

— Гош, а Ричард хоть немножко похож на Желтого папу? — вдруг неожиданно для самой себя спросила она.

— Нет, мам, совсем не похож, — грустно вздохнул ребенок и повернулся на другой бок.

— Ладно, спокойной ночи. Не расстраивайся. Новый год — новое счастье! — она похлопала ладонью по его хрупкому плечику под одеялом. — Послезавтра на Елку пойдем, Дед Мороз тебе подарок подарит! А сейчас спи.

Лера поставила рядом с кроваткой Георгия детский стульчик и посадила на него Желтого папу. Тот будто охранял детский сон. Она еще немного посидела рядом и, убедившись, что дети спят, вернулась к компании родителей и жениха.

Стол ломился от различных новогодних салатов, включая традиционные оливье и селедку под шубой. Лера успела все приготовить и навести порядок до приезда Ричарда. Помня идеальную чистоту в его доме, ей не хотелось, чтобы у него сложилось впечатление, что она плохая хозяйка. Она присела к столу в тот момент, когда жених нахваливал пельмени.

По давней сибирской традиции, когда Лера была еще маленькой и жила с бабушкой в Томске, на горячее в новогоднюю ночь всегда подавали пельмени на большом красивом блюде. Они лепили их вместе и ставили в морозильник до праздничной полуночи. Эти времена давно были в прошлом, и теперь Лера покупала пельмени в магазине.

— Как ты вкусно готовишь! — восхищался Ричард. Русские пельмени один за другим исчезали в его американском рту.

Лера открыла было свой, чтобы сказать правду, но поймала взгляд мамы, которая, забавно двигая бровями, давала ей понять, что сознаваться не надо. Папа из солидарности промолчал, улыбаясь в усы.

***

Первое, что сказал Ричард, проснувшись после встречи Нового года, было: «Давай завтра пойдем и подадим заявление, чтобы пожениться летом. Я как раз весной куплю дом и мы подадим документы на визу жены». Но его ждало большое разочарование, поскольку все государственные учреждения в новогодние праздники были закрыты до девятого января, а он прилетел ровно на неделю и шестого должен был улететь обратно. Ричард был чрезвычайно удивлен, не понимая, как такое возможно.

— У нас в стране выходной только первого! — возмущенно говорил он. — Со второго января все уже работают!

— Ну... — развела руками Лера. — В нашей — все по-другому.

Он никак не мог понять, как можно рабочие дни между выходными тоже сделать выходными, чтобы отдыхать несколько дней подряд без перерыва.

— It's impossible! — постоянно повторял он, что означало «Это невозможно!»

— Возможно... — вздыхая, отвечала Лера.

Она мысленно ругала себя за то, что совершенно выпустила из головы этот момент и не предупредила его о затяжных новогодних праздниках. С другой стороны, в ухо ей что-то шептало: «А может, не судьба?..»

Лера видела, что у него нет интереса к детям, он находился рядом, но при этом всегда оставался немного в стороне. Когда дети капризничали в общественных местах, и ей казалось, что земля уходит из-под ног, Ричард просто стоял рядом и ждал,

когда ситуация разрешится без его участия. Он, несмотря на то, что все уже решил, как будто продолжал наблюдать за всем: американец смотрел оценивающе, как будто примерял на себя эту жизнь, пытаясь понять, «сидит ли костюмчик». И, хотя Лере ее новый мужчина очень нравился, она не могла не понимать, что «мухи» всегда будут отдельно, а «котлеты» — отдельно. А ведь ей хотелось совершенно иного!. Но, как безнадежная оптимистка, она верила в то, что, может быть, в будущем все изменится...

— Чужие дети всегда будут чужими, — многозначительно изрекла Аня в очередном телефонном разговоре. — Не жди, что он будет относиться к ним как к родным.

— Слушай, в моем случае свои как чужие, чего уж роптать-то... Просто я слышала, что американцы очень позитивно относятся к детям, может, просто ему нужно время, чтобы привыкнуть? У него ведь никогда не было детей.

— А он, кстати, хочет своих детей? — поинтересовалась подруга.

— Мы еще не говорили об этом. Он пока твердит только про то, что ему нужен дом, о детях речи нет.

— Не знаю, Лера, это твоя жизнь — решать тебе.

Точно такие же слова несколько лет назад Лера сказала своей давней подруге Маше, когда та принимала важное и ответственное в ее жизни решение: оставить ребенка или сделать аборт. На принятие этого решения у той было совсем немного времени — сдав анализы, она уже стояла перед дверью операционной. Но Маша внезапно передумала и теперь счастливо жила в Стокгольме с заботливым мужем, который относился к мальчику как к родному.

— Опять этот камень и три развилки, — с досадой сказала Лера. — Я всегда, когда перед ним оказываюсь, теряюсь: мне направо, налево или прямо? Везде какой-то подвох.

— Мне кажется, иностранные мужики — люди с другой планеты. Тут с нашими-то всю жизнь общий язык ищешь и не находишь, а как быть, когда его вообще нет?

— Слушай, поговорю с тобой иной раз, и хоть в петлю лезь. Ну тебя.! Вот у Машки ведь все хорошо с ее шведом. И в Швеции ей нравится, работу нашла в художественной галерее, окружена интересными людьми...

— Я и не говорю, что обязательно будет плохо, но лучше принимать в расчет все возможные варианты.

— Ты зануда, — засмеялась Лера. — Ты права, но знай: ты — зануда.

— Знаю. Но я — права! — послышался в трубке ответный смех.

Ричард улетел грустным, так и не реализовав намеченные планы. Во второй раз расставаясь на том же самом месте в аэропорту, оба испытывали уже совершенно иные чувства, чем весной прошлого года, когда все было в новинку. Теперь между ними были капризные дети, океан, покупка дома в Калифорнии и новогодние праздники, помешавшие назначить дату свадьбы.

— Я прилечу, — пообещал он.

— Я верю, — кивнула она.

Теперь их встречи в скайпе перестали быть ежедневными. Иногда Ричард не выходил в он-лайн, позже объясняя это тем, что был занят по работе или ездил смотреть очередной дом, выставленный на продажу. Лере тоже не нравилось сидеть и ждать в надежде, что значок загорится зеленым, и она придумывала себе планы и позднее тоже сообщала писала о причине неявки на сеанс связи.

Она никогда не была любительницей сидеть и жалеть себя, и ее очень сердило, что теперь это хотелось делать все чаще и чаще. Кто она? Мать-одиночка? Разведенка с двумя детьми? Невеста без... визы? Она не знала, для чего примеривает на себя все эти статусы, в то время как, в принципе, ненавидела любого рода статусы. Фразы типа «в твоем возрасте такое уже не носят» дико раздражали ее. Ей сразу хотелось надеть что-то подростковое и еще раз побриться наголо. Она всегда была за свободу выбора, независимо ни от чего.

После очередного разговора с Ричардом она чувствовала себя на цирковом колесе, на котором ей все труднее было балансировать. Она по-прежнему радовалась, слыша его голос и видя его лицо, но никак не могла избавиться от ощущения, что вот-вот упадет со своего воображаемого колеса, и ругала себя за то, что так долго тешит себя иллюзиями.

«Вот висели же у меня в моей старой комнате на стене хорошие слова «Перестань выдавать желаемое за действительное!», и зачем я выбросила эту бумажку при переезде, — ругала она себя. — Годы идут, а характер не меняется. Хоть снова пиши...»

От грустного настроения ее всегда отвлекали детские разговоры. У Риты ближе к трем годам тоже стали возникать мысли о браке. Она неожиданно решила выйти замуж за брата.

— Мама, я выйду за Гошу замуж! — поставила она Леру перед фактом.

— Почему за Гошу? — решила сначала уточнить мама.

— Ну мы же с ним дружимся! — как будто удивляясь материнскому вопросу, ответила девочка, смешно выговаривая звуки.

— Доченька, Гоша твой брат, ты с ним дружи, а замуж лучше за кого-нибудь другого выйдешь, — дала Лера совет насупившемуся ребенку.

Рита подумала несколько секунд и приняла решение:

— Тогда за дядю.

Тема с замужеством продолжалась не так долго, Лера однажды попыталась воспользоваться этим ее желанием, когда сопливая девочка капризничала и не давала закапать в нос.

— Будешь сопротивляться, замуж не пущу! — в шутку пригрозила ей она.

— Хоцю замус! — разревелась дочка.

Через пару дней в ребенке, видимо, произошла переоценка ценностей. Она вдруг сказала:

— Не хоцю замус.

— Передумала?

— Да, пейидумала.

«Может, и мне передумать?» — вдруг пришло в голову Лере.

Но Ричард ее опередил. Он не выходил в скайп три дня, и она уже начала волноваться, что что-то случилось, но вскоре от него пришло сообщение о том, что он отправил ей письмо. Лера нажала «зайти в почту», уже предчувствуя, что вряд ли Ричард написал что-то позитивное. Глубоко вдохнув, она стала читать. Письмо почему-то было на русском, Ричард решил перевести его самостоятельно с помощью google-переводчика, отчего местами оно выглядело весьма комично.

«Лера. Я начну с этого говорю вам, что я люблю тебя, я всегда буду любить тебя. Моя проблема, мне грустно, я не знаю, что законы иммиграции были, как они. Я хотела, чтобы мы были вместе. Вместе с тем, как эти законы мы должны вступать в брак, этому я не готова. Я был женат дважды и оба раза мое сердце было разбито. Сейчас в моей голове: «Я не хочу брака и я не готов быть отцом». Потому что я решил не жениться вы не будете иметь правовой работы в США. Я не хочу, чтобы вас удержать в жизни, я хочу, чтобы найти кого-то, кто любит вас, и вы можете любить. Кто-то, что будет там с вами не за тысячи километров. Я хочу счастья для вас.

Пока я купить дом, я не могу купить билет для вас и дети летят ко мне. Это последний год для меня сохранить, чтобы купить дом и я не могу тратить ничего, пока я достижения этой цели. Я должен иметь безопасный дом.

Жизнь через Skype было здорово, когда мы думали, что может быть будущее для нас. Но все изменилось. Я так грустно, я никогда не хотел причинить тебе боль. Мне так жаль. Это так тяжело смотреть на тебя и говорят, что эти вещи...» — на этих словах письмо заканчивалось.

Прочитав эти три абзаца, Лера долго сидела в ступоре. Жизнь снова дала крутой поворот. «А был ли мальчик-то? Может, мальчика-то и не было?» — закрутились в ее голове слова из фильма, который смотрела в детстве. Эти слова глубоко отпечатались у нее в голове, потому что часто крутились в мыслях у самого героя.

Был ли у нее Ричард? Или были одни иллюзии, которые, как традиционно происходило в ее жизни, рухнули в одночасье? Мо-

жет, лучше так, чем приехать с детьми в Америку и каждый день видеть, как ему трудно с нами? Неизвестно, как бы там вообще сложилась жизнь... Все ведь к лучшему, да? Этими вопросами она продолжала вытаскивать себя из транса, как Мюнхгаузен из болота тянул сам себя за косичку. Все это сильно напомнило ей давнюю ситуацию с Виктором, когда тот категорично заявил, что ей нужно сделать аборт. «Да Ричард ведь его протеже! Чего и следовало ожидать... — неожиданно подумала Лера. — Сердце-то все-таки оказалось не львиное...»

Это письмо тоже было своеобразным абортом. Абортом чувств, которые она испытывала к его автору. И иллюзий, что питала почти год. Хотелось ли ей замуж по-настоящему или, как Рита, она бы тоже скоро передумала?

Всегда легче, когда сама принимаешь решение, но когда все решили за тебя, трудно отделаться от мысли, что ты — пустое место. Побоялся поговорить в скайпе, написал письмо... Да, такое, конечно, легче написать, чем сказать, — не видишь глаз собеседника. Не так страшно произнести.

Ей не стало легче от слов, что он всегда будет любить ее. Зачем он это написал? Откуда он знает, что всегда? Купит дом, найдет подходящую девушку, та наведет там уют... Все у него будет хорошо. Она не знала, что ему ответить, и написала первое, что пришло в голову:

«Спасибо, что сказал это сейчас. Давай попробуем быть счастливы по отдельности».

Выключив компьютер, она еще какое-то время сидела, обхватив голову руками и погрузив пальцы в волосы. Она вспоминала свой страх в самолете, когда летела к нему в гости, свои сомнения по поводу того, захочет ли он стать детям отцом в полном смысле этого слова...

— Мама, что случилось? — подошел к ней сын.

— Не хочу замуж... — ответила она. — Больше — не хочу. И влюбляться ни в кого не хочу.

— Пейидумала, мам? — звонким голоском спросила ее дочка, не отвлекаясь от игры с куклами.

— Передумала, — всхлипнув в последний раз, улыбнулась «мам».

Дочь, похоже, переняла ее любовь к цитированию, процитировав на этот раз ее саму.

— Ну и не надо замуж, — уверенно сказал Гоша, в свои неполных пять лет. — Нам и так хорошо. Втроем.

— А как же Желтый папа? — погладив его по голове, поинтересовалась Лера.

— Он будет наш друг, — сказал мальчик, глядя своими умными серыми глазами прямо ей в глаза. В этот момент они были так похожи на глаза того, о ком она старалась не вспоминать!

Она обняла Гошку и подумала, что вот он — единственный мужчина, которого она будет любить всегда, несмотря ни на что. Он — настоящий рыцарь ее сердца. Память о другом рыцаре, который струсил.

Рыцари приходят и уходят, а рыцарята всегда остаются с покинутой дамой сердца. Она улыбнулась своим мыслям, подняла вверх правую руку, резко опустила вниз и мысленно спрыгнула с колеса, на котором старательно балансировала в последнее время.

— Зачем ты так сделала, мам? — поинтересовался мальчик.

— Сбросила все плохое.

— Правильно, — очень серьезно сказал он.

***

Снова наступило восьмое марта — день, пять лет назад унесший жизнь Лериной подруги Ольги. Утром Володя с Петькой заехали за ней, чтобы поехать на кладбище. От мальчика ничего не скрывали, и хотя он звал мамой Наташу, всегда помнил, что у него была еще одна мама. Петя никогда не говорил о том страшном дне, когда не стало его родной мамы, но рана в его душе осталась на всю жизнь. О родном отце, по вине которого он остался круглым сиротой, ребенок никогда не спрашивал. В общем, вел себя, как взрослый.

— Петька, каких купим для мамы Оли: белых или вот этих, розовых? — показывая на искусственные цветы, советовалась с крестником Лера.

— Белых. У нее были белые в тот день, — выбирая из ведра понравившиеся цветы, спокойно сказал ребенок. — Она их хотела бабушке подарить на 8 марта.

Лера многозначительно посмотрела на Володю: «Он помнит?» — спросил ее взгляд. — «Да», — ответил его.

Наташа осталась дома с младшими девочками. Они не рассказывали Любочке о случившемся, чтобы не травмировать ребенка: в пятилетнем возрасте еще трудно понять, как возможно, что одна мама — рядом, а другую она уже никогда не увидит. К тому же этот печальный день совпадал со днем рождения малышки, и они со своей новой мамой и младшей сестренкой готовили праздничный стол.

— Вот я сейчас думаю, Вовка, стоит ли рассказать Гошке все как есть про его отца, чтобы в будущем не было травмы? Как думаешь? — решила она посоветоваться с другом, когда они уже сидели на лавочке рядом с могилой Оли.

— Не знаю... Мы с Наташей приняли решение пока ничего не говорить Любе. Петька сестре тоже ничего не рассказывает, — кивнул он в сторону десятилетнего мальчика, который старательно втыкал цветочки в слегка замерзшую землю. Гошка с Маргошкой старательно ему помогали. С фотографии на памятнике на детей смотрело лицо молодой светловолосой женщины: улыбающейся и полной надежд.

— Могла ли я подумать, фотографируя тогда Олю, что эта фотография окажется здесь... — покачала головой Лера.

— Никто ничего не может знать заранее. С того дня я свято верю в то, что у каждого человека есть судьба, ибо до сих пор не понимаю, каким чудом пять лет назад остался жив.

Володя с Лерой налили детям сока, сделали по бутерброду и положили на салфетке на маленький столик. На могилу они, по традиции, покрошили печенья и положили конфет. Со всего кладбища тут же слетелись воробьи и вороны и терпеливо ждали, когда гости уйдут, не решаясь начать трапезу при них.

— А я все-таки думаю, что надо Гошке все рассказать как есть. Для него сейчас это не будет иметь большого значения, потому что он мало что поймет, но сама мысль эта органично вплетется в его подсознание, и когда он вырастет, это уже не будет для него новостью и, соответственно, травмой.

— Профессионально излагаешь, — улыбнулся Володя. — С психологом советовалась?

— Я с давних пор сама себе психолог. Еще подруги иногда помогают, в душеспасительных беседах. От резких жизненных поворотов уже выработалась такая удивительная способность перенастройки себя, что диву даюсь. Буквально за считанные дни могу полностью изменить направление мыслей. По идее, я сейчас должна страдать из-за рухнувших планов, и как ты думаешь, страдаю?

Володя пожал плечами.

— Переживала первые два дня. А потом перенастроила себя на совершенно новый лад. Нашла столько плюсов в том, что ничего не случилось, что даже обрадовалась, что все произошло именно так! И даже в ситуации Гоши с его отцом плюсы нашла, хотя после встречи с Витей это осталось единственным моим гештальтом.

— Это что еще за фрукт?

— Говоря житейским языком, психологическая ситуация, которая еще не завершилась для тебя и не дает спокойно спать. Вот и вижу сны о том, как они встречаются.

— Ну и какие же плюсы ты нашла в этом, как его... гештальте? — полюбопытствовал Владимир.

— Честно говоря, только один. Но интересный. Есть о чем книжку написать! Повествование, основанное на личных переживаниях, всегда искреннее и получится гораздо достовернее, чем если что-то выдумывать. Можно рассказать истории разных людей, объединив их какой-то одной идеей. А книгу посвящу Оле, — погладив портрет подруги ладонью и заодно стерев пыль, сказала она. — Жаль только, она никогда не прочтет...

Они посидели еще немного и поехали домой к Володе и Наташе, Лера обещала ей помощь с приготовлением праздничного

ужина. В подарок для своей крестницы она везла большой набор игрушечной посуды, про который Люба ей поведала, что это ее мечта. Девочка росла очень деловитой, постоянно спрашивала Наташу «Мама, чем тебе помочь?», заботилась о младшей сестре и даже иногда пыталась командовать старшим братом.

Вторая часть дня восьмого марта была намного веселее первой. Наташа пригласила несколько ребятишек из Любиного детского сада, а Лера устроила веселые конкурсы, чтобы как-то занять детей, которых в сумме набралось десять. В конце концов детям включили мультики, чтобы взрослые тоже могли отдохнуть.

Для Володи, Леры, Петьки и родителей Оли, которые регулярно навещали внуков и брали их к себе, этот день теперь навсегда разделился на две части. Каждый из них восьмого марта радовался, глядя на нарядную и смеющуюся Любочку, но в сердце каждого из них была грусть, ибо все в этот день вспоминали о том, что случилось пять лет назад. И лишь благодаря Наташе, которая создала такой удивительно теплый семейный очаг и заменила осиротевшим детям мать, это чувство не было таким печальным. А из-за того, что она была и внешне, и по характеру очень похожа на Олю, возникала иллюзия, что та как будто снова жила на свете.

***

На следующий день после визита на кладбище Георгий и Маргарита неожиданно заболели. Они вдвоем лежали на диване с симметрично торчащими из подмышек градусниками и в хорошем настроении. Ведь повышенная температура означала, что завтра не надо будет идти в детский сад. Кроме нее, у детей на теле появилось странная сыпь.

— Мам, вызови врача! — театрально вздохнула Рита.

— Вызову, вызову, вот температуру измерю и вызову, умная ты моя. Говорила вам вчера на кладбище — не снимайте перчатки, руки замерзнут! Кто меня слушал?

— Никто, — вздохнул, в свою очередь, Гоша.

— Вот именно! Никто! — сердилась Лера. — А теперь маме вас лечить как минимум неделю и на работу не ходить.

По детским лицам было видно, что этот факт их совершенно не огорчает.

— Смотри, мам, из таблетки души выходят! — Гошка как зачарованный наблюдал за растворяющейся шипучей таблеткой от температуры.

При осмотре выяснилось, что вчерашняя погода и снятые перчатки здесь совершенно ни при чем, — у детей обыкновенная ветрянка.

— Хорошо, что они заболели ею сейчас, — сказала доктор. — Во взрослом возрасте ветрянка переносится намного тяжелее, известны даже смертельные случаи.

— Ого! — ужаснулась Лера. — Выходит, и в ветрянке можно найти плюсы?

— Да, и хорошо, что сразу оба заболели — отсидите дома — и на свободу, — улыбнулась участковый педиатр. — А так бы второй гарантированно вскоре заболел. В какой они детский сад ходят?

Доктор записала номер детского сада, чтобы передать туда сведения о заболевших с целью организовать в их группах карантин по ветрянке.

— Как все серьезно, — сказала Лера.

— А как же! Инфекционное заболевание! Вы сами-то в детстве болели? Если да, то вам бояться нечего.

— Кажется, да.

— Уточните у мамы.

Позвонив матери и узнав, что ей бояться нечего, Лера попросила ее купить то, что выписала врач. Заболевание лечилось очень просто: надо было ежедневно смазывать имеющиеся и появляющиеся высыпания зеленкой и надевать свободную одежду. Несмотря на сопротивления, Гоше пришлось надеть Ритино платье, которое ей отдали на вырост. После очередного помазания они стояли перед зеркалом и смеялись, показывая пальцем друг на друга.

— Какая смешная болезнь, мам! Я как зеленый мухомор! — хихикала Рита. Болячки были у нее и на голове, и зеленка на ее светлых волосах смотрелась особенно ярко и пятнисто.

— Мы с тобой два зеленых мухомора! — поддакивал Гошка.

Их температура исчезла буквально на следующий день и наступило счастье: можно было играть, листать книжки, смотреть мультики и — что было особенно радостным для Гошки — мама не говорила фразу, начинающуюся словами «А пойдемте сегодня...» Рита, в отличие от него, была совсем другой, она начинала день с вопроса: «А куда мы сегодня пойдем?»

Честно отсидев дома десять дней, Лера с детьми отправилась на прием к врачу. В гардеробе поликлиники она вдруг заметила знакомый профиль. Одна женщина, что-то сосредоточенно искавшая в своей сумке, была очень похожа на жену близкого друга Артема. Лера не видела эту даму со времен их свадьбы и уже забыла, как ее зовут. Помнила лишь имя ее мужа — Миша. Вдруг подумав, что она может стать ниточкой к тому, чтобы Артем, наконец, увидел их сына, и в тот момент даже не вспомнив о его грубом письме, Лера подошла к женщине и сказала «привет».

Первые несколько секунд та вглядывалась в нее сквозь очки, пытаясь припомнить, и вдруг прозрела:

— Здравствуй, Лера!

Лере стало ужасно стыдно за то, что не может вспомнить ее имя.

— Как поживаешь? — продолжала она. — Как ты оказалась в этой поликлинике?

— Да вот, пришла детей выписывать в детский сад.

— О, у тебя дети?

— Да, причем, если ты внимательно поглядишь на одного из них, может, он напомнит тебе кого-то... Правда, он сегодня немного в гриме, но это пройдет, — засмеялась Лера.

Безымянная знакомая обратилась к Гошке:

— Привет, ветрянкой болеешь?

Мальчик кивнул.

— А это чудо с зелеными волосами, — она кивнула на Риту: — дочка?

— Да. Георгий и Маргарита.

— Красивые имена. Да... Георгий просто копия. Но нам Артем ни слова о нем не говорил.

— Я этому нисколько не удивлена. Он отрицает его как факт.

— Грустно.

— Не то слово.

— Да ты поднимись на третий этаж, там Миша сидит с детьми. А мне уже на работу надо бежать. Мы же с ним, кстати, развелись, знаешь? — ей явно хотелось поговорить об этом, но время поджимало. — Мы теперь просто родители, а друг другу никто. Он, как выяснилось, еще не нагулялся...

— Откуда же мне знать, что вы развелись... — развела руками Лера. — У вас тоже мальчик и девочка? — поинтересовалась она.

— Да. Мальчик родился в день города! — похвасталась Мишина жена.

— Да ты что? Вот это да! — Лериному удивлению не было границ. — Гошка ведь тоже в день города родился! Прямо на трехсотлетие! Нам ведь даже квартиру поэтому дали.

— Повезло вам, нам не дали, — вздохнула ее собеседница. — Мы на год раньше. Так и ютимся все в однушке. Хоть, слава Богу, папа от нас к маме своей переехал. Да ты пойди, пойди, поговори с ним... — подталкивала она.

Они обменялись телефонами, и Лера записала ее в список как «жену друга Артема Миши», проклиная свою дырявую память и надеясь у самого Миши уточнить, как зовут мать его детей.

— Все, я побежала. Пока, детишки, — Женщина намотала шарф, сверкнула очками и скрылась в дверном проеме.

Лера помнила Мишу очень серьезным молодым человеком в модных очках, который смеялся только над очень умными шутками. Она даже немного боялась к нему подходить, внутри нее сидел страх, что после первых двух фраз он подумает: «Какой умный все-таки Артем, что развелся с этой дурой». Но необъяснимое до сих пор неистребленное желание навести мосты с тем, кто для себя давно их сжег, все же победило.

Миша сидел на третьем этаже поликлиники рядом с игровой комнатой и читал газету «Деловой Петербург». Помнится, Артем рассказывал, что они именно там и познакомились. Михаил

был его начальником, они проработали вместе около года. А когда Артем уволился из «ДП», то перешел работать в «Калейдоскоп», где у них и завертелось...

— Привет, Миша, ты меня помнишь? — от его неузнающего серьезного взгляда из-под очков у нее внутри все сжалось.

«Зря я сразу на ты», — поругала она себя. С годами друг Артема стал выглядеть еще солиднее, а она всегда боялась таких серьезных лиц.

— Простите? — не узнал он ее.

Он был явно недоволен тем, что его отвлекли от чтения.

— Я Валерия, бывшая жена Артема.

«И зачем я назвала свое полное имя, раз сама на “ты”?» — продолжала она внутреннее самобичевание.

Михаил нахмурился, как будто для начала пытался припомнить, кто такой Артем.

— А!.. — озарило его через несколько секунд. — Здравствуйте, Валерия, — произнес он тоном «и что дальше?»

— Можно на ты, — пытаясь наладить контакт, с улыбкой сказала она.

— Хорошо.

Она совершенно не знала, что говорить дальше, и внутренне ругала себя за то, что вообще подошла. «Сколько уже раз решала, что все, не буду лезть, не буду! И на тебе — опять лезу... Уже через посредников», — мысленно стучала она себе кулаком по лбу. Ее спасло появление Мишиной жены. Та вбежала на этаж по ступенькам и, запыхавшись, схватила забытый зонтик.

— Миша, ты вспомнил Леру? — произнесла она. — Представляешь, оказывается, у Артема сын есть, — смотри! — женщина потянула за руку Гошку, прячущегося за маму. — Даже генетический тест делать не надо, копия! Ну все, я побежала, — и она снова прощально сверкнула очками.

Лера мысленно поблагодарила ее за то, что та избавила ее от долгой подводки к тому, что она хотела сказать, выпалив все за десять секунд, но волновалась теперь о том, что подумает ребенок. Но по виду Георгия не было похоже, чтобы он хоть что-нибудь понял.

— А... — задумчиво произнес друг Артема. — Вот, значит, как. Ну, понятно. Да, он говорил мне что-то про то, что не знает, как от тебя отделаться, что ты ему пишешь, сочиняешь что-то об общем ребенке...

— Так и говорил?

— Да, что-то такое, я не вникал, — немного растягивая слова, произнес Михаил. Ему явно хотелось продолжить читать газету.

— Ну, что ж... — она опять не знала, что сказать дальше. — Миша, мне ужасно неудобно, но я забыла, как зовут твою жену.

— Карина. Что, совсем нас не помнишь уже? — похоже, это было в его манере — немного растягивать слова. Он, наконец, улыбнулся.

— Столько лет прошло... — редактируя ее имя в телефоне, оправдалась Лера. — Я не знала, что вы рядом живете. И о том, что развелись — тоже не знала.

— Да. Вот — пасем детей, по очереди, — Миша начал шутить, и это было знаком, что он расположен продолжить общение. — А живем мы не рядом, просто водим раз в год детей сюда на обследование к знакомому аллергологу.

Заняв очередь к врачу, они отправили детей в игровую и сидели у двери, иногда заглядывая внутрь, чтобы убедиться, что все в порядке. Дочке Миши и Карины Насте было восемь лет, а сыну Ване — шесть, у них тоже было ровно два года разницы в возрасте, как у Гоши и Риты. Дети с удовольствием играли вместе в игровой комнате, где были только они вчетвером. Рите нравились девочки с длинными волосами: она обожала заплетать косички, чем тут же, с позволения Насти, с удовольствием занялась. Мальчики, близкие по возрасту, устроили на полу автомобильные гонки.

Михаил был тоже удивлен, узнав, что мальчишки родились в один день, с годом разницы.

— Это, наверное, потому, что вы с Артемом — друзья, и у вас много общего, — пошутила Лера. — И ваши дети это почувствовали еще в материнской утробе.

Шутка, видимо, была не слишком умной, потому что Миша улыбнулся так слабо, что Лере захотелось провалиться как минимум на второй этаж. Этот разговор давался ей весьма непросто. По ходу у нее возникла идея предложить отметить общий день рождения мальчишек вместе. Втайне она надеялась, что они в качестве гостя пригласят и Артема. Ей все еще, несмотря ни на что, казалось, что, если он хоть раз увидит Гошку, не сможет остаться равнодушным. Но предложить это она так и не решилась. Когда над дверью кабинета участкового врача мигнула лампочка, она поспешила на прием, а когда вышла — ни Миши, ни детей уже не было.

«Ну, оно и к лучшему. Не судьба», — с облегчением вздохнула Лера.

Но судьба просто дала отсрочку. Придя на следующей неделе в поликлинику уже к другому врачу, Лера снова встретила в игровой Михаила с детьми. И на следующий день — снова. За эти три случайные встречи его взгляд из-под модных очков значительно потеплел.

— Дай-ка я запишу твой телефончик, может, когда соберемся с детьми на дачу, вас позовем на шашлыки, поедете с нами? — неожиданно предложил он.

— Конечно! — легко согласилась Лера, обрадовавшись его приглашению.

При близком рассмотрении Миша оказался вовсе не таким напыщенным и заумным, каким казался со стороны: за его внешней солидной оболочкой скрывался балагур, весельчак и любитель приключений, готовый сорваться куда угодно по первому зову. Причем чаще этот зов исходил от него самого. Это качество очень импонировало Лере, и именно из-за него он и стал ее верным спутником — теперь они проводили вместе все выходные: ходили в кино, театр, заходили покормить детей в кафе и ездили к Мише на дачу. Всегда вшестером: он, она и четверо их детей, быстро сдружившихся между собой.

Михаил поделился с ней причинами развода с женой, Лере было приятно такое доверие. Карина не смогла простить ему од-

ной гулянки, в которой, как оказалось, участвовал и Артем. Вскоре Лере стала замечать, что Миша смотрит на нее уже не просто как на жену друга, забрасывающую беднягу странными неправдоподобными письмами.

«Да нет, наверное, мне все-таки кажется...» — думала она.

Приближался май, а с ним и детские дни рождения, и Лера начала задумываться, как их отмечать. Чтобы реализовать ее первоначальную идею, ей нужно было поговорить с Кариной, ведь, несмотря на то, что все выходные дети проводили с отцом, именно их мама устраивала праздник. Лера так и не собралась позвонить ей и предложить объединить дни рождения и решила сказать об этом сначала Мише.

Но вышло так, что ничего не вышло. Симфонический концерт, на который они отправились вдвоем в начале мая, спутал все карты. Лера наверняка отказалась бы от билетов, что дали их отделу по бартеру, потому что постоянно засыпала на симфонических концертах, но узнав, что Михаил любит классическую музыку, решила его пригласить. Это был первый раз, когда они остались без детей.

На этот раз она изо всех сил старалась бороться со сном, но глаза подло закрывались сами собой. Она клевала носом и в какой-то момент все-таки задремала, прислонившись к плечу своего соседа, и проснулась от того, что он нежно гладил ее по голове... С виноватой улыбкой взглянув на Михаила, в его глазах она прочла, что ей ничего не кажется и сегодня, скорее всего, он скажет ей что-то, что давно хотел.

Выпив в антракте кофе, Лера стоически бодрствовала все второе отделение. Выйдя на улицу, она взглянула на дисплей телефона, где было два пропущенных звонка от Карины. Тут же раздался еще один.

Позже она несколько раз прокручивала в голове этот телефонный разговор.

— Привет, Лера, это Карина, — произнес взвинченный голос в телефонной трубке. Карина впервые набрала ее номер с тех пор, как записала его в поликлинике. — Ты случайно не знаешь, где Миша?

— Миша рядом.

— А почему у него выключен телефон?

— Это Карина, она спрашивает, почему у тебя телефон выключен, — обращаясь к своему спутнику, спросила Лера. Тот, слегка поморщившись, сделал жест рукой, означающий «лесом!» Лера поняла, что объясняться придется ей. — Просто у нас в редакции было два лишних билета на концерт, я пригласила Мишу, видимо, он выключил, чтобы случайно не зазвонил.

Она взглянула на своего спутника. Тот курил в сторонке, делая вид, что разговор его не касается. Судя по всему, он не планировал разговаривать со своей бывшей. И вскоре Лера поняла, почему. После длинной тирады с эпитетами о том, что бывший муж бросил детей на бабушку и, ничего ей не сообщив, свалил на концерт, она вдруг спросила Леру:

— А ты вообще знаешь, что он болен? — это прозвучало так, как будто с Мишей происходило что-то страшное, о чем он умолчал.

— Чем? — испугалась та, сразу вспомнив все известные ей болезни с летальным исходом.

— Чем болеют после гулянок, — хмыкнула трубка. — Так что ты там поосторожней, — произнесла Мишина бывшая дерзко-заботливым тоном.

— Карина, между нами ничего нет, мы просто друзья, — заверила Лера, пытаясь ее успокоить.

— Ну, конечно, конечно... Все время вместе, на дачу ездили... Меня уже год туда не берет. Только детей.

Она еще много говорила того, чего Лере не хотелось бы слушать, но прервать этот эмоциональный монолог она не решалась и лишь иногда смотрела на Мишу, который курил уже далеко не первую сигарету. Лера представила себя на его месте, и ей вдруг стало жалко его. Вот так, легко и непринужденно, бывшая жена может разрушить любые надежды. Но, с другой стороны, что ему помешало самому взять трубку и тем самым избавить ее от лишней информации и не портить вечер им обоим? Ведь он наверняка знал, что может сказать Карина.

В какой-то момент Лера отвлеклась от того, что звучало в трубке, и вспомнила о том, какой сама была бывшей женой. Она мысленно оказалась в Таврическом саду шесть лет назад, где приревновала Артема к его пассии, с которой тот побеседовал по телефону, скрыв свое истинное место пребывания. Забавное совпадение, ведь это тоже было после концерта. Правда, на концертах Земфиры она никогда не спала. Лера вспомнила, как тогда, под влиянием алкоголя и нахлынувших эмоций, спровоцировала близость, после которой у нее родился Гошка. Такую сильную ревность она испытала всего один раз в жизни. Да... удивительная штука — ревность, от нее, бывает, даже дети рождаются. Ей стало смешно от собственных мыслей.

Когда она снова включилась в разговор, Карина распалила себя до такой степени, что, в конце концов, бросила трубку, пожелав счастья им обоим. Перезванивать и пытаться что-то объяснить было бессмысленно, да и зачем? Никаких планов на совместный детский день рождения, естественно, быть уже не могло. Лера снова поблагодарила судьбу за то, что та мешает ей воплотить в жизнь ее дурацкий план. Выдохнув и мысленно сбросив с себя негатив, который на нее только что вылили, она с укором посмотрела на Мишу, но тот лишь пожал плечами.

— Она тебе, наверное, сказала, что я болен?

— И это тоже...

— Не верь. Она всем это говорит. От обиды.

— Ее чувства можно понять, — ответила Лера.

— Это ты, наверное, из женской солидарности, — успокоил он себя и, затушив очередную сигарету, снова с нежностью взглянул на нее.

Лера поняла, что если бы даже испытывала к нему что-то большее, чем дружеские чувства, то теперь бы еще десять раз подумала, прежде чем давать им ход. Все-таки с его стороны было очень безответственно перекладывать этот разговор на нее.

Ей стало жалко их обоих. Она помнила, какой они были солнечной парой, как зажигательно вели себя на их свадьбе с Арте-

мом, помогая устраивать конкурсы. Может, оно и лучше — вообще не общаться, чем так отравлять жизнь друг другу? Но дети... Как быть с ними? Они связали этих недовольных друг другом людей навсегда.

«А я, вместо того, чтобы поблагодарить Бога, что избежала такой участи, еще думаю о том, чтобы сознательно влезть в эту петлю. Не-не-не... Даже не думай!» — в очередной раз приказала себе она.

***

Это были первые выходные за полтора месяца, которые они с Мишей провели по раздельности. Он позвонил и сказал, что Карина попросила отвезти ее с детьми на дачу.

— Но я с ними не останусь, в воскресенье их оттуда заберу. У меня дружеская встреча в субботу вечером, кстати, могу потом к тебе заехать, но это поздно будет, около полуночи. Ты еще не будешь спать? — уточнил он.

— Наверное, уже буду, — ответила Лера. Она быстро прокрутила в голове все варианты развития событий, если он придет так поздно. Их было не так уж много. Чем заведомо попадать в неловкую ситуацию, она решила ее избежать.

— Ну, я все равно позвоню, на всякий случай, — Михаил был настойчив. — Если трубку не снимешь — значит, уже спишь.

— Хорошо, — ответила она, подумав, что не снимет ее в любом случае.

В субботу, укладывая детей спать, Лера выключила телефон.

— Мам, а давай купим птичку, — вдруг предложил Гоша, когда Рита уже заснула.

— Какую? — удивилась Лера. — Волнистого попугайчика? И научим разговаривать?

— Да! Давай? — обрадовался ребенок. — В садике в нашей группе есть один попугайчик, Кеша. Он все время в клетке сидит, а мне хочется, чтобы он летал.

У Леры за ее детство переменилась масса всякой живности: рыбки, лягушки, попугаи, кошки... Кошки охотились за рыбка-

ми и ели попугаев, лягушки выпрыгивали из аквариума на пол и шлепали в другую комнату, пугая бабушку. Помня свое неистребимое детское желание, чтобы в доме всегда было что-то живое, она легко дала согласие завести птичку.

— Давай. Можно прямо завтра с утра поехать на Кондратьевский рынок и купить. А почему ты именно птичку хочешь? Обычно дети просят собаку. Ты почему не просишь собаку, а? — в шутку строго спросила она сына.

— Мне нравится, как птицы летают. Я во сне часто вижу, как летаю.

— Говорят, когда снится, когда летаешь — значит, растешь. Мне тоже иногда снится, что я летаю над землей. Правда, невысоко совсем.

— А я высоко, в облаках. Мам, а давай к бабе Рите в этом году на самолете полетим! Мы же еще ни разу не летали на самолете. Они ведь летают в облаках?

— Над облаками...

— Над облаками... — мечтательно повторил мальчик.

У Леры уже были взяты билеты на поезд на тридцатое мая, сразу после детских дней рождения. С тех пор, как родился Гошка, они ездили к бабушке каждое лето. Добирались сначала до Москвы, а потом пересаживались на другой поезд. С вокзала на вокзал им неизменно помогал перебираться ее друг детства, тот самый, что показался Гоше похожим на таинственного Желтого папу, когда у них еще не было их любимой игрушки.

Дети любили ездить в поезде, потому что мама там разрешала им есть лапшу быстрого приготовления, которая им страшно нравилась. Поездка в Сибирь туда и обратно сжирала почти неделю времени от четырехнедельного отпуска, что не слишком радовало Леру, но в поезде она отдыхала и к тому же билеты на детей, пока им не исполнилось пять, были бесплатными. В этом году на пятилетнего Гошку уже пришлось брать детский билет. Но на самолет билеты получались гораздо дороже, потому что детские требовались уже с двух лет. А так как детей было двое, в сумме получилось дороже раза в два с половиной.

— Мы с тобой летали, когда ты был совсем маленьким, ты просто не помнишь, — ответила она сыну. — На самолете, конечно, хорошо, быстро. Но билеты дорогие, у нас столько денег нет.

— Все время у нас денег нет... — вздохнул ребенок.

— Ты мне недавно сказал во сне, что деньги потерялись, — засмеялась она тихонько.

— А на попугая нам хватит? — озабоченно поинтересовался Гошка.

— На попугая хватит. И даже на не очень дорогую клетку должно хватить.

— Хорошо, — успокоился мальчик. — Но мы будем его из клетки выпускать, пусть летает! Да, мам?

— Да, да... Пусть. Спи давай, — она потрепала его по макушке и поцеловала на ночь. Гошка изо всех сил зажмурил глаза и продолжил думать. Он вообще все время думал, будто вспоминал о чем-то. Лера решила еще немного посидеть на краю его кроватки, пока сын не уснет.

— Мам, — вдруг произнес он. — А у людей бывает прошлая жизнь?

— Не знаю. Некоторые думают, что бывает. Что это ты вдруг об этом спрашиваешь?

— Мне кажется, она у меня была.

— И кем ты был в прошлой жизни?

— Наверное, птицей. Я помню, что много летал.

— А какой птицей? Большой или маленькой? — решила уточнить Лера для поддержания разговора.

— Маленькой. Это Илья был большой.

— Это все из того же твоего сна?

— Я думаю, может, это был не сон. Сны люди забывают, а я это не забываю.

— Если это был не сон, значит, ты знал меня до рождения. Потому что ты однажды рассказал то, что не можешь помнить. Где я жила до того, как ты родился. Там было оранжевое окно. Я сама его покрасила в оранжевый цвет. Оно было единственным таким во всем доме.

— Я тогда долго искал тебя и нашел это окно. Ты была с каким-то дядей, он ушел, и ты плакала, — рассказал ребенок. — Кто был этот дядя, мам? Чем он тебя обидел?

Лера оцепенела. «В это невозможно поверить... — пронеслось у нее в голове. — Но ведь он это говорит! Ну откуда он знает о том, как я плакала, в очередной раз закрыв дверь за его папой? Этот ребенок точно послан мне Богом, поэтому он и помнит о том, чего не может знать. Может, это и есть момент истины? Взять и рассказать ему обо всем, ведь он задал прямой вопрос. Зачем что-то сочинять, ведь еще неизвестно, будет ли у него хороший папа, пусть знает, что у него хоть какой-то есть. Где-то...»

— Гошкин, это трудно объяснить. Скажем так, этот дядя помог тебе появиться на свет. А потом ушел по своим делам.

— Как это — помог? — уточнил мальчик. — Он был врачом?

Лера ругнула себя. Она не была готова объяснить пятилетнему ребенку, откуда берутся дети. Рассказывать, как в анекдоте, про пестики, тычинки или бабочек было смешно. И она решила попытаться перевести это на детский язык.

— Нет, Гоша. Просто чтобы на свет появился ребенок, нужно двое людей — мужчина и женщина. Когда они любят друг друга, они на какой-то момент соединяются и образуется маленькая клеточка, которая развивается в животе у будущей мамы, и из нее получается ребенок.

— И это был мужчина, который помог моей клеточке попасть в твой живот?

— Да.

— И родился я?

— Да.

— То есть, это был мой настоящий папа? Желтый? — в голосе мальчика одновременно звучали удивление и надежда.

Лера глубоко вздохнула. Ей было так грустно разочаровывать ребенка! «Маленький ты мой, — подумала она. — Все попытки достучаться до твоего папы привели только к шишкам на лбу. Не настоящим. Таким же не настоящим, как этот папа».

— Знаешь, это так сложно объяснить. Настоящий — это тот, кто заботится и все время рядом. А такой, который просто помог создать клеточку — его вряд ли можно так назвать. Я ему говорила о том, что ты родился, но у него так много дел, что ему не до нас.

— Он далеко живет и не может приехать?

— Что-то вроде того. Далеко и нет времени.

Мальчик вздохнул.

— Жалко...

— И мне жалко. Но ничего не поделаешь. Жизнь — такая штука. Бывает, что у людей не получается то, что они хотят. И получается то, чего они не хотят. Или они не знают, что они хотят на самом деле, и у них получается всякая ерунда.

«Зачем я ему все это говорю? — подумала Лера. — Он еще слишком маленький».

— А я знаю, чего хочу, — вдруг произнес он.

— Вот как? Расскажи.

— Я хочу быть ученым. Хочу пойти в школу, где учат на ученых.

— Ничего себе! — тоном всех на свете мам, которые якобы удивляются тому, что сделал ребенок, сказала Лера. На самом деле в этот момент она думала вовсе не о том, что он сказал, а о том, как же хорошо, что они не стали развивать эту тему.

— Я хочу изучать живую природу, — продолжал Гошка.— И еще я хочу делать механизмы и находить ценные вещи.

— Отсёжосы? — рассмеялась Лера, вспомнив его смешное слово из тетрадки и данное ребенком ему определение. — Которые можно чинить, катать, завязывать и греть?

Гоша улыбнулся, поняв, что мама шутит.

— Так, давай уже спать, — она натянула одеяльце ему до самого подбородка. — Утром поедем купим попугайчика. Будут с твоим вертолетом наперегонки летать. А сейчас — глубокий сон.

— Попугайчик... Здорово! — ребенок снова закрыл глаза.

Мерно похлопывая его по плечу, как делала в детстве ее бабушка, Лера на ходу сочинила маленькую сказку:

— Жили-были аист и цапля. Они полюбили друг друга и поженились, но так как они были очень разными, то часто ссорились по мелочам. То она скажет глупость какую-нибудь, то он. Обижали друг друга почем зря. В общем, глупые и молодые были птицы.

Один раз аист и цапля поссорились так сильно, что решили жить раздельно. Но любовь — штука сильная, и они все равно иногда встречались. Встречались и снова ссорились.

Однажды цапля поняла, что у них скоро вылупится маленький цаплеаист. А аист, узнав об этом, сказал, что ему пора лететь, потому что миссия аистов — только приносить детей.

С тех пор цапля и аист больше не виделись.

— Мам, это ты про нас сочинила? — задумчиво сказал Гоша.

— Догадлив ты не по годам, — потрепала она сына по макушке. — Попугая-то какого цвета хочешь? — она резко сменила тему, решив не возвращаться к тому разговору.

— Не знаю. Выберем такого, который нас полюбит.

— По любящему взгляду будем выбирать, что ли? — тихонько засмеялась она. — Итого, нам нужен: желтый любящий папа — один шт, и любящий волнистый попугайчик — один шт. Ну что ж, будем искать!

— Баба Рита говорит, кто ищет, тот всегда найдет.

— Баба Рита мудрая, к ней надо прислушиваться. Так, все, — взглянув на часы, охнула Лера. — Уже почти полночь! Спи давай. Я лучше пойду, а то мы с тобой болтаем, и ты не спишь.

В это время, оставшись один в баре после дружеской встречи, вместо обычного «алло», набрав Лерин номер, Миша услышал: «Телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

***

В воскресенье перед обедом, когда дети, как зачарованные глядели на клетку с бело-голубым попугайчиком, а их мама жарила свежую, купленную на рынке майскую питерскую корюшку, под окнами начала призывно сигналить чья-то машина. Ми-

нут через пять любопытство вытолкнуло Леру на балкон. Внизу стоял автомобиль Миши. Заметив ее фигуру на балконе, водитель выглянул и помахал ей рукой. Она махнула в ответ, показывая, чтобы заходил.

— О, корюшкой пахнет. Угостишь? Я звоню тебе, звоню со вчерашнего дня, телефон выключен, что-то случилось? У тебя его что, украли? — первое, что сказал Миша, войдя в дверь их квартиры.

— Ой. Я его выключила, когда спать легла, и сегодня забыла включить. Мы с детьми утром на рынок ездили, попугая купили.

— Попугая? Ну, знакомь! — он разулся и прошел в комнату, где сидели дети. — Привет, детишки, как назвали птичку?

— Шалом, дядя Миша, — не поворачивая головы, ответил Гоша.

— Это он так здоровается теперь? — делая большие глаза, удивленно спросил у Леры Михаил.

— Попугая так назвали, — засмеялась та. — Нам на рынке сказали, надо чтобы шипящие звуки в имени были, тогда ему будет легче его выговаривать.

— А традиционное Кеша уже не катит? — продолжал прикалываться Михаил.

— Будешь издеваться, Мишей назовем, — пригрозила Лера. — Чем плохое имя Шалом? Не избито. Это первое, что пришло мне в голову, когда мы ему газетку в клетку стелили. Мама откуда-то притащила газет, одна называлась именно так. Наверное, в синагоге взяла, у нее там недавно был творческий вечер, читала свои стихи об Израиле.

— Понятно все с вами. Шалом так Шалом. Я, кстати, ненадолго. Заехал по дороге на дачу, еду детей забирать. Корюшкой только угощусь, расскажу тебе кое-что и поеду.

— Что-то интересное?

— Думаю, тебе будет интересно. Мы вчера с Артемом встречались. Говорили, в том числе, о тебе.

Лера изо всех сил делала вид, что не так уж ей это и интересно:

— И что? Как вообще обо мне речь зашла?

— Я ему рассказал о концерте, и он стал ворчать, что я не позвал его, и тогда мне пришлось сказать ему, что я был на нем с тобой.

— Как ты, интересно, об этом ему сообщил?

— Да так и сообщил. Меня, говорю, твоя бывшая жена пригласила.

— А он?

— Он очень интересно отреагировал. Вскочил со стула, схватил куртку и хотел уйти.

— Очень знакомое поведение. Ушел?

— Нет, передумал. Наверное, ему, как и мне, некуда было идти в тот вечер. В общем, Лера, он очень на тебя обижен. Сказал, что ты его катком переехала. Ни о каком ребенке и слышать не хочет. Я попытался было заикнуться, что Георгий на него похож, он меня резко оборвал. Много говорил такого, что я даже повторять не хочу. Честно говоря, даже не ожидал, что он так вскинется.

— Ты просто слушал или тоже что-то сказал ему?

— Сказал, конечно. Сказал: тебя, конечно, можно понять, но человек-то она хороший... Мы с ним потом выпили, как и планировали, но между нами как кошка пробежала, когда он узнал, что я с тобой общаюсь. Под конец попросил меня больше не встречаться с тобой, на что я сказал, что не могу обещать. В общем, похоже, на этом дружбе конец. Даже из друзей меня уже успел удалить.

— Мне очень жаль. Я не хотела, чтобы так вышло между вами. Скорее, наоборот, думала, что все, наконец, станут общаться между собой. Иногда я склонна идеализировать самые безнадежные ситуации.

— Этим ты мне и нравишься. Я давно хотел тебе это сказать.

— Я тоже давно вижу в твоих глазах, что ты хочешь мне что-то сказать.

— И я вижу, что ты это видишь, — засмеялся он. — Ты настоящая, понимаешь? Я это не сразу увидел, но когда разглядел, понял, что не хочу тебя потерять.

Слова «ты — настоящая» очень тронули ее. Никто до сих пор не говорил ей такого. Ей стало даже немного грустно от того, что она не может в полной мере ответить ему взаимностью.

— Как друга? — решила уточнить она, вдруг подумав, что, быть может, накрутила себе всякого, а он это вовсе не имел в виду.

— Как друга, как женщину, как жену...

— Ой, — только и нашлась сказать Лера.

— Вот тебе и «ой», — взяв ее за руку, зачем-то перевернув ее ладонью вверх и нежно погладив, сказал Миша. — Подумай, пожалуйста, над моими словами.

— Над какими именно? — уточнила она.

— Про жену.

— Ты все хорошо обдумал? У меня же двое детей.

— У меня у самого двое.

— У них есть мама. Миша... — начала было она...

— Ничего не говори сейчас. Ответь мне... — он задумался, — в конце лета, хорошо? Когда вернешься от бабушки.

— Довольно много времени на размышление.

— Я никуда не тороплюсь. У нас впереди целая жизнь.

От этого «у нас» по коже у Леры пробежали мурашки. Все-таки ее организм, похоже, не принимал этой идеи на физическом уровне.

— Ты же тогда друга навсегда потеряешь, — выставила она довод. — А так, может, еще помиритесь.

— Значит, не друг и был, раз так легко его потерять, — отрезал Михаил. — А Гошку мы и без него воспитаем. Ладно, все, я пошел. Кстати, — вдруг сказал он, уже в дверях, — вы попугая с собой на поезде, что ли, потащите?

— Придется, куда деваться.

— Летите на самолете!

— Ты Гошкины мысли, что ли, читаешь? Он меня вчера о том же спросил. Но, увы, не по карману.

— Я добавлю, сколько надо. Сдай билет на поезд и лети по тарифу «туда-обратно», так будет дешевле.

— Даже не знаю, что сказать.

— Мы договаривались, что до конца лета ты ничего пока не говоришь, — подмигнул он. — А деньги эти можешь считать алиментами. Я потом Артему счет выставлю, — засмеялся Михаил.

— Шутишь, — улыбнулась Лера. — Спасибо тебе огромное. Гошка будет рад. Как смогу — сразу отдам. Может, частями... Или сразу, когда разбогатею.

— Забей, — он слегка чмокнул ее в губы, не настаивая ни на чем большем.

Прикосновение не вызвало у нее никаких эмоций. Они на разных уровнях ощущали друг друга: он сделал ее женщиной мечты, а она его — другом семьи. А это, как говорится, две большие разницы. Но раз он сам не хотел сразу услышать ответ, так тому и быть. «Если что, напишу ему смс из Томска, так будет легче отказать, — подумала Лера. — Да, может, он и сам уже успокоится — с глаз долой — из сердца вон. А деньги за билет отдам потом. В два приема».

— Шалом, дети! — заглянул Миша в комнату, чтобы попрощаться.

— Смотйити, как он кйует зейныски! — залопотала Рита.

— Хорошие все-таки у тебя ребятишки, — прощаясь у двери, произнес Миша.

— Твои тоже. Продолжим дружить домами?

— Надеюсь на большее.

— Я уже поняла. Но... не знаю.

— До конца лета к этому разговору не возвращаемся. Двадцать шестого мая заскочу поздравить обоих с днем рождения. Двадцать седьмого не смогу — Карина дома для Вани праздник устраивает. И как это у тебя получилось родить детей почти в один день?

— Почти снайпер, — засмеялась Лера. — На дне рождения Вани народу много планируется?

— Да нет, только родные.

— Тот, кого я катком переехала, не придет?

— Не может. Лежит расплющенный, — сострил Миша. — Думаю, он больше мне не позвонит. Все, я побежал. Спасибо за

корюшку, очень вкусная. Люблю корюшку, — сказал он и шепотом ей на ухо добавил: — И тебя люблю.

Лера закрыла за внезапным гостем дверь и вдруг ощутила над своей головой ветерок и шелест крыльев. Дети все-таки не выполнили ее утреннего наказа первые дни не выпускать птицу из клетки. Шалом, сделав пару кругов над ее головой, внезапно уселся на самую макушку. Вместе с ним Лера вошла в комнату.

— Мам, у тебя попугай на гойове! — закричала Рита.

— Представьте себе, я это знаю. Кто разрешил вам в первый же день клетку открывать?

— Мам, ну он зе пойитать хотел! — настойчиво сказала дочка.

— Он вам так и сказал?

— Мы это почувствовали, — произнес Гоша.

— Так, чувствительные вы мои, мойте руки и за стол, — распорядилась Лера.

Сев обедать, она еще раз осмыслила их разговор с Михаилом и только сейчас осознала, что произошло. Она снова получила предложение руки и сердца. От друга своего первого мужа, который только что признался ей в любви.

Лера представила лицо Артема, получившего приглашение на свадьбу Валерии и Михаила, и ей стало ужасно смешно. Всего два месяца назад она решила, что больше не хочет брака, и желание ее с тех пор не изменилось. Тем более что представить Мишу своим мужем у нее получалось гораздо хуже, чем лицо Артема, когда он получит такое приглашение.

***

— Ну что, друг мой Гошка, сбылась твоя мечта! — сказала Лера. — На самолете полетим. Над облаками! Вот билеты, — она выложила их на стол. — Спасибо дяде Мише за спонсорскую помощь.

— Ура! — закричал Гошка, схватив билеты. — А где мой?

— Вот — видишь — написано: Георгий Белоконь. Это твой.

Гошка уже знал все буквы и потихоньку начинал читать.

— А это, — продолжила Лера, вытаскивая на стол две коробки, — подарки. В синей обертке — тебе, в розовой — Рите. И сейчас мы собираемся и идем на Диво-остров, где катаемся на аттракционах, а вечером пойдем смотреть салют в день города. С днем рожденья!

— Ура! — сказали дети хором и принялись рвать оберточную бумагу. Лера присела рядом.

В этот момент в комнату из кухни прошелестел Шалом и торжественно уселся на голову имениннику. Гошка встряхнул головой, и тот тут же пересел на соседнюю — к Рите. Когда она сделала тот же жест, птица перелетела к Лере. Они уже неделю играли в эту игру, которую назвали «попугайбол».

— Да, кстати! Совсем забыла. Праздничная шляпа! — Лера сбегала в комнату и вытащила с самой верхней полки шкафа высокую поролоновую шляпу в виде торта с восемью аналогичными свечками. Она купила ее в Сан-Франциско и специально хранила, чтобы достать в детский день рождения. — Носить будете по очереди, — в ответ на Ритино «Мам, дай!» сказала Лера и водрузила шляпу на голову Гошке. — Сначала — старший именинник, потом — младший. Свечек как раз столько, сколько вам вместе лет. Пять и три — восемь.

— Это самый лучший день в моей жизни! — радостно сказал Гошка, сразу приступив к сооружению всяких штук из магнитного конструктора, о котором давно мечтал.

Шалом озадаченно кружил над его праздничной головой, силясь понять своим попугайским умом, что же случилось. Он попытался сесть на одну из свечек, но соскользнул и стал обиженно нарезать круги вокруг люстры.

Рядом радостно улыбалась Рита, ставшая обладательницей кукольного домика для Барби. Это были дорогие подарки. Лера истратила на них все алименты за текущий месяц. Она, конечно, могла бы попросить Олега разделить траты, но он уже второй год даже не поздравлял детей с днем рожденья, оставив для себя только финансовую ответственность за Риту. Теперь, когда новая жена родила ему сына, все остальное перестало для него существовать.

Поначалу Рита часто спрашивала, когда придет папа, иногда просила Леру ему позвонить и спрашивала его: «Папа, када ты пйидесь?» Однажды, взяв трубку во время одного такого разговора, Лера поняла, что тот уже давно положил трубку, а Рита продолжает представлять, что папа все еще ее слушает. После того разговора она заметила на глазах ребенка слезы.

Лера чувствовала, что Олега напрягают ее звонки: часто он просто не брал трубку. Со временем дочка стала все меньше интересоваться, где папа. Их прежние телефонные разговоры остались в прошлом. Но девочка иногда продолжала разыгрывать воображаемые диалоги.

— Привет, пап, как дела? — говорила она молчащей трубке. — Ты же-е-е-енишься? — это прозвучало очень удивленно. Видимо, ребенок слышал мамины разговоры о том, что Олег женился. — А на ком?

— Пусть женится на своем компьютере, — буркнул из угла Гошка. Очевидно, он помнил, как Олег постоянно сидел у монитора.

— Да, да, пап, одень его в белое! — захихикала в трубку малышка.

«Смотри-ка. В три года, а уже такое чувство юмора, даже сарказм. Далеко пойдет!» — отметила Лера.

Они были такими разными — ее дети. Несмотря на то, что родились почти в один день, Рита была непоседой, а Гошка — медлительным и вдумчивым.

Рита со временем полюбила ходить в театр, куда они теперь всегда ходили втроем. Однажды, после очередного детского спектакля, она вдруг попросила Леру:

— Мам, я тоже хочу так — на сцене! Продай меня в театр!

Уточнив сумму, за которую дочка желает быть продана в театр, ее мама сказала, что пять рублей — за такую красивую талантливую девочку — это слишком дешево.

В Маргарите все ярче проявлялись артистические способности. Помимо песен и декламирования стихов, она очень любила наряжаться и танцевать.

— Титафиуй меня! — просила она маму, встав в красивую позу. Слово «титафируй» означало «сфотографируй». Лера послушно доставала фотоаппарат и выполняла дочкину просьбу. «Покази!» — сразу просила та показать фотографии.

Пока сестра пела и танцевала, Георгий научился читать и сразу стал интересовался детскими энциклопедиями. Лера купила ему одну, совершенно случайно, и с тех пор он с ней не расставался.

— Ань, я сегодня так смешно Гошке энциклопедию купила! — рассказывала она в тот же день по телефону. — У меня деловая встреча была днем у метро «Петроградская», стою я у входа, жду человека, а он опаздывает. А мимо по улице коробейник с книжками детскими ходит туда-сюда и ко всем пристает. И где-то минут десять, как ни странно, народу — никого. Вот он ходит и ходит, ходит и ходит... И на меня поглядывает. А я была одета в яркое разноцветное, стрижка короткая, цвет рыжий — вырви глаз, он, видимо, прикидывал, могут ли у такой особы дети быть. И по взгляду вижу — не верит. Но пристать-то больше не к кому, вот он так нерешительно ко мне подходит и говорит: «Может, у вас есть подружка, у которой есть дети...» А я так серьезно ему отвечаю: «А почему вы решили, что у меня их нет?» Ты бы видела, как он обрадовался! «А сколько лет ребенку?» — спрашивает. «Мальчику почти пять, девочке на два года меньше», — отвечаю. В общем, купила у него энциклопедию, и теперь Гошка с ней чуть ли не спит. С каждым днем, Ань, все лучше читать стал. Кстати, он мне тут недавно выдал ни с того ни с сего, когда в детский сад шли: «Мама, а ты у меня не старая, ты молодая еще совсем, мама!» При этом так оценивающе, серьезно так на меня посмотрел. Как взрослый.

— Прикольно, — смеялась на том конце провода подруга. — Всего месяц тебя не видела, а ты уже на мать перестала быть похожа.

— Да когда я на нее похожа-то была? Мало кто верит, даже иногда уточняют, мои ли это дети. А годков-то уже тридцать. Скоро тридцать один.

— Так хорошо же! Вторая молодость. День рождения-то отмечать будешь? Уже вернешься из Томска к этому времени?

— Как раз накануне должна прилететь. Готовь подарки.

— Ты в своем репертуаре!

— Так ведь дни рожденья для того и созданы, чтобы у людей подарки выманивать под благовидным предлогом.

Кумы дружно расхохотались. Их разговоры почти всегда повышали им настроение.

Лера нечасто видела Аниного сына Ромку, приходившегося ей крестником. В его день рождения в апреле и раза два в году они с подругой ходили друг к другу в гости или выбирались на прогулку, — питерская суета не располагает к частым встречам. Но по телефону девушки болтали регулярно и, случись какое-то интересное событие, сразу звонили друг другу. Узнав о том, что Лере снова предложили выйти замуж, подруга прокомментировала ситуацию:

— Тебе вообще позавидовать можно. Иной раз женщина умница, красавица, без детей, а никого найти не может, а ты два раза уже была и за последний год при наличии двух детей аж два предложения руки и сердца получила. Скоро, наверное, кто-то третий появится.

— Вот в третий и выйду, — хихикнула Лера. — Бог троицу любит. Что-то никак не могу я представить Мишу своим мужем. И вообще после всего, что было, замуж особо не хочется, Гошка сказал, нам и втроем хорошо. И погоди... — вдруг опомнилась она, — получается, я, что ли, не умница и не красавица? — деланно сердито спросила она. — Ты поосторожнее с формулировками-то! Я ведь и обидеться могу!

— Ой, прости, пожалуйста, не обижайся, — засмеялась подруга, зная, что Лера шутит. — Конечно, ты тоже умница-красавица. Да еще и детей двое!

— То-то же! — сказала Лера. — Это неоспоримый плюс!

— Кто ж спорит, — продолжала хихикать ее кума. — Бонусы, как ты говорила.

— Вот именно! Они же как лакмусовая бумажка: по отношению к ним сразу видно, стоящий человек или нет. Очень полез-

но для более осмысленного выбора спутника жизни иметь в наличии парочку детей.

— Главное — подо все уметь правильно подвести базу. Ты — умеешь.

Они обе снова расхохотались.

Тройной деньрожденьичный праздник — города и двух детей — пролетел, как один миг. Парк аттракционов приятно удивил неожиданным подарком: именинникам в день их рождения полагался час бесплатного катания. Потом оставалось два дня на сборы — и в путь.

— Мама, давай возьмем с собой Желтого папу! — попросил Гоша, когда чемоданы были уже упакованы.

— Зачем, Гош? Пусть он тут нас ждет. Вам мало с собой попугая?

— Ну, пожалуйста! Пусть он попутешествует с нами! Он же ни разу не был у бабы Риты!

— Может, ему туда и не надо? — мягко пыталась она убедить ребенка, вдруг поняв, что и сама не хочет на месяц расставаться с игрушкой. С ним спали все по очереди, и он стал уже роднее всех родных.

— Ему надо! — вставила свое веское слово Рита, поддержав брата.

— Ну... ладно. Но чемоданы все уже закрыты, разве что в ручную кладь.

— Фклать, фклать, — послушно закивала Рита, вряд ли понимая, что это такое.

Михаил, подъехавший за ними к подъезду, чтобы отвезти в аэропорт, увидел следующую картину: два чемодана на колесиках, Леру с небольшим рюкзаком за спиной и пустой клеткой в руках, у Гоши и Риты тоже было по детскому рюкзачку. Рита держала в руках маленькую куколку, а Гоша — большого игрушечного человека в желтой рубашке.

— Ну вы даете! Собрались, называется, на месяц к бабушке...

— Тра-та-та, тра-та-та, мы везем с собой кота, чижика, собаку, Петьку-забияку, обезьяну, попугая... — процитировала Лера.

— ...Вот компания какая! — звонко закончила за нее Рита.

— Да, с вами не соскучишься, — улыбнулся их провожающий. — Ладно, давайте грузиться, а то на регистрацию опоздаете.

— Лера, слушай, а ты не будешь против, если я, пока тебя нет, у вас поживу? — спросил Михаил в аэропорту. — Так уже мама достала, мне работать надо, а она отвлекает постоянно всякой ерундой, то с вопросами лезет всякими, то «иди поешь». Хочется побыть одному.

— Да, живи, конечно, только ключи не потеряй, — она вытащила из бокового кармашка ключи и отдала ему. — Но тогда тебе придется нас еще и встретить.

— Конечно, встречу. Я уже переписал с твоих билетов номер рейса, когда и во сколько вы прилетаете.

Миша не стал напоминать ей, о чем ей предстояло думать во время отпуска, но Лера и так прочла бегущую строку в его глазах. «Фактически он у нас уже живет. Забавно», — отметила она, видя, как он прячет ключи в карман пиджака.

Через три часа они уже были в небе, и Гошка зачарованно смотрел на облака, что стелились ровным белым ковром прямо под ними. На одном из сидений стояла клетка с Шаломом, которого в самолете освободили из маленькой переноски. Попугай сидел тихо, лишь изредка потрескивая характерным попугайским треском.

***

В Москве, снова сунув птичку в переноску, они пересели на следующий рейс: «Москва-Томск». На этот раз для Желтого папы не нашлось места в отсеке для ручной клади, куда она была вынуждена впихнуть три рюкзака, и Лера положила его в соседний, где места было больше. Перед тем как закрыть крышку, она взглянула в его вечно веселые пластмассовые глаза, и ей снова показалось, что он хочет ей что-то сказать.

Дети быстро устали сидеть на своих местах и начали играть в проходе, путаясь под ногами у пассажиров. Лера ворчала на

них, ей хотелось поспать, и она призывала их к тому же, но тщетно. В какой-то момент они убежали вперед и минут через пять вернулись к их местам уже с мальчиком года на два старше Гоши. Лера уже привыкла к тому, что в поезде дети часто находили товарищей по игре. Маргарита каждый раз выискивала подходящую девочку и уже через два часа весь вагон слышал ее: «Подружка!» — так она звала девочку к себе «в гости». В самолете настала очередь Георгия.

— Мам, можно Никита поиграет со мной на наших местах в конструктор? — спросил он.

Лера вздохнула, поняв, что поспать не получится, убрала ручку сиденья и подвинулась:

— Играйте. А родители тебя не потеряют? — обратилась она к светловолосому худенькому мальчику.

— В самолете трудно потеряться, — ответил тот, взглянув на нее своими серьезными карими глазами.

«Ишь ты, какой умный ребенок», — подумала Лера.

Ребятишки разложили на сиденье детали магнитного конструктора и принялись за сборку. Рите быстро наскучило играть в конструктор, и она стала капризничать. Лера посадила дочку на колени, чтобы почитать ей книжку.

Мальчишки играли довольно долго, и Лера уже стала беспокоиться.

— Никита, а где сидит твоя мама?

— Папа сидит через десять рядов, впереди. Наши места 2А и 2В. Да вот он идет, ищет меня, наверное...

Лера взглянула туда, куда показал Никита. По узкому проходу в самолете шел невысокий мужчина с ищущим взглядом. Поравнявшись с их 12 А, В и С, он увидел своего сына.

— Вот ты где теперь, значит, а я его жду, жду.. — улыбнулся он.

Этот человек определенно ей кого-то сильно напоминал. Через секунду она поняла, кого. От удивления у нее перехватило дыхание. У него было какое-то очень трогательное детское лицо, круглые, будто игрушечные, добрые глаза и... желтая рубашка.

— Пап, можно я еще поиграю? — спросил мальчик у отца. — Такой классный конструктор!

— Можно. А ты людям не мешаешь? — и мужчина, не дожидаясь ответа сына, переадресовал его Лере: — Он вам не помешает?

— Да нет, конечно. Подумаешь, одним больше, все равно поспать уже не получится, — она никак не могла отделаться от мысли, что разговаривает с их ожившей игрушкой. — Сколько нам еще лететь осталось?

Папа Никиты взглянул на часы.

— Думаю, часа через полтора должны начать снижаться. Кстати, у меня есть предложение.

— Так быстро? — пошутила Лера, не дав возможности озвучить то, что он хотел. — Я не готова, мне надо подумать. — Она сама не ожидала, что так распоясается, наверное, сыграла роль его внешность. У Леры не получалось избавиться от ощущения, что они спят вместе уже год.

Мужчина снова улыбнулся.

— У меня есть коньяк, а один я пить не люблю...

— И как это вам, интересно, удалось пронести его на борт? — поинтересовалась она.

— Чудом, — он смотрел на Леру веселыми круглыми глазами. — Можно оставить ребятишек здесь, а нам немного посидеть впереди. Почувствуем себя свободными людьми. Тем более что дочка у вас, гляжу, уже заснула.

— Идея отличная. Я — за, — она взглянула на Риту, которая мирно посапывала у нее на груди. — Если сейчас удастся осторожно высвободиться, не разбудив эту красавицу, я пойду за вами на край самолета.

— Жду на краю, — поддержал он. — Места 2А и 2В. Никита, ты за старшего.

— Хорошо, пап, — не отвлекаясь от конструктора, ответил мальчик. Они с Гошкой придумали соорудить из деталей какой-то чудо-дом и были заняты строительством.

— Меня, кстати, Алексеем зовут, — протянув ей сразу обе руки — одну для рукопожатия, а другую — с маленькой пласт-

массовой стопочкой, представился ее новый знакомый. Третье сиденье рядом с их местами было свободно, поэтому они никому не мешали и им тоже никто не мешал.

— Валерия, — принимая коньяк и одновременно пожимая его теплую ладонь, отрекомендовалась Лера. — Можно просто Лера.

— Тогда и меня просто Леша. А чтобы перейти на ты, можно выпить на брудершафт.

— События развиваются с поразительной быстротой, — глядя в его знакомые глаза, прокомментировала Лера и подняла руку со стопочкой, согнув ее в локте для брудершафта.

Ее попутчик сделал то же самое. Выпив до дна, они посмотрели друг на друга. За этим должен был последовать поцелуй, но ни один из них не отваживался приблизиться. Это молчаливое «кто первый» длилось секунд десять, и Лера испытывала весьма необычные ощущения. Она вспомнила тот вечер, когда поцеловала Желтого папу, представив, что он — настоящий человек. Леша, из-за своих компактных размеров и доброго детского лица был невероятно похож на него.

«Разве бывает, чтобы мысли были настолько материальны?.. — думала она, глядя в глаза Алексея. — Да и потом, я вовсе не хотела, чтобы запланированный Гошкой Желтый папа оказался так похож на нашу игрушку. Он совершенно не в моем вкусе, как и этот экземпляр. Наверняка женатый, просто развлекается, пока жены нет рядом. Так, дорожное приключение... Ну, а раз это приключение и мы друг друга больше никогда не увидим, надо расслабиться и получить удовольствие. Никто не видит, детей рядом нет...» — и, быстро убедив себя в целесообразности своего спонтанного решения, она, поставив стопку на выдвижной столик, поцеловала его очень недружеским поцелуем.

По ошарашенному взгляду Алексея она поняла, что такого он никак не ожидал. Ей стало очень неловко за такое поведение, но извиняться было бы еще более странно.

— Теперь на «ты» и еще по одной? — спросила она. Ей срочно нужно было избавиться от чувства неловкости за свою неожиданную смелость.

— Да, — видимо, этот поцелуй временно перекрыл его словарный поток. Он смотрел на нее с очень большим интересом. О таком взгляде говорят: «Глаз горит!»

— К кому летите? — начала она издалека, пытаясь завязать разговор. С ее стороны это была попытка выяснить, куда делась мама Никиты.

— Везу сына на лето к бабушке. Второй класс закончил, каникулы начались. Оставить не с кем.

— А где его мама? — все-таки не удержалась от прямого вопроса Лера.

— Мы уже три года с Никитой вдвоем. С мамой его мы развелись, она другого встретила и уехала с ним, а сына мне оставила. Но я этому рад, не представляю, что бы чувствовал, если бы он жил с ними, а я бы с ним не виделся. А ваш папа где?

— А у нас аж два папы, и оба уволились по собственному желанию. — Лера решила сразу ничего не скрывать. Теперь она поняла, почему его лицо было таким удивленным после ее поцелуя. Он, оказывается, одинокий отец, можно сказать, товарищ по счастью, и тут такое приключение в самолете. Три года... Может, у него эти три года вообще никого не было. Внешность у него такая необычная, не каждой понравится.

— Значит, мы оба — свободные люди? — сказал он, и на его лице заиграла очень милая детская улыбка и в уголках глаз образовались маленькие морщинки, лучиками расходящиеся во все стороны. В этот момент за детскостью Лешиного лица Лера увидела, что это — взрослый мужчина, и, возможно, даже старше ее, несмотря на то, что выглядел как старшеклассник. Это было так странно: внешность его вызывала улыбку, но одновременно была привлекательна в своей трогательности.

— Свободные. Но с детьми. Так что эта свобода относительная, — ответила она.

Лера никак не могла понять, нравится ли ей Алексей. Воспитанный. Целуется хорошо, — поставила она два плюсика в табличке, которую мысленно нарисовала. Ответственный — один воспитывает сына — дорисовала она третий плюс.

Леша оказался томичом, он всего два года назад переехал в Москву, когда сыну пришло время идти в первый класс.

— После развода не хотел оставаться в Томске, решил начать новую жизнь. Да и работу в Москве предложили хорошую, — рассказал он. — Работаю теперь в крупной строительной компании, на руководящей должности. Скоро часть сотрудников перебрасывают в Сочи на олимпийскую стройку. Будем строить котельную для биатлонной трассы на Красной поляне и еще несколько объектов для будущей Олимпиады. Я, скорее всего, тоже поеду. Мы с Никитой на море так ни разу и не ездили, а тут такой шанс — пожить на Черном море!

— Здорово! Я была один раз в Сочи. Душевный город.

Фляжка была маленькой, и коньяк быстро закончился. К концу беседы они уже много знали друг о друге. Это был целый блиц-опрос, напомнивший Лере мгновенные знакомства, когда люди в течение нескольких минут задают друг другу максимальное количество вопросов, чтобы узнать друг о друге побольше и в конце вечера принять решение, с кем из потенциальных партнеров им хочется продолжить общение.

За час, что они проговорили, количество Лешиных плюсов в Лериной табличке значительно выросло. Она говорила с ним и думала: это идеальный мужчина, таких вообще не бывает. И чего его жене не хватало? Наверняка в этой идеальной картинке есть какой-то большой подвох. Но минус был пока только один — Леша был совершенно не в ее вкусе.

«И чего это я к нему присматриваюсь? — вдруг одернула себя Лера. — Я же решила, что совершенно не хочу замуж! Да и с чего я вообще придумала, что он ищет новых отношений? Может, он после развода вообще женщинам перестал доверять. Так, все, стоп. Сейчас выйдем из самолета, и каждый поедет по своему адресу. Томск город маленький, может, конечно, еще и увидимся, но так как я с детьми постоянно сижу на даче, то вряд ли... А может, он номер телефона спросит. Наверняка спросит. Вон как смотрит глазами своими круглыми, забавный такой...» — Лерины чувства смешались друг с другом и с коньяком. Происходя-

щее уже перестало напоминать ей обычное дорожное приключение.

— Так, а не забыли ли мы о детях? — вдруг неожиданно для себя самой произнесла она, вставая с места. В этот момент раздались слова о том, что самолет приступил к снижению и нужно пристегнуть ремни.

— В самом деле, совсем забыли... — и Алексей тоже собрался вслед за ней, чтобы увести сына на свое место.

— Лера, ты оставишь мне номер телефона? — он почти умоляюще посмотрел на нее своими добрыми игрушечными глазами. — Я всего две недели буду в Томске, потом снова улечу в Москву. А вы ведь в Питере живете.

— Так соседи! — ответила Лера. — Оставлю, после посадки запишешь.

Они продвигались по проходу, натыкаясь на стюардесс, поторапливающих занять места и помогающих привести спинки кресел в вертикальное положение. Во время этого полета, в отличие от ее поездки в Америку, турбулентность никого не побеспокоила. Посадка тоже прошла спокойно, и по приземлении пассажиры, по традиции, похлопали пилотам. В благодарность, что долетели. В иностранных рейсах никто не хлопает, отметила Лера. Там благополучная посадка — обычное дело.

Сойдя с трапа, они с детьми сели в автобус, который доставил пассажиров к дверям здания аэропорта. Лера поискала глазами Алексея с Никитой, но не нашла. «Может быть, мне все это показалось? — подумала она. Ей иногда приходили в голову странные мысли о нереальности происходящего. Все случившееся было так удивительно, что мало похоже на правду. — Да. Вот так представить, что не было никакого знакомства с Желтым папой и все это мне почудилось...»

Она подошла к ленте, где пассажиры, приехавшие первым автобусом, уже высматривали свой багаж, и стала ждать, когда появятся их чемоданы. Как только Лера протянула руку, чтобы забрать один из них, чья-то рука схватила его раньше. Это был Алексей:

— Я помогу. Тебя кто-нибудь встречает?

— Подруга должна приехать.

— Жалко, а то мы могли бы вас подвезти. Нас дедушка ждет в машине, Никита и сумки уже там.

— Спасибо за предложение, но я надеюсь, что за мной тоже приехали, — она огляделась вокруг и заметила свою томскую подругу Олесю, которая, махая рукой, шла прямо к ней.

— Привет, — сказала та, широко улыбаясь. — Удачно долетели?

— Раз долетели, значит, уже удачно, — пошутила Лера. — О, а вот и наш второй чемодан.

Теперь обе руки ее попутчика были заняты. Глядя на Лешу в вертикальном положении, она отметила, что он ниже ее сантиметров на пять. «Желтый папа» стоял рядом, и его лицо выражало готовность пойти за ней на край света. На краю самолета они уже были.

— Олесь, это Алексей, мы познакомились в самолете. А это моя подруга детства, с двух лет дружим, можно сказать, сидели на соседних горшках.

— А мне как будто знакомо ваше лицо, — вдруг сказала Олеся Алексею. — Но не могу вспомнить откуда.

— Томск — город маленький, может, где и виделись.

— Да... Может быть.

— Ну, показывайте, куда нести сумки. Ребятишки, возьмитесь за руки и идите впереди, чтобы мы вас видели, — скомандовал Алексей Гоше и Рите. Дети удивительно быстро послушались.

Они всей гурьбой с вещами и клеткой двинулись к парковке. Погрузив чемоданы в багажник Олесиной машины, Алексей достал из кармана мобильник и вопросительно взглянул на Леру.

— А, да! — она продиктовала ему номер. — Это мой питерский, но роуминг тут работает с переменным успехом, запиши еще один, бабушкин, мы почти все время на даче, и он постоянно включен.

Сохранив оба номера, Алексей улыбнулся, и вокруг его глаз снова образовались лучики. Он был какой-то солнечный, с этой своей детской улыбкой и в желтой рубашке. Лера видела, что он хочет ее поцеловать, но при подруге не решается. Все-таки уж

больно скромен, отметила Лера, хотя для нее это было плюсом. Ей нравились застенчивые мужчины.

— Ну, пока? — спросила она.

— Пока.

— Пока, ребятишки, — он одновременно обеими руками потрепал по волосам Риту и Гошу.

— Пйическу испойтись! — строго прозвенела Рита.

Леша в шутку сделал испуганный вид, широко раскрыв глаза. Так он стал еще больше похож на их любимую игрушку. От этого зрелища Лера расхохоталась.

Когда машина выезжала с парковки, она обернулась и, пока они не повернули, смотрела на спину своего нового знакомого. «Еще один интересный эпизод в жизни, — подумала она. — Хотя... может, сходим еще куда-нибудь. У меня еще ни разу не было двухнедельного романа на глазах у бабушки. Интересно, что она скажет...»

— Мам, а ты заметила, как папа Никиты похож на нашего Желтого папу? — спросил Гоша, тем самым подтвердив, что событие действительно имело место быть.

— Это трудно не заметить.

— Может, это он, мама?

— Так это я тебя должна спросить, ты же обещал мне сказать.

— Мне кажется, это он.

— Почему ты так думаешь?

— Я это почувствовал, — ответил ребенок.

Он сказал это, когда они уже почти подъезжали к деревне, где в обществе бабушки Риты планировали провести ближайший месяц. Вспомнив про игрушку, Лера внезапно осознала, что в самолете осталась очень важная вещь.

Они забыли Желтого папу...

***

— Да не переживайте вы так, — утешала Олеся разревевшихся детей. — Когда я вернусь обратно в город, заеду в аэропорт и постараюсь найти вашего папу. И кто придумал, что это папа?

— Моя мама придумала. У нас эта игрушка почти год. Как родная уже, — расстроенно сказала Лера.

Выгрузив вещи, обнявшись с бабушкой и попив вместе чая, она отправила подругу на ответственное задание: найти потерянную семейную ценность.

— Опиши хоть, как выглядит ваша игрушка, чтобы я знала, что искать.

— Да тут и описывать нечего, — неожиданно засмеялась Лера. — Ты же Лешу видела? Точно такой, только волосы рыжие.

— Вот это да! — расхохоталась подруга.

Через два часа она позвонила.

— Лера, я сделала все возможное, даже добилась того, чтобы меня в самолет запустили, хотя его отогнали уже довольно далеко. Смотрела во всех полках рядом с номерами мест, которые ты мне назвала. Пусто.

— Наверное, у какой-нибудь стюардессы тоже есть дети и теперь наша игрушка будет радовать их, — Лере было так грустно, что она чуть не плакала.

— Да чего ты так расстраиваешься? Сама подумай, зачем вам тогда игрушка, раз у вас теперь живой есть! — засмеялась Олеська на том конце провода.

— Слушай, ну он совершенно не мой тип, я даже представить себя не могу рядом. Хотя, конечно, кажется, человек очень хороший.

— Ну вот! Разве это не главное? Хотя насчет внешности я тебя понимаю, от таких дыхание не перехватывает. Ты знаешь, я, кажется, вспомнила, откуда мне его лицо знакомо. Это брат мужа нашей соседки по подъезду.

— Всегда с трудом могла понять, когда так говорят. Брат мужа соседки... — пытаясь осмыслить цепочку, повторила она.

— Да. Мы как-то на Новый год к ним заходили несколько лет назад, и он там был. С женой. Потом Света мне рассказала, что они развелись. Та уехала в другой город, а ребенок остался с ним.

— Это я уже и от него знаю. И с сыном его знакома.

— Никиту я вообще хорошо знаю, он когда у дяди остается, они часто с моей Алинкой на детской площадке играют.

— Какой, однако, маленький город, все друг друга знают.

— Да. Ну, в общем, из того, что помню, Света говорила, он очень хороший мужик. Правильный. Может, даже слишком правильный, но разве это плохо? Жена гуляла, а он с ребенком дома по вечерам сидел, думая, что она на работе задерживается. У нас с Сережкой все наоборот было, тоже, как видишь, развелись... Так что попробуй отбросить свои стереотипы и начни встречаться, может, он тебе понравится. Тебе в твоей ситуации такой человек — просто подарок судьбы.

— Я понимаю, — вздохнула Лера. — Встречусь, если позвонит, а там видно будет.

— Позвонит, конечно!

— У него ребенок, я двух-то порой еле тяну, нервы сдают...

— Ну, а как ты хотела, у тебя тоже двое. Если он твоих примет, то и ты должна принять его сына как своего. А мальчишка у него чудесный, умный и воспитанный.

— Я это уже почувствовала, мы же вообще благодаря ему познакомились. Сначала дети в самолете подружились, потом — мы.

— Ну вот. Судьба. Дети вас свели.

— Время покажет, судьба или нет.

— Давай ты лучше в город почаще приезжай, а то сидишь там на своей даче, я тебя и не вижу.

— Если на свидание позовет, приеду и к тебе загляну.

— Мы, кстати, день рождения Алины завтра отмечаем, может, выберешься?

— Не знаю, надо с бабушкой хоть дня два побыть, а то только приехала и сразу в город умотаю...

Их разговор прервал голос бабушки из другой комнаты.

— Лера!

— Что, бабуль?

— Тебя к телефону.

Взяв трубку, она услышала голос Алексея, который оправдался, что звонил сначала на ее номер, но там было занято. Он

спрашивал, может ли она завтра приехать в город, чтобы встретиться с ним. Сказав, что обсудит это с бабушкой и перезвонит, Лера повесила трубку.

— Кто это был? — поинтересовалась Маргарита Васильевна, внимательно прослушав весь разговор. — Завела в самолете нового поклонника и дала мой номер?

— Ты всегда была мудрейшей из мудрейших, — Лера села на корточки рядом с ее кроватью. Она взяла ее морщинистые руки в свои и заглянула бабушке в глаза. Смеющиеся лучики морщинок, побежавшие от уголков ее глаз, вдруг напомнили ей Лешины. От них исходил тот же поток доброты. Каждый год, уезжая, Лера боялась, что больше не увидит бабушку, но та была из долгожителей, причем в свои восемьдесят шесть сохранила прекрасную память и ум.

— Не успела приехать, уже на свидание побежала? — в упреке бабушки Лере послышалось одобрение.

— Прости, дуру грешную... — она в шутку наклонила голову. — Он ненадолго в Томске, скоро улетит в Москву.

— Кто такой?

— Человек. Кажется, хороший. Разведен, один воспитывает сына.

— Главное, чтобы хороший. Ну, съезди, я с детьми побуду.

— Правда? Ты меня точно отпускаешь? Тебе это не трудно будет? Я ведь вечером уеду, придется в городе переночевать, у Олеськи, она как раз на день рождения дочки звала.

— Ничего, одну ночь-то, поди, выдержу. Расскажу им перед сном что-нибудь.

— Про свою жизнь расскажи. Про войну. Гошка твои рассказы до сих пор помнит.

— Ладно, ладно, — согласилась бабушка. Ей было приятно это слышать.

Маргарита Васильевна знала много всяких старых песенок и прибауток, которыми легко могла отвлечь Риту. А Гоша, действительно, очень любил слушать истории из ее детства и военных дней, когда они с мужем, только закончив Медицинский ин-

ститут, были отправлены на фронт. Бабушка Леры, несмотря на свой преклонный возраст, могла воспроизвести до мелочей события восьмидесятилетней давности. По просьбе внучки, она даже записывала свои воспоминания в специальную тетрадку. «Ты просто обязана сохранить это для потомков», — уверенно сказала Лера, убеждая ее начать писать.

Пока Лера готовила ужин, бабушка озадачила внучку проблемой: высадить в парник рассаду помидоров, что стояла на веранде в картонных коробочках из-под кефира. Для парника у Маргариты Васильевны все было готово: доски, топор, молоток, гвозди, лопата, чтобы выкопать яму, и откуда-то оторванные окна, чтобы закрыть парник. Дело было за малым: сделать сам парник. Кроме Леры, делать это было некому. Единственный, кто мог бы его соорудить, был Лерин дядя, но тот был на даче редким гостем.

— И как ты в прошлые годы обходилась без парника? — ворчала Лера, копая яму.

— Вот так и мучилась годами, и помидоры мучила. А в парнике — как хорошо, им тепло, растут лучше, а потом в теплицу высадим.

— Хорошо хоть, что теплица уже есть... — улыбнулась Лера. Она ни разу в жизни не делала парников, лишь видела, как они выглядят в соседних огородах. Выкопать яму было еще полбеды, а вот как обшить ее изнутри досками, чтобы было ровно и между ними не просыпалась земля...

Когда яма была готова, в нее немедленно залезли дети и у них сделался довольный вид. Быстро перепачкавшись в земле, они выглядели как два поросенка. Изготовление парника пришлось отложить. Нужно было срочно топить баню и замачивать детей в тазиках.

Идти купаться было еще рано — вода в Оби была еще довольно холодной, купальный сезон в Сибири открывался, самое раннее, числа 10-15 июня. Лера залезла на крышу сарая и наломала веток с большой березы, которая росла у них в огороде. Листочки были еще молодыми и немного липкими. Получился отличный веник для того, чтобы попариться в бане.

Дети реагировали на воду по-разному. Гошка мыться не любил и периодически хныкал, но уже не так громко, как в прежние годы. «Повзрослел», — отметила Лера. Рита визжала от удовольствия и разбрызгивала во все стороны воду из тазика. Она всегда любила купаться и не могла дождаться, когда можно будет залезть в речку.

Вечером они вместе пили чай со свежими оладушками и прошлогодним малиновым вареньем, и Лере была счастлива от того, что ее окружают самые любимые люди: дети и бабушка.

***

На следующий день, ближе к вечеру, Лера отправилась в город. Она привела себя в порядок, надела свои любимые джинсы, футболку и свитер и взглянула на себя в зеркало.

«Как-никак, свидание», — хихикнула она, подмигнув рыжеволосой девчонке с короткой стрижкой, которая смотрела на нее из зеркала. Покрутившись влево и вправо, Лера осталась довольна увиденным, нацепила на ремень плеер, на спину — свой любимый клетчатый рюкзак и поцеловала ребятишек, пообещав завтра вернуться и привезти что-нибудь вкусное.

До автобусной остановки у моста нужно было идти пешком около двух километров. Лера шла по шоссе, слушая новый альбом с юности любимой ею певицы Земфиры. Она включила песню, благодаря которой снова становилась девчонкой, еще не знавшей, что ее ждет и готовой с головой броситься в любое приключение. Когда песня ей нравилась, Лера могла переслушивать ее много раз подряд. С этой было именно так.

Ты не со мной, и что же?
Я ж в отражении похожа
Немного на бога,
На шесть миллиардов. Меня так немного.
Ты это не ценишь — странно,
Но все ж не смертельна рана.
Салют стюардессам,
Вдавившимся в кресла, подальше от стрессов.

Я сбегу же в Антананариву,
Все же буги загорелых плеч и пиво,
Романтика и серфинги,
Уже никто и никому ничто не должен.
Come on в Антананариву,

Там же буги загорелых плеч и пиво,
Романтика и серфинги,
Уже никто и никому ничто не должен.
Тем более я, тем более я,
Тем более мне, тем более мне.

Эта песня мысленно переносила ее туда, где она никогда не была. Одна Лера шла по асфальтовому шоссе в Сибири, вокруг которого росли елки и сосны, а другая — мысленно рассекала на серфинге. Она уже не шла, а почти летела, чувствуя себя легкой и красивой, как океанская волна. Когда рядом не было детей, Лера снова становилась двадцатилетней. «Уже никто и никому ничто не должен, тем более я, тем более мне...» — подпевала она, пока сквозь музыку не услышала, как ей кто-то сигналит. «Не буду оборачиваться. Едет какой-нибудь, понравился мой вид сзади...» — девушка продолжала идти вперед. До моста, где была автобусная остановка, оставалось еще больше километра. Гудки были довольно громкими, но Лера дала себе слово и ни разу не обернулась. Через несколько секунд мимо нее в сторону города проехал автобус из соседней деревни. Он ходил всего два раза в день и сигналил ей потому, что предлагал подвезти попутчицу до города.

«Аааааааа!!! — Лера почти согнулась от смеха над собой. — Вот дура! Решила, что кому-то понравилась. Водитель просто заработать хотел, вот и сигналил. А я ж — птица гордая...» Ее разобрал такой хохот, что если бы кто-то в этот момент увидел ее, наверное, подумал бы, что она сумасшедшая.

Она приехала в город раньше намеченного времени, купила красивый ежедневник для девочек и зашла к Олесе. День рожденья был в полном разгаре. Все собравшиеся родственники дружно выпивали за здоровье внучки, дочки и племянницы — кому кем приходилась двенадцатилетняя Алина.

— Ты меня прости, я на часик всего, у меня сегодня свидание с Лешей, специально приехала. У тебя можно будет потом переночевать?

— Конечно, можно, о чем ты спрашиваешь. Так вы это... когда погуляете, вместе заходите. Вот будет ему сюрприз, когда он узнает, что идет в дом своего брата. Мы еще долго сидеть будем.

— Ну, я не знаю.. Если согласится, зайдем.

В ответ на удивление отца Олеси «Куда так быстро?» Лера пообещала вернуться.

Встреча была запланирована у Дворца пионеров. Это место было тесно связано с Лериным детством: она ходила сюда на уроки рисования и хореографии, когда, еще девчонкой младшего школьного возраста, жила у бабушки. С родителями в те годы она общалась только в письмах и по телефону.

Лера еще издалека увидела Алексея. Он стоял рядом со флагштоком. На этот раз на нем была рубашка белого цвета. В руках молодой человек держал красную розу на длинном стебле. С этой розой и в белой рубашке с короткими рукавами ее новый поклонник выглядел как пионер, который должен подарить эту розу на празднике своей учительнице и ждет подходящего момента.

«Пионер у Дворца пионеров, — с улыбкой подумала Лера. — Господи, что я делаю? Это же соблазнение несовершеннолетнего!..»

Когда Алексей увидел ее, лицо его просияло и рука с розой немедленно выдвинулась вперед. Подходящий момент настал. «Учительница», поблагодарив, приняла розу, и «ученика» отпустило. Он так и продолжал молча смотреть на нее влюбленным взглядом, от которого Лере было не по себе. «Ну, пожалуйста, перестань так смотреть, у меня от этого все слова где-то застревают...», — подумала она и сказала:

— Куда пойдем?

— Может, прогуляемся здесь рядом, в Буфф-саду?

— Да, давай. Вспомню свое детство. Я же жила в соседнем доме двадцать с хвостиком лет назад.

В Буфф-саду — небольшом парке справа от Дворца пионеров — маленькая Лера зимой каталась на лыжах, а летом бегала с подружками, обливая друг друга из брызгалок в день Ивана Купала. Здесь было маленькое болотце, где, как она думала, жил крокодил, потому что в ряске, которой оно было затянуто, иногда лопались маленькие пузырьки. Она верила в этого крокодила долго-долго, и даже когда выросла, ей так и казалось, что он вот-вот высунет свою крокодилью морду на поверхность.

Здесь так ничего и не изменилось. Болотце было на месте. Крокодил, как обычно, лежал на дне. Благодаря нахлынувшим ощущениям внезапно вернувшегося детства, которое усиливалось благодаря тому, что рядом был мужчина-мальчик, державший ее за руку, Лера снова стала маленькой девочкой.

Так они и шли, болтая, рука в руке, пока не приземлились на ближайшую лавочку. Она видела, что он явно хотел бы повторить поцелуй, но сейчас у нее было совсем другое настроение. Какие еще поцелуи могут быть у девочки с мальчиком?

Он вдруг взял обе ее руки в свои и погладил по ладоням, от чего они даже немного вспотели. «Наверное, у детей такое бывает, от волнения», — подумала девочка.

— Давай поедем ко мне, — глядя прямо ей в глаза взглядом, который она много раз видела у других мужчин, произнес он. — А завтра я отвезу тебя на дачу к детям.

Все ощущения детства разом пропали. Лера снова стала взрослой. «Вот так. Взял и за два слова все разрушил», — ей почему-то стало грустно. Алексей из мальчика пионерской наружности тут же превратился в забавного мужчинку, который просто зовет ее к себе, чтобы переспать.

— Можно я тебе отвечу чуть позже, давай еще немного прогуляемся, — пытаясь отсрочить решение, сказала Лера.

— Хорошо, — покорно согласился он.

И они сделали еще один круг по маленькому парку ее детства. И, снова по ее инициативе, еще один. Лера намеренно тянула время, все еще не зная, что ответить.

С одной стороны, ей хотелось поехать с ним, в конце концов, она женщина, и женщина не железная, а полноценных сексуальных отношений у нее не было очень давно. Если бы такой перерыв случился у нее до рождения детей, она бы уже «залезла на стенку», теперь же она переживала это намного спокойнее.

С другой — она с трудом представляла то, что у них получится. Он казался ей таким забавным внешне, что она не могла воспринимать его всерьез.

С третьей — тоже говорившей не в пользу положительного ответа — он нравился ей как человек, и она вовсе не хотела показаться слишком доступной, мгновенно согласившись провести с ним ночь.

С четвертой — понимала, что, отказавшись, завтра снова вернется на дачу в лоно семьи и, если после ее отказа он больше не позвонит, секс ей не светит еще черт знает сколько времени.

Видимо, все эти споры с самой собой были написаны на ее лице, потому что Алексей вдруг остановился и повернул ее к себе. «Хмм... Я думала, он скромнее», — Лера посетило приятное удивление.

— Я вижу, ты не хочешь ехать ко мне... — вздохнул Леша, поцеловав ее и нежно прижав к себе так, что она почувствовала, что не разочаруется, если поедет.

— С чего это ты взял? — все ее только что разобранные по полочкам мысли мгновенно смешались в голове, как пазл, который нужно было снова сложить в коробку. Он только что сделал очень правильный ход: решил за нее. Чувство противоречия сразу взбунтовалось.

— Я вижу, — ответил он.

— И ничего ты не видишь, — она боролась с самой собой. Взрослая женщина в ней давно уже все решила, а маленькая девочка продолжала играть. — Я просто обещала зайти к Олесе на день рождения дочки. Если хочешь, можно вместе зайти и там уже решим, что да как.

— Хорошо, — покорно согласился Алексей. По его глазам она видела, он уже почти уверен в том, что она с ним никуда не поедет.

За время, что они гуляли по парку, гости на дне рождения почти все разошлись по домам. На часах было уже около одиннадцати вечера, и наступала пора укладывать юную именинницу спать. Лере нужно было срочно решать, где ей ночевать: оставаться здесь, о чем она уже договорилась с подругой, или... Олеся положила Алексею салатов, а ее отец налил водки. Пожилой мужчина был уже изрядно пьян и внезапно решил сыграть роль и Лериного отца тоже, произведя блиц-опрос новоприбывшего:

— Женат? — спросил он, выпив одну стопку вместе с гостем и тут же наливая ему другую.

— Был.

— Еще жениться хочешь? — он так весело, но в то же время строго смотрел на него, что Лера прыснула. Еще и потому, что увидела, как серьезно воспринял это Леша.

— Хочу! — пламенно ответил он с пионерской интонацией «Всегда готов!»

— Молодец! — довольно сильно хлопнув по плечу своего собеседника, похвалил «сват».

Лера наблюдала за Алексеем со стороны, пока тот общался с человеком, взявшим на себя в этот вечер обязанности ее отца. Лешина мимика была такая непосредственная и милая, что Лера подумала: это какой-то необыкновенный человек. Таких не бывает. Поеду. А там будь, что будет.

— Олесь, я у тебя сегодня не останусь, — сказала она подруге, понизив голос, чтобы никто больше не услышал.

— Поедешь к нему? — кивнула та в сторону Алексея.

— Ага. Зовет.

— Ну, ты даешь, подруга. Удачи! — подмигнула ей Олеся.

— Кстати, забавное совпадение — у меня в этом доме в этом же подъезде брат живет. Может, я сегодня у него и переночую, — вдруг произнес Алексей, взглянув на Леру. Сердце у нее упало. Через столько сомнений принятое решение — и все насмарку. Подруга смотрела на нее сочувственно-вопросительно, мол, что будешь делать, и, видя Лерино расстроенное лицо, решила прийти ей на помощь.

— А ты, Леша, кстати, нас не помнишь? Мы несколько лет назад Новый год вместе встречали у Игоря. По-соседски зашли. Мы и Никиту твоего хорошо знаем.

— Да? — он улыбнулся своей обезоруживающей улыбкой, со слегка виноватым оттенком. — Прости, не помню.

— Вы лучше выпейте еще по бокалу вина и сходите прогуляйтесь, погода хорошая. Если что, Лерик, ты постучись, я долго не усну, — она сказала это с интонацией, понятной только им обеим.

«Ай, молодец!» — мысленно поблагодарила Лера подругу за этот ход.

На улице уже стемнело. Они вышли на крыльцо и снова направились в сторону Буфф-сада. Третий дубль кольца по парку уже выглядел довольно забавно.

«Черт, взрослые люди... — сердилась на себя Лера. — Вот что я ему теперь скажу? Не ходи спать к брату, вези меня к себе? Некультурно как-то...» Она не знала, что делать, и на этот раз уже он пришел к ней на помощь:

— Ну, что ты решила?

— Едем! — немедленно согласилась она.

— Карету мне, карету? — засмеялся он, блеснув знанием школьной программы по литературе.

— Лучше такси, — засмеялась она. Обстановка разрядилась. Алексей набрал номер, и уже через десять минут машина везла их неведомо куда, за черту города, в противоположную сторону от той, где находилась бабушкина дача.

«И куда мы едем?.. Ведь наверняка не к его маме и сыну, — думала Лера. — Если бы у нас не было общих знакомых, я бы, наверное, должна была сейчас испугаться. В сущности, мы почти не знакомы. Ночь. Темно. Бог знает, что у него на уме, вдруг он маньяк с лицом приличного человека». Она посмотрела на его профиль и милое лицо, на котором гуляла какая-то серьезная мысль, и внутренне посмеялась над своими.

— Мы едем ко мне на дачу, я там сегодня машину оставил. Никита с бабушкой в городе, я привезу их туда завтра, — ответил он на все ее незаданные вопросы.

Дача оказалась довольно большим двухэтажным домом с огородом и баней. Как выяснилось, Алексей построил их сам, еще до своего отъезда в Москву.

— Хочешь в бане попариться? — спросил он. — Как раз сегодня утром машину дров привезли. И я уже на раз протопил перед нашей встречей. Сейчас несколько дровишек подкину — быстро будет готова.

— Хочу! — неожиданно для самой себя так же, по-пионерски, как он, согласилась Лера, несмотря на то, что недавно уже мылась в бане.

Леша улыбнулся так радостно и непосредственно, как улыбается ребенок во время покупки его любимого мороженого, с бегущей строкой во взгляде: «Сейчас оно будет моим!»

Этот мужчина нравился ей больше и больше. За его игрушечной внешностью она все явственнее видела что-то большое и красивое. «Может, он заколдованный принц? — с улыбкой подумала Лера. — Хотя... мы уже столько раз целовались...»

Как только она это подумала, немедленно случился еще один поцелуй. «Принц» снова остался таким, каким был. Оставалось только принять его таким, какой он есть. Лера уже все реже сравнивала его с Желтым папой, навсегда оставленным в самолете — по обмену на живой аналог.

Та последовательность шагов к сближению, что случилась между ними в эту ночь, происходила у Леры впервые. Никогда еще ей не приходилось предстать перед незнакомым мужчиной совершенно обнаженной и потной. Ну, а какой еще может быть женщина, если она — в бане?

Маленькая девочка, проснувшаяся в ней накануне, до сих пор не заснула, и Лера сознательно отводила глаза, стараясь не смотреть Леше ниже пояса, хоть ей и было ужасно любопытно увидеть то, с чем ей неизбежно придется столкнуться в эту ночь.

— Хочешь, я тебя попарю? Я сегодня веников наделал. Давай, ложись на живот.

— И когда ты все успел? — по-доброму ворчливо сказала она, послушно залезая на верхнюю полку. Дерево приятно пах-

ло смолой, в голове шумело от выпитого вина и необычности происходящего.

— Я хозяйственный, — с улыбкой похвалил он себя.

— Это здорово. А я вот — не очень.

— Ну, теперь у тебя есть я... — обмакивая веник в кадушку с кипятком, произнес он.

— Уже?

— Конечно, — он стал разбрызгивать капли горячей воды с веника над ее спиной.

— Что, получается, если мы были вместе голыми, мы друг у друга уже есть? — уточнила она.

— Конечно, — еще раз уверенно сказал Леша, начав слегка бить ее березовым веником по спине, сверху вниз и обратно. Он делал это нежно, не причиняя боли и не обжигая паром. Лера мгновенно расслабилась и почувствовала себя невероятно хорошо. Так хорошо ей не было давно. Запах дерева, близость человека, который явно был к ней неравнодушен и говорил такие важные для любой женщины слова, размягчили ее окончательно.

— Поворачивайся на спину, — скомандовал он.

Она зажмурила глаза, все еще стесняясь своего тела и того, что она увидит, повернувшись к нему.

— Что, жжет? — участливо поинтересовался парильщик.

— Да нет, так, убегаю от действительности... — сказала правду Лера. — Просто иногда кажется, что все это — сон, открою глаза — и проснусь.

— Открой их сейчас.

Его лицо было очень близко. Две капли с мокрых волос упали ей на нос, и она, засмеявшись, вытерла их ладонью.

— Можно тебя поцеловать?

— Раньше не спрашивал, целовал.

— В парилке — другое дело.

— Да? Здесь правят какие-то иные нормы этикета? — засмеялась она и хотела продолжить шутить, но он не дал ей договорить.

Этикет был ни при чем, парилка была действительно не местом для поцелуев из-за высокой температуры. Причем температура была высокой не только снаружи, но уже и внутри. Решившись, наконец, взглянуть туда, от чего так долго отводила глаза, Лера поняла: момент настал. Но Алексей, не обращая внимания на физиологию, сначала закончил процедуру с банным веником, а на вопрос, хочет ли он, чтобы и она его попарила, вежливо отказался.

— Позже. Зайдем сюда еще один раз, я подкину дров. Пойдем пока в дом, там пиво холодное, рыба... Вино и сыр. Я не знал, что ты любишь, и на всякий случай купил разное.

— Вот это да! — восхитилась Лера. — Здорово! А то при бабушке не расслабишься, она меня всегда ругает, когда я выпью хоть немного.

— Лови момент, пока бабушки нет рядом.

— Считай, что уже поймала.

Но до алкогольных напитков и закусок дело дошло не сразу.

За ночь они еще раз парили друг друга в бане. Проснувшись утром на явно новых красивых простынях, Лера чувствовала себя, как самка морского котика, что лежит на камнях у моря и блестит: она была чистой и довольной.

***

Алексей еще спал. Лера смотрела на него и думала, что вот и прошла эта внезапная удивительная ночь и на этом наверняка все закончится. За годы общения с мужчинами она уже не раз отряхивала лапшу с ушей, и хотя на этот раз все выглядело более чем правдиво, обжегшись на молоке, всегда начинаешь дуть на воду.

«Да и вообще, он совершенно не в моем вкусе, — подумала она, глядя на его детское личико. — Хоть и молодец», — не могла не признать она, с улыбкой вспоминая то, что происходило между ними ночью.

Лера тихонько встала и позвонила дяде, с которым накануне договарилась о том, что утром они вместе поедут на дачу на рей-

совом автобусе. Дядя Коля был на десять лет старше ее матери, это был уже довольно пожилой человек, увлеченный чтением исторический литературы и конструированием военных кораблей и мало замечавший реальную жизнь. Раньше, когда Лера была маленькой, они часто вместе рыбачили, но это осталось в далеком прошлом. Лера всегда удивлялась, как у такой практичного человека, как ее бабушка, случились столь творческие дети, постоянно витающие где-то в облаках. Дядя не любил ездить на дачу, где мать постоянно озадачивала его разными просьбами: прибить, распилить и починить что-либо или наколоть дров. Лера сознательно не сообщила ему о том, что на этот раз его ждет изготовление парника.

— Дядь Коль, мы с тобой не сможем сегодня вместе поехать. Меня один знакомый на машине обещал подвезти, — извиняющимся тоном сказала она, стараясь говорить как можно тише, чтобы не разбудить Лешу. Она была уверена, что дядя обрадуется тому, что поездка отменяется. Но тот отреагировал неожиданно:

— Так прекрасно! Когда вы выезжаете? Я с вами поеду.

«Черт», — подумала Лера. Сказать дяде, что это немного неуместно, она не смогла. В последние два года он ходил с палочкой из-за операции на коленном суставе, и дорога от автобуса до дачи заняла бы у них довольно долгое время.

— Я уточню и перезвоню, хорошо?

— Жду. И, пользуясь случаем, возьму еще всякие снасти для рыбалки. Порыбачим! — в его голосе звучала радость. — Ольга еще Лизу хотела с нами отправить, сейчас я им позвоню, скажу, чтобы собиралась, — дядя, довольный, повесил трубку.

Лиза была Лериной племянницей, дочкой троюродной сестры. Томск был полон родственников, и двое из них должны были вот-вот разрушить романтический ореол этой ночи.

Но Алексей удивительно легко согласился заехать за всеми. Его машина оказалась белоснежной и удивительно чистой как снаружи, так и внутри. «И правда, ужасно хозяйственный, — отметила Лера. — Хозяйственный принц на белой машине».

— Это моя машина, я ее отцу отдал, когда уезжал, он на ней и ездит. А сейчас забрал на время, до отъезда.

«Тра-та-та, тра-та-та, мы везем с собой кота, чижика, собаку...» — снова с улыбкой вспомнила Лера, когда в машине, кроме нее и Алексея, оказались дядя Коля и ее тринадцатилетняя племянница Лиза, мерно покачивающая головой в такт музыке, что звучала у нее в наушниках. «Да... Теперь он мне точно не позвонит. Мало того, что родственников в машину сразу понабилось, сейчас еще на дачу приедем, а там бабушка, дети, опять кто-нибудь кого-нибудь стукнет, вопли начнутся...» — рисовала себе Лера картины ближайшего будущего.

— Мама, мама! — увидев ее из окна, выскочили им навстречу Гошка с Маргошкой.

За ней след в след шел Алексей и нес сумки с продуктами, купленными по пути в магазине. Она обернулась посмотреть на его реакцию. Казалось, его нимало не волновало наличие у нее большой шумной семьи. Его лицо выражало спокойствие и умиротворенность. Он вел себя так, как будто давно был ее мужем, и тащить сумки и возить ее родню было для него привычным делом.

— Бабушка, познакомься, это — Алексей, — представила она гостя, как только они вошли в дом. — А это моя бабушка Маргарита Васильевна.

— Здравствуйте, Алеша, — внимательно посмотрев на него из-под очков, сказала бабушка. — Проходите. Извините за беспорядок. Лера, покорми гостя, он, наверное, голодный после дороги. Это вы всех наших на своей машине привезли? — задала она гостю риторический вопрос и продолжила: — Вот спасибо. А то я Колю никак не могу уговорить приехать на дачу, все в городе сидит. А мне парник надо делать, даже Лера уже начала что-то там колотить.

Лера, наблюдая за дальнейшими событиями, не переставала удивляться. Вежливо отказавшись от еды, Алексей тут же, под чутким руководством дяди Коли, нашел в сарае молоток, гвозди, топор и пилу и три часа, ни на что не отвлекаясь, сосредоточенно заканчивал бабушкино задание.

Лера продолжала чувствовать себя неловко. «Бедный парень. Какая потрясающая романтика настигла его после первой ночи!» — думала она, занимаясь домашними и огородными делами, поглядывая на голову Алексея, торчащую из ямы. Выкопанная Лерой яма постепенно превращалась в аккуратно оббитый досками парник для помидорной рассады. Дядя Коля, дав гостю пару советов и накопав червей, растворился за калиткой, держа в руках удочку. Гошка и Маргошка играли рядом с парником, копая землю детскими лопатками. Иногда Георгий, по просьбе Леши, подавал ему гвозди. «Приучает парнишку к мужской работе», — с удовлетворением отметила Лера, увидев, как тот учит Гошку забивать гвоздь. «Осторожно, по пальчику не попади», — провел Алексей работу по технике безопасности. Мальчик старательно пытался подражать взрослому дяде.

— Маргарита Васильевна, — ловко, в одно движение выпрыгнув на поверхность, позвал бабушку Алексей. — Готово!

— Вот это да! — восхитилась та. — Да как ровненько! Доски-то были бросовые...

— Я их немного обтесал, — объяснил мастер. — Чтобы плотнее примыкали друг к другу.

— Я помогал! — гордо встрял в разговор Гошка.

— Вот молодцы ребята! Вот спасибо так спасибо! — охала Маргарита Васильевна, оперевшись на палочку и внимательно разглядывая парник. — Лера, обед готов? Алеша голодный.

— Через пять минут можно за стол, — ответила с веранды Лера. — Сейчас помогу детям руки помыть, только дядя Коля еще на речке.

— Так сбегай позови его, он, наверное, тоже ничего не ел.

— Если у него клюет, он вряд ли пойдет, — предположила Лера.

— Наше дело пригласить к столу, а он уж пусть решает, — авторитетно сказала бабушка.

Дядя, как и предполагала Лера, остался рыбачить. Они вчетвером поели приготовленную ею окрошку. Бабушка расспрашивала Алексея о его работе, о том, как ему живется в Москве,

и, как показалось Лере, осталась довольна его умными и интеллигентными ответами.

— Приезжайте еще, с сыном, — предложила бабушка, когда Леша после обеда засобирался в город. — И большое спасибо за прекрасный парник.

— Хорошо, Маргарита Васильевна, и вам спасибо — за гостеприимство. И тебе, Лера, за вкусный обед, — поблагодарил тот, вставая из-за стола.

— Можно я завтра с Никитой приеду? — обратился он к ней, когда они прощались у машины.

— Конечно, что за вопросы, приезжайте вместе! Дети поиграют.

Алексей поцеловал ее, сел за руль, улыбнулся и, отъезжая, помахал рукой. После сегодняшней ночи и того, что было после, Леру не покидало ощущение, что у нее появился настоящий мужчина. Она смотрела вслед его белой машине и вдруг вспомнила о Мише, который жил сейчас в их квартире и периодически присылал ей текстовые сообщения. «То никого, то сразу двое, — хмыкнула она. — Вот и говорите потом, что женщине с детьми можно поставить крест на личной жизни. Да ни в коем случае!»

С этим оптимистичным настроением она вернулась в дом.

***

Теперь они и их трое детей почти каждый день проводили вместе. Алексей приезжал с Никитой к ним на дачу, они впятером ходили на речку купаться и играли в одну в одну забавную игру, в которую Лера в детстве играла со своей мамой. Все должны взяться за руки и произнести «Баба сеяла горох, обвалился потолок — их-ох!» — и нырнуть под воду. Кто дольше просидит — тот победил. Из-за довольно сильного течения реки Оби усидеть на месте было непросто, но игра всем ужасно нравилась.

Маргарита в первый день, который они провели впятером, сначала с несвойственной ей серьезностью присматривалась к маминому новому другу и, когда Леша на прогулке хотел взять ее за ру-

ку, насупившись, убрала ее за спину. Но уже через час, на обратном пути, девочка сама протянула ему ладошку и важно сказала:

— Ёся, дай юку!

Все вместе они ходили в лес за смешными июньскими грибами под названием сморчки, а вечером Алексей отвозил ребенка к матери и оставался там. Лера так и не решилась предложить ему остаться на ночь, да он и сам видел, что это неудобно. При бабушке и детях они были вынуждены соблюдать приличия. Та ночь до сих пор оставалась у них единственной. Лере это казалось невероятно трогательным — то, как Леша, улучив любой удобный момент, когда дети были чем-то заняты, пытался поцеловать ее.

«Вот она — родительская доля, — с улыбкой думала она: — сначала дети случаются от секса, а потом мешают ему случиться».

Алексей невероятно терпеливо относился к детским фокусам, которые Лера, напротив, переносила с трудом. Когда крики становились слышны через несколько огородов, это выводили из себя даже Маргариту Васильевну, всегда с трепетом относившуюся к спокойствию соседей. Однажды Рита, не поделив с братом какую-то игрушку, устроила довольно громкий концерт в кинотеатре, куда они впятером пришли посмотреть мультфильм. Никакие слова не действовали, и Лера не знала, что делать. Тогда Алексей молча взял ребенка на руки, отвел к раковине и умыл. И это помогло! Девочка, хоть поначалу и продолжала всхлипывать, довольно быстро успокоилась. Лера не переставала удивляться выдержке ее нового друга.

Ближе познакомившись с Никитой, Лера подтвердила свое первоначальное мнение о нем как об умном воспитанном мальчике. Лешиному сыну было восемь лет, он перешел во второй класс и на лето получил целый список литературы, которую ему необходимо было прочитать. На даче оказалось несколько книг из этого списка, и она с радостью подарила их ребенку. Прочитав первую, они сели обсудить прочитанное, она задавала вопросы ему, а он — ей.

Мальчик, в силу своего возраста, уже понимал, что происходит между папой и его новой подругой, и иногда Лера ловила на себе

внимательный изучающий взгляд его больших, умных и немного грустных, как у олененка Бемби, глаз. Он как будто присматривался к ней, пытаясь понять для себя, стоит ли ей доверять. Она вспоминала своего крестника Петю в таком же возрасте, но с ним все было намного проще, потому что они были знакомы с более раннего возраста. А тут доверие еще нужно было завоевать.

— Когда у тебя день рождения, Никита? — поинтересовалась Лера.

— Девятого апреля исполнилось восемь лет, — серьезным тоном ответил он.

— Значит, ты, получается, в Миллениум родился?

— Что такое Миллениум?

— Так называли 2000-й год — переход из двадцатого века в двадцать первый, — пояснила Лера ребенку.

«Катя. Апрель 2000», — вдруг всплыло из ее подсознания. Это была ее дурацкая юношеская идея — нацарапать эти слова на капоте Витиной машины, если у нее никогда после того аборта не будет детей. Их дочка должна была родиться как раз в апреле двухтысячного. И почему, вдруг подумала Лера, она тогда решила, что непременно будет дочка? А вдруг родился бы мальчик, с такими же умными и задумчивыми глазами? Она смотрела на Никиту и думала: а что если представить, будто это и есть — тот ребенок, которого она тогда не решилась родить?..

«Словно материализовавшийся в моей жизни через столько лет... — фантазировала она. — И до кучи еще парочка, — она перевела взгляд на Гошку с Маргошкой, радостно жующих поп-корн в вестибюле кинотеатра. — А что, Бог троицу любит... Ведь вообще изначально одного хотела, и тут все как-то само складывается».

Рита так и продолжала называть поп-корн кормом, чем сначала вызвала недоумение Леши, когда, после процедуры с умыванием, потянув его за рукав, попросила купить ей «корм».

— Это она так воздушную кукурузу называет, — со смехом пояснила Лера.

— А я уж решил, ребенок голодный, — улыбнулся он. — Подумал, может, от того и рыдала.

Из кинотеатра они поехали на музыкальный фестиваль, который в те выходные проводился на берегу реки Томи. Кругом стояли палатки, народ пел песни у костров, на большой сцене шел концерт. Часа через полтора Рита, которую утешили еще и куриным шашлыком, стала ныть, что устала и хочет домой.

— Давайте сегодня поедем ко мне на дачу, — предложил Алексей. — Мама в городе, приедет только завтра. Да и потом, до моей гораздо ближе, чем до вашей, а дети, ты же видишь, сильно устали.

Лера посмотрела на Гошку. Он, в самом деле, был уже довольно вялым. Лишь Никита держался мужественно.

В машине с Ритой случился казус. Лере было ужасно неловко. Девочка давно умела проситься на горшок, но, видимо, на этот раз от переутомления не успела.

— Ой, как неудобно получилось, — пытаясь оттереть пятно со светлой ткани на сиденье, причитала Лера.

— Ты иди в дом, готовь детей ко сну, я все сделаю. Подумаешь, проблема. Постираю завтра чехлы, да и все, — очень спокойно сказал Алексей, и Лера в очередной раз с восхищением посмотрела на него. «Неужели он такой на самом деле? — думала она. Или он такой только сейчас, а потом все изменится?»

Дети очень быстро заснули. Гошу и Риту она уложила вместе на двуспальную кровать родителей Алексея, на всякий случай подстелив под простыню клеенку. Никита спал отдельно, на своей кровати. Сами Лера и Леша легли в другой, смежной, комнате.

Наконец они остались наедине. Напряжение, накопившееся за период, что они не могли толком прикоснуться друг к другу, вылилось в полчаса нежных объятий, поцелуев и всего прочего, что обычно следует за этим между взрослыми людьми, лежащими под одним одеялом. Когда процесс приближался к завершению, дверь в комнату, скрипнув, приоткрылась и в проеме появилась Рита:

— Мам, я боюсь, там темно, я хочу с тобой, — прохныкала она.

Никакие уговоры не действовали, ребенок упрямо стоял на своем: девочка улеглась рядом с матерью и обняла ее за шею. Ни о каком продолжении начатого речи, конечно, уже не шло.

Утром Лера проснулась от знакомого грохота на кухне. Поначалу ей показалось, что она снова очутилась десять лет назад в своей старой родительской квартире, где утренний гром маминых кастрюль неизменно служил для нее будильником. Но на этот раз это была не ее мама.

— Мама, ты что так рано приехала? — спросонья спросил Леша, когда та возникла в том же проеме, что и Рита несколько часов назад.

— Прости, сын, я не знала, что у тебя тут целая толпа ночует, — в голосе мамы не было и тени неловкости, в которую она поставила всех, зайдя в комнату.

Лере мгновенно захотелось превратиться в такую же маленькую девочку, как Рита, и спрятаться под одеяло. Или — еще лучше — залезть в пододеяльник, как она любила делать в детстве. Но когда тебе тридцать и у тебя двое детей — так вести себя довольно странно.

— Мама, это Лера, о которой я тебе рассказывал.

— Из Питера? — уточнила та, глядя на сына.

— Из Питера. Мы приехали на месяц с детьми к моей бабушке, — решила встрять в разговор Лера, чтобы как-то обозначить себя в пространстве.

Ей хотелось встать, но предстать перед женщиной в футболке ее сына было неловко. А та, казалось, вовсе не собиралась выходить из комнаты, чтобы дать им возможность одеться.

— Ваша дочка? — кивнув на спящую рядом Риту, спросила мама, переведя, наконец, глаза на Леру.

— Да. Зовут Маргарита.

— Понятно... А меня зовут Зинаида Владимировна, я Лешина мама, — представилась она. — Ну что ж, ладно. Я пойду поставлю чайник, а вы пока одевайтесь, и за завтраком поговорим, — велела Зинаида Владимировна тоном строгой учительницы, которая вызывает родителей в школу. Она еще раз оценивающе взглянула на Леру и вышла из комнаты.

«Мда...» — только и подумала Лера. Ей совершенно не хотелось чая.

Она посмотрела на Алексея с немым вопросом. Тот лишь немного виновато пожал плечами и стал одеваться.

Мальчишки еще спали. Рита, по своему обыкновению, пробудилась раньше всех. Девочка, в отличие от своей мамы, была жаворонком: рано ложилась и рано вставала. Она вышла на веранду первая.

— Ну, садись, Маргарита, бери ложку, я тебе каши положу, — услышала Лера их разговор, доносящийся из кухни.

— Я не хочю касю, — ответила девочка.

— Все дети должны утром есть кашу, это не обсуждается. Садись, — прозвучал приказ.

«Может, с детьми так и надо, это я слишком много сюсюкаюсь...» — пыталась настроить себя Лера на позитивный лад. Чувства ее говорили другое, но разум, понимая, что ситуацию не изменить, срочно пытался изменить к ней отношение.

— Лера, вы работаете? — был первый вопрос мамы Алексея, как только все сели за стол.

— Да, работаю. В газете.

— Что делаете?

— Занимаюсь продвижением бренда, организовываю разные мероприятия, иногда пишу что-то...

— Понятно... — с той же тянущей интонацией сказала Зинаида Владимировна. — Платят хоть нормально?

— Они думают, что нормально, — попыталась разрядить обстановку Лера, но по взгляду своей собеседницы поняла, что здесь чувство юмора ее не спасет.

— Значит, мало... — задумчиво отхлебнув из чашки чай, сказала мама Алексея. — Понятно.

Тут Лера стала догадываться, к чему весь этот разговор.

«Наверное, она переживает, не стану ли я охотиться за деньгами ее сына, поэтому интересуется моими доходами», — подумала она.

Подобный вывод сделала мама Артема, когда Гошка был совсем маленьким. Лере тогда было очень обидно услышать такое обвинение. Ситуация повторялась.

Лере очень хотелось побыстрее выйти из-за стола и больше никогда не возвращаться в этот дом. Но Леша, увидев выражение ее лица, пришел на выручку.

— Мам, ты с какой целью интересуешься? Хочешь у Леры денег одолжить? — попытался он разрядить обстановку.

— Что за глупости ты говоришь, сын! — в очередной раз не поняв юмора, возмутилась мама. Ей, видимо, тоже было не по себе от своих эмоций, которые, по этикету, необходимо было скрывать, и она решила переключиться на девочку, обреченно жующую пшенную кашу. На лице у Зинаиды Владимировны впервые появилась улыбка.

— А ты, девчушка, рада, что приехала к бабушке?

— Да! — звонко ответила та. — Мы купаемся в йечке!

— Так вода в речке еще холодная, разве нет? — улыбка сразу исчезла, и мама Алексея прежним взглядом вопросительно посмотрела на Леру.

Лере так сильно хотелось исчезнуть, что она мысленно набрала в легкие воздуха и немедленно представила себя рассекающей на серфинге океанские воды Антананариву. От картинки любимой песни, мгновенно нарисовавшейся в воображении и перенесшей ее из этой реальности в другую, Лере сразу полегчало:

— Да, холодноватая. Но Рита девочка закаленная, мы постоянно в бассейн с ней ходим, — спокойно ответила она.

— Ну, бассейн это одно, а река в Сибири — совсем другое!

Разговор с мамой Леши продолжался еще минут десять, пока не была съедена вся пшенная каша и не выпит чай. Из него Лере удалось еще немного узнать о бывшей жене Алексея.

— Не пойму, чего Инне не хватало... — неожиданно сказала Зинаида Владимировна. — Все было хорошо, жили все вместе, дружно, а она — раз, и дала стрекача. От такого мужа! Голова — дом советов! Перспективный. Хорошо зарабатывает. А мальчика оставила нам. У нее, кстати, двойня родилась, ты знал? — обратилась она к сыну. — Мне вчера Иннина мать звонила, хочет внука навестить, рассказала, что недавно ездила с новорожденными нянчиться.

— Нет, мам, я не знал, — ответил тот таким спокойным тоном, что Лера задумалась: или он действительно ничего не чувствует при этом, или так хорошо маскируется?

— Жили бы и жили... И чего не хватало?.. — задумчиво произнесла его мама, повторяясь.

— Мама, спасибо за завтрак, мы пойдем мальчишек будить, да поедем уже, наверное, — встал из-за стола Алексей.

— Позавтракают пусть сначала! — сказала она вслед выходящему из кухни сыну. Лера поспешила за ним.

Когда Георгий с Никитой сели за стол, Лера, Леша и Рита решили прогуляться до маленького озера, что было неподалеку. После общения с мамой ни один из них не знал, о чем говорить. Их молчание прервал голосок Риты.

— Мама, а правда эта тетя похожа на Фрекен Бок? — подменяя звуки своими смешными, детскими, прозвенела она.

— Какая тетя, доча? — выскочив из задумчивости, спросила Лера.

— Ну та, что заставляла меня есть эту противную касю.

Лера прыснула: устами младенца...

— Каша была вкусная. А тетя — это мама дяди Леши.

— Все йавно она как Фйекен Бок! А ты, дядя Ёся, Кайсон! — засмеялась девочка. — Тойко веселишься меньше, — добавила она, меняя «ш» на «с».

— Раз я Карлсон, тогда садись ко мне на спину и полетели! — он подхватил девочку и начал кружить. Рита заливисто смеялась. Она ужасно любила, когда ее брали на руки и поднимали высоко-высоко, а еще лучше — подкидывали. Так когда-то делал Олег. Эта картина отвлекла Леру от мрачного настроения, и их короткая прогулка закончилась не на такой грустной ноте, на какой началась. Алексей снова был в своей желтой рубашке, что была на нем в день знакомства. Такой же милый, с детской улыбкой... Она снова вспомнила забытую в самолете игрушку и подумала о том, что это наверняка знак — такое сходство.

— Ты извини за то, что мама испортила тебе настроение, — обратился он к ней, когда они уже подходили к дому. — Она та-

кая, какая есть. Вообще она хорошая, просто всегда берет на себя слишком много. А с Инной так вышло... — он сделал паузу. — Фактически мама не отдала ей Никиту, а та не стала настаивать. Она и мне не хотела его отдавать, он ее любимый внук. Я, честно говоря, не хотел вас так быстро знакомить. Не знал, что она приедет ни свет ни заря. Думал, мы успеем уехать раньше.

— Ты меня тоже извини, что наступлю тебе сейчас на мозоль, но я теперь думаю, что, может, вашей с Инной ошибкой было то, что вы жили вместе с родителями? Я как-то очень живо сейчас представила себя на ее месте...

— Что, тоже бы сбежала? — спросил он, глядя ей прямо в глаза.

Лера ответила красноречивым взглядом.

— Понятно... — произнес он любимое слово своей мамы.

Они пытались разговаривать на отвлеченные темы, но настроение у обоих было испорчено. Вернувшись в дом, Лера увидела довольного сытого Гошку в незнакомой футболке.

— Я Георгию старую Никиткину футболку надела. Ваша уже грязная, стирать надо, — Зинаида Владимировна протянула его прежнюю футболку в аккуратно сложенном виде в пакете.

— Спасибо большое, — поблагодарила Лера, взяла футболку и, вежливо попрощавшись, направилась к машине.

Они усадили Гошку с Маргошкой на заднее сиденье, Никита остался с бабушкой. Он стоял у калитки, махая им вслед. Лера вдруг представила, что видит его в последний раз, и от этой мысли ей стало очень грустно. Она поняла, что привязалась к этому милому ребенку с задумчивым взглядом.

По дороге она попросила Алексея включить радио. Ей не хотелось разговаривать. После общения с его мамой она остро почувствовала себя никчемной одинокой матерью, которая не умеет зарабатывать деньги и вовремя стирать детям одежду. Ощущение было не из приятных. И самое печальное в нем было то, что это была правда.

«Не достойна, — думала Лера дорогой. — Не достойна...»

Два дня Алексей и Валерия провели раздельно. До его отъезда в Москву оставалось совсем немного. Она решила, что пер-

вой звонить ему не будет и, как это делают исключительно все женщины, изо всех сил ждала, когда позвонит он. Лера не могла сказать, что влюблена, но что-то в этом трогательном человечке зацепило ее так, что через сутки она уже почти забыла о том, что случилось прошлым утром. В конце концов, какая разница, что думает и говорит его мама. Мама — в Сибири, они — в Москве и в Питере. Расстояние утешало.

Но следующий ход был за ним. Однако Алексей так и не позвонил.

***

Он просто приехал.

Алексей появился в момент, когда она была ужасно расстроена. Пока Лера готовила завтрак, дети играли в огороде и через некоторое время сообщили ей, что приготовили... волшебное зелье.

— Мама, посмотри, какое у нас зелье получилось! — позвал ее Гошка.

— Да, мам, посматйи! — вторила ему сестра.

Лера вышла на крыльцо и увидела, как Гошка тащит ковшик с мокрым песком и воткнутой в него алюминиевой ложкой. Сын с довольным видом помешивал получившуюся жидкую кашицу. Какие-то вкрапления цвета и запах «зелья» показались Лере знакомыми. Она посмотрела на место приготовления и увидела открытый тюбик с очень хорошим солнцезащитным кремом и пустой пузырек дорогой туалетной воды, которую она давно хотела, купила накануне их отъезда и сунула в сумку в последний момент.

«Еще думала ведь, зачем беру с собой на дачу, кому тут нужны мои ароматы... Хорошо хоть, успела попользоваться пару раз», — чуть не плача, бормотала она. Лера встряхнула пластиковую бутылочку из-под крема, в надежде, что там хоть что-то осталось, но напрасно — дети постарались на славу. Туалетной воды было совсем немного — на самом донышке. Создатели волшебного зелья выпрыскали практически все.

— Кто вам разрешил это брать?! — спросила Лера сердито, повысив голос. — Это же нужные штуки! Они дорого стоят! Почему не спросили меня? И почему я не поставила это на самую верхнюю полку... Чем я вас теперь буду мазать от солнца? — ворчала она, понимая, что все бессмысленно. — А туалетная вода... Она же была совсем новая!

— Ну, мам, зейе зе войсебное! — непонимающе надула губы Рита.

Ее брат стоял с виноватым растерянным видом, держа в руках ковшик с грязью, и Лере стало жаль его. Но она не могла так быстро пересилить свои эмоции в пользу детского творчества, поэтому, махнув рукой, ушла на кухню. Из-за огорчения она не заметила Алексея, который стоял у калитки. Лера не знала, с какого момента он наблюдает эту сцену. Это был первый раз, когда он видел ее такой расстроенной и сердитой.

— Не переживай, ерунда все, это же — дети, — он подошел сзади и обнял ее за плечи. Лера вздрогнула от неожиданности.

— Маргарита Васильевна, можно похитить у вас внучку на пару часов? Тут в лесу, говорят, маслята пошли, мы по-быстрому съездим, наберем.

— Успеете, за два часа-то? — с недоверием спросила Лерина бабушка.

Увидев Алексея, Лера постепенно стала приходить в равновесие. Ей показалось, за эти три дня, что они не общались, в нем произошла какая-то перемена. Он смотрел на нее так, словно не видел не три дня, а целую вечность. Да и она чувствовала, что соскучилась.

— Отличное зелье! — похвалил детей дядя Леша. — Я бы выпил, только песок не очень люблю. В следующий раз не добавляйте его, пожалуйста. И мамины крема тоже, ладно? А то видите, как она расстроилась.

— Мам, дядя Ёся яблок привез, порежь на четвереньки! — теряя звук «р», протянула ей Рита зеленое яблоко.

Лера прыснула. И чего она злится? Ну да, дорогие штуки. Но не дороже денег. Просто денег-то лишних нет... Но разве ж дети это понимают?

— Пойдем, детка, яблоки сначала надо помыть, на них живут грязные микробы. Если фрукты не мыть, эти микробы попадут в живот, и он будет болеть, — сказала бабушка Рита, взяв правнучку за руку и отвлекая от отъезда матери, чтобы девочка, по обыкновению, не расплакалась.

Валерия и Алексей сели в машину, где он крепко прижал ее к себе. Ей почему-то снова стало грустно. «А вдруг с его отъездом волшебство исчезнет так же, как и появилось, и на месте этого человека снова появится большая мягкая игрушка, которая будет смотреть на меня пустыми веселыми пластмассовыми глазами?..» Когда это ни с того ни с сего пришло ей в голову, Лере почему-то захотелось заплакать.

— Что с тобой? — заволновался он, заметив выражение ее лица.

— Да так, ничего, — пытаясь улыбнуться, ответила Лера. — Надо что-то делать со своими фантазиями, ерунда всякая в голову лезет. А мы что, действительно за маслятами едем?

— Конечно! Они, правда, уже в багажнике, купил по дороге, надо же будет бабушке что-то показать, когда приедем.

— Вот ты хитрец, — засмеялась она. Ей понравилась его придумка с грибной охотой. — А куда едем?

— В лес. Только с другой целью.

— Завершить незавершенное? — рассмеялась она.

— Точно, — ответил он и поцеловал ее крепким любящим поцелуем так, что ей захотелось в лес как можно скорее.

Предаться любви на лоне природы в условиях сибирского леса молодым людям не удалось: бдительные июньские клещи, подстерегающие своих жертв, быстро вычислили их местонахождение. Это была легкая добыча — им даже не пришлось проникать под одежду — ее не было. Стряхнув с себя сразу двух жучков, Лера быстро вернулась в машину и закрыла все двери и окна.

— Какое опасное занятие! — прокомментировала она, когда они внимательно осматривали каждый сантиметр кожи друг у друга, чтобы убедиться, что все клещи остались за дверью.

— Вечно нам кто-то мешает, — улыбнулся Леша.

Но на этот раз, кроме клещей, им, к счастью, не помешал никто.

На обратном пути они заехали в придорожное кафе и заказали по шашлыку.

— Знаешь, у меня еще не было таких женщин, как ты, — вдруг сказал он, пока они ждали заказа.

— Каких — таких? — заинтересовалась она.

— Ты — самостоятельная. Независимая. Свободная.

— Не в смысле свободная, а в смысле — свободная? — улыбнулась Лера, произнеся одно и то же слово с разной интонацией и вложив в него разный смысл.

Алексей не понял шутку. У него сделалось недоуменное выражение лица. «Ерунда, — подумала Лера, хотя раньше ее всегда беспокоило, когда мужчина не реагировал на ее юмор. — У него есть куча плюсов, при которых вовсе не обязательно иметь идеальное чувство юмора».

— Я поначалу даже испугался того, что со мной стало происходить после нашей встречи. Со мной такого еще не было. Не думал, что способен на такие сильные чувства. Решил, подожду, может, пройдет. Но не проходит, а только усиливается.

Слово «люблю» не прозвучало, но и все и так было понятно. Они проговорили полчаса, не вспоминая ни о чем, что могло бы омрачить их прощальную встречу.

Для Леры большим откровением было узнать, что бывшая жена была у Алексея единственной женщиной.

— Ничего себе... — Лера была шокирована этой новостью. — А я-то поначалу в самолете решила, что женатый человек решил поразвлечься, — сказала она.

Теперь ей все стало намного понятнее. Это был цельный человек с еще нерастраченными чувствами. В отличие от нее. Иногда ей казалось, что из-за всего пережитого у нее их осталось совсем-совсем мало.

— В таком случае, ты отлично мне подыграла. Никогда не забуду наш первый поцелуй, — засмеялся Леша.

— Да уж... Прямо неловко вспомнить, — она слегка смутилась. — Я тогда была уверена, что он у нас будет первым и последним.

— Ни в коем случае! — твердо сказал Алексей. — Будет еще много. Ты, кстати, сохранила мой московский номер?

— Ты с двух номеров звонил.

— Я тебе тогда сейчас еще раз позвоню, последний пропущенный сохрани, пожалуйста, — Он достал из кармана мобильник, и Лера неожиданно увидела на дисплее свою фотографию — ту, что теперь была главной на ее странице в социальной сети. На ней она держала букет сибирских жарков, в тон своим оранжевым волосам.

— Ничего себе! — вслух удивилась она. — Я у тебя на экране телефона.

— Просто очень понравилась эта фотка, — казалось, Леша был немного смущен тем, что она ее увидела. — Решил сделать заставкой. Ты тут такая... солнечная.

— Мне невероятно приятно, правда, даже не знаю, что сказать, сейчас, наверное, раздуюсь от гордости, — Лера не могла перестать улыбаться.

— Я звоню, — он набрал номер, приложил телефон к уху и, дождавшись третьего гудка, сбросил. — Все, вызов пошел, теперь на связи. И еще я тебя в друзья добавил — как зайдешь в интернет, подтверди. Теперь не потеряемся.

— Хорошо.

От этой протянувшейся между ними ниточки на душе ее стало спокойно и радостно. На обратном пути он свернул в соседний поселок.

— Куда мы едем?

— В аптеку.

— Теперь-то уже зачем? — засмеялась Лера.

— Есть одно дело, — сказал он с улыбкой. — Подожди меня в машине, я быстро.

Алексей скрылся за дверью маленькой сельской аптеки и вернулся с каким-то желтым пластмассовым пузырьком.

— Прости, было только такое, — протянул он Лере солнцезащитное средство. — Это, конечно, не той же фирмы, что было у тебя, — попроще, но все же лучше, чем ничего.

— Спасибо, — она была очень растрогана его заботой. — Слушай, а ты правда существуешь?

— Ага, — очень просто ответил Леша, заводя машину.

Вынув из багажника корзину с маслятами, они поставили ее перед бабушкой как жертвоприношение.

— Надо же, да какие ровненькие все, аккуратненькие, как на подбор! — удивлялась Маргарита Васильевна, разглядывая грибы. — Такие хоть на продажу.

Лере было неловко, что они обманули бабушку, но это была забавная ложь. Они с хитрой улыбкой переглянулись с Алексеем. На самом деле бабушка была очень умная и, не исключено, что она им просто подыграла.

— Пожарим сейчас с картошкой. Алеша, вы останетесь на обед? — спросила она.

— Нет, Маргарита Васильевна, я, к сожалению, должен ехать. Завтра рано утром у меня самолет.

— Обратно в Москву?

— Да, работа ждет. Прилечу за Никитой в конце августа, перед школой.

— Ну, что ж, счастливо вам добраться. Удачи в делах, — лаконично попрощалась бабушка.

Может быть, она и хотела сказать что-то еще, но Маргарита Васильевна была старой закалки. Ее сдержанность всегда восхищала Леру — как качество, данное ей самой в минимальном объеме. Даже в самом эмоциональном разговоре Маргарита Васильевна старалась сохранять спокойствие и выдержку.

Вечером Лера, уложив детей, обнаружила на табуретке ковшик с приятно пахнущей грязью. Она вспомнила свои эмоции и расстроенные лица ребятишек, и ей стало стыдно.

«А что, если зелье и правда волшебное, — подумала она, — и если его попробовать, жизнь наполнится чудесными событиями... — Лера сунула палец в «волшебную» грязь и слегка коснулась ее языком. — Надеюсь, этого хватит», — улыбнулась она.

Подойдя к кроватям, где спали дети, Лера мысленно попросила у них прощения за то, что не оценила творческий порыв,

зациклившись на материальных составляющих волшебного зелья.

Оставшиеся две недели Лера ни разу не уезжала с дачи, готовила обеды и занималась детьми. Началась их привычная летняя жизнь: дом, речка, огород и баня. Детям здесь было раздолье: они бегали босиком по дорожкам огорода, ели свежую клубнику, редиску и щавель, купались и выполняли мелкие поручения, например, принести два полешка дров или полить из лейки редиску.

Каждый день Лера получала от Алексея сообщения, которых скоро накопилось столько, что телефон стал ругаться на недостаток памяти. Сразу после отъезда он написал ей то, что важно услышать каждой женщине: «Я тебя люблю. Очень сильно люблю. И ужасно скучаю».

Ближе к концу их пребывания в Томске активизировался Миша и стал уточнять насчет встречи в аэропорту.

«У тебя все нормально? Квартира цела?» — уточнила Лера. — «Да, не переживай, нам будет где жить». Нам? — хмыкнула она. Интересный поворот. Она пыталась решить: сообщить ему сейчас, чтобы человек перестал тешить себя иллюзиями, или отложить этот разговор до их приезда. Но это «нам» так ее резануло, что она решила написать сразу: «Миша, давай все-таки не будем переходить границу дружеских отношений. «Мы» возможны только в этом аспекте». Она отправила и села переживать, а вдруг он просто ошибся буквой и вместо «в» написал «н»... Ответ от него пришел поздно вечером, накануне их отправления в аэропорт: «Приедете — поговорим, ОК?» — «ОК» — ответила она.

В очередной раз с грустью попрощавшись с бабушкой, они отправились на Олеськиной машине в аэропорт и через шесть часов были уже в Питере. Увидев Мишу, с цветами идущего им навстречу, она почему-то первым делом подумала об Алексее. О том, что он наверняка хотел бы оказаться на его месте. Но теперь их разделяло расстояние в шестьсот километров. Хотя разве это препятствие — по сравнению с океаном, что разделял ее

и Ричарда? И уж тем более по сравнению со временем, когда она вообще его не знала и лишь загадала, что в ее жизни непременно когда-нибудь появится именно такой человек, который примет и ее, такой, какая есть, и детей, и они вместе поплывут в одной лодке.

Встретившись с Михаилом, Лера вдруг подумала, что ведь именно благодаря тому, что он убедил ее лететь на самолете и помог купить билеты, они встретились с Алексеем. «И совершенно случайно мы взяли билеты на соседние кресла на большой высоте...», — вдруг вспомнилась ей песенка. Ее так и подмывало сразу обо всем рассказать другу их семьи, но у него был такой радостный и полный надежд вид, что она решила подождать до дома.

— Понятно... — задумчиво произнес он после ее финального вздоха в конце рассказа о том, что случилось у нее в самолете и потом. — Ну что ж, это судьба. И я, выходит, сам помог ее устроить. Были ведь билеты на поезд.

— Миша, родной, — она погладила его по руке. — У нас все равно бы ничего не получилось, прости. Ты замечательный, но я тебя воспринимаю исключительно как друга.

— Муж и должен быть другом, — сказал он.

— Бесспорно, — согласилась она. — Но нужно еще что-то большее, ты же все понимаешь.

— Понимаю... Ну, ладно, я тогда побегу уже. Надо это переварить.

— Не пропадай, пожалуйста! Давай, по традиции, съездим куда-нибудь в выходные с ребятишками.

— Если их Карина отпустит. Она ужесточила расписание. А к тебе вообще настроена в штыки.

— Странная женщина, странная... И что я ей сделала?

— Лично ты — ничего. Мое отношение к тебе сделало, — он был грустен и задумчив. — Ладно, я пойду. Созвонимся.

Он снова стал Мишей, с которым она встретилась в поликлинике — деловым и немного отстраненным. Лера в первые два часа чувствовала себя ужасно виноватой, но потом стала

гнать от себя эти мысли, мотивируя тем, что ведь она никогда ничего ему и не обещала и всегда вела себя честно. Получалось, из-за нее он потерял друга. Но ведь в ее лице он приобрел нового! Конечно, с ней не получится ездить «по девочкам», но зато Артем вряд ли стал бы посещать с ним присутственные места с детьми.

Особенность Лериной психики была такой, что как только в сознании появлялся какой-то негатив, его тут же настигала волна странной логики, превращающая отрицательную ситуацию в положительную и находящая маленькие плюсы даже в самых длинных минусах.

«Помогу ему найти девушку», — решила она и занялась перебиранием в голове своих подруг, мимо которых еще не проехал Принц на белом коне.

Такая особа в ее каталоге нашлась очень быстро. Эта девушка была сама стабильность. Насте перевалило за тридцать, а у нее до сих пор не было никаких отношений: ни серьезных, ни несерьезных. Она много лет работала в библиотеке, где общалась, в основном, с книгами. Лера неоднократно предпринимала попытки встряхнуть подругу, вытащив ее из кокона скромности и целомудрия, но все они были тщетны.

«У Миши должно получиться. Он настойчивый, — прикинула «сваха». — Главное, чтобы они понравились друг другу».

И Лерин мозг начал разрабатывать план. Тут нужно было действовать так, чтобы ни один, ни другой не понял, что она нарочно их знакомит. Иначе излишне стеснительная Настя, как обычно, испугается и начнет сомневаться, а он вообще может обидеться на нее за такую инициативу. «Наше кредо — внезапность», — Лера решила, что их встречу надо будет просто подстроить, как это сделал Виктор, познакомив ее с Ричардом. И, как и он, повести разговор так, чтобы они заинтересовались друг другом.

«В принципе, Миша и Настя оба интеллектуалы, книжки любят читать, если найдутся общие интересы — шансы есть», — рассудила Лера.

***

То, что она задумала, совершилось очень быстро и неожиданно даже для нее самой. Библиотека имени Лермонтова, где работала Настя, через неделю устраивала какое-то мероприятие для детей, и подруга сама позвонила ей, чтобы позвать ее с ребятишками. Собирать народ на мероприятия было Лериной профессией, и она сообщила об этом всем своим друзьям, у кого были дети и, в первую очередь, Михаилу.

— Привет, Настя, тысячу лет тебя не видела! — обрадовалась она. — Вот, познакомься, это Миша, мой друг, и его ребятишки, Ваня и Настя, твоя тезка. Ну, имена моих ты, надеюсь, помнишь.

— Обижаешь... — шутя ответила Настя. — Конечно, помню.

Лера отметила в девушке перемену к лучшему. У нее была другая прическа, она сделала мелирование, стала пользоваться косметикой и купила себе очки с ярко-розовой оправой. Подруги не виделись примерно полгода — для питерской суеты такой срок — вполне нормальный. А из-за того, что Лера переехала и у нее родились дети, время для встречи было найти не так уж просто.

— Теперь смотришь на мир через розовые очки? — пошутила Лера, слегка дотронувшись до оправы.

— Да мама недавно на день рожденья подарила, убедила, что такие яркие оправы сейчас в моде. — как будто оправдываясь, смущенно произнесла Настя и спросила мнение Леры: — Мне идет?

— Мне кажется, очень идет, — вмешался в разговор Михаил, несмотря на то, что дети дергали за рукава и звали пойти с ними. — Вы, Настя, в этих очках очень напоминаете мне мою учительницу английского, в которую я был влюблен в одиннадцатом классе. Увидев вас в этих очках, я снова почувствовал себя влюбленным мальчишкой.

Лера видела, что Настя окончательно смутилась. В этот момент она была похожа на героиню фильма «Служебный роман», когда та нарядилась в непривычное для нее платье и переживала,

что ей это не идет. Информацию о Мишиной учительнице Лера восприняла как зацепку и выдала следующее:

— Тогда, у тебя, Миша, есть шанс отдать долг по английскому языку.

— Это как? — не понял он.

— Мне Настя как-то жаловалась, что у нее с английским туговато, а ты, насколько мне известно, практически свободно общаешься. Может, подтянешь девушку? А, Насть, ты ведь не против позаниматься? — подмигнула она подруге. Цвет Настиного лица тут же стал напоминать цвет оправы ее очков.

— Не знаю, справлюсь ли я с уроками, — приняв информацию совершенно всерьез, отреагировал Миша, — но один интересный тренинг по технике запоминания большого количества новых иностранных слов вполне можно вместе посетить. Он будет через две недели. Настя, хотите пойти со мной? — неожиданно предложил он.

— Ну, я даже не знаю, — в своей привычной сомневающейся манере отозвалась Настя. — А какой это будет день недели?

— Если вы мне дадите свой номер телефона, я пришлю вам сообщение с датой, местом и временем.

Услышав это, Лера сделала вид, что ее что-то очень сильно заинтересовало на книжной полке, и со словами «Надо же! Как я давно искала эту книгу!» оставила новых знакомых наедине. Как морской капитан в свой прибор, она несколько минут наблюдала за ними через щелку между корешками книг и следующей полкой. Михаил что-то весело рассказывал Насте, активно жестикулируя, а та несколько смущенно смеялась, скрестив руки на груди.

«Что, интересно, он ей такое говорит? — разбирало Леру любопытство. — Вот ведь павлин! Недолго страдал, распустил хвост перед первыми же розовыми очками». Ей стало смешно от этого бессмысленного укола ревности по отношению к Мише. «Чего это ты, Лера, ты же сама этого хотела! — одернула она себя. — Пусть у них все получится!» — мысленно благословила она друзей и пошла к детям.

Через неделю втроем они впервые отправились в Москву «в гости к дяде Ёсе», с которым они не виделись целый месяц. Дети были страшно рады снова сесть в поезд и поесть своей любимой лапши. Рано утром их встретил Алексей, он тоже, как и Миша, пришел на вокзал с цветами Лериного любимого цвета — оранжевого.

— С днем рождения, любимая!

— Спасибо, приятно-то как! Какие интересные, я таких раньше и не видела, — удивилась Лера, разглядывая цветы.

— Я спросил, как они называются, но тут же забыл, — виновато улыбнувшись, сказал он.

Сначала они заехали к Леше на съемную квартиру, чтобы положить вещи и позавтракать. Он заранее позаботился о том, чтобы дома было что поесть, приготовив на завтрак... суп. В качестве подарка Алексей преподнес ту самую дорогую туалетную воду, что стала одним из ингредиентов волшебного зелья.

— Какая прелесть — праздничный суп! — радовалась надушенная любимым ароматом Лера. Суп оказался очень вкусным. — Какая будет культурная программа?

— Давайте просто по городу прогуляемся и потом зайдем пообедать в какое-нибудь приличное место — отметим твой день рождения.

— Прогуляемся в Мавзолей! — вдруг осенило ее.

— В Мавзолей? — с некоторым удивлением отреагировал Алексей.

— Да, давай прямо сейчас поедем в Мавзолей, я там была всего один раз в жизни, в детстве, лет в пять, наверное. Помню очень смутно длинную очередь с раннего утра, в сумерках... Ужасно хочется увидеть это же, но глазами повзрослевшего на двадцать шесть лет человека.

— А я, признаться, ни разу там и не был. Даже как-то в голову не приходило пойти, — пожал плечами Алексей.

— Ну, значит, решено. Раз из нас четверых там была только я, точно надо сходить. Дети, обувайтесь, мы идем смотреть дедушку Ленина.

Лере почему-то в голову не пришло, что ребятишки практически ничего не знают о Ленине. И вследствие этого ее прокола в Мавзолее произошел курьезный случай.

— Так дедушка же умер! — громко и потрясенно воскликнул Гошка в полумраке Мавзолея.

Мертвенно-бледный часовой страшно зашикал на мальчика. Лера чуть не упала со смеху. С одной стороны, она ругала себя за то, что допустила такую глупую оплошность, совершенно выпустив из головы этот действительно важный факт, с другой — она увидела эту ситуацию со стороны, и ей было ужасно смешно видеть мрачные лица солдат, что стояли на вахте, и серьезность таких же визитеров, как они. Она в двух словах шепотом рассказала Гоше про Ленина, и, все еще еле сдерживаясь от смеха, перевела взгляд на Лешу, но тот почему-то даже не улыбнулся.

— Почему все такие серьезные, разве это было не смешно? — шепнула она Алексею. Тот недоуменно пожал плечами.

«Или со мной по жизни что-то не так, или со всеми остальными...» — Лера тоже постаралась сделала лицо, подобающее пребыванию в Мавзолее. Но с этого момента ее почему-то все больше стало напрягать то, что Леша не всегда понимал ее юмор, а сам порой шутил так, что это вызывало у нее не улыбку, а недоумение. Чувство юмора всегда было одним из важнейших качеств для нее. Если мужчина мог ее рассмешить — в этом уже была половина успеха их отношений.

За два месяца у отношений Алексея и Валерии появилось четкое расписание. Дважды она с детьми ездила к нему в Москву, остальные разы он сам приезжал к ним каждые выходные. Это уже напоминало гостевой брак. Внешне все было хорошо, но Леру постоянно что-то напрягало, но она не могла понять, что... За его детской непосредственностью она вдруг стала видеть слишком наивное простодушие, и если раньше его вопросы, ответ на которые был очевиден, умиляли ее, то теперь начали раздражать. Даже прежняя забота и предупредительность иногда вызывала у нее протест, ведь он помогал буквально во всем, и ей фактически уже ни о чем не надо было думать, а Лера так не могла.

В Петербурге этот простой и добрый человек воспринимался ею иначе. Он был слишком простым. Нетипичным для большого города. Москва за два года еще не успела испортить его.

Лера постепенно познакомила Алексея со всеми подругами, и Надя, со свойственной ей прямотой, добавила сомнений в ее копилку:

— Как-то вы не монтируетесь, — без обиняков заявила она.

Чувство, начавшее рождаться у Леры к Алексею на берегу Оби, вдруг пропало так быстро, словно этот большой голодный город просто взял и проглотил его. А может, она здесь была другой. Даже мама как-то сказала ей: в Томске ты одна, в Питере — совсем другая — холодная... Теперь Лера снова, как прежде, часто слушала Земфиру. Тексты некоторых песен так совпадали с тем, что она чувствовала!

Мы разбегаемся по делам,
Земля разбивается пополам.
Сотри меня, смотри в меня,
Останься.
Прости меня за слабость
И за то, что я так странно и отчаянно люблю.
Вздох сожаления на губах,
Зависли в неправильных городах.
Звонки телефонные под луной,
Границы условные,
Я с тобой.
Сотри меня, смотри в меня,
Останься.
Прости меня за слабость
И за то, что я так странно и отчаянно люблю...

Зависли в неправильных городах... Алексей действительно любил ее вопреки всему: странно и отчаянно. Лера была его слабостью. Он не мог не заметить, что с ней что-то происходит, но она видела, что Леша не решается спросить, в чем дело. Да и сама она не решалась ничего сказать, потому что не знала, как объяснит ему то, что не могла объяснить самой себе. Лера так ни разу и не смогла ответить на его «Я тебя люблю» — «Я тоже».

«Вот правду говорят: бабы — дуры, — записала она в электронном дневнике. — Ну чего мне не хватает? Рядом со мной — идеальный мужчина, практически ангел. Да, не Аполлон, но разве ж в этом дело? Человека с такой чистой душой я встречаю впервые и, боюсь, не встречу уже никогда. Это — подарок судьбы, казалось бы, бери да радуйся, но нет — нашла до чего докопаться — чувство юмора у него не дотягивает... Но он же принял меня такой, какая я есть — со всеми моими тараканами, детьми и беспорядком. Принял их как своих, приехал, помог убраться в доме, помыть полы, приготовить ужин. Ни разу ни в чем не упрекнул, не сказал ни одного дурного слова. У меня вообще складывается ощущение, что он больше женщина, чем я. Таких мужчин просто не бывает: мягкий, терпеливый, любящий... Я все ждала подвоха, а его нет. И, видимо, так надеялась найти его, что подсознание уже само стало придумывать, за что бы уцепиться, чтобы уйти в негатив. Что со мной происходит?». Задав этот вопрос, на который у нее не было ответа, Лера захотела заплакать, но у нее не получилось.

Просидев у компьютера несколько минут, она продолжила выплеск чувств, который, в отличие от себя юной, сообщавшей обо всем публично в интернет-конференции, уже давно не показывала никому.

Это непонятная резкая перемена сильно беспокоила ее. Раньше с ней никогда такого не было. Казалось, их только развивающиеся отношения, омраченные лишь разговором с его мамой, которая теперь была далеко, вдруг будто кто-то сглазил.

«Почему мои чувства так изменились? Может быть, я уже просто не способна любить? Иссяк запас, истощился... Когда-то мне попалась открытка ко дню рождения, где женщина сидит в кресле и любуется на мужские головы, которые, как охотничьи трофеи, висят у нее на стене, и под каждой подписано: Вася, Степа, Коля... И надпись: «Самое интересное в жизни женщины наступает после тридцати...», а внутри открытки — продолжение фразы: «...мужчин». Вот и мне уже за тридцать, и каждый мужчина, с кем у меня были серьезные отношения, уходя из моей

жизни, уносил с собой кусочек моей души. Может быть, остался всего один, последний, совсем маленький? Что если я уже просто не способна любить, и потому и вышла такая осечка? Душа по привычке настроилась на лучшее, а любить-то нечем... Пустота... Это вдвойне грустно от того, что рядом совершенно чистый, цельный человек с огромным запасом нерастраченных чувств».

Пожалуйста, только живи,
Ты же видишь — я живу тобою.
Моей огромной любви
Хватит нам двоим с головою...

Она написала четыре строчки песни из первого альбома Земфиры, которым буквально заслушивалась лет восемь назад. «Может, и в нашем случае — его любви хватит на двоих? — прокомментировала она ниже. — Но я ведь так не могу, да и не факт, что ему это надо... Ради чего? Видеть рядом издерганную сомневающуюся женщину, которая сама не знает, чего хочет? Глупо.

Ну почему так получается, что ждешь чего-то от судьбы, а, когда получаешь, вдруг понимаешь — это тебе не нужно...»

Она не знала, что написать дальше. Ее нынешнее состояние плохо поддавалось самоанализу.

Через два дня должен был приехать Алексей, на этот раз с сыном. Он улетел за ним в Томск, а из Томска купил билеты на прямо рейс «Новосибирск — Санкт-Петербург». Дети, узнав, что с дядей Лешей приедет еще и Никита, очень обрадовались, Лера тоже очень хотела увидеть мальчика. В ее глазах все еще стоял последний кадр их общей истории: его худенькая фигурка и то, как он махал им на прощанье.

Накануне Лера получила аванс, накупила продуктов и приготовила всякой вкуснятины, чтобы встретить Алексея с Никитой. Они ждали их уже как часть семьи, и первые несколько часов все было просто прекрасно. Взгляд Никиты по отношению к Лере значительно потеплел. Во время одной из прогулок он даже взял ее за руку. На такое количество детей рук у нее уже не хватало, но ведь рядом был еще Алексей. Несколько раз за эти два дня они слышали о том, какие замечательные

у них ребятишки. Люди воспринимали их как семью: папа, мама и трое детей.

До первого сентября оставался всего один день, и они заглянули в детский магазин, где купили Никите костюм и ботинки, а Гошка с Маргошкой выпросили у «дяди Ёси» приглянувшиеся игрушки. Видя, как легко Алексей расстается с деньгами, Лере было неловко. Из-за непонятного букета противоречивых чувств, которые она испытывала, ей казалось, что она поступает неправильно, позволяя ему постоянно тратиться на них. Но сама бы она такие дорогие игрушки им не купила, и сказать «Я заплачу» не могла. Лера чувствовала, что должна поговорить с ним, но не знала, с чего начать и очень боялась его расстроить. А так у них обоих еще была надежда...

В воскресенье все впятером отправились на вокзал.

— Через год скоростные поезда «Сапсан» будут ходить по маршруту Питер-Москва, слышала? — сказал Алексей на платформе, когда они уже положили вещи на свои места под сиденья и вышли на воздух, чтобы попрощаться.— За три с половиной часа можно будет доехать.

— Здорово. Быстро.

— Может, к тому времени они уже нам будут не нужны? — вдруг с надеждой в голосе произнес он.

— Намекаешь, что мы должны найти какой-то общий город? — улыбнулась она.

— Ты бы могла перебраться к нам в Москву, и мы могли бы жить вместе. Ты, я и дети. Помогали бы друг другу их воспитывать.

Лере стало не по себе. До отправления поезда оставалось десять минут, она не могла сказать «Идите быстрее, вы уже опаздываете», чтобы избежать разговора. Надо было что-то ответить.

— Леш, это не решается так быстро, надо все обдумать.

— Я для себя все уже решил. Дело за тобой. Но с тобой, я вижу, что-то происходит, о чем ты не хочешь мне говорить.

Его детские глаза в этот момент были такими грустными, что ей показалось, в них вот-вот покажутся слезы. Этой ночью меж-

ду ними впервые ничего не было, хотя им никто не мешал. Необъяснимая эмоциональная тяжесть, придавившая ее, не могла не отразиться и на этом аспекте, и в ответ на его ласки Лера сделала вид, что спит.

— Я не могу это сформулировать. Можно я лучше тебе это напишу?

— Хорошо. Если тебе так легче, напиши.

— Отъезжающие, заходим в вагон, через пять минут отправление, — сообщила проводница в темно-синем костюме.

Алексей поцеловал Валерию и, прощаясь, потрепал ребятишек по макушкам. Рита требовательно уцепилась за его руку, не желая отпускать. Лера слегка пожала худенькую ладошку Никиты. Отец с сыном скрылись в вагоне и, пока поезд не отправился, стояли у окна. Пока дети строили друг другу смешные рожицы через стекло, Лера смотрела на своего мужчину и испытывала облегчение от того, что сейчас он уедет, и все, что мучило ее, пока он находился рядом, исчезнет вместе с ним.

«А что, если представить, что мы больше не увидимся? — подумала она и посмотрела в его круглые игрушечные глаза. Сегодня Леша снова был в такой родной для нее желтой рубашке! — Желтый папа пришел и ушел, потому что маме не подошел цвет...» При этих мыслях ей вдруг стало так пронзительно тяжело. Этот маленький любящий человечек с глазами и рубашкой Желтого папы был игрушкой в руках маленькой глупой девочки, что всегда жила в ней и теперь решала: положить игрушку в ящик и закрыть крышкой, отдать другой девочке или просто оставить на скамейке в парке...

«Нет, это еще не конец! — вдруг поднялось в Лере что-то против вышеперечисленных поступков. Глядя на их Желтого папу, она вдруг поняла, что не хочет окончательно его потерять. Сейчас она не может иначе, но расстаться совсем — не готова. Ей нужна была пауза, чтобы разобраться в себе. Да, об этом она ему и напишет, решила Лера. Она понимала, что поступает сейчас так же, как поступил с ней Ричард, только еще хуже — дает человеку надежду. Но поставить точку в их

отношениях она не смогла. Что-то как будто шептало ей «Не делай этого!»

Вечером этого же дня она села и написала Леше письмо. В последнее время Лера так много писала, что ей легче было выразить свои эмоции именно так. Она просила прощения за то, что причиняет боль и просила отсрочки. Как у человека многословного, письмо у нее получилось длинное, пространное и местами мало понятное ей самой. В нем Лера выражала надежду, что время и расстояние между ними, пока они не будут видеться, помогут ей понять, что ей действительно нужно. «Но если ты считаешь, что лучше расстаться прямо сейчас, я это приму», — написала она в конце. Курсор ненадолго завис над кнопкой «отправить». Лера решила еще раз перечитать письмо, слегка отредактировала его и с тяжелым сердцем нажала кнопку. Она представляла, что он испытает, когда начнет это читать, и ей было очень жаль его.

Вечером следующего дня Алексей позвонил ей по скайпу. В начале разговора она никак не могла понять, прочитал ли он ее послание. Они поговорили о том, как Никита пошел в школу, о том, как прошел день, она все не решалась спросить его, но он ответил сам, без вопроса.

— Я все прочитал.

Лера замерла.

— И что ты решил?

— Пока не знаю. Я чувствовал, что с тобой что-то происходит, но не думал, что все так серьезно.

— Думаешь, нам лучше расстаться?

— Решать тебе.

— Мне просто нужно время.

— У тебя оно есть. Я подожду. В общем, в эти выходные мы не увидимся и в следующие — тоже, я правильно понял? — По его лицу было видно, что ему это так больно, что от тона, каким он произнес эти слова, Лере захотелось ущипнуть себя, чтобы и ей стало больно тоже. И раз не получается морально, то хотя бы физически. — Сколько тебе надо времени? — спросил Леша.

— Я не знаю...

— Мы будем общаться хотя бы по скайпу? — тусклым голосом произнес он

— Будем, конечно. Но не каждый день, хорошо? Когда жизнь начинает походить на расписание, мне хочется убежать.

— Я это уже понял. Ты — свободный человек и боишься потерять свою свободу.

— Наверное... Не знаю...

— Мне кажется, да.

Они закончили разговор на спокойной дружеской ноте, и у Леры отлегло от сердца. Она пока не потеряла его.

***

Алексей не злоупотреблял звонками и, прежде чем позвонить, отправлял сообщение с вопросом, можно ли сделать это сейчас. От такой деликатности Лере было еще тяжелее. Она пока так и не поняла, правильно ли поступила, оставив ему надежду, и сколько ей понадобится времени, чтобы разобраться в себе. О приезде в Питер Леша не заговаривал и к себе ее не звал. Так прошел месяц и неделя.

Ко Дню учителя, в первое воскресенье октября, ребята из ее класса, по традиции, уже не первый год собирались у их учительницы математики. Они периодически навещали любимую учительницу небольшими компаниями, но на этот раз собирался практически весь класс. Теперь, когда Алексей не приезжал на выходные, у Леры даже не возникло вопроса, идти ли на встречу. С детьми осталась Марина Ивановна. На этот раз ей никуда не пришлось ехать: родительская квартира была неподалеку от школы и от дома бывшей учительницы, поэтому Лера, зная, что вернется поздно, привезла детей ночевать к бабушке.

Тамара Георгиевна всегда принимала бывших учеников радушно, безо всякой субординации, как если бы сама была их одноклассницей. Народу в ее двухкомнатную квартиру в этот раз набилось человек двадцать. Кто не поместился на диване и на стульях, сидели на подоконнике, убрав горшки с цветами на пол.

Часа через два, когда дым, как говорится, был уже коромыслом, пришел еще кто-то. Лера услышала из прихожей знакомый голос. Это был ее бывший одноклассник, теперь совместивший эту роль с ролью второго бывшего мужа. Когда вновь прибывшие вошли в комнату, она увидела, что Олег пришел с Викой. Та немного поправилась после рождения второго ребенка, но выглядела аппетитно-хорошо. Олег был по-прежнему одет во все черное, с аккуратной стрижкой и гладко выбрит. Было заметно, что за ним старательно ухаживают.

— Привет всем! — произнес он, глазами пытаясь отыскать место, куда можно сесть. Скользнув взглядом по Лере, Олег сдержанно кивнул.

Не переставая трепаться с теми, кто сидел рядом, Лера наблюдала за бывшим «мужеклассником». Тот выглядел спокойным и счастливым. И — что больше всего ее поразило — он отказался от спиртного. Они с Викой сразу заявили, что пить не будут. Раньше, будучи трезвым, в компании он все больше молчал, но сегодня непринужденно общался. В нем произошла явная перемена к лучшему.

— Что ты сделала, чтобы он перестал пить, поделись секретом? — поинтересовалась она у бывшей одноклассницы, когда ротация бывших учеников произошла таким образом, что они оказались рядом, без других ушей.

— Просто поставила ультиматум: или он перестает пить, или теряет меня и Гришу.

Лера не нашлась, что ответить, она лишь удивленно покачала головой.

— Да... Не зря Виктория означает «победа».

Вика довольно улыбнулась.

— А ты не знаешь случайно, почему он не пытается поддерживать отношений с дочкой? — Лера сознательно задала этот вопрос, надеясь прочесть в глазах девушки ответ, несмотря на то, что она скажет. Ей все еще казалось, что именно Вика настроила Олега на то, чтобы он не ходил в бывшую семью. Но взгляд его новой жены остался непроницаемым.

— Он сам так решил, я не вмешиваюсь. Я ему предлагала всем вместе в зоопарк сходить, он сначала хотел, а потом передумал. Я ему в душу не лезу и тебе не советую, — отрезала та.

«И не собиралась», — мысленно ругая себя за то, что затеяла этот разговор, ответила Лера.

Она срочно захотела сменить собеседника. На глаза ей попался Боря — единственный золотой медалист в их выпуске. Он давно сверлил ее взглядом и, увидев, что она освободилась для общения, жестом пригласил сесть рядом с ним, тут же налив две стопки коньяка. Лера не видела Борю восемь лет, после того, как они встречались через пять лет после окончания школы. Из ботаника-подростка он превратился в ботаника-взрослого. От того, каким она помнила его, Борю-взрослого отличал щекочущий взгляд прищуренных глаз из-под тонкой серебристой оправы очков. Раньше этот взгляд был намного скромнее.

— Борь, а помнишь, как стихи про меня к восьмому марта писал? — затеяла разговор Лера.

— Конечно, помню, — он был очень рад, что она наконец подсела к нему.

— Чей взгляд пленителен и скромен, хотя характер непростой... Да — Лера в музыке — Бетховен, в литературе — Лев Толстой, — процитировал одноклассник.

— Ого, ты их еще и наизусть помнишь!.. — поразилась Валерия.

— Конечно. Все, что связано с тобой, невозможно забыть, — вдруг проникновенно произнес он. Услышав подобное от кого-то другого, Лера бы просто поморщилась от пафоса, но это прозвучало так искренне, что она даже немного смутилась.

Лера еще в школе знала, что Борька Шнейдер в нее влюблен — мальчишки растрепали. Да и трудно было не догадаться по его постоянным поворотам к ее парте. Они сидели ровно друг за другом, и чтобы пообщаться, ему иногда приходилось делать вид, что он чего-то не знает.

Сегодня, казалось, он решил взять реванш за все прошлые годы и, не переставая, ухаживал за Лерой — то подкладывая ей

закуски, то вновь наполняя бокал вином. Узнав о том, что у его школьной любви за эти годы появилось двое детей, Борис изобразил на лице комический ужас:

— Дети... Они же плачут и писаются!

— А еще смеются и какаются, — расхохоталась Лера.

Как ни странно, в отличие от школьного детства, когда Лера каждый раз отмахивалась от своего воздыхателя, сегодня ей было интересно с ним общаться. За эти годы Борька с первой парты превратился в остроумного программиста Бориса, он сыпал тонкими шутками, чем очень веселил Леру.

За весь вечер они так и не поговорили с Олегом и, наткнувшись в дверях на ее требовательный взгляд, тот понял, что не спросить нельзя:

— Как Рита? — прозвучало вместо его обычного «доча».

— Все отлично, спасибо, твоими молитвами, — яд капнул сам собой. Лера так и не могла простить бывшему мужу подобного равнодушия к ребенку, которого он так хотел. Или думал, что хотел.

— Деньги доходят? — уточнил он, сделав вид, что не заметил колкости.

— Да, регулярно, спасибо.

Попрощавшись со всеми и с учительницей, с которой осталось несколько девочек, чтобы помочь прибраться, они разошлись по домам. Борис последовал за Лерой, сказав, что проводит. Идти было недалеко: дом родителей Леры был на соседней улице. Сам Боря все еще жил с родителями, в пяти минутах ходьбы.

Бывшие одноклассники были навеселе и долго болтали у парадной, вспоминая забавные случаи из школьной жизни. После Лериного «ну, пока», Боря вызвался проводить ее до квартиры, и они продолжили разговор уже на лестничной клетке. Он продолжал сыпать удачными шутками. В какой-то момент, во время единственной паузы в их разговоре, Борис неожиданно поцеловал ее. Это произошло так быстро, что Лера осознала себя уже в процессе.

«Где-то ведь научился целоваться», — поймала она себя на странной детской мысли, как будто им все еще было по шестнадцать.

Она не оттолкнула Борю, понимая, что для него, быть может, очень важен этот поцелуй. У нее самой было что-то подобное: в школе она была безответно и грустно влюблена в одного мальчика, и встретив через несколько лет похожего на него, решила, что поцеловавшись с ним, представит, что это именно тот и таким образом «перепишет» свои чувства заново, словно они были взаимными. «Вдруг и у него сейчас то же самое, — подумала она. — Что, если бы тот парень вдруг оттолкнул меня? Ну, что мне, жалко, что ли...» Во время поцелуя Лера успела прокрутить в голове кучу всего, и главной мыслью было то, что она поступает некрасиво по отношению к Леше.

Когда этот пьяный поцелуй завершился, Борис как-то очень значительно посмотрел на Леру, которая молчала, продолжая заниматься самоанализом.

— Я мечтал об этом пятнадцать лет, — произнес бывший одноклассник.

Сославшись на то, что дома ждут дети, хотя она знала, что те уже наверняка спят, Лера покинула привычное место прощания с теми, кто когда-то провожал ее до родительской квартиры.

Она давно не была у родителей и уж тем более тысячу лет здесь ни с кем не целовалась. Кажется, последним был Олег... Еще один ее одноклассник. Смешно. Она как будто снова вернулась в свое школьное детство, когда девчонки смущенно думали о первом поцелуе: каким он будет, с кем это произойдет... Это время никогда не вернуть, но ощущения — можно. И она постаралась отогнать от себя муки совести перед Алексеем, оправдывая себя, что для нее это всего лишь поцелуй, но для Бори — это была мечта пятнадцатилетней давности!

«Мечты должны сбываться, мечты должны сбываться...» — как мантру бурчала она себе под нос, тихонько стуча в дверь. Что-то странное творилось с номером родительской квартиры: нолик заезжал на шестерку и цифры слегка покачивались. Ле-

ра сощурила глаза, ничего не изменилось. «И зачем я столько намешала...», — подумала она и сильно зажмурилась. Когда повзрослевшая школьница снова открыла глаза, все было в порядке: цифры стояли ровно. «Напилась... Но — не настолько», — с удовлетворением отметила она.

Дверь ей открыла мама в своей старой длинной ночной рубашке. Судя по ее виду и всклокоченным волосам, когда дочь постучала, та видела как минимум пятый сон. Мгновенно оценив состояние дочери, Марина Ивановна прижала палец к губам и, сказав, что постелила ей в отцовской комнате, как привидение, скрылась в соседней. Родители уже давно творили через стенку друг от друга и проводили ночи каждый у себя. В эти дни отца унесло в очередную творческую командировку, и его «кабинет» пустовал. Лера слегка приоткрыла дверь, чтобы взглянуть на Гошу с Ритой. Те мирно посапывали на диване, отвернувшись каждый в свою сторону. С краю примостилась бабушка.

Спать не хотелось. Лера помнила, как муторно бывает, когда ляжешь спать в таком состоянии. Заняться было нечем. Ей ужасно хотелось позвонить кому-нибудь из подруг, но было уже поздно, да и слышимость в квартире была такая, что стоило ей произнести хоть слово громче шепота, как тут же прибежала бы мама и зашикала на нее. Но разум сразу нашел выход из ситуации: если нельзя говорить, можно попереписываться, и она, включив отцовский компьютер, зашла в скайп, сменив логин и пароль на свои.

Просматривая список контактов, она увидела в он-лайне Алексея. Вернее, они увидели друг друга одновременно, потому что от него сразу раздался звонок. На этот раз Леша почему-то решил нарушить традицию и не уточнил, может ли она говорить. Лера, страшно испугавшись звука, что мог всех разбудить, сразу отклонила вызов и написала:

— Привет, я у родителей, пришла со встречи одноклассников, говорить не могу, все спят. Да и если бы могла, у отца даже веб-камеры нет. Общается, как по телефону.

— Жалко, — было ей ответом. — А я хотел сказать тебе что-то важное.

— Ничего не мешает тебе сказать мне что-то важное.

— Письменно?

— Почему нет?

Алексей ответил не сразу. Лера видела информацию, что собеседник набирает текст, но сообщение почему-то не приходило. Он как будто набирал его и тут же удалял. Следующее предложение появилось примерно через минуту. Но это было... настоящее предложение!

— Как-то случайно наткнулся у тебя дома на женский журнал, в котором была статья, что, если мужчина по-настоящему любит женщину, он сделает ей предложение в первые полгода после знакомства. Ты ведь наверняка тоже это читала... Скоро полгода, как мы знакомы, и я хочу сказать... Лера, выходи за меня замуж.

Лера совершенно не ожидала, что он напишет именно это. Честно говоря, она вообще ничего не ожидала. Организм ее был бодр, пьян и весел. Она не воспринимала происходящее как что-то серьезное.

— Погоди, погоди... Это я сейчас по скайпу получила предложение руки и сердца? До чего новые технологии дошли... Что, и колечко подаришь?

— Да, подарю а ответишь когда подарю, — с единственной запятой выдал ее собеседник.

— Погоди, — не поняла она и поставила смайлик. — Сразу не подаришь, а только когда отвечу?

— Когда посмотришь мне в глаза.

— Из дома, где есть веб-камера?

— Нет, вживую, по камере я ничего не пойму. Подумай над моим предложением, хорошо?

— Ладно. Ты тоже подумай над своим предложением. Чтобы потом не пожалел, я ведь человек сложный и дюже свободолюбивый. Ты сам это говорил.

Мысль ее и путалась, и рвалась. Она отправляла каждое предложение отдельно.

— А то еще соглашусь, — она поставила целую кучу смайликов. — Меня хлебом не корми, дай замуж повыходить, — хоровод смайликов сопроводил и это предложение тоже.

— Будем считать, что предупредила, — Алексей тоже прикрепил пару смеющихся рожиц к своему сообщению.

Леру несло.

— И обязательно брачный контракт со мной подпиши! — она опять наставила смайликов.

— По которому, естественно, все отойдет ко мне, — улыбочек в Лерином послании прибавилось вдвойне.

— Что-то меня плющит, — между каждым предложением было как минимум семь улыбающихся рожиц. — Такой день, такой день! Замуж предложили!

— А я к кому отойду? — не успевал Алексей за ее прыгающей мыслью.

— И не абы кто, а серьезный умный и добрый человек! Все взвесил и предложил! — держала она свою линию.

— Ты отойдешь ко сну, — понаставив опять кучу смайликов, ответила она на его вопрос, сопровождавшийся только одной улыбочкой.

— Пойду контракт сочинять, — подхватил он, наконец, ее настроение и тоже нарисовал оптимистических рожиц. — А там можно задать, сколько сексом будем заниматься? — хвостик улыбочек тоже преследовал каждое предложение.

— А задай! — еще больше развеселилась Лера.

На такой забавной ноте они закончили этот внезапный ночной разговор.

Ночью Лере приснился забавный сон. Она снова сидела на облаке, но на этот раз рядом был Алексей. Они синхронно болтали ногами, плевали вниз и пытались угадать, чей плевок долетит до земли. Обоим было очень весело.

***

Лера проснулась раньше всех от того, что ей ужасно хотелось пить. Она вышла на кухню и выпила прямо из чайника прилич-

ное количество давно остывшей кипяченой оды. В голове вспыхивали события вчерашнего вечера: толпа одноклассников в тесной комнате, разговор с Викой, Олегом, потом Боря... От воспоминаний о произошедшем на лестничной клетке она поежилась. Скажи ей кто в одиннадцатом классе, что она когда-нибудь будет целоваться с Борькой Шнейдером — не поверила бы! Цепочка быстро привела к разговору по скайпу. Через несколько часов это казалось чем-то нереальным. Она помнила, что отвечала какими-то дурацкими шутками, но не помнила, что конкретно. Ей было ужасно стыдно.

«Трезвый человек никогда не должен разговаривать с пьяным, тем более о таких серьезных вещах, — бурчала она себе под нос, вновь открывая скайп, чтобы перечитать их ночную переписку. — А встречи одноклассников — это зло. Из-за них рушатся семьи. Все эти детские симпатии под градусом активизируются, люди теряют контроль и делают глупости».

Лера еще не забыла встречу восьмилетней давности, где она зачем-то стала рассказывать о своих детских чувствах мальчику, с которым сидела в школе за одной партой. И следующее утро, когда она вспоминала его, оцепеневшего и до сих пор застенчивого, каким он был в школе. Кажется, она еще требовала от него ответа, было ли ее чувство взаимным. Как же ей было стыдно на следующее утро! Дело было в квартире у Сашки Грекова, куда они пришли толпой уже после встречи в школе. Наблюдая, как его старший, уже женатый брат целуется с какой-то особой, Лера наивно поинтересовалась, жена ли это. Оказалось — одноклассница. Как ей потом рассказали, с женой он после той ночи таки развелся...

«Все, никаких больше одноклассников. И встреч с ними. И алкоголя. Даже Олег не пил, а я — мать двоих детей! — и на тебе...», — торжественно поклялась себе Лера.

Ее решение укрепилось, когда она перечитала их разговор с Алексеем.

«Что я несла!.. — переживала она. — Какое-то колечко, брачный контракт... Человек, наверное, уже не знает, что делать...

Может, решил, что, если сделает мне предложение, все изменится...»

Ей было так стыдно, что хотелось провалиться под пол. Она понимала, что после слов «выходи за меня замуж» она должна была ответить совсем не то, что ответила. Конечно, при тех эмоциях, что она не могла в себе заглушить, она не могла сказать «да», но и шутить над серьезным предложением не стоило. Получается, она дала человеку надежду, которой давать не планировала... «Хлебом не корми, дай замуж повыходить... — поморщилась она от собственных слов. — Ну как так можно было сказать! В каком свете я себя выставила...» — ругала она себя.

«А почему мне так важно то, в каком свете я себя выставила?» — задумалась вдруг Лера. — Получается, что мне небезразлично то, что он подумает обо мне? А если небезразлично, то, выходит, и он небезразличен мне тоже?» Она напомнила себе героиню фильма «Влюблен по собственному желанию», которая пыталась анализировать свои чувства и управлять ими.

«А что если попробовать сделать именно так? Ведь у них же получилось! — решила она. — На свете так мало хороших людей, а любовь почему-то возникает не к самым порядочным, от которых потом хочется бежать куда глаза глядят. Так почему бы не попробовать договориться со своими чувствами? Если руку предлагает действительно уникальный человек, готовый на все ради меня и детей. Ведь когда-то я мечтала именно о таком!»

Когда все проснулись и позавтракали, Марина Ивановна предложила позвонить бабушке. Лера, которая всегда была откровенна с бабушкой, тут же поделилась последними новостями и всеми своими переживаниями. Она даже процитировала мнение своей подруги Нади о том, что они с Лешей «не монтируются».

— Меньше слушай своих подруг. Рост — это ерунда, главное, чтобы человек был хороший. Знаешь пословицу «Мал золотник, да дорог»? Вот и Алеша твой — редкий человек. Золотой. Такого второго искать будешь — не найдешь. И тебе будет опора, и детям. Не дури. Я тоже легкомысленная была в молодости. Ког-

да в институте учились, у меня кавалер был, Гриша Каменев. Очень хороший парень был, — предалась воспоминаниям бабушка, очевидно, решив научить внучку на собственных ошибках. — Мы с ним всегда на танцы ходили вместе. Он сделал мне предложение. Но Гриша был со мной одного роста, а мне всегда нравились высокие. Мы с ним танцуем, и глаза в глаза, мне это так не нравилось! И перестала с ним встречаться. А сейчас думаю — какая же была глупая!

— Но ты ведь встретила нашего дедушку и была с ним счастлива, — напомнила ей Лера.

— Встретила. Но тогда было другое время. И люди были другие. Сейчас — все не так, так что смотри — пробросаешься. А у тебя двое детей, и детям нужен отец.

Бабушка сделала паузу. Лера не знала, что ей ответить.

— Если бы молодость знала, если бы старость могла, — глубокомысленно заключила старушка очередной мудростью.

— Да я тоже, мама, ей говорю, что Алексей — прекрасный человек, ни в какое сравнение не идет с теми, что у нее были раньше, — выхватила трубку Лерина мама, начав вспоминать недостатки предыдущих зятьев. Артем, по ее мнению, был просто незрелым, Олег слишком медлительным, к тому же злоупотреблял алкоголем. — Правда, и ты тоже — не подарок, характер вон какой трудный, — неожиданно сказала Лере мать так, чтобы это слышала бабушка. — Так что радуйся, что тебе встретился человек, который принимает тебя такой, какая есть.

После этого разговора Лере стало еще больше не по себе. Всю дорогу домой она думала о том, как несправедливо поступают с ней ее чувства. И как несправедливо из-за них поступает с Лешей она. Лера должна была что-то ответить ему, долго тянуть и держать человека в неопределенности и напряжении было просто недопустимо.

Не дожидаясь когда он выйдет в он-лайн, Лера написала, что извиняется за глупости, которые наговорила ему ночью, и просит еще немного времени, чтобы подумать. Поняв, что все дело — в ней, она решила измениться сама: попробовать

стать такой, какой была в Томске — проще и сердечнее, и, может быть, тогда к ней вернутся те чувства, что возникли у нее там к Алексею.

«До Нового года, — поставила она срок. — До Нового года я должна определиться. И Новый год начать с чистого листа. У меня есть три месяца, чтобы поработать над собой».

«Это трудно, но я попробую, — записала Лера в своем дневнике. — Надо начать с себя. Может, тогда что-то изменится». Но как это сделать, она до сих пор не знала. И решила начать с того, чтобы меньше сидеть в интернете, меньше обсуждать свои дела с подругами и больше времени уделять детям.

***

Время перед Новым годом на работе всегда было очень загруженным различными мероприятиями, подготовкой подарков для рекламодателей и организацией новогоднего корпоративного праздника. Лере нужно было найти место, согласовать с начальством, написать сценарий праздника, позвать артистов и сделать это все не в ущерб основной работе. В общем, суматоха была еще та. Иногда ей приходилось задерживаться до позднего вечера и просить маму присмотреть за детьми.

Алексей звонил ей все реже и о своем предложении не напоминал. Очнувшись в выходные от рабочих будней, она думала о том, специально ли он пытается выдержать паузу или, в самом деле, начал терять к ней интерес. Ей было не по себе от того, что до сих пор не было никаких планов, с кем и как она будет отмечать Новый год.

В этот раз сложилось так, что все те, с кем она обычно отмечала этот ежегодный праздник, уезжали из города. Володя с Наташей заранее купили путевки и собирались реализовать свою давнюю мечту встретить Новый год в Египте, а Лерины родители грезили о Париже. После того как Лера встретила там Новый год в свадебном путешествии с Артемом, мечта Марины Ивановны значительно усилилась, и теперь, когда путевки уже были куплены, ее мама просто летала от счастья.

Получалось, что на Новый год Лера и дети оставались втроем. Подсознательно, а может, уже и сознательно она ждала, что он проявит инициативу и предложит отметить его совместно, а он, возможно, ждал того же самого от нее. И ни один из них не решался сделать первый шаг.

Пауза затягивалась, как петля...

Перед Новым годом народ, по обыкновению, шнырял по магазинам, и в центре города было людно и грязно. Лера стояла на выходе из станции метро «Гостиный двор», где у нее была назначена деловая встреча, и неожиданно увидела в очереди за жетонами знакомую пару. Это были Миша и Настя. Она не видела ни того ни другого после того мероприятия в библиотеке. Несколько раз они разговаривали с Михаилом по телефону, но он ни слова не сказал ей о том, что общается с Настей.

— Вот это встреча! — подошла она к ним сзади и приобняла за плечи сразу обоих.

— Ой, Лера, — немного смутилась Настя. — Привет! А мы вот... в кино ходили. А ты как здесь?

— У меня тут деловая встреча. Увидела вас, решила подойти, сейчас пойду дальше ждать.

— Рад тебя видеть, — лицо Михаила было приветливым и дружелюбным. — Как дети?

— Все хорошо. А ваши?

— И наши тоже. Правда, общих у нас пока еще нет... — и он подмигнул Насте. Та залилась краской.

— А планируются? — у Леры сделался чрезвычайно заинтересованный вид, — она переводила взгляд то на одного, то на другого,

— Миша... — Настя произнесла это таким строго-смущенным тоном, что Лера поняла: свершилось!

— Аааааа! Как я рада за вас, ребята! Приходите как-нибудь в гости. Вы, кстати, как планируете Новый год отмечать?

— Да вот пока думаем, — ответил Миша. — Есть предложения?

— Можете к нам приходить, я все равно одна.

— А куда делся сибирский кавалер?

— Никуда не делся, общаемся. О, кстати, Миша! Тебя можно использовать как мужчину? В плане сборки мебели.

— Наверное... — замялся он. — А что собрать надо?

— Нам должны на днях двухъярусную детскую кровать привезти, давно собиралась купить и вот — наконец, купила с рождественской скидкой. Надо помочь собрать.

— Помочь собрать или собрать? — засмеялся он.

— Я помогу, — улыбнулась Лера, оборачиваясь, чтобы посмотреть, нет ли человека, которого она ждала.

— Почему бы нет, скажи, когда привезут, я подъеду, соберем.

— Спасибо тебе огромное. Ладно, ребята, вот и пришел тот, кого я жду, я побежала. До связи!

На этой неделе у Валерии было столько дел, что она уже три дня не выходила в скайп. Из-за большой загрузки новогодней доставки кровать приехала буквально за несколько дней до 31 декабря. Михаил не обманул и действительно пришел по первому зову. Кровать они собрали довольно быстро, и дети тут же радостно залезли на второй ярус и стали там прыгать.

— Дети, осторожней! Упадете еще, не дай Бог, — волновалась Лера. — Лучше слезайте.

— Мам, ну мы немножко! Это так весело! — радовался Гошка, и Лера не могла ему отказать.

— Только немножко! — строго сказала Лера. — Две минуты!

Она находилась совсем близко, положив руку на невысокий деревянный заборчик, что служил символической защитой от падения. Миша стоял рядом. Леру разбирало любопытство, и она решилась заговорить на интересующую ее тему, начав издалека.

— Знаешь, несколько лет назад мы с Настей были в Чехии, в Карловых Варах, и экскурсовод рассказала, что, если девушке удастся одну минуту подержать палец в воде из горячего источника, она в том же году выйдет замуж. Вода была, правда, очень горячей, и я решила пойти на хитрость: купила маленькую кружечку, налила туда воду, а когда она немножко остыла, подержала в ней палец. И в том же году вышла замуж.

— Забавное совпадение. А к чему это ты сейчас вдруг это вспомнила?

— Потому что Настя подержала палец в той же самой кружечке после меня. Я, помню, налила для нее новую воду, пошутив, что мы же не хотим одного и того же мужа на двоих.

— Ах, вот ты к чему, — засмеялся он. — Ну, ты же сама отказалась выйти за меня. Так что кружечка та была как олимпийский огонь, который передают от одного к другому.

— Скажи-ка мне, олимпийский ты наш огонь, как тебе все-таки удалось то, что не удалось никому до тебя?

— Ты о чем?

— Я о Насте.

— А... Ты знаешь, а я ведь не знал ничего, пока между нами все не случилось. До этого месяца два лишь за руку держались, поцеловались только в октябре. Я никак не мог понять, отчего она такая скромная, мне ведь и в голову не приходило, что в тридцать лет можно оставаться девушкой. А когда между нами все случилось, она вдруг заплакала... У меня такое было впервые. И тогда я обо всем догадался. И понял, что все случайные встречи, которым я так радовался, каждый раз ощущая себя победителем — такая ерунда по сравнению с этим моментом! Я вдруг почувствовал такую сильную нежность к Насте! И еще я понял, что это — большая ответственность — быть у нее первым. И решил, что останусь последним. Тем более, как выяснилось через месяц, та ночь не прошла без результата...

— Да ты что?! — удивлению Леры не было границ. — Ты хочешь сказать, что... Настя беременна?

Миша улыбался. Вид у него был очень довольный.

Новость настолько шокировала Леру, что она на одну секунду отняла руку от кровати и прижала ее ко рту, как это делала ее бабушка, когда была сильно удивлена. В этот же момент раздался глухой стук. Это Рита, перелетев через невысокий бордюрчик второго яруса кровати, упала на пол.

— Рита! Маленькая моя! Как же ты так! — подскочила Лера к дочери. — Я же говорила, слезайте! Что ж это я, надо бы-

ло сразу запретить, — охала она над девочкой, которая довольно сильно ударилась головой и очень громко плакала. — Миша, пожалуйста, сними Гошку, умоляю! Не хватало еще, чтобы и он упал. Ну как же так... Я же рядом стою, как ты перелетела-то через меня...

Она взяла девочку на руки и пыталась успокоить, нежно похлопывая ее и приговаривая полушепотом «чи-чи-чи», как это обычно делала Маргарита Васильевна. Крики стали потише, но на щеке у Риты начал появляться здоровенный синяк.

— Слушай, лучше, наверное, в Скорую позвонить, проверить, все ли у нее в порядке. Головой ведь сильно ударилась. У нас когда Ваня упал, Карина ездила в больницу.

— А Гошку с кем, если в больницу увезут? Мама с папой уехали, Володя с Наташей тоже. Вечер уже... Не оставлю же я его одного.

— А я на что? Переночую тут с Георгием, не проблема. Звони давай в Скорую помощь.

Врачи приехали, когда Рита уже не плакала, а просто тихо лежала на кровати, что было на нее совсем не похоже. Их вердиктом было, что нужно срочно ехать в больницу и делать рентген головного мозга. В машине Скорой помощи, по дороге на Васильевский остров, где находилась детская больница, у Леры зазвонил мобильный телефон. Она еле вытащила его из кармана своей зимней куртки, из-под Риты, задремавшей у нее на коленях. На дисплее было имя «Алексей».

— Привет, ты куда пропала? Давно что-то нет тебя в скайпе.

— Леш, у нас тут беда, мы с Ритой в больницу едем. Рухнула со второго этажа двухъярусной кровати часа два назад. Синячина во всю щеку, надо делать рентген, убедиться, что все в порядке.

— Ничего себе! Как же вы так? У тебя же не было такой кровати.

— Да вот, купила, собрали и сразу на тебе...

— А с кем ты Гошку оставила? Бабушка же в отъезде. Или он с вами?

— Нет, Гошка дома. С ним остался один мой знакомый.

— Что за знакомый? — ей показалось, это прозвучало с ревностью.

— Ты его не знаешь. Его Миша зовут. Он просто друг.

— Понятно. Ты мне позвони, пожалуйста, после рентгена, скажи, как Рита.

— Леш, так это ж ночью будет...

— Неважно. Во сколько бы ни было. Позвони.

— Хорошо. Спасибо, что волнуешься.

— Я всегда за вас волнуюсь. В общем, звони, — он повесил трубку.

После процедуры оформления карты в приемном отделении и довольно долгого ожидания очереди на рентген, где сидело несколько таких же горе-матерей с детьми на коленях, наконец, выяснилось, что с головным мозгом ребенка все в порядке. Лера, как и обещала, набрала номер Алексея, но тот был отключен. «И зачем надо было говорить, чтобы я позвонила, раз все равно спать лег и телефон отключил...» — хмыкнула она.

У ее мобильного тоже садилась батарея. К утру трубка отключилась, а зарядник Лера с собой не захватила. Домашнего телефона у них не было, номер Мишиного мобильного наизусть она не знала. Ей оставалось только надеяться на то, что дома все хорошо.

После завтрака их отпустили домой, написав в карточке ценные указания. К счастью, ничего серьезного после этого падения с Ритой не случилось и нужно было лишь через некоторое время снова показаться врачу.

Чтобы добраться до дома, Лера вызвала такси, и когда она позвонила в звонок собственной квартиры, дверь ей открыл... Алексей.

— А... Э... Как это ты... — только и смогла от удивления выдавить из себя она.

— На самолете. С Гошкой прилетел сидеть.

Раздевая Риту, она все еще не могла прийти в себя от неожиданности. Алексей помог ей освободить девочку от зимней одежды.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он ребенка. — Ух, синяк какой на щеке! Сильно упала?

— Сийно. Но узе ниципо не бойит, — ответила ему Рита.

— А я тебе звоню, телефон отключен, ты, видимо, в этот момент летел, — почему-то стесняясь смотреть ему в глаза, сказала Лера.

В коридор вышел Миша, вытирая губы салфеткой. Судя по всему, мужчины только что вместе позавтракали.

— Привет. Ну, что, я пойду? Пост сдал — пост принял?

— Спасибо тебе огромное! Я так понимаю, знакомить вас уже не надо?

— Сами справились. Леха хотел в больницу ехать вас забирать, да я забыл, в какую вас отвезли...

— Хороший парень! — на прощанье громко сказал он Лере. — Выходи замуж. Хватит тебе уже одной маяться, — неожиданно добавил он, открывая входную дверь.

Она обернулась к Алексею. Тот с довольной улыбкой пожал плечами.

Поступок Алексея, который, узнав об ее экстренной ситуации, примчался к ним ночью на самолете, оставив собственного ребенка под присмотр няни, привел Леру в полное замешательство. Она была восхищена и ошарашена. Не видя его почти четыре месяца, она заметила в нем какие-то необычные перемены: он стал как-то... легче. Иногда Леша так смешно шутил, что они оба смеялись, прямо как в том ее сне, когда соревновались по плевкам с облака. «Что произошло с этим человеком? — думала Лера. Он изменился. Изменился ради нее? За четыре месяца? Разве такое возможно?» Это было похоже на чудо.

Алексей отправился в аптеку, чтобы купить необходимые лекарства и долго не возвращался. И Лера вдруг подумала: а что, если все ей показалось, и этого человека не было вовсе? Вот заходит она сейчас в комнату, а на кровати снова лежит их большая мягкая игрушка — Желтый папа, который никогда и не «оживал». Воображение разыгралось так, что у Леры испортилось настроение. «Что, если все это был сон, и Леша больше никогда

не зайдет в эту дверь?..» — думала она. За последние несколько часов в ней что-то переменилось, и чувства, прежде возникшие к нему в начале их знакомства, как будто ожили вновь. Но дверной звонок вернул ее к реальности, и ее отпустило.

— У меня в девять вечера обратный самолет, — сообщил Алексей после обеда, когда они уложили ребятишек на дневной сон. — Няня завтра уезжает к родным на праздники, она сразу сказала, что может побыть с Никитой всего сутки.

— Приезжайте на Новый год! — вдруг внезапно для самой себя сказала Лера. — Давайте вместе встретим. Правда, приезжайте вдвоем! — она вдруг поняла, что очень хочет, чтобы он согласился. Что этот — немного другой Алексей — вызывает в ней какие-то очень хорошие эмоции. Более того — ее влекло к нему физически. А то, что он не предпринимал никаких попыток к сближению, раззадоривало ее пыл еще больше.

— Ты уверена, что хочешь этого? — спросил он про поездку в тот момент, когда она думала совсем о другом.

— Да, — ответила она сразу на оба вопроса. — Впереди столько праздников, поводим ребятишек на новогодние елки... — она подвесила фразу в воздухе, ожидая реакции.

— Я так долго ждал, что ты мне это предложишь, но ты молчала, и я решил полететь на Новый год к матери в Томск. Как раз вчера купил нам с Никитой билеты на самолет.

Лере вдруг стало так грустно, что она чуть не заплакала. А ведь в том, что они оставались одни на Новый год, она была виновата сама. Едет, значит, к матери... Она вспомнила первую и последнюю встречу с потенциальной свекровью и чувство собственной ничтожности, которое посетило ее сразу после. А теперь он снова едет к ней. И уж наверняка ничего хорошего не услышит, если расскажет о своих планах жениться на той самой женщине, что не умеет вовремя стирать футболки собственным детям. Лера представила себе их разговор, и ей очень сильно захотелось, чтобы он не состоялся. Она понимала, что это чистой воды эгоизм, что бабушка наверняка соскучилась по внуку, но она не могла побороть свое внезапно возникшее желание, что-

бы этот Новый год они встретили вместе. И Лера решила сделать все возможное, чтобы это произошло.

— И уже нельзя передумать? — спросила она осторожно.

Родители троих детей сидели рядышком на диване, как два старшеклассника, когда каждый думает об одном и том же, но стесняется начать первым. Его сомнения Лера отлично понимала: он не был уверен, нужен ли он ей, чувствует ли она к нему что-нибудь. Алексей как-то сказал, что не понимает секса ради секса, чем вызвал ее удивление. Ей казалось, что для мужчины это — нормально. Она погладила его по волосам. От его теплого взгляда веяло надеждой. Лера вспомнила их первую встречу в самолете и поцелуй, который, как она думала, будет у них единственным. «Среди нас двоих искатель приключений, похоже, я, — подумала она. — А он — хранитель семейного очага, в котором я, глупая, не разрешаю даже поворошить угли».

Лера приблизилась к Леше, закрыла глаза и поцеловала его в губы. Он так сильно и радостно обнял ее, что ей показалось, он ее раздавит.

— Тише, тише... — засмеялась она. — Сплюснешь меня.

— Я так соскучился! — сказал он вдруг, спрятав лицо в ее оранжевых волосах, как будто стеснялся того, что сказал.

— Я тоже, — вдруг неожиданно для самой себя произнесла она.

— Я так тебя люблю! — он вдруг начал целовать ее в губы, в щеки, в шею... «Какой сильно любящий мужчина», — хихикнула мысленно Лера и вдруг вспомнила свой давний вопрос, заданный подруге, когда Гошка с Маргошкой устроили гвалт и тарарам: «Кто все это выдержит?» — спросила она тогда. — «Кто-то очень любящий», — мудро ответила та.

Сопротивляться натиску этого соскучившегося любящего мужчины было просто невозможно, да ей и не хотелось. Напротив, хотелось совершенно обратного.

Когда Леша уехал, разворошив угли в ее потухшем семейном очаге, она вдруг ощутила, что пустота, которая преследовала ее в последнее время, вдруг заполнилась чем-то хорошим и

добрым. О его приезде напоминала белая хризантема в вазе на кухонном столе.

Вечером следующего дня он сообщил по скайпу, что сдал билеты в Томск, и они с Никитой прилетят 31 декабря.

— Встретишь нас? — радостно спросил он.

— Все вместе придем встречать, — она была ужасно рада этой новости.

Лера заранее приготовила традиционную новогоднюю селедку под шубой, сварила холодец и все необходимое для оливье. После полуночи на их семейный праздник обещали заглянуть Миша и Настя, которые договорились встретить Новый год у Настиных родителей. Они готовились сообщить сразу две важных новости: о том, что они скоро поженятся и о том, что у них будет ребенок.

«Как все кардинально изменилось, — думала Лера, подъезжая с ребятишками к зданию аэропорта. — В прошлом году в этот же день встречала Ричарда, в этом — Лешу с Никитой... Все откуда-то прилетают, как птицы. Свататься к цапле, — с улыбкой вспомнила она свою сказку о цапле и аисте. — Только на этот раз аист совсем другой, хоть и тоже летит с ребенком. Но вовсе не для того, чтобы оставить его и скрыться навеки». Она вдруг со смехом подумала, что мужчина с фамилией Соколов по определению не может быть подобным аистом-почтальоном.

Дети, встретившись после долгого перерыва, пока родители ждали багаж, тут же стали радостно бегать друг за другом . Лера смотрела на эту идиллическую картину и думала о том, что вот оно — ежедневное счастье, которого мы не замечаем, и что радоваться надо каждому моменту, когда рядом — любящие люди.

***

Эти десять новогодних дней решили многое. Лера лишний раз убедилась в том, что Алексей переменился: стал интереснее и живее. В нем практически не осталось того, что раньше напрягало ее. Тот его внезапный приезд перевернул что-то в ее душе, и рычаг положительных эмоций, который почему-то вдруг заело у нее

в сентябре, стал поворачиваться в нужную сторону. Леру радовало, что Никита обращается по разным пустякам к ней даже чаще, чем к отцу. Появление этого мальчика в их семье изменило в лучшую сторону отношения между Георгием и Маргаритой. Теперь у Гоши появился старший товарищ, с которым ему было интересно играть. Когда детей стало трое, произошла своеобразная расфокусировка, и брат с сестрой стали ссориться гораздо реже.

Накануне отъезда Алексей осторожно поинтересовался у Леры, что она решила насчет его предложения.

— А брачный контракт ты уже составил, где указал, сколько будем сексом заниматься?

— Нет, все времени не было, — улыбнулся он. — Может, пусть ненормированным будет?

Он повторил шутку, когда-то сказанную ею самой, перед тем как она собиралась замуж за Артема.

— Ладно, — легко согласилась она, сама не поняв, ответила ли она «да» на его главный вопрос.

Эти новогодние ночи после столь долгого перерыва были такими нежными и страстными, что ей грустно было его отпускать. Они, в самом деле, должны были что-то решать. Он был нужен ей как муж и как отец детям, а она была нужна ему как жена и мать для его ребенка. Теперь их разделяло только расстояние. Кто-то из них должен был пойти на компромисс.

Лера была не готова расстаться с любимым городом, работой и квартирой. Но самой главной причиной было то, что она не любила Москву с ее огромными проспектами, шумом и суетой. В Питере Лера чувствовала себя намного уютнее. Этот город давно стал ей родным. Алексея же держала в Москве хорошо оплачиваемая работа. Так они проездили друг к другу в гости еще полгода, пока Никита не закончил второй класс. В марте Алексей настоял, чтобы они пошли и подали заявление на регистрацию брака во Дворце бракосочетания. В этом же дворце когда-то прошла ее первая свадьба. Молодые люди пришли поздно, и все лето было уже забито под завязку, лишь несколько дат оставалось в мае.

— Смотри. 27 мая. Чем тебе не дата? День города.

— Ты предлагаешь день рожденья Георгия, Маргариты и Петербурга превратить еще и в годовщину нашей свадьбы?

— Да. И в нашу честь в этот день в Питере каждый раз будут давать салют.

— Не слишком ли много праздников в один день?

— Но это же прикольно! — Леша воспользовался ее же доводом, которым Лера всегда убеждала сделать что-либо, и она не нашла, что ему возразить. Бурча себе под нос, что жениться в мае — плохая примета, она подписала заявление, после чего отчего-то почувствовала значительное облегчение.

На этот раз Лера решилась сменить фамилию. Подруги убедили ее, что это поможет ей почувствовать себя совершенно по-новому. К тому же забавная перспектива переродиться из Воробьевой в Соколову ей понравилась. Образно говоря, они и в самом деле были птицами, нужно было лишь найти направление для совместного полета.

— Ну вот, выполняю обещанное, — сказал Алексей, когда они вышли из Дворца, и торжественно надел на ее безымянный палец колечко. — Теперь ты — официально обручена.

— Ой, слово-то какое — обручена... — Лера рассматривала классическое кольцо, какое сама никогда бы себе не купила. Ей нравились всякие необычные вещицы, а интересных обручальных колец, по ее мнению, ювелиры делать еще не научились. Но она с улыбкой поблагодарила своего жениха, ведь, что бы то ни было, в любой женщине генетически запрограммировано ощущение пронзительной радости, которую та должна испытывать, когда ей дарят обручальное кольцо.

Территориальная проблема решилась совершенно неожиданно. Накануне их бракосочетания Алексею на работе сообщили о решении отправить его с командой открывать офис в Сочи и набирать кадры для строительства нескольких олимпийских объектов в Красной поляне, на которые их фирма недавно выиграла тендер. В ближайшие годы во время подготовки к Зимней Олимпиаде-2014 он должен будет жить в Сочи, где их компания, помимо заработной платы, обещает оплачивать аренду квартиры.

— Шеф сказал, что если я поеду с женой и детьми, они готовы оплачивать трехкомнатную.

— Сочи, говоришь... Соблазнительно. Море, солнце... — мечтательно сказала она. — Сколько лет думаю детей куда-нибудь на море вывезти, и все никак. А тут — жить на море! Даже не верится...

— Ну что, едем? Я без тебя не хочу. Мы и так раз в неделю видимся, а если я буду в Сочи, а ты — в Питере...

— А нашу квартиру — сдавать?

— Да.

— Черт, как неожиданно все. А что я там буду делать?

— Летом — с детьми на море отдыхать, а к осени, может, найдешь работу. Или будешь детьми заниматься и книжку писать, как хотела, а денег нам и так хватит.

— Я должна подумать... — ответила Лера.

Но судьба уже все продумала за нее. Не прошло и недели, как Лере предложили работу в пресс-центре Олимпийского комитета. «Правда, для этого придется переехать в Сочи», — добавил знакомый, который позвонил ей с этим вопросом.

Пазл складывался сам по себе.

— Когда все так складывается, одно к одному, значит, надо ехать, — уверенно сказала Аня, когда Лера сообщила ей последние новости. На этот раз подруги говорили не по телефону, а встретились в кафе на Невском, где заказали по коктейлю «мохито».

— Мне безалкогольный, пожалуйста, — попросила Лера официанта.

— Что это с тобой? — удивилась Аня.

— Я себе пообещала.

— Лерка, это не ты.

— Знаю, что не я. Я уже давно не я. Решила, что раз Леша изменился ради меня, я тоже должна измениться в лучшую сторону. Видишь, какая я стала приличная, сил нет, — хихикнула она.

— Что, неужели все-все сомнения позади? — поинтересовалась Анна. — Так прямо как рукой сняло?

— Ну, почти. — честно ответила Лера. — Иногда, бывает, что-то находит, но как подумаю, насколько полнее и правильнее стала моя жизнь с ним, так все они отступают куда-то. Как пауки из темноты, если на них фонариком посветить. Иногда у меня уже тоже такое ощущение, что я не контролирую ситуацию, жизнь как будто сама перетасовывает колоду карт и вытаскивает ту, которая мне необходима в данный момент. У меня стойкое чувство, что с ним у нас будет много интересного! Да и он то же самое чувствует, как-то сказал: «Кто знает, куда нас с тобой жизнь забросит...» Его, оказывается, как и меня, давно посещала идея переезда, звал жену эмигрировать в Австралию, но та его не поддержала. Кто б меня так позвал... Есть в этой стране что-то притягательное: романтика и серфинги... У Земфиры — одна из моих любимых песен, — Лера вдруг запела: — Расскажи мне про Австралию. Мне безумно интересно. Может, в этом самом месте я решусь и брошу якорь....

— Лерка, во тебя несет! — рассмеявшись, перебила ее пение Аня. — Начните пока с малого, поезжайте для начала в Сочи. А там уже на месте сориентируетесь, куда дальше. Может, жизнь сама тебя опять куда-нибудь позовет. Прямо завидую тебе: некоторые мучаются принятием решений, а у тебя как-то все само складывается...

— Получается, так, — Лера довольно улыбнулась.

— Хорошо, что так. Хоть перестала жить прошлым. Ты уже похоронила свою идею-фикс, чтобы Артем непременно с Гошей встретился?

— Просто отпустила. Но осталось ощущение, что жизнь сама вытащит эту карту в самый неожиданный для меня момент.

— Ты все-таки этого хочешь?

— Не знаю. Теперь-то уже зачем? Я просто чувствую, что мы когда-нибудь все равно встретимся. Но мне лучше об этом не думать. У Гошки и так столько пап!

— А сколько пап? — удивленно поинтересовалась Аня.

— Ну, смотри, — поставив на стол бокал с мохито, Лера стала загибать пальцы: — Артем — биологический — раз, Олег — официальный — два, Володя — крестный — три, Леша — как

настоящий и заботливый — четыре. И еще один не то чтобы отец, но друг, можно засчитать за четыре с половиной.

— Кто эта половинка?

— Илья. Они с Максом вернулись в марте из Индии. Мы виделись. Гошка его сразу узнал, обрадовался. Но он за этот год уже очень к Леше привык, тот ему как отец. В шахматы его играть научил, играют теперь по очереди друг с другом: он, Гоша и Никита. А Рита так вообще Лешу время от времени папой называет...

— Лерка, так это же замечательно! А ты мне, кстати, не рассказывала о том, что Илья вернулся, — как будто упрекнула подруга.

— Это еще одна моя перемена: решила меньше болтать. Но, как видишь, все равно не сдержалась, — рассмеялась Лера.

— И как у них дела?

— Все хорошо. Фильм сняли про свое долгое путешествие. Сказали, будет называться «Трехмерная Индия. Пролетая над сном и явью». Вдвоем объездили больше шестидесяти городов, в каждом поненожку пожили. Я заходила к ним, они фотографии показывали — красотища! Кстати, Макс мне сказал, что я все правильно сделала: Леша — тот самый человек, с которым нам еще много предстоит пережить вместе.

— Все-то они, медиумы, знают, — по-доброму улыбнулась Аня. — А с Ильей как встретились? Остались к нему какие-то чувства? — полюбопытствовала она.

— Знаешь, как ни странно, только дружеские. Прежних нет. Так что, можно сказать, вступаю в новую жизнь с чистой совестью!

— Что ж, удачи! — подруги чокнулись бокалами с мохито.

— Ты на свадьбу-то приходи! Она у нас необычная будет.

— В чем необычность?

— Мы решили устроить карнавал. У меня когда-то была мечта сыграть свадьбу в Венеции. Но раз не судьба, хотим сделать маленький венецианский карнавал в Питере. Так что приходи в маске! Даже наш главный редактор придет, сказал, у него есть подходящие к случаю плащ и шляпа.

— Ну вы даете!

— Да-да-да! Это будет строгий свадебный дресс-код. Даже без подарка можно, но без маски нельзя. А потом пойдем в ближайшую кафешку, закажем себе что-нибудь и выпьем по молочному коктейлю.

— Что, неужели даже ради свадьбы новыми принципами не поступишься?

— Ну... — засмеялась Лера. — Не знаю... Надо обсудить это с будущим мужем. Он тут в последний свой приезд пошутил что-то насчет общего ребенка, что, мол, не зря же ты уже с осени ни капли в рот не берешь, организм так отдохнул, что можно еще родить. Мол, ведь люди специально это делают, а я так... от испуга. Наговорила ему тогда ерунды по скайпу и дала себе обет безалкоголия.

— А ты-то сама еще ребенка хочешь?

— Да не знаю, Ань. Думаю, хватит нам троих. Это мы так, шутим.

— Смотри — дошутитесь, — засмеялась подруга.

— Ой, вечно ты... — отмахнулась от нее Лера. — Кстати, многое ведь сбылось из того, что Макс мне гадал: и человек с положением, и уезжаем вместе. Он ведь даже ребенка напророчил, вот детей и стало трое.

Свадьба Алексея и Леры получилась очень необычной и веселой. Несмотря на то, что в их свадебном карнавале участвовало всего двенадцать человек из круга друзей невесты, их маленькое шествие было видно и слышно издалека благодаря маракасам, которыми старательно трясли довольные дети.

Алексей улетел в Сочи первым через два дня после их забавной свадебной церемонии, оставив Никиту с Лерой. Ей предстояло завершить все дела со старой работой и переводом на новую, привести в порядок квартиру и найти приличных людей, готовых снять ее на длительный срок. У них уже были куплены билеты на поезд, и через две недели все четверо собирались отправиться вслед за главой их семьи, задачей которого было быстро найти подходящее жилье в Сочи.

— Снял, наконец! Трехкомнатную, — позвонил он, уставший, но счастливый, через неделю. — Знаешь, как улица называется?

— Как?

— Ты не поверишь! Голубые дали!

— Ничего себе! Выходит, мы нашли свои Голубые дали.

— Выходит, нашли. Жду вас, семья!

— Жди! Непременно будем!

До отъезда оставался один день. Чемоданы были почти собраны, квартиранты найдены, оставалось только купить в поезд еды и передать ключи новым жильцам. У Леры оставалось еще одно маленькое дело в центре города на улице Восстания: нужно было оформить доверенность, которую она оставляла на всякий случай для мамы, чтобы та могла от имени дочери дистанционно выполнять какие-то поручения.

С утра с ребятишками они вышли из дома, сходили в кино на мультик в 3D, и Лера, заняв очередь к нотариусу, оставила всех троих на детской площадке, которую ей должно было быть видно из окна. Мучить детей в очереди в офисе Лера сочла неправильным. Наказав Никите, как старшему, присматривать за малышней и оставив ему свой второй мобильный телефон, она свернула за угол дома, где находился офис. В этот момент мимо нее прошел какой-то мужчина, знакомая фигура которого заставила Леру вздрогнуть. Ей показалось, что это был Артем. Может, это был и не он, ведь она не видела его почти семь лет, а мужчина прошел мимо так быстро, что это вполне мог быть просто кто-то на него похожий. Сколько раз за эти годы он мерещился ей в таких вот — похожих... Если бы Лера хоть секунду подумала, стоит ли его окликнуть, он уже не услышал бы ее. А подумать она не успела.

— Артем! — Лера услышала свой голос как будто со стороны.

Мужчина обернулся.

Артем был подтянут, хорошо одет, в меру упитан и очень похож на свою фотографию — ту, что Лера использовала для газетной заметки: уверенный вид, слегка насмешливый взгляд серых глаз... Сейчас он был еще и слегка ошарашенным.

— Привет, — сказала она.

Сколько раз Лера в первые три года жизни Гоши представляла их встречу, заглядывая в глаза сына, так похожие на эти! Ей почему-то казалось, что, увидев ее, бывший муж бросится наутек. Теперь, когда они стояли друг напротив друга не в ее воображении и не в ее сне, Лера совершенно не знала, что ему сказать и ругала себя за то, что окликнула его. Ведь она ни разу не окликала ни одного из тех, кто был на него похож... «Вот тебе и я — не я... Все равно я — это я. Не смогла промолчать. Никогда не умела. Замужняя женщина, называется...»

— Вот это встреча... — Артем первым начал разговор. — Как дела? Что нового?

— Завтра уезжаю жить в Сочи, — сказала она то, что сразу пришло ей в голову. — Готовиться к Олимпиаде.

— Волонтером?

— Зачем волонтером? За деньги работать будем. Я в Комитете, а муж — на стройке в Красной поляне.

— Муж? В последних новостях ты сообщала, что развелась.

— Недавно снова вышла.

— И кто у нас муж? — спросил он с легкой усмешкой.

— Хороший человек.

— Ну да, ну да... Видимо, правда, хороший: женился на женщине с детьми, — Артем как будто о чем-то задумался. — И это — не Миша?

Лере показалось, что в интонации, с которой он задал вопрос, проскользнула ревность.

— Нет, не Миша, — улыбнулась она. — Миша женился на моей подруге Насте, у них сын скоро должен родиться. Жаль, что вы больше не общаетесь. Вы же были друзьями...

— Не будем об этом, — отмахнулся он. — Слушай, а если у тебя все так хорошо, зачем ты тогда до сих пор мне пишешь?

Лера была совершенно ошарашена этим вопросом.

— Что я тебе до сих пор пишу?..

— Смски шлешь, что ты беременна.

— Артем, ты здоров? — поинтересовалась она. — Какие еще смски, у меня даже нет твоего телефонного номера. Я удалила

его сразу после нашей последней переписки. — Лера смотрела на него, как на умалишенного. «Какое счастье, что мы расстались, — думала она в этот момент. — Ничего ж не изменилось!»

— Хочешь сказать, что это не ты? — его лицо приобрело такое выражение, словно он старательно пытался прокрутить в голове, кто еще мог ему писать. Судя по всему, до сих пор он был действительно уверен в ее авторстве. — А стиль совершенно твой... — это прозвучало как-то потерянно. Артем как будто был огорчен тем, что догадался неправильно. Все его злорадство тут же куда-то делось.

— Представь себе, это — не я. Зачем мне, замужней женщине, писать такие глупости? Мне, полагаешь, больше делать нечего? Ты вспомни хорошенько, у кого есть повод их писать, и думай на них. Мне бы и в голову не пришло сообщать о таком мужчине, с которым у меня почти семь лет ничего не было — это просто нелогично.

На его лице снова отобразились какие-то мыслительные процессы, в результате которых он, похоже, пришел к выводу, что Лера говорит правду.

— Давай зайдем кофе, что ли, попьем? Тут неподалеку есть одно хорошее местечко, я угощаю, — совершенно неожиданно предложил он.

Все в ней хотело согласиться, но дети, оставленные на детской площадке, и перспектива пропустить очередь к нотариусу были вескими причинами этого не делать. И еще одной — самой веской — было то, что им, похоже, совершенно не о чем было разговаривать. Слушать еще какую-нибудь ерунду ей не хотелось, а свою отболевшую уже почти тему она начинать боялась, чтобы не нарваться на грубость. Но, понимая, что это — последний шанс, все-таки решилась:

— У меня есть альтернативное предложение. У меня тут за углом дети на детской площадке играют, давай дойдем туда.

— Зачем? — мгновенно напрягся он.

— Познакомлю тебя с одним мальчиком по имени Георгий.

— Зачем?

— Пожмешь ему руку.

— Зачем? — как попугайчик, повторил он в третий раз.

После того, как она завела свою «старую песню», взгляд его стал серьезен.

— Да просто так! Просто увидишь его хотя бы раз в жизни.

— Лера, дорогая, давай уже поставим все точки над «i». Сколько лет этому ребенку?

— Шесть.

— А должно быть — девять.

— Что ты имеешь в виду?

— То, что мы развелись с тобой в 2000-м году. А сейчас — 2009-й, — он произнес это так цинично и спокойно, что у нее по коже пошли мурашки.

— Ах, вот ты о чем! Это и есть те самые «свои подсчеты»? А я-то терялась в догадках... Ну, понятно... То есть, по твоим словам, у нас не было никаких встреч после развода, и я тебе никогда не сообщала о том, что беременна?

Он нахмурился, будто силился что-то вспомнить.

— А разве сообщала?

— А разве нет?

— Я не помню, — похоже, бывший муж действительно не помнил этого.

Но как можно такое забыть? Лере это было непонятно.

— Ты действительно не помнишь, как в октябре 2002 года мы встречались в кафе на Караванной и я показала тебе тест на беременность?

У Артема был очень удивленный вид. В его взгляде бежала строка «Сочиняй, сочиняй...»

Лера была в замешательстве: «А вдруг он правда так хотел забыть, что забыл?..» — она решила напомнить ему какую-нибудь деталь той встречи, которая могла бы освежить его память.

— И ты не помнишь, как дал мне по моей просьбе носовой платок, сказав, что я буду за мать, если у меня даже для себя носового платка нет?

Артем продолжал качать головой с сочувствующей улыбкой и все той же бегущей строкой в глазах.

— Психологи это называют вытеснением, — не зная, что еще ему сказать, выдала Лера.

— А еще у них есть термин «придуманные ситуации», — не остался в долгу ее собеседник. — И когда ты повзрослеешь?.. — добавил он по-доброму снисходительно.

В Лере все закипело от возмущения от этого вопроса и тона, каким Артем его произнес, но она быстро взяла себя в руки и спросила с точно такой же интонацией:

— А ты уверен, что ты — повзрослел?

Он вдруг дружелюбно улыбнулся и пошел на компромисс:

— Ладно, давай считать, что мы оба остались детьми.

— Пожалуй, так и есть, — Лера продолжала переживать, что затеяла этот бессмысленный разговор, взволновавший ее так, что руки, которые она засунула в карманы, дрожали.

— Ты, если хочешь что-то доказать, подавай в суд, и пусть суд назначает установление отцовства по анализу ДНК. Если все подтвердится, подпишем договор, и я буду платить алименты.

— Артем, если бы мне было нужно только это, я давно бы это сделала.

— А что же тебе было надо все эти годы?

— Ты не поверишь, но — человеческое участие.

— Извини. Не поверю, — отрезал он.

Лере было все труднее продолжать эту тему, и она решила закругляться. Хотя вся их беседа заняла не более пяти-семи минут, материнское сердце уже довольно сильно волновалось за детей, ведь Лера думала, что, свернув за угол, просто взбежит вверх по лестнице и будет наблюдать за ребятишками из окна.

— Ну, а у тебя, как я вижу, тоже все отлично... — сказала она на прощанье бывшему мужу.

— Да, у меня собственный портал, приносит неплохой доход, на днях переезжаю в Москву.

— Не женат?

— Ни в коем случае, зачем это мне надо?

— Чтобы знать наверняка, кто от тебя беременный, — не удержалась от шутки Лера. — Ладно, слушай, мне уже надо бежать. Я так очередь свою пропущу, — она махнула рукой в сторону соседнего дома, в котором находилась нотариальная контора, и поймала какой-то странный взгляд Артема, проследивший за ее правой рукой. — Рада была повидаться.

— Да уж, никогда даже и подумать не мог, что мы с тобой еще когда-нибудь будем вот так спокойно разговаривать.

— Я рада, что ты убедился, что я не монстр. Ну, пока?

— Пока.

И каждый из них продолжил свой путь.

Лера не знала, что чувствовал Артем после их встречи через столько лет, но ощущение, оставшееся у нее, было довольно неоднозначным. С одной стороны, она, наконец, как и хотела, посмотрела ему в глаза. С другой — ее как будто только что облили грязью, и винить в этом она не могла никого, кроме самой себя.

Сердце ее продолжало стучать, а руки все еще немного дрожали. «Означает ли такая реакция то, что у меня к нему остались какие-то чувства? — задумалась Лера и тут же сама себе ответила: — Нет. Нет у меня никаких чувств, кроме сожаления о том, что этот взрослый дяденька до сих пор остался таким дитем. Да, красивый. Да, остроумный. Но кому от него тепло? Периодически каким-то девушкам, что потом развлекаются, посылая ему подобные сообщения. А может, это не шутка и где-то такая же дурочка, какой была когда-то я, пытается привлечь к себе его внимание? Кто знает, что там на самом деле...»

Лера вдруг поняла, что все это ей совершенно все равно. Теперь у нее был любящий муж, который ждал ее и детей, обустраивая их будущее жилище. Она решила, что непременно расскажет Леше об этой встрече, ведь они еще до свадьбы договорились, что между ними не будет никаких секретов. Муж-друг, с которым можно быть откровенной и не бояться осуждения — это был предел ее мечтаний. И как она сразу не разглядела в нем его?

Взбежав с этими мыслями вверх по лестнице, Лера выглянула в окно, чтобы убедиться, что с детьми все в порядке. Гоша с Ритой мирно играли в песочнице, а Никита тренировался на турнике. Она была следующей в очереди к нотариусу. Перелистывая документы, Лера вдруг поняла, почему Артем так пристально смотрел на ее руку. Точно! Ведь на ней блестело новенькое обручальное кольцо.

***

Это был первый глобальный переезд в жизни Леры. Решение ехать поездом было правильным, ибо багажа набралось столько, что провожать ее пришлось на двух машинах: Илья, Макс и Володя помогали затаскивать вещи в вагон. Попрощавшись с друзьями и пригласив всех в гости на море, Лера мысленно сказала «прощай» городу, где оставляла целый чемодан со своим прошлым: легкомыслием юности, бывшими мужьями, дурацкими надеждами, сомнениями, слезами и серой питерской погодой, которую всегда ненавидела. Впереди ждало море и солнце.

Она снова была с детьми в поезде, но на этот раз он вез их в новую жизнь. И детей было уже не двое, а трое. Они вместе ели традиционную дорожную еду: колбасу, помидоры и лапшу, которую Георгий и Маргарита, как обычно, потребовали немедленно, лишь только заняв свои места. Дети хрустели печеньем, запивая его лимонадом, и играли в слова и в шашки. Маргарита всех смешила своими вопросами.

— Смотрите — гуси! — прильнув к окну, прозвенела она. — Мам, а почему гуси щиплют траву? Разве бывает гусиное молоко?

Никита терпеливо пытался научить девочку правилам игры в шашки, но та, еще маленькая, все время делала неправильные ходы. Георгий, свесившись с верхней полки, положил руку на макушку сестре и с большим значением произнес:

— Я хочу наполнить тебя умом!

Наблюдая из клетки за семейной идиллией, фирменным попугайским треском ситуацию прокомментировал Шалом, который все еще не научился произносить свое имя.

Лера, глядя на лицо ее старшего, девятилетнего, ребенка, сказала:

— У меня такое странное ощущение, Никита, словно я знаю тебя давно-давно. Как будто я видела тебя во сне, еще до того, как мы познакомились.

— Ты мне тоже недавно снилась, — вдруг произнес мальчик.

— Да? Интересно! И что тебе снилось?

— Мне снилось, как будто ты держишь в руках связку больших цветных воздушных шаров, которые тянут тебя в небо. И как будто ты вот-вот оторвешься от земли, а я прошу: «Мама, не улетай!»

Он произнес это так серьезно и посмотрел на нее таким пронзительным взглядом, что на глаза у Леры мгновенно навернулись слезы. Ребенок как будто ждал ее реакции, ведь он впервые произнес это слово — «мама». Лера не знала, что сказать, ее переполняли эмоции. Она просто пересела на его полку, обняла Никиту за худенькие плечики и крепко прижала к себе. Этот ребенок стал для нее тем, которого она не родила девять лет назад. Она вспомнила, как беременная ездила с Виктором в Сочи и мечтала о том, как станет матерью. А теперь она снова едет в Сочи, уже с тремя детьми...

— Я никуда не улечу, Никита, — пообещала она. — А если и соберусь, то мы улетим все вместе. Обещаю.

Ночью, когда все дети уснули, Лера долго смотрела в темное окно, улавливая силуэты домов, деревьев и фонарных столбов, мимо которых проносился поезд. На крючке над ее полкой висел новенький белый ангел из папье-маше. Она купила его в день отъезда на вокзале, взамен того, что когда-то подарила своему американскому жениху. У этой маленькой бумажной девочки с белыми крыльями была какая-то необъяснимая энергетика, от которой Лере становилось очень хорошо. С ней она будто чувствовала себя в безопасности.

Под стук колес, которые уносили ее в голубые дали, Лера думала о том, как важно иметь мечту. Даже не мечту, а уверенность в том, что все непременно будет так, как хочется. И как

важно иногда сдерживать своим эмоции и не дать им разрушить то, что само идет тебе в руки.

«Что, если я оттолкнула бы Лешу, и рядом со мной не было бы ни его, ни этого ребенка, которого, мне кажется, я уже люблю почти так же, как своих? Как бы складывалась моя жизнь без них?..»

Но этой жизни уже не было. Она пошла по определенному пути, с которого ей было уже не свернуть. Теперь на нее смотрели еще две пары доверчивых любящих глаз, и она не могла предать их доверие.

«Интересно, это мне все-таки Бог помог или волшебное зелье сработало?», — вспомнив Гошкины словесные и кулинарные шедевры, с улыбкой подумала Лера.

После моих историй
Перевернулось море,
Но кто-то придумал сушу,
И стало лучше само собой...

Слова этой песни весь прошедший день вертелись у нее в голове. Когда мысли, наконец, утомили Леру и она уснула, ей снова приснился все тот же сон, как будто сидит на облаке. Лера обернулась в поисках Алексея, но его не было, вместо него рядом с ней сидела девушка с большими белыми крыльями. Лицо девушки-ангела было так похоже на ее собственное, словно это была ее сестра-близнец.

— Это сон. Ты мне снишься. Ангелов ведь не бывает? — уточнила Лера.

Глаза девушки смеялись.

— Мне кажется, я тебя уже видела. Наверное, тоже во сне. Почему ты молчишь? Скажи что-нибудь!

— Нам не разрешают разговаривать с теми, кого мы охраняем, — вдруг все-таки ответила та.

— Но это же сон! А во сне все можно. Значит, ты — мой ангел-хранитель? — Лера была настойчива.

— Да, Валерия, — сдалась девушка с крыльями. По ее ответу Лера не поняла, назвала она ее имя или свое. Она вдруг ужасно обрадовалась обстоятельству, что разговаривает с анге-

лом и, все еще осознавая, что спит и видит сон, решила, пользуясь таким удачным случаем, задать самый важный вопрос, который так волновал ее в последнее время.

— Скажи мне тогда, я все сделала правильно? Это мой путь?

— Даже не сомневайся.

— А то, что было до этого?

— У человека много дорог. И он сам выбирает, по какой из них идти, наше дело — только направлять и подавать знаки. Ты молодец. Ты умеешь правильно их читать.

— А как быть с моей болью и повторяющимся сном о Гоше? Ты ведь наверняка знаешь о нашей встрече с его отцом.

— Это пройдет, — успокаивающим тоном ответила ангел. — Вам просто было суждено иметь ребенка, и он у вас есть. Дети даются людям не просто так. Души будущих детей порой выбирают родителей задолго до того, как ребенок появится на свет. Твоим детям было предначертано родиться именно от этих отцов, они выбрали их сами. Теперь у тебя есть именно этот сын и именно такая дочь. Остальное предоставь судьбе.

— Значит, все-таки есть судьба? Человек не всегда сам выбирает свою дорогу? Иногда выбирают его?

— Судьба есть. И человек тоже выбирает. И его выбирают. Главное — правильно балансировать, — загадочно ответила ангел.

— Может быть, приоткроешь завесу тайны и расскажешь что-нибудь о моем будущем, пока я вижу этот сон?

Ангел улыбнулась так, как будто была ее мамой, а дочка просила о невозможном.

— Не могу. Но ты не переживай, все непременно будет очень интересно. Ведь именно этот критерий для тебя — главный. Единственный совет, который я пока хочу тебе дать — не оставляй начатого. Пиши. У тебя все получится.

Лера счастливо вздохнула.

— Я так и не придумала, о чем писать книгу, все время бросаюсь от одной идеи к другой.

— Напиши о нас, — улыбнулась ангел. — О том, что тебе рассказал твой сын, о том, как души детей выбирают своих ро-

дителей и как мы, ангелы, пытаемся оградить людей от ошибок, которые они так старательно пытаются совершать.

— Но я же совершенно ничего об этом не знаю...

— Все люди подсознательно знают об этом, а с твоей интуицией остается только включить воображение. Ну и, может быть, я тебе в этом немножко помогу, когда мы еще раз встретимся во сне. Или тебе помогут в этом два других ангела — те, с которыми ты можешь пообщаться в любой момент. Они уже пытались рассказать тебе о твоей судьбе.

— Вы говорите такими загадками, у меня от них просто мурашки по коже...

— Я дам тебе маленький ключ к разгадке. Вспомни, что рассказывал о своих снах твой сын. Он ведь узнал ангела в его земном воплощении.

— Поезд прибывает на станцию «Горячий ключ», стоянка десять минут, — вдруг вклинился в сон чей-то голос, облака стали таять, ангел исчезла, и Лера открыла глаза. Она увидела людей с сумками, продвигающихся к выходу.

«Подъезжаем, — подумала она, прокручивая в голове увиденный сон. — Надо же, когда я просила моего ангела-хранителя прийти ко мне — он не приходил, а теперь — когда у меня все хорошо — пришел. Чудеса... И ведь Макс говорил мне, что мой ангел — женщина, а я не поверила...»

В Лериной голове вдруг возникла фраза: «Вас просто окружают ангелы...» Именно эти слова Макс сказал Илье. Гошины сны... Что он рассказывал? Убеждал всех, что они с Ильей летали. «Пролетая над сном и явью» — так решили назвать свой фильм об Индии Максим и Илья. И тот и другой действительно пытались предсказать ей судьбу: один — на картах, другой — по ладони. «Где твои крылья, которые нравились мне...» Именно эта песня играла в тот момент, когда к Илье как будто бы вернулась память. Неужели они... Предположение настолько поразило Леру, что она не могла уснуть и просто слушала мерный стук колес по шпалам, пытаясь связать реальность с тем миром, в который ненадолго погрузилась благодаря своему необычному сну.

Через несколько часов поезд выехал на линию морского побережья. Все трое ребятишек никогда не видели моря и с восторгом прильнули к окну. Перед ними открывались настоящие голубые дали.

— Мама, какое мойе — бойсёе! — восхищенно сказала Рита.

— Да, доча, море очень большое.

— А мы сегодня пойдем купаться? — озабоченно уточнила девочка.

— Обязательно! Видишь — люди купаются. И мы тоже будем.

Доехав до станции «Адлер» и сложив вещи в их новом трехкомнатном пристанище на улице Голубые дали, что была совсем рядом с железнодорожным вокзалом, они первым делом взяли купальники и отправились на море.

— Я уже тут все знаю. Сейчас искупнемся и зайдем в эту кафешку, съедим по шашлыку, отметим наш переезд. Я вас еле дождался! Работы хоть и много, но без вас все равно было так тоскливо! — жаловался обрадованный их приездом отец семейства.

Они впятером шли к морю, держа друг друга за руки: Лера-Леша-Никита-Гоша-Рита. Девочка еще в поезде сочинила песенку про море и громко исполняла ее в ожидании похвалы. Отдыхающие, пытаясь обогнать их то справа, то слева, ворчали, что те перекрыли весь путь. Но их квинтет это только забавляло — они не хотели разъединяться.

Черное море встретило их семью яркой синевой и целым аттракционом небольших волн, на которых дети катались, визжа от восторга.

— А давайте сыграем «Баба сеяла горох»? Как мы делали в Оськино, — предложил Гошка.

— Давайте! — радостно выкрикнула Рита.

— Давайте, — чуть спокойнее поддержал Никита.

Они взяли друг друга за руки, хором произнесли: «Баба сеяла горох, обвалился потолок — их-ох!» и синхронно нырнули под воду. Вынырнув по очереди, мокрые и счастливые, все весело смеялись, отплевываясь от соленой воды.

— Здравствуй, море! — звонко крикнула Лера, ударила ладонями по воде и рассмеялась. Вместе с летящими брызгами прыгнули во все стороны солнечные зайчики.

Я летел мимо с моими друзьями — другими, еще никому не принадлежащими душами. Нашей задачей было найти себе тех, кто станет нашими родителями. Я искал счастливых людей, которые любили друг друга. И вдруг услышал ее смех…

Беркли, Калифорния, 2013-2014